

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В НОМЕРЕ:

РУКОВОДИТЕЛЬ ЛЕНИНСКОГО ТИПА

СТАНОВЛЕНИЕ АППАРАТА НАРКОМПРОСА

НОВОЕ О ХРОНОГРАФЕ СО «СЛОВОМ
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ИДЕИ СЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ XVIII—XIX ВВ.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФОРУМ ПЕТЕРБУРГА

12

МОСКВА · 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

№ 12

ДЕКАБРЬ

1976

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Дмитриев — Руководитель ленинского типа 3

СТАТЬИ

- А. И. Фомин (Ворошиловград) — Становление центрального советского аппарата государственного руководства народным прощением 17
- И. И. Майданов — Чрезвычайные комиссии Белоруссии в 1918 году . 30
- Г. Н. Моисеева (Ленинград) — Новые материалы о Хронографе со «Словом о полку Игореве» 44
- О. Г. Зайцева — Возникновение и развитие международных межправительственных организаций 58
- И. И. Лещиловская — Концепции славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX века 75

ПУБЛИКАЦИИ

Малоизвестный источник по истории Северной войны. (Вступительная статья **В. Е. Шутого**) 93

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- С. Ю. Норейкене (Вильнюс) — Советско-литовские культурные связи 1920 — 1940 годов 112
- В. В. Волков, Э. А. Новгородова — Советско-монгольская историко-культурная экспедиция 132

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

Г. Г. Пайчадзе (Тбилиси) — Столетие со дня рождения И. А. Джавахишвили 140

Обзоры

А. Д. Горский — К 25-летию открытия берестяных грамот 141

Рецензии

- И. Е. Ворожейкин — «Рабочие Ленинграда. 1703—1975». Краткий исторический очерк 147
- Ф. К. Стоян (Киев), И. И. Слинько (Киев) — А. Ф. Чмыга. Колхозное движение на Украине (1917—1929 гг.). Очерки истории . 149
- М. Т. Белявский — «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» 152
- П. М. Калениченко (Киев), И. Л. Петрович (Минск) — С. М. Фалькович. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912) 155
- А. В. Адо — Гракх Бабеф. Сочинения в четырех томах. Том первый 157
- А. И. Борозняк (Липецк) — А. Б. Чернов. Профсоюзы ФРГ и борьба за интересы трудящихся. ОНП в первой половине 60-х годов 160
- Э. Ф. Коровина — Б. М. Мерин. Лагинская Америка: студенчество и революционный процесс 163
- А. А. Злобин, Р. А. Тузмухамедов — Г. В. Фокеев. Внешнеполитические проблемы современной Африки 165
- Новые книги 169
- Статьи в советских периодических изданиях 172
- О. Н. Вилков (Новосибирск), В. Н. Курилов (Новосибирск) — Советские историки рабочего класса и крестьянства Сибири . . . 174
- Хроникальные заметки 177

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

- В. Григорьев (Симферополь) — А. Линс. Миссия в Португалию . . 180
- А. И. Патрушев — «Либерализм и империалистическое государство» 182

По страницам зарубежных журналов

- Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 185
- Рецензии на советские издания 187
- Хроникальные заметки 188

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Ю. В. Кунец — Принятие фабричного акта 1874 г. в Англии . . . 191

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

- П. Я. Канн (Ленинград) — Революционный форум Петербурга . . 197
- Л. П. Рошевская (Тюмень) — Последний осколок приказной системы 203
- Н. Н. Розов (Ленинград) — Старейшая русская книга для чтения . 208

-
- Сведения об авторах 212
- Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1976 году 213
- Резюме статей на английском языке 222

РУКОВОДИТЕЛЬ ЛЕНИНСКОГО ТИПА

А. И. Дмитриев

Эпоха перехода от капитализма к социализму, начавшаяся в Октябре 1917 г., вызвала появление на исторической арене плеяды талантливых деятелей пролетарского движения, с новой силой подтвердив историческую истину, что ни один класс не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, способных организовать движение и возглавить его. Руководителям первого в мире государства рабочих и крестьян предстояли трудные поиски неизведанных путей строительства социализма. Однако в отличие от известных в российском освободительном движении деятелей, преданных делу революции, но не имевших условий для практического претворения в жизнь своих идеалов, им была предоставлена победоносной социалистической революцией «настоящая почва, настоящая база, настоящая обстановка, настоящая аудитория и настоящая пролетарская армия, где эти вожди могли проявить себя»¹.

На плечи тех, кто стал у руля руководства революционной Россией, легла ответственность не только за будущее страны, представляющей собой $\frac{1}{6}$ часть земного шара. Они взяли на себя ответственность за практическое осуществление вековых чаяний трудящихся всего мира об обществе без эксплуатации и угнетения человека человеком, за претворение в жизнь теории К. Маркса, научно обосновавшего неизбежность победы нового общественного строя, за прокладывание человечеству столбовой дороги к социализму. На выполнение этих невиданных по масштабам задач повели трудящихся России партия большевиков, ее создатель и вождь Владимир Ильич Ленин. Гигантский ум, энциклопедические знания позволили ему научно осмыслить новые явления общественной жизни, дать ответы на назревшие вопросы эпохи, разработать впервые в мировой истории план практического построения социализма в одной стране, в конкретных условиях российской действительности увидеть и обосновать общие закономерности движения к социализму, создать теорию социалистического строительства.

В ходе выполнения национальной и великой интернациональной миссии вокруг В. И. Ленина сплотилось ядро руководителей, способных повести за собой к намеченной цели широкие народные массы. Основные отличительные черты руководителей нового, социалистического типа сформулированы в трудах В. И. Ленина: беззаветная преданность делу революции, непререкаемый моральный авторитет, замечательный организаторский талант, неразрывная связь с массами.

Наиболее полное и цельное выражение эти черты нашли в Я. М. Свердлове — прекрасном типе профессионального революционера, прошедшем суровую школу царских тюрем и ссылок, ставшем в ходе социалистического строительства крупнейшим организатором масс. Поистине народным вожаком был М. И. Калинин — бывший тверской

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 75.

крестьянин, затем кадровый питерский рабочий, участник трех революций, профессиональный революционер. По рекомендации В. И. Ленина он был избран на высокий государственный пост Председателя ВЦИК и в течение 27 лет бесменно возглавлял верховный орган Советской власти, своей неустанной заботой о благе народа снискав искреннее уважение и горячую любовь всех трудящихся.

Великая Октябрьская социалистическая революция продемонстрировала народную глубинность, неисчерпаемость своих источников, выдвинув таких талантливых организаторов масс, как Ф. Э. Дзержинский, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, как многие десятки и сотни партийных и советских руководителей, имеющих практическое знание жизни, организаторский талант, закаленных в борьбе и умеющих преодолевать трудности. Многогранная, полная революционной страсти, пафоса созидания жизнь и деятельность В. И. Ленина и его соратников служила и служит примером для последующих поколений строителей социализма и коммунизма. «Ленин, те, кто сражался и победил вместе с ним, были и остаются для нас, большевиков эпохи строительства социализма и коммунизма, вдохновляющим, немеркнущим идеалом»², — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на торжественном заседании, посвященном 70-летию II съезда РСДРП.

Эпоха развитого социализма с ее возросшими масштабами экономических, политических, социальных задач выдвинула новые требования к партийным и государственным руководителям, к их эрудиции, кругозору, умению своевременно и правильно оценивать новые явления общественной жизни, к их человеческим качествам. «В наши дни, — указывал Л. И. Брежнев, — для того чтобы руководить, нужно быть всесторонне подготовленным, хорошо эрудированным человеком, иметь широкий политический и культурный кругозор. Необходимо знать производство, глубоко разбираться в вопросах экономики, процессах и явлениях общественной жизни. Всех руководящих работников должны отличать единство слова и дела, тесная связь с массами, любовь к людям, ленинская простота, отзывчивость и доступность. Это одно из важнейших слагаемых их высокого авторитета в массах»³. Ленинская партия вырастила и выдвинула к руководству различными участками партийной и государственной работы высококвалифицированных, энергичных людей, беззаветно преданных делу коммунизма, пользующихся заслуженным авторитетом и уважением народа. Они воплощают в себе волю и разум советского народа, успешно ведут его к осуществлению исторической миссии — построению коммунизма.

Замечательный жизненный путь: от рядового рабочего на металлургическом заводе до Генерального секретаря ЦК самой авторитетной в мире Коммунистической партии, путь большевика-ленинца эпохи строительства и упрочения развитого социализма, находящегося на переднем крае преобразующей, созидательной деятельности советского народа, прошел Л. И. Брежнев. Поколение первопроходцев социалистического строительства, к которому он принадлежит, формировалось в годы гражданской войны и интервенции, коренного преобразования отсталой, аграрной России в новую, индустриально-колхозную державу. Сложную науку жизни, классовой борьбы он начал познавать на Каменском металлургическом заводе, куда пришел 15-летним подростком, где вступил в Коммунистический союз молодежи. После окончания землеустроительно-мелиоративного техникума он попадает на передний край борьбы с кулачеством, занимаясь землеустройством новой деревни в Белоруссии, Курской губернии и на Урале. На родной завод Л. И. Брежнев возвращается после окончания металлургического института и трудится здесь инженером, начальником цеха, принимает активное уча-

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М. 1974, стр. 204.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 2. М. 1973, стр. 181.

стие в партийной работе. В 1939 г. он избирается секретарем Днепропетровского обкома партии и ведает вопросами оборонной промышленности.

С первых дней Великой Отечественной войны Л. И. Брежнев ведет большую организаторскую и политическую работу в Действующей армии, с оружием в руках защищает Родину от гитлеровских захватчиков, участвует в великой миссии освобождения народов Чехословакии, Польши и Венгрии от фашистского ига. Сражавшиеся вместе с ним бойцы и командиры уважали его за выдержку, личную отвагу, умение вдохновлять на подвиг.

После окончания войны партия использует знания, опыт и большие организаторские способности Л. И. Брежнева в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства Запорожской и Днепропетровской областей, Молдавской ССР, где он последовательно возглавляет областные и республиканскую партийные организации. В годы восстановления первенца социалистической индустрии легендарной «Днепрогэс», гиганта металлургии «Запорожсталь», коренного преобразования народного хозяйства Молдавии раскрывается талант Л. И. Брежнева как крупного организатора, партийного и государственного деятеля. В период борьбы партии и народа за освоение целинных и залежных земель он находится на переднем крае битвы за хлеб, возглавляя партийную организацию Казахстана. В последующие годы Л. И. Брежнев занимает ответственные посты в Центральном Комитете партии, является Председателем Президиума Верховного Совета СССР, секретарем ЦК КПСС.

На историческом для партии и страны октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев был избран Первым секретарем ЦК КПСС. Под его непосредственным руководством Центральным Комитетом партии разрабатываются и осуществляются важнейшие меры по развитию ленинских норм партийного и государственного строительства, утверждению принципов коллективности в работе, перестройке управления народным хозяйством, укреплению дружбы народов, усилению обороноспособности Советского государства. С именем Л. И. Брежнева неразрывно связано решение ряда крупных задач принципиального характера: значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа, решительное повышение эффективности общественного производства на базе научно-технического прогресса, разработка долговременной ориентации экономической политики партии.

В многогранной партийной и государственной деятельности Л. И. Брежнева находят концентрированное выражение черты руководителя ленинского типа: беззаветная преданность идеалам коммунизма и делу мира во всем мире, широкий политический кругозор, умение своевременно и правильно оценивать новые явления общественной жизни, большой организаторский талант, неразрывная связь с массами, ленинская простота и отзывчивость. Л. И. Брежнев по праву стоит в ряду верных учеников и продолжателей дела Ленина, чья жизнь и деятельность служила и служит примером для строителей коммунистического общества.

Сила каждого нового поколения людей в том, что оно опирается на опыт предыдущих поколений, на достигнутые ими результаты. Вместе с тем на каждом новом этапе естественно, встают все более сложные задачи. Прогресс в социалистическом строительстве, указывал В. И. Ленин, состоит в том, чтобы «не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непрерывно дальше*, добиваться *непрерывно большего*, переходить непрерывно от более легких задач к более трудным»⁴. Этим ленинским принципом строго

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 196.

руководствуется Коммунистическая партия Советского Союза, на всех этапах социалистического строительства успешно выполняющая свою роль учителя, организатора и политического вождя советского народа. Опираясь на марксистско-ленинскую науку, она внимательно изучает новые факты и явления в жизни общества, дает им принципиальную классовую оценку, намечает с учетом изменяющейся исторической обстановки магистральные пути строительства социализма и коммунизма.

Ярким примером такого творческого подхода является деятельность Центрального Комитета КПСС, его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. В ней последовательно продолжается и развивается ленинская традиция использования богатейшего коллективного опыта партии и народа. «Для решения тех задач, которые стоят перед нами,— говорил Л. И. Брежнев,— мало сотен и даже тысяч умов, пусть самых лучших,— нужны умы миллионов, коллективная мудрость и опыт всего народа»⁵. Этот опыт, обобщенный коллективной мыслью партийного актива, теоретических кадров, синтезируется затем на съездах КПСС и закрепляется в партийных документах. Съезды ленинской партии представляют собой образец смелого творческого решения кардинальных вопросов современного общественного развития, вносят неоценимый вклад в теорию и практику научного коммунизма. Выработанная политика закрепляется большой организаторской работой, которую проводят партия — от райкомов и первичных организаций до Политбюро ЦК КПСС,— советские органы, профсоюзы и комсомол.

Эффективной организации такой работы способствуют выдающиеся личные качества Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, прекрасное знание им жизни, масштабное видение потребностей сегодняшнего дня, реалистическая оценка имеющихся достижений и возможностей, смелое предвидение открывающихся перспектив. В отчетных докладах ЦК КПСС съездам партии, с которыми выступал Л. И. Брежнев, в его речах на пленумах Центрального Комитета партии, в сборниках его выступлений «Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе», «О коммунистическом воспитании трудящихся», «О внешней политике КПСС и Советского государства», «Вопросы управления экономикой развитого социалистического общества», пятитомнике «Ленинским курсом» нашли выражение коллективная мысль и коллективная воля партии и народа в решении узловых проблем теории и практики социалистического и коммунистического строительства, мирового революционного процесса, международных отношений.

С каждым годом углубляется по содержанию и увеличивается по размаху многогранная деятельность Коммунистической партии Советского Союза — руководящей и направляющей силы советского народа. Это и решение крупнейших теоретических проблем социализма и коммунизма, и повседневная политическая работа, и руководство экономикой страны, и разработка сложнейших вопросов внешней политики, и осуществление этой политики в сложнейших условиях современного мира, и постоянное внимание к совершенствованию идейного воспитания народа, обеспечению несокрушимой обороны страны, укреплению братской дружбы всех народов нашей великой Родины. В этих условиях искусство партийного и государственного руководства состоит в том, чтобы концентрировать внимание на узловых политических, экономических и идеологических проблемах, выбирать среди важных задач наиболее важные, среди назревших вопросов первоочередные и в то же время заботиться о гармоничном развитии всего народного хозяйства, не

⁵ Л. И. Брежнев. Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе. Т. 1. М. 1975, стр. 219.

упускать из виду ни одной из насущных проблем общественного развития. Искусство партийного и государственного руководства состоит также в том, чтобы своевременно замечать трудности, сложности, противоречия различного характера, которые возникают в социалистическом обществе, как и во всяком развивающемся организме, в умении не закрывать на них глаза, а находить действенные методы их преодоления.

В гигантском многоплановом деле построения коммунизма партия выдвигает на первое место руководство экономикой, создание его материально-технической базы, что является самой сложной и самой творческой задачей после свершения социалистической революции. Характеризуя экономическую политику КПСС на современном этапе, Л. И. Брежнев подчеркивал, что ее сила — в научной обоснованности и реалистичности, в том, что ее стержнем является научно-технический прогресс, что она позволяет в полной мере реализовать преимущества социализма, обеспечить равномерное и уверенное продвижение нашей страны к коммунизму. На основе ленинской методологии партия анализирует главные тенденции экономической жизни страны, находит решение наиболее актуальных проблем коммунистического строительства. «За прошедшие годы,— отмечал Л. И. Брежнев,— были во многом конкретизированы пути создания материально-технической базы коммунизма. Мысль партии была направлена на разработку современных методов планирования и управления, способов повышения эффективности народного хозяйства, совершенствования материальных и моральных стимулов. Важное теоретическое значение имела разработка основных вопросов аграрной политики партии на современном этапе»⁶.

Невиданные ранее возможности открыло для человечества вступление его в век научно-технической революции, ставшей одним из решающих факторов общественного развития. Это потребовало от Коммунистической партии теоретического осмысления политических, социально-экономических аспектов научно-технической революции, определения путей ее органического соединения с преимуществами социализма. Наглядное представление о том, как решается эта наиболее важная задача нашей экономической стратегии, дают выступления Л. И. Брежнева по вопросам экономической политики КПСС на современном этапе. В них убедительно раскрывается, что научно-технический прогресс стал одним из главных фронтов исторического соревнования двух мировых систем, что достижения научно-технической революции в условиях социализма и капитализма служат различным целям.

Крупнейшие монополии капиталистического мира, многократно увеличивая свои ассигнования на научно-технические цели, не заботятся о нуждах трудящихся, развивают преимущественно отрасли промышленности, связанные с гонкой вооружений, где рассчитывают получить максимальные прибыли. Они связывают с использованием достижений научно-технической революции не только решение своих внутренних проблем, но и усиление экономической и политической экспансии в различных районах мира. Большая опасность заключается в том, что капитализм использует научно-техническую революцию в целях создания все новых видов оружия массового уничтожения, инспирирует и наращивает гонку вооружений, уже принявшую невиданные масштабы.

В условиях социализма плановое ведение хозяйства позволяет на современном этапе развивать все необходимые отрасли народного хозяйства, использовать достижения научно-технической революции для создания мощного экономического потенциала страны, для удовлетворения растущих материальных, духовных потребностей трудящихся.

⁶ Л. И. Брежнев. Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе. Т. 2. М. 1975, стр. 179—180.

Принципиальное политическое значение имеет тот факт, что в отличие от капиталистического мира, где господствуют конкуренция, дискриминация, социалистические государства развивают равноправное, взаимовыгодное экономическое сотрудничество, основанное на международном социалистическом разделении труда. Осуществляемая в последние годы странами — членами Совета Экономической Взаимопомощи широкая комплексная программа социалистической экономической интеграции объединяет их усилия, ведет к ускоренному овладению достижениями научно-технической революции. Говоря о первоочередной задаче ускорения научно-технического прогресса, Л. И. Брежнев с трибуны XXV съезда партии так определил роль и место научно-технической революции: «Мы, коммунисты, исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество»⁷.

Крупным коллективным вкладом в теорию марксизма-ленинизма, имеющим принципиально важное значение для определения перспектив коммунистического строительства не только в СССР, но и в других странах социализма, явилась разработка КПСС актуальных проблем развитого социалистического общества. «Все мы понимаем, товарищи, — говорил в речи на XI съезде Венгерской социалистической рабочей партии Л. И. Брежнев, — насколько важно правильное определение перспектив развития социалистического общества на каждом новом историческом этапе. С этой точки зрения огромное значение имело формирование коллективными усилиями братских партий на основе совместного опыта курса на создание развитого социализма, который осуществляется сейчас в большинстве социалистических стран с учетом присутствующих каждой из них особенностей»⁸.

Выступления Л. И. Брежнева по основным вопросам экономической политики КПСС на современном этапе позволяют проследить, как формулировался вывод о построении в СССР развитого социалистического общества: от характеристики отдельных черт зрелого социализма до четкого определения, данного в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии: «Самоотверженным трудом советских людей построено развитое социалистическое общество, о котором в 1918 г. В. И. Ленин говорил как о будущем нашей страны»⁹. Это огромной теоретической и практической важности положение получило дальнейшее развитие на XXV съезде КПСС, где в докладе Л. И. Брежнева была дана комплексная характеристика развитого социализма, качественно отличающегося от предыдущих этапов более высоким уровнем развития производительных сил, степенью зрелости производственных отношений, глубокими сдвигами в социальной структуре и политической организации общества, утверждением социалистического образа жизни, новой общественной морали.

Съезд дал впечатляющую картину роста экономической мощи Советского Союза. За годы девятой пятилетки объем промышленного производства страны увеличился на 43%¹⁰, значительно укрепилась материально-техническая база сельского хозяйства, осуществлена самая широкая в истории социальная программа. Материально-техническая база зрелого социализма позволяет одновременно обеспечивать как ускоренное развитие производительных сил, так и удовлетворение

⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 501.

⁸ Там же, стр. 266.

⁹ Л. И. Брежнев. Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе. Т. 2, стр. 125.

¹⁰ См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5, стр. 488.

растущих потребностей народа. Неизмеримо возросшие ресурсы дают возможность сделать то, к чему партия всегда стремилась: поставить рост благосостояния советских людей в центр практической политики партии.

Не меньшее значение, чем созданию материальных предпосылок коммунизма, придает Коммунистическая партия формированию духовного облика его строителей, воспитанию нового человека. Осуществляемая ею огромная повседневная организаторская работа в этом направлении приносит свои плоды. «Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия,— указывал Л. И. Брежнев,— это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неизменно изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом»¹¹. Новый, социалистический тип личности характеризуется высокой сознательностью, заботой об интересах общества и государства как о своих собственных, инициативой и активностью, чувством ответственности за судьбы своей страны. Крупным достижением является утверждение новой общественной морали, в которой по праву наследуются и развиваются гуманистические нормы, выработанные человечеством.

Наряду с экономическими и социальными преобразованиями, осуществляемыми в условиях зрелого социализма, совершенствуется социалистический образ жизни. Его черты охарактеризованы Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии: «Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими,— таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности»¹². Советский образ жизни все полнее и ошутимее проявляет свои преимущества перед буржуазным образом жизни, оказывая мощное притягательное воздействие на все прогрессивное человечество.

«Посвятить свою жизнь, отдать всю революционную страстность и энергию делу полного и окончательного торжества на земле идеалов мира, демократии и социализма — высший смысл жизни коммунистов»¹³ — в этих словах Л. И. Брежнева находит яркое выражение политика, неуклонно осуществляемая КПСС и Советским правительством на протяжении всего существования Советского государства. Генеральный курс советской внешней политики, определенный решениями съездов партии, ее Программой, хорошо известен народам мира. Он направлен на обеспечение мирных условий для построения социализма и коммунизма, на укрепление единства и сплоченности социалистических стран, на развитие интернациональной дружбы и сотрудничества с революционными, освободительными, антиимпериалистическими силами, на утверждение принципа мирного сосуществования государств с различными общественными системами, на избавление человечества от мировой войны.

Впечатляющую картину этой многогранной деятельности: от определения В. И. Лениным принципов, целей и главных направлений совет-

¹¹ Там же, стр. 548—549.

¹² Там же, стр. 548.

¹³ Там же, стр. 280.

ской внешней политики до разъяснения внешнеполитических акций последнего времени — дают выступления Л. И. Брежнева по проблемам внешней политики КПСС и Советского правительства. В них всесторонне раскрывается роль В. И. Ленина как основоположника внешней политики первого в мире социалистического государства, впервые в истории человечества соединившего теорию научного коммунизма с практикой ведения государственной внешней политики. Из этого сплава ленинской мысли и ленинского дела и родились те принципы и методы социалистического курса на международной арене, которыми коммунисты, ученики и последователи В. И. Ленина руководствуются и будут руководствоваться всегда.

Внешняя политика молодой Республики Советов с первого дня ее существования строилась на незыблемом принципе пролетарского интернационализма. Она органически сочетала обеспечение национальной задачи строительства нового, социалистического общества с осуществлением великой интернациональной задачи поддержки всех революционных сил мира. В лице первого социалистического государства международный рабочий класс обрел свою опорную базу, позволившую поднять рабочее движение на качественно новую ступень. В нем увидели своего надежного союзника народы угнетенных стран, поднявшиеся на борьбу за разрушение системы национально-колониального порабощения. В условиях раскола мира на две противоположные системы приобрела еще большее значение интернациональная солидарность трудящихся всего мира. Пробным камнем верности интернационализму является защита коллективными усилиями завоеваний социализма.

В. И. Ленину принадлежит заслуга теоретического обоснования принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем и руководства советской внешней политикой на начальном этапе внедрения этого принципа в практику международных отношений. Уже первый акт Советского государства — Декрет о мире, написанный В. И. Лениным, провозглашал строящуюся на этом принципе новую, невиданную в истории человечества внешнеполитическую стратегию, основанную на полном равноправии народов, уважении их суверенитета, объявляющую войну величайшим преступлением против человечества. Выразив свою готовность к активному экономическому сотрудничеству с капиталистическими странами, Республика Советов ясно указала реальную экономическую основу политики мирного сосуществования, основу, в которой в не меньшей степени заинтересованы капиталистические страны. В. И. Ленин писал: «Есть сила бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»¹⁴. Вместе с тем он указывал, что эта тенденция не проявляется автоматически, требует активной борьбы за ее реализацию.

История полностью подтвердила правильность ленинского предвидения, опровергла домыслы врагов социализма о том, что принцип мирного сосуществования является лишь тактическим приемом. Закончились крахом попытки организовать экономическую блокаду Советской России, бесславно завершился поход империалистических государств против молодой Советской республики. СССР сыграл решающую роль в разгроме фашизма, пытавшегося силой оружия уничтожить завоевания социализма, своим последовательным мирным внешнеполитическим курсом способствовал выводу человечества из трясины «холодной войны» на твердую почву взаимовыгодного политического и экономического сотрудничества. На всем этом сложном пути Коммунистическая партия руководствовалась как надежной путеводной нитью выработанными В. И. Лениным внешнеполитическими принципами, была верна им,

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 304—305.

творчески развивала их в изменяющихся исторических условиях и умело применяла в практической внешнеполитической деятельности. Проявляя настойчивость и последовательность в осуществлении принципа мирного сосуществования, партия вместе с тем никогда не смешивала его с пацифизмом, с «непротивлением злу», всегда решительно противодействовала агрессивным поползновениям империализма.

Выражая позицию КПСС и Советского правительства, Л. И. Брежнев неоднократно подчеркивал, что мирное сосуществование, процесс нормализации отношений между государствами, относящимися к различным социальным системам, не означают прекращения классовой борьбы между социализмом и капитализмом, установления «идеологического сосуществования». Советская внешняя политика проникнута глубокой заботой о благе советского народа и вместе с тем в полной мере отвечает интересам всех народов. Это — социалистический, подлинно интернационалистский курс. Буржуазный мир каждый раз убеждается в полной бессмысленности своих усилий, когда выдвигает требования идеологических уступок, отказа от коммунистической идеологии чуть ли не в качестве «обязательного условия» мирного сосуществования.

За прошедшие годы в корне изменились облик мира, соотношение классовых сил на международной арене. Руководящие буржуазные деятели все лучше понимают, что невозможно решить силой оружия исторический спор между капитализмом и социализмом, что «холодная война» изжила себя и нужна более разумная и реалистическая политика. Поэтому принцип мирного сосуществования ныне становится ведущей тенденцией в отношениях между государствами с различными социальными системами, закрепляется во многих официальных документах двустороннего и многостороннего характера, в политических декларациях. Магистральный путь развития ныне определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, революционные силы мира. Капитализм не в силах вернуть утраченные позиции, «переиграть» исторические битвы XX века. Продолжается неодолимое поступательное движение социализма, растет накал классовых битв международного рабочего класса, крепнет, ширится, одерживает все новые победы национально-освободительное движение.

Огромный личный вклад в разработку внешней политики Советского Союза, в осуществление практических мер по ее реализации, в сплочение всех антиимпериалистических сил вносит Л. И. Брежнев. Ему принадлежит большая роль в подготовке и проведении международных совещаний, многосторонних встреч руководителей коммунистических и рабочих партий. Эти форумы коммунистов являются эффективными формами развития интернациональных связей, позволяют успешно координировать действия в изменяющихся исторических условиях, проводить полезный обмен мнениями и опытом работы. Важным этапом на этом пути стали встречи Л. И. Брежнева с руководителями братских партий социалистических стран, на которых обсуждаются вопросы дальнейшего сотрудничества, определяются позиции в совместном проведении крупных международных политических акций. В решениях братских партий, принятых по итогам этих встреч, высоко оцениваются их результаты.

Большое значение имеет состоявшаяся в июне текущего года Конференция 29 европейских коммунистических и рабочих партий. Она приняла основывающийся на принципах марксизма-ленинизма итоговый документ — «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе». Участники конференции подчеркнули твердую решимость своих партий еще более тесно и сплоченно сотрудничать в борьбе за коллективно определенные цели и задачи. Конструктивный вклад в работу конференции, выработку конкретных рекомендаций внесла де-

легация Советского Союза, возглавляемая Л. И. Брежневым. «Наша партия, верная великим идеям пролетарского интернационализма,— заявил он,— никогда не отделяла судеб Советской страны от судеб других стран Европы и всего мира. И внешняя политика СССР, направленная на упрочение дела мира и свободы народов, и наша внутренняя политика, имеющая целью построение коммунизма, отвечают не только коренным интересам советского народа, но и представляют собой, мы в этом убеждены, наш вклад в общую борьбу коммунистов всего мира за лучшее будущее человечества»¹⁵.

Советский Союз с каждым годом увеличивает реальный вклад в создание материальной базы прочного мира. Только за последние пять лет его торговый оборот с капиталистическими странами Европы вырос в три раза. Расширяется культурный обмен: сейчас наша страна поддерживает культурные связи со 120 странами мира. Растут контакты с массовыми организациями капиталистических стран: в прошлом году в СССР побывало 980 профсоюзных и рабочих делегаций, 750 наших делегаций посетили зарубежные страны¹⁶. Советский Союз — единственная из великих держав, которая не увеличивает своих военных расходов, а, напротив, настойчиво добивается общего согласованного сокращения военных бюджетов держав.

Первой заботой советской внешней политики была и остается забота об укреплении дружеских отношений со странами социализма, основанных на принципе социалистического интернационализма. «Необычайно широка и разнообразна,— говорил с трибуны XXV съезда КПСС Л. И. Брежнев,— в современных условиях деятельность нашей партии на международной арене, нет теперь, наверное, такого уголка на земле, положение в котором так или иначе не приходилось бы учитывать при формировании нашей внешней политики. Но, разумеется, нам, коммунистам, нашему уму и сердцу ближе всего та часть мира, где находят свое практическое воплощение коммунистические идеалы — свобода от эксплуатации и угнетения, полномасштабное развитие социалистической демократии, расцвет культуры и подъем благосостояния широчайших народных масс, равенство и братство всех народов и национальностей. Поэтому, естественно, что Центральный Комитет нашей партии, Политбюро ЦК в течение отчетного периода, как и прежде, в первую очередь уделяли внимание взаимоотношениям с социалистическими государствами»¹⁷.

В деятельности Л. И. Брежнева по руководству внешней политикой Советского государства проявляется высокая ответственность за судьбы социализма не только в нашей стране, но и во всем мире, глубокое понимание огромной исторической роли стран социалистического содружества в мировом революционном процессе, в поддержке антиимпериалистической борьбы народов. Отношения СССР со странами социализма — это отношения подлинного равноправия, дружбы, взаимовыгодного экономического и прочного идеологического сотрудничества.

Народы всех стран горячо приветствовали принятую на XXIV съезде КПСС Программу мира. Ее главный смысл состоял в том, чтобы, опираясь на мощь мирового социализма, на крепнущее содружество революционных сил, добиться решительного поворота от «холодной войны» к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем; поворота от международной напряженности к разрядке и взаимовыгодному экономическому сотрудничеству. Программа мира зовет народы к активизации борьбы за прекращение гонки вооружений всех видов, за запрещение ядерного, химического и бактериологического ору-

¹⁵ «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы». М. 1976, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 11—12.

¹⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5, стр. 452—453.

жая, за отказ от применения силы в решении спорных вопросов, за немедленный, твердый, коллективный отпор любым актам агрессии и произвола международной реакции. Такой международный курс близок и понятен каждому человеку, мобилизует массы на борьбу за мир и социальный прогресс.

Жизнь подтвердила актуальность и реалистичность Программы мира. Подписанием Конвенции о запрещении и уничтожении бактериологического оружия осуществлена фактически первая в истории международных отношений мера реального разоружения, расширилась сфера действия Договора о нераспространении ядерного оружия, по инициативе Советского Союза Генеральной Ассамблеей ООН принят ряд важных резолюций по вопросам сдерживания гонки вооружений, запрещения разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения. Однако все это не дает оснований для самоуспокоения. «Противники разрядки и разоружения,— предупреждает Л. И. Брежнев,— обладают еще немалыми ресурсами. Они действуют активно, в разных формах и с разных направлений. Хотя возможности агрессивных действий империализма теперь значительно урезаны, его природа остается прежней. Поэтому миролюбивым силам необходимо проявлять высокую бдительность. Нужны энергичные действия и единство всех сил мира и доброй воли»¹⁸.

В период перехода от «холодной войны» к разрядке международной напряженности важную роль приобретают прямые контакты руководителей КПСС и Советского государства с представителями других государств на высшем уровне. Особое значение имели визиты дружбы и мира Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во Францию, ФРГ и США. Традицией стали советско-французские переговоры на высшем уровне, в результате которых развиваются многогранные отношения, крепнет сотрудничество, являющееся важным фактором стабилизации мира и безопасности в Европе. Определенный сдвиг произошел в советско-западногерманских отношениях, что способствует укреплению взаимовыгодного сотрудничества в экономике и других областях. В целом позитивную направленность приобрели отношения с Соединенными Штатами Америки. Развивая двусторонние отношения, Советский Союз в то же время последовательно добивается, чтобы двустороннее сотрудничество государств, равно как и многостороннее, содействовало установлению прочного мира во всем мире.

На основе глубокого научного анализа новых тенденций в развитии международных отношений XXV съезд КПСС сформулировал главные задачи и конкретные меры борьбы за мир и социальный прогресс на предстоящий период. Они направлены на увеличение совместного вклада социалистических стран в укрепление мира, активизацию борьбы прогрессивных сил за прекращение гонки вооружений и переход к разоружению, на сосредоточение усилий миролюбивых государств на ликвидации оставшихся военных очагов, на развитие в соответствии с принципом мирного сосуществования долговременного сотрудничества в различных областях — в политике, экономике, науке и культуре. Эти предложения — органическое продолжение и развитие Программы мира, выдвинутой XXIV съездом партии,— программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Она отвечает надеждам и чаяниям всех честных людей на земле, находит широкую поддержку всех миролюбивых сил.

Последовательный внешнеполитический курс КПСС и Советского правительства, направленный на обеспечение прочного мира, получил горячее одобрение представителей коммунистических, рабочих, национально-демократических и социалистических партий, присутствовавших

¹⁸ Там же, стр. 474.

на XXV съезде КПСС. «Положительные сдвиги в сложном комплексе отношений в современном мире,— говорил Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Государственного Совета Народной Республики Болгарии Т. Живков,— это результат общих усилий стран социалистического содружества и международного коммунистического движения, усилий миролюбивых народов. Это результат действия многих и различных сил, в том числе реалистически мыслящих политических деятелей капиталистических стран. Но я не могу не выразить и здесь глубокого убеждения нашего народа в том, что величайшая, решающая заслуга в укреплении мира в Европе и во всем мире принадлежит советскому народу, Коммунистической партии Советского Союза, ленинскому Центральному Комитету КПСС, его Политбюро и лично Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу»¹⁹.

Прошедший после XXV съезда партии период принес важные позитивные результаты. Выступая в октябре текущего года на Пленуме ЦК КПСС, Л. И. Брежнев отметил как фактор огромного значения дальнейший рост идейного единства, политической сплоченности и экономического сотрудничества содружества социалистических государств. Немало полезного сделано по развитию равноправных, взаимовыгодных отношений с капиталистическими государствами, подписан ряд соглашений с Францией, Канадой, Финляндией, Португалией и другими странами. Активные шаги Советский Союз предпринял в поддержку справедливых требований развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, которые добиваются равноправия в международных экономических отношениях, устранения всех форм эксплуатации ведущими капиталистическими государствами более слабых партнеров. Встретили понимание и поддержку широкой миролюбивой общественности внесенные Советским Союзом на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН предложения о заключении договора о неприменении силы в международных отношениях, о созыве всемирной конференции по разоружению и ряд других. Главный же результат, которого Советский Союз совместно с другими социалистическими странами при поддержке всех миролюбивых сил настойчиво добивался в течение длительного времени, состоит в том, что удалось отодвинуть угрозу ядерной войны, сделать мир более надежным и прочным.

XXV съезд КПСС отметил, что важным этапом на пути разрядки международной напряженности, налаживания отношений равноправного сотрудничества явилось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшееся в Хельсинки. Оно подвело суммарный итог всего позитивного, что сделано в мире для перехода от «холодной войны» к мирному сосуществованию, способствовало наполнению конкретным материальным содержанием международной разрядки. Всеобщую известность и одобрение получило выступление на этом совещании Л. И. Брежнева. В его речи выражалась принципиальная реалистическая позиция по вопросам безопасности и сотрудничества, выдвигались конструктивные предложения, высказывался оптимистический взгляд на будущее.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР в совместном постановлении отметили выдающийся вклад Л. И. Брежнева в осуществление внешнеполитического курса КПСС и Советского государства, в выработку и реализацию Программы мира. «Его целеустремленная и движимая неустанной заботой о мире на земле деятельность,— говорится в этом документе,— имела важное значение для созыва и успеха общеевропейского совещания. Наша

¹⁹ «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. 1. М. 1976, стр. 234.

партия, советский народ высоко ценят эту активную самоотверженную деятельность и выражают полное одобрение выступления Л. И. Брежнева на совещании в Хельсинки»²⁰. XXV съезд КПСС подчеркнул, что результаты общеевропейского совещания во многом обращены в будущее, что главное сейчас состоит в том, чтобы претворять в практические дела все принципы и договоренности, согласованные в Хельсинки, и выразил волю советского народа бороться за достижение действительно прочного мира, за то, чтобы разрядка стала необратимой.

Неутомимая деятельность Л. И. Брежнева в интересах укрепления мира и международной безопасности получила всеобщее признание в самых широких кругах мировой общественности. Ему присуждены международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами», «Золотая медаль мира» имени Ф. Жолио-Кюри. Л. И. Брежнев дважды удостоен звания Героя Чехословацкой Социалистической Республики и Героя Народной Республики Болгарии, высших правительственных наград Германской Демократической Республики, Республики Куба, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Федеративной Республики Югославии, Социалистической Республики Румынии и ряда других стран. При получении международной Ленинской премии мира Л. И. Брежнев сказал: «Для меня, коммуниста, нет более почетной оценки труда, чем награда, носящая имя великого Ленина — нашего учителя, гениального теоретика, искусного и дальновидного политика... Внешнеполитический курс Страны Советов — это плод коллективного разума и действий нашей Коммунистической партии. В присуждении мне Ленинской премии я вижу поэтому оценку заслуг всей партии, международное признание правильности линии, проводимой ее Центральным Комитетом. И я счастлив, что в рядах партии, воспитавшей и закалившей меня, могу принимать участие в борьбе за великие цели — прочный мир и надежную безопасность народов, за цели, к достижению которых стремится все трудящееся человечество»²¹.

Пройдя под руководством ленинской партии величественный путь побед и свершений, советский народ вступил в год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Поколениям советских людей — тем, кто штурмовал Зимний и в жестоких боях с объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции отстоял завоевания Октября, кто ударным трудом в годы первых пятилеток ковал мощь индустриально-колхозной державы, кто разгромил фашистских захватчиков, отстояв независимость нашей страны и свободу народов Европы, кто покориł целину и воздвигает величественные стройки коммунизма, — есть чем гордиться. Следуя заветам В. И. Ленина, на каждом новом этапе решая все более сложные задачи, советский народ построил развитое социалистическое общество и приступил к строительству коммунизма. Факел, зажженный в легендарном Октябре 1917 г., стал немеркнущим маяком для народов мира в борьбе за социальный прогресс, мир и социализм.

Новым подтверждением международного признания авторитета КПСС, героического труда советского народа явился XXV съезд КПСС, на котором присутствовали делегации более 100 коммунистических, рабочих, национально-демократических и социалистических партий. Зарубежные гости отметили огромное чувство интернациональной ответ-

²⁰ «Коммунист», 1975, № 12, стр. 3—4.

²¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. М. 1975, стр. 541.

ственности советских коммунистов, вклад советского народа в прокладывание человечеству пути в новый мир социализма и коммунизма. «Прошлое Советского Союза,— говорил на съезде Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар,— является великим историческим уроком, его настоящее — примером для подражания, а будущее — блестящей перспективой для народов мира. Каждому съезду Коммунистической партии Советского Союза есть что сказать народам, строящим социализм, международному коммунистическому движению, национально-освободительным движениям, всему прогрессивному человечеству, так как исторический опыт Советского Союза всегда заслуживает внимания и никогда не утратит своего значения»²².

Представители делегаций братских партий в своих выступлениях высоко оценили деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, высказали признательность за тот большой вклад, который он вносит в укрепление единства и сплоченности коммунистов всего мира на незыблемой основе принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Э. Хонеккер с трибуны XXV съезда КПСС заявил: «Под руководством КПСС Советский Союз, пионер прогресса человечества, сделал еще один крупный шаг вперед, создав тем самым важнейшие предпосылки для решения новых грандиозных задач. Успехи Советской страны в области экономики, науки и культуры, в упрочении оборонной мощи являются одновременно залогом дальнейшего укрепления и процветания всех стран социалистического содружества, новых успехов народов во всемирной борьбе за социализм и мир. СССР подает всем народам яркий пример претворения в жизнь идеалов свободы, мира, труда, равенства и братства. В полном единении с вашей партией, закаленной в боях партией Ленина, мы выражаем Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, его Политбюро и Генеральному секретарю ЦК КПСС, нашему другу товарищу Леониду Ильичу Брежневу благодарность за их инициативную последовательную борьбу во имя торжества благородного дела коммунизма и мира на земле»²³.

Сорок пять лет Л. И. Брежнев состоит в рядах Коммунистической партии Советского Союза. Это годы напряженного труда, постоянных поисков, смелых, новаторских решений. На любом посту, на который выдвигала его партия, он беззаветно служит делу коммунизма, интересам народа. Большие заслуги Л. И. Брежнева в годы Великой Отечественной войны и мирного созидательного труда отмечены высшими наградами Родины. Он удостоен звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, награжден пятью орденами Ленина, другими орденами и медалями. В мае 1976 г. Л. И. Брежневу присвоено высшее воинское звание — Маршал Советского Союза, в чем проявилось признание его выдающихся воинских заслуг в разгроме фашизма, укреплении обороноспособности страны, повышении боевой мощи Советских Вооруженных Сил.

Коммунистическая партия, советский народ ценят в Л. И. Брежневе такие его качества, как политическая мудрость, вера в неисчерпаемые силы и возможности народа, преданность идеям ленинизма и пролетарского интернационализма, глубокое знание жизни, интересов и стремлений людей труда. Эти замечательные качества руководителя ленинского типа снискали ему высокий авторитет, горячую любовь советского народа и уважение мировой прогрессивной общественности.

²² «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Т. 1, стр. 234.

²³ Там же, стр. 197.

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО АППАРАТА ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА НАРОДНЫМ ПРОСВЕЩЕНИЕМ

А. И. Фомин

Возрастание роли социалистической культуры в жизни советского общества, огромное интернациональное значение исторического опыта культурного строительства первого в мире социалистического государства обуславливают необходимость дальнейшего исследования различных аспектов культурной революции в СССР.

Итогам развития историографии советской культуры, постановке новых задач в соответствии с требованиями Коммунистической партии была посвящена Всесоюзная научная конференция, состоявшаяся в декабре 1974 г. в Москве¹. При общей высокой оценке достижений исследователей истории советской культуры конференция отметила необходимость более углубленной разработки ее основных проблем, в том числе и проблемы государственного руководства культурным строительством, ставшим одним из решающих факторов воплощения в жизнь ленинских идей культурной революции. Важной частью этой сложной и многогранной проблемы является становление самого механизма руководства культурным строительством.

Советскими историками проделана определенная работа по изучению некоторых сторон процесса становления просвещенческого аппарата государства диктатуры пролетариата. Прежде всего речь идет о постановке и частичном решении вопросов, связанных с деятельностью Коммунистической партии, В. И. Ленина по созданию государственного аппарата народного просвещения, участием трудящихся в организации и налаживании работы Наркомпроса, выявлением некоторых особенностей структуры центрального просвещенческого аппарата и др.². Положительно оценивая эту работу, нельзя, однако, не отметить, что история строительства советского государственного аппарата народного просвещения еще не написана, дело ограничивается пока лишь воссозданием отдельных ее фрагментов. В историографии советской культуры, равно как и в историографии Советского государства, это один из отстающих участков. Нам представляется, что ликвидация этого отставания не только восполнила бы известные пробелы в истории Советского государства и

¹ См. «Вопросы истории», 1975, № 11, стр. 182—186.

² И. Заколадкин. Развитие структуры Наркомпроса и его местных органов. «Народное просвещение», 1927, № 11—12; А. Беляева. Становление советского государственного аппарата по народному образованию. «Народное образование», 1957, № 6; И. С. Смирнов. В. И. Ленин и руководство делом народного образования. (К истории реорганизации Наркомпроса в 1920—1921 гг.). «В. И. Ленин и проблемы народного образования». М. 1961; М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты (октябрь 1917—январь 1918 г.). Л. 1967; М. Б. Кейрим-Маркус. Государственная комиссия по просвещению (1917—1918 гг.) «История СССР», 1969, № 6, и др.

советской культуры, но и явилась бы практическим подходом к более углубленному раскрытию проблемы государственного руководства культурным строительством.

В предлагаемой статье предпринята попытка рассмотреть историю становления центрального государственного аппарата народного просвещения в первые месяцы Советской власти (октябрь 1917 — январь 1918 г.) в комплексе важнейших проблем, характеризующих этот процесс. Опираясь на достижения советской исторической науки, автор стремился сосредоточить внимание на менее изученных сторонах поставленной проблемы, а также определить свое отношение к некоторым вопросам дискуссионного характера, не претендуя при этом на окончательное их решение.

Среди принципиальных вопросов становления пролетарского государства, которые являлись предметом исследования В. И. Ленина в преддверии Октября, особое место занимали вопросы организации центрального аппарата управления. Итогом интенсивной разработки этих вопросов явился план строительства советского центрального государственного аппарата, набросок которого был дан Лениным в «Заметках об организации аппарата управления». В этом документе, написанном 25 октября 1917 г., он рассматривает такие вопросы, как классовая сущность, принципы организации, программа, структура и название Советского правительства, а также частично определяет его персональный состав. Для руководства отдельными отраслями государственной жизни в «Заметках» предусматривалось создание комиссий народных комиссаров. В числе первых Лениным была названа Комиссия по народному просвещению, о чем свидетельствует следующая запись в «Заметках»: «Н[адежда] К[онстантиновна] — тов[ариш] м[инист]ра (при Лунач[арском])»³.

Основные положения «Заметок» нашли развитие в постановлении II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства, проект которого был подготовлен Лениным. «Заведование отдельными отраслями государственной жизни, — говорилось в нем, — поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров»⁴.

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде положило начало слому буржуазной государственной машины и строительству государственного аппарата диктатуры пролетариата. Выдвинув в качестве первоочередной задачи создание государства нового типа, Коммунистическая партия видела в нем величайшую силу, способную организовать массы и обеспечить построение социалистического общества. Органически неотъемлемой частью борьбы за социализм являлась культурная революция, для осуществления которой необходим был соответствующий аппарат. Первым шагом в деле строительства государственного аппарата по руководству советским культурным строительством стало создание Государственной комиссии по народному просвещению.

В составе Советского правительства, избранного II Всероссийским съездом Советов, наркомом просвещения, по предложению ЦК партии большевиков, стал А. В. Луначарский. Сразу же после своего назначения он имел беседу с Лениным. Указав на то, что в области культуры «очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям», в направлении максимального удовлетворения духовных потребностей трудящихся, Ленин порекомендовал Луначарскому при-

³ «Ленинский сборник» XXI, стр. 91.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 28.

влекать к работе Н. К. Крупскую и М. Н. Покровского. «Я думаю,— заметил он,— вам обязательно нужно серьезно переговорить с Надеждой Константиновной. Она будет вам помогать... Что касается высшей школы, то здесь должен большую помощь оказать Михаил Николаевич Покровский»⁵. Содержание этой беседы, довольно подробно переданное Луначарским, позволяет сделать вывод, что основные ее положения нашли отражение в обращении наркома просвещения к гражданам России от 29 октября 1917 года. В этом документе, популяризовавшем просветительную политику Советской власти, излагались общий план и организационные принципы строительства нового государственного аппарата народного просвещения. В обращении отмечалось, что дело общего руководства просвещением поручено Государственной комиссии по народному просвещению, председателем и исполнителем которой является народный комиссар. Что касается министерства народного просвещения, имевшегося в составе бывшего Временного правительства, то его намечалось использовать в качестве исполнительного аппарата Государственной комиссии. В обращении было подчеркнуто, что обо всех необходимых изменениях в составе и конструкции министерства будет иметь суждение Государственная комиссия⁶.

Организационные положения, изложенные в обращении, необходимо было развить и конкретизировать, придав им силу закона. Разработка проекта соответствующего декрета стала делом группы лиц, которая и составила ядро Государственной комиссии. Это ядро было сформировано уже в первые дни революции, о чем свидетельствуют подписанные Луначарским 1 ноября назначения Н. К. Крупской, П. И. Лебедеву-Полянскому, Д. И. Лещенко и В. М. Познеру. «Я, Народ. Ком. по Просвещению,— говорилось в одном из них,— именем Правительства Российской республики назначаю Д. И. Лещенко старшим секретарем Гос. Ком. по Просвещ.»⁷. Столь быстрое решение вопроса о подборе группы руководящих работников, которая была достаточно компетентной в решении поставленных перед ней задач, Луначарский объяснял так: перед революцией «я был товарищем городского головы и вместе с некоторыми моими товарищами мне удалось объединить группу лиц... Благодаря этому группа оказалась несколько подготовленной к задачам, которые на ее долю выпали»⁸.

Работа над проектом декрета шла споро, и уже 8 ноября на заседании ВЦИК Луначарский доложил о ее итогах. В результате обсуждения оглашенного им проекта декрета ВЦИК постановил передать его в специально созданную комиссию с тем, чтобы она представила к следующему заседанию соответствующее заключение⁹. С учетом этого заключения 9 ноября на очередном своем заседании ВЦИК утвердил проект в качестве декрета «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению», который и был опубликован за подписями Ленина и Луначарского. Декрет представляет большой интерес, который не может быть ограничен только рамками истории становления советского просветительского аппарата. Разработанный в полном соответствии с первоначальным планом организации центрального аппарата управления пролетарского государства, он проливает свет на ряд существенных моментов и самого плана и первых шагов по его практической реализации. Как и в обращении, в декрете отмечалось, что «дело общего руководства народным просвещением, поскольку таковое остается за центральной государственной властью, поручается... Государственной комиссии по народному просвещению, представителем и исполнителем

⁵ А. Луначарский. Рассказы о Ленине. М. 1971, стр. 30—31.

⁶ СУ РСФСР, 1917, № 2, ст. 16.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1236, оп. 1, д. 25, л. 15.

⁸ ЛГАОРСС, ф. 2551, оп. 15, д. 79, лл. 1—2.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 17, д. 7, л. 15.

которой является народный комиссар»¹⁰. Декретом четко определялись статус, функции и состав комиссии. Конкретизируя положение об «общем руководстве», декрет подчеркивал, что «все функции, выполнявшиеся прежде министром народного просвещения и его товарищами, возлагаются, согласно решению Совета Народных Комиссаров и общему порядку, установленному съездом Советов, на Комиссию по народному образованию».

Согласно декрету, в состав Государственной комиссии должно было войти 33 человека: председатель — нарком просвещения; секретарь; 16 лиц, делегируемых массовыми организациями рабочих, крестьян и служащих; 15 заведующих отделами реорганизованного министерства, назначаемых Совнаркомом¹¹. Учитывая такое определение состава и функций Государственной комиссии, хотелось бы возразить против отождествления ее с Наркомпросом. Так, некоторые исследователи утверждают, что на Государственную комиссию возлагались рассматриваемым декретом все функции, выполнявшиеся прежде министерством народного просвещения¹². Отсюда следует заключение, что Государственная комиссия — это и есть то учреждение, которое впоследствии стало называться Наркомпросом¹³. В данном случае не только отождествляются неравнозначные органы, но и игнорируются особенности строительства советского центрального просвещенческого аппарата, на что справедливо указывалось в печати¹⁴.

Анализ декрета от 9 ноября позволяет сделать вывод, что Государственная комиссия по просвещению, как и другие отраслевые комиссии, согласно общему порядку, установленному II Всероссийским съездом Советов, планировалась не как широкий управленческий аппарат, а как руководящий центр, который должен был осуществлять заведование просвещением, используя для этого старый министерский аппарат. «Текущие дела, — говорилось в декрете, — должны пока (то есть до созыва Учредительного собрания. — А. Ф.) идти своим чередом через Министерство народного просвещения», которое призвано «играть роль исполнительного аппарата при Государственной комиссии по народному просвещению»¹⁵.

Подобный подход к министерству народного просвещения не противоречил идее слома буржуазной государственной машины и находился в полном соответствии с ленинской программой организации нового аппарата управления. В ленинском понимании слом старой государственной машины отнюдь не означал обязательного уничтожения всех прежних государственных учреждений¹⁶. Ликвидации подлежали лишь те органы, которые непосредственно выполняли функции угнетения и подавления (армия, полиция, суд и др.). Что же касается хозяйственно-управленческого, организаторского аппарата, к которому относился и рабочий механизм министерств, то его слом следовало осуществить иными методами и постепенно. Здесь задача состояла в том, чтобы овла-

¹⁰ Здесь обращает на себя внимание слово «представитель», которое заменило имевшее место в обращении слово «председатель». Можно предположить, что в данном случае в декрет вкралась опечатка, так как понятие «представитель» не дает представления о месте наркома в комиссии. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что в приложенном к протоколу заседания ВЦИК от 9 ноября машинописном экземпляре декрета говорится: «председателем и исполнителем» (ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 17, д. 8, л. 7).

¹¹ СУ РСФСР, 1917, № 3, ст. 32.

¹² См. И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 — лето 1918 г.). М. 1960, стр. 198; «История советского государства и права». Кн. I. М. 1968, стр. 174, и др.

¹³ См. «КПСС во главе культурной революции в СССР». М. 1972, стр. 42.

¹⁴ См. М. Б. Кейрим-Маркус. Указ. соч., стр. 123.

¹⁵ СУ РСФСР, 1917, № 3, ст. 32.

¹⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 307.

деть аппаратом министерств, поставить его на службу Советской власти и постепенно перестроить на новых началах. Именно это и означало бы слом старого центрального государственного аппарата и замену его новым¹⁷. Не случайно уже в обращении Луначарского от 29 октября, в котором указывалась необходимость использовать министерский аппарат, было подчеркнута право Государственной комиссии иметь суждения о всех изменениях в составе и конструкции министерства. Думается, что реализацией этого права и явился изложенный в декрете план реконструкции министерского аппарата, которым намечалось создать 15 отделов вместо департаментов, комитетов и других административных подразделений министерства¹⁸.

Декрет «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» вносит также определенную ясность в понимание вопроса о двойственном характере основных функций наркомов. Как считают некоторые исследователи, перед народными комиссарами первого состава Совнаркома стояли две задачи — упразднение министерств и создание наркоматовского аппарата. Своеобразным выражением этих задач, как утверждают они, явилось то, что в ряде документов первых послеоктябрьских месяцев члены Советского правительства именовались не только наркомками, но и комиссарами по своим министерствам. По мнению Е. Н. Городецкого, это был не «разнобой», а «точное обозначение двух основных функций народного комиссара — организатора нового аппарата в Смольном и комиссара над старым аппаратом в министерствах»¹⁹. Если бы дело обстояло действительно так, то документы, подписанные — «нарком по Министерству...», по своему характеру должны были бы отличаться от документов, подписанных просто «нарком». Однако установить какие-нибудь отличительные признаки между теми и другими документами не представляется возможным²⁰. Поэтому правомерно вывод, что оба эти наименования употреблялись как идентичные. Члены первого состава Совнаркома действительно имели двойное наименование, узаконенное II Всероссийским съездом Советов — председатели комиссий и наркомы. И это двойное наименование являлось своеобразным выражением двух основных функций членов Советского правительства, вытекающих из ленинского организационного принципа единства законодательной и исполнительной власти. Так, согласно декрету от 9 ноября, Луначарский как председатель Государственной комиссии отвечал за разработку общей линии в области народного просвещения, а как нарком — за проведение ее в жизнь.

Публикация декрета «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» положила начало второму этапу строительства центрального государственного аппарата народного просвещения. На этом этапе Государственная комиссия в соответствии с ленинской директивой предприняла попытки овладеть министерским аппаратом. Как вспоминает Луначарский, на одном из первых заседаний Совнаркома Ленин сказал: «Надо, чтобы каждый ехал в порученное ему бывшее министерство, завладел им и живым оттуда не уходил... Это была довольно прямая директива, и тем не менее, в течение некоторого времени, приблизительно 8—9 дней, мы не решались отправиться в Министерство народного просвещения»²¹. Эта нерешительность объяснялась и отсутствием опыта и тем, что выполнение ленинской директивы было чрезвычай-

¹⁷ С. С. Хесин. Становление пролетарской диктатуры в России. Вопросы установления Советской власти и складывания пролетарской государственной системы (ноябрь 1917—март 1918 г.) М. 1975, стр. 206.

¹⁸ См. СУ РСФСР, 1917, № 3, стр. 32.

¹⁹ Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства 1917—1918 гг. М. 1965, стр. 156.

²⁰ См. «Декреты Советской власти». Т. I. М. 1957, стр. 74—75, 182—183 и др.

²¹ А. Луначарский. Как мы заняли Министерство просвещения. «Народное образование», 1957, № 3, стр. 17.

но осложнено чиновничьим саботажем. Служащие министерства народного просвещения категорически отказались сотрудничать с властью рабочих и крестьян, заявив, «что в тот момент, когда ненавистный Луначарский переступит порог дворца у Чернышева моста, они уйдут отсюда, отрясая прах от ног своих, и посмотрят, каким образом ему и его невежественным большевикам удастся пустить в ход сложную машину, в течение столетий ведавшую просвещением народов России»²².

В целях быстрее овладения министерским аппаратом и налаживания его работы 15 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял решение о перенесении деятельности наркомов и возглавляемых ими комиссий из Смольного в порученные им ведомства²³. Вселение Государственной комиссии в здание министерства народного просвещения состоялось 18 ноября. Именно в этот день «решено было,— писал впоследствии Луначарский,— отправиться на приступ мрачного дворца, откуда расходилась паутина высоких царских чиновников-пауков, великих, по выражению Щедрина, министров народного затемнения»²⁴. Дворец у Чернышева моста встретил представителей Советской власти неприветливо. Чиновники, как и обещали, «отрясли прах от ног своих», предусмотрительно разбросав важнейшие документы и унеся ключи от кабинетов и письменных столов. «Это была полная разруха центрального аппарата,— отмечал Луначарский.— Мы даже не знали, где что лежит, в каком столе»²⁵. На месте остались лишь низшие служащие министерства, которые еще 13 ноября на своем делегатском собрании выразили готовность сотрудничать с Советской властью²⁶. Тут же возник импровизированный митинг, на котором выступил Луначарский. Речь наркома произвела на служащих огромное впечатление. Еще бы! Ведь даже старожилы не могли припомнить случая, когда бы перед ними, второразрядными служащими, выступал министр.

Развернув борьбу с саботажем, Коммунистическая партия учитывала социальную неоднородность чиновничьей массы. Поэтому если по отношению к ее верхушке принимались самые строгие меры, вплоть до ареста, то что касается мер в отношении к рядовым ее представителям, они, как правило, носили превентивный характер. В этой среде в соответствии с требованиями партии велась широкая разъяснительная работа²⁷. С этой частью служащих, по выражению Луначарского, «хотелось сговориться по-хорошему». Однако «согласовать большевистскую власть с чиновниками Министерства народного просвещения оказалось невозможно»²⁸. Саботаж чиновников, принявший непредвиденный размах, внес определенные коррективы в план строительства центрального советского государственного аппарата просвещения и в ход борьбы за его осуществление. Главное заключалось в том, что слом министерского аппарата пришлось осуществить более радикальным способом, нежели это предполагалось. Жизнь показала, «что сломать в старом аппарате нужно как можно больше» и что «возможностей использования старого, даже обломков, оказалось очень мало»²⁹. Воспользоваться министерским аппаратом и постепенно его перестроить было нельзя и пришлось приступить к строительству совершенно нового исполнительного аппарата при комиссиях³⁰. Это был именно тот самый исторический мо-

²² Там же.

²³ Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 146.

²⁴ А. Луначарский. Как мы заняли Министерство просвещения, стр. 13.

²⁵ ЛГАОРСС, ф. 2551, оп. 15, д. 79, л. 2

²⁶ «Известия ВЦИК», 18. XI. 1917.

²⁷ См. «Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями». Т. II. М. 1957, стр. 47.

²⁸ А. Луначарский. Как мы заняли Министерство просвещения, стр. 18.

²⁹ «История гражданской войны в СССР». Т. 2. М. 1942, стр. 321.

³⁰ П. Стучка. Учение о Советском государстве и его конституции СССР и РСФСР. [М.]. 1929, стр. 230.

мент, «когда, — подчеркивал Ленин, — для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений...»³¹.

Не менее важно и то, что саботаж свел к минимуму возможность привлечения в комиссии специалистов, вследствие чего их состав оказался значительно уже первоначально запланированного. За редким исключением комиссии состояли из 5—6 человек. Поэтому не случайно в рассматриваемое время слово «комиссия» постепенно исчезает и в официальных документах эти органы все чаще начинают именоваться «коллегиями при народных комиссарах»³². Бесспорно, что эта модификация названия явилась следствием изменения характера деятельности комиссий. Жизнь потребовала создания в их лице не широких представительных учреждений, как это предусматривалось планом, а более узких административно-распорядительных органов. И лишь только в области народного просвещения структура центральных учреждений складывалась в соответствии с первоначальным планом организации аппарата управления, что и обусловило ее особенности.

В 20-х числах ноября в становлении центрального советского просвещенческого аппарата начался третий этап, содержание которого определялось окончательной ликвидацией министерского аппарата и строительством Наркомпроса. 21 ноября 1917 г., то есть три дня спустя после занятия дворца у Чернышева моста, состоялось первое заседание Государственной комиссии, которое и положило начало созданию Народного комиссариата просвещения. Рассмотрев вопрос об организации отделов Наркомпроса, Государственная комиссия утвердила Н. Н. Кузьмина заведующим отделом профессионального образования, К. С. Жарновецкого — заведующим отделом муниципальных школ. Кроме того, было решено предложить Е. Д. Стасовой возглавить любой отдел Наркомпроса, Г. М. Кржижановскому — отдел технических знаний, Н. А. Бухбиндеру — библиотечный отдел, В. Галкину — отдел по всеобщей грамотности, Агафоновой — научный отдел. В соответствии с ранее принятым решением Н. К. Крупская возглавила внешкольный отдел, В. М. Бонч-Бруевич — отдел школьной санитарии и гигиены, П. И. Лебедев-Полянский — издательский отдел, И. Б. Рогальский — финансовый отдел. Несколько позже отдел средней школы был поручен В. М. Познеру, а отдел низшей школы — П. Н. Лепешинскому³³.

Первые шаги по созданию Наркомпроса проходили в обстановке острой нехватки кадров. Узость круга работников руководящего состава, отсутствие работников среднего звена затрудняли организационную работу. В этот период Совнарком и Ленин принимают самые энергичные меры по укомплектованию руководящего ядра Наркомпроса. Об этом свидетельствует ряд правительственных постановлений о назначениях по Наркомпросу³⁴. Широко известен и тот факт, что почти все руководители Наркомпроса были направлены на работу в комиссариат по рекомендации Ленина.

Пополнение командного состава Наркомпроса способствовало расширению фронта организационных работ, однако комплектование среднего звена служащих оставалось еще не решенной проблемой. В рассматриваемое время, как вспоминает Луначарский, в Наркомпросе не было «никаких чиновников, — одни курьеры да ответственные работники»³⁵. Несмотря на враждебность чиновников министерства народного просвещения, Государственная комиссия предприняла еще одну попытку привлечь их к работе. С учетом ранее принятого решения об увольнении всех

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 205.

³² См. «Декреты Советской власти». Т. I, стр. 74, 103 и др.

³³ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, д. 10, лл. 2, 3, 36.

³⁴ См. «Декреты Советской власти». Т. I, стр. 586, 587.

³⁵ А. В. Луначарский. Три встречи. «Огонек», 1927, № 40.

служащих, не вышедших 20 ноября на работу, 23 ноября им было разослано извещение за подписью наркома, в котором говорилось, что «ввиду возобновления занятий в Министерстве прошу явиться для сдачи дел... 27.XI»³⁶. Для принятия окончательного решения саботажникам давалось 4 дня, а чтобы у них не возникло никаких сомнений в отношении серьезности намерений Советской власти осуществить действительно массовое увольнение, 25 ноября было опубликовано постановление СНК об увольнении от занимаемых должностей товарищей министра, директоров и вице-директоров департаментов³⁷. Однако в указанный срок никто из саботажников на работу не вышел, вынудив тем самым произвести массовое увольнение, которое и положило конец министерству народного просвещения.

Не увенчалась успехом и попытка привлечь к сотрудничеству специалистов Государственного комитета по народному образованию, который был создан еще при Керенском. «Либералы» и «радикалы» от педагогики, представленные в нем, предпочли сотрудничеству саботаж. «Происходит совершенно необыкновенная вещь,— отметил в своем дневнике А. А. Блок,— «интеллигенты», люди, проповедовавшие революцию, «пророки революции», оказались ее предателями...»³⁸. 19 ноября Государственный комитет принял решение о непризнании Советской власти. В ответ на это Совнарком 20 ноября издал декрет о его роспуске³⁹.

Развязывая саботаж служащих, его инициаторы рассчитывали поставить большевиков в безвыходное положение. Однако контрреволюция не учла, да и не могла учесть, что «у нас,— как подчеркивал Ленин,— есть «чудесное средство» сразу, одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством»⁴⁰. По призыву Коммунистической партии рабочие Петрограда, революционные солдаты и матросы Балтийского флота выделяли лучших своих представителей для работы в различных комиссариатах. Активное участие в налаживании деятельности Наркомпроса приняли рабочие Выборгского района во главе с Ф. И. Калининым, рабочие-металлисты и матросы Балтийского флота⁴¹.

Успех государственного строительства во многом зависел и от привлечения к нему интеллигенции. Исходя из этого, Коммунистическая партия с первых же дней революции развернула широкую агитационную работу среди различных слоев интеллигенции. Одной из действенных форм борьбы за привлечение ее на сторону революции являлись митинги, на которых выступал нарком просвещения. Высокая культура и эрудиция Луначарского не могли не импонировать интеллигенции. «В его лице,— вспоминал К. И. Чуковский,— Советская власть с первых дней своего бытия предстала перед нами, интеллигентами дореволюционной формации, в самом обаятельном своем воплощении»⁴². Особый интерес в различных слоях населения Петрограда вызывали еженедельные отчеты о делах Советского правительства и делах Наркомпроса, которые давал Луначарский в помещении цирка «Модерн». Послушать наркома приходили не только рабочие, солдаты и матросы, но и пред-

³⁶ См. Ф. Ф. Королев. Очерки истории советской школы и педагогики (1917—1920 гг.). М. 1958, стр. 92.

³⁷ «Известия ВЦИК», 25. XI. 1917.

³⁸ А. А. Блок. Сочинения в двух томах. Т. II. М. 1955, стр. 493.

³⁹ СУ РСФСР, 1917, № 3, ст. 44.

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 313.

⁴¹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, д. 23, л. 62; «Триумфальное шествие Советской власти». Ч. 1. М. 1963, стр. 117. Ф. И. Калинин — рабочий-революционер, один из руководителей Наркомпроса и Пролеткульта.

⁴² К. И. Чуковский. Люди и книги. М. 1960, стр. 564.

ставители интеллигенции, которые постепенно втягивались в наркомпросовскую орбиту. Для многих из них посещение митингов и отчетов значительно сократило путь к Наркомпросу.

Своеобразной формой решения кадровой проблемы являлись заседания Государственной комиссии «при открытых дверях». Первые такие заседания проходили буквально «на людях». Присутствовавшие на заседаниях имели возможность выступать по интересующим их вопросам. Из наиболее активных гостей намечались новые сотрудники Наркомпроса⁴³. С целью поощрения участия специалистов-педагогов в работе комиссии 21 ноября было принято решение оплачивать их труд от 10 до 15 рублей за каждое заседание⁴⁴. В этот период активный поиск сотрудников для Наркомпроса вели все члены Государственной комиссии, используя сложившиеся еще до революции контакты с представителями демократических кругов интеллигенции. Так, по рекомендации В. М. Бонч-Бруевич Государственной комиссией из Саратова был приглашен для работы в отделе школьной санитарии и гигиены доктор Мацкевич⁴⁵. Активную и плодотворную деятельность в этом направлении проводила Крупская. В письме известному просветителю И. И. Горбунову-Посадову от 22 ноября 1917 г., сообщив о развертывании работы внешкольного отдела, она писала: «Думаю, что Вы не откажетесь помочь мне. Хочется мне сплотить для работы среди масс... побольше своей публики...»⁴⁶. Немалый вклад в решение кадровой проблемы внесли учителя левых социалистических течений, которые под непосредственным руководством Государственной комиссии сплотились в союз учителей-интернационалистов.

Политика Коммунистической партии в отношении интеллигенции, характеризовавшаяся доброжелательностью, терпимостью и тактом, давала положительные результаты. Все новые и новые представители интеллигенции активно включались в работу. Следует отметить, что уже в первые годы Советской власти в Наркомпросе были сосредоточены лучшие силы русской интеллигенции. Его сотрудниками были К. А. Тимирязев, В. Я. Брюсов, А. А. Блок, А. С. Серафимович, И. Э. Грабарь, И. В. Жолтовский, А. В. Шусев и многие другие, являющиеся гордостью отечественной науки и культуры.

Одновременно с укомплектованием Наркомпроса кадрами шел процесс его организационного оформления. Слом министерства народного просвещения и создание Наркомпроса были не просто сменой одной формы другой, одного названия другим. «Суть дела,— указывал Ленин,— совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно неважно»⁴⁷. Суть дела состояла в уничтожении самого содержания старого аппарата, его организационных принципов, определявших главным назначением буржуазно-помещичье государство, как орудия насилия и подавления трудящихся, и в замене его абсолютно новым аппаратом государства диктатуры пролетариата — орудия освобождения трудящихся и построения социализма.

С учетом целей и задач, стоящих перед Советским государством, Ленин выдвинул и обосновал такие важнейшие его организационные принципы, как руководство Коммунистической партии, тесная, вытекающая из самой природы социалистического государства связь с трудящимися массами, единство законодательной и исполнительной власти, коллективное руководство и др. Все эти принципы стали организацион-

⁴³ См. Л. Менжинская я. Первые шаги Наркомпроса. «На путях к новой школе», 1927, № 10, стр. 31.

⁴⁴ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, д. 10, л. 2.

⁴⁵ Там же, л. 4.

⁴⁶ Н. К. Крупская я. Педагогические сочинения. Т. 11. М. 1963, стр. 180.

⁴⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 114.

ной основой строительства центрального просвещенческого аппарата Советского государства. Практическим выражением принципа партийного руководства государственным строительством являлись неукоснительное проведение в жизнь партийных решений и директив, осуществление партией подбора и расстановки кадров, выдвижение на ответственные посты старых партийцев, профессиональных революционеров, доказавших в многолетней и суровой борьбе преданность пролетарским идеалам. Большой вклад в дело формирования состава сотрудников советских учреждений, в том числе и Наркомпроса, внесли питерские большевики. Достаточно сказать, что руководящее ядро центрального просвещенческого аппарата в основном было составлено из членов Петроградской партийной организации. Большевицкий состав Государственной комиссии и руководящего звена Наркомпроса обеспечил успешное проведение в жизнь линии партии большевиков в области государственного и культурного строительства.

Создание и деятельность Народного комиссариата просвещения проходили не в стороне от трудящихся масс, в живом творчестве которых В. И. Ленин видел основной фактор новой общественности. Вовлечение трудящихся в дело управления культурным строительством проявилось и в непосредственном их участии в организации Наркомпроса и в широко предоставленных им возможностях определять и контролировать его деятельность. Они реализовались не только через всероссийские съезды Советов, но и через Государственную комиссию по просвещению, в состав которой делегировались представители от исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов, от Центрального бюро профессиональных союзов, от Всероссийского центра фабрично-заводских комитетов и от Центрального комитета петроградских пролетарских культурно-просветительных организаций⁴⁸.

Действенной формой вовлечения трудящихся в дело управления культурным строительством в период становления и упрочения Советской власти являлись многочисленные митинги, рабочие собрания, отчеты наркома просвещения, в ходе которых рабочие, солдаты и крестьяне не только информировались о деятельности Государственной комиссии и Наркомпроса, но и могли контролировать ее. Так, вспоминая о публичных отчетах Луначарского, Л. Р. Менжинская подчеркивала активную заинтересованность трудящихся в деле культурного строительства. «После доклада наркома,— писала она,— задавались вопросы, летели записки, выступали в качестве ораторов не только просвещенцы, но и рабочие... Каждое меткое слово, верное замечание заносилось на бумагу, чтобы найти свое отражение в дальнейшем строительстве»⁴⁹.

Придавая огромное значение вовлечению трудящихся в управление культурным строительством, Государственная комиссия развертывала работу Наркомпроса в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, солдат и т. д., о чем свидетельствует ряд ее решений. Так, 4 декабря 1917 г. было решено образовать комиссию для составления списка необходимых учебников, включив в ее состав представителей общественных организаций. 16 декабря принято постановление осуществлять прием новых служащих только по рекомендации массовых общественных организаций⁵⁰. И этот перечень можно было бы продолжить. Большую роль в деле налаживания постоянной связи с массами и вовлечения их в управление культурным строительством играли созданные при отделах Наркомпроса контрольно-совещательные советы из представителей трудящихся. Уже в декабре 1917 г. начал функционировать совет при внешкольном отделе. На его заседаниях регулярно

⁴⁸ См. СУ РСФСР, 1917, № 3, ст. 32.

⁴⁹ Л. М е н ж и н с к а я. Указ. соч., стр. 32.

⁵⁰ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, д. 10, лл. 9, 19, 20 и др.

заслушивались отчеты о проделанной отделом работе, определялись ее дальнейшие перспективы⁵¹. 6 декабря Государственная комиссия приняла решение о создании аналогичного совета при отделе низшей школы⁵². Установление тесного контакта с трудящимися массами явилось тем «чудесным средством», с помощью которого удалось решить сложнейшие вопросы организации советского центрального аппарата народного просвещения.

В декрете об учреждении Государственной комиссии по просвещению нашел свое отражение марксистско-ленинский принцип единства законодательной и исполнительной власти. В соответствии с декретом члены комиссии этого высшего органа народного просвещения одновременно являлись руководителями различных подразделений исполнительного аппарата. Как члены Государственной комиссии они выступали в роли законодателей, как работники Наркомпроса они являлись исполнителями законов. Организационно работа центрального аппарата народного просвещения была поставлена так, что каждый его сотрудник, по замечанию Крупской, был «в одно и то же время и работающим и законодательствующим членом»⁵³.

С самого начала деятельность центрального просвещенческого аппарата развертывалась в полном соответствии с ленинским принципом коллективного руководства, нашедшим свое организационное выражение в различных постоянных коллегиях и временных комиссиях. В структуре Наркомпроса, которая в основном сложилась к лету 1918 г., предусматривались следующие органы коллективного руководства: коллегия комиссариата, коллегии объединенных отделов, коллегия заведующих отделов и коллегии отделов⁵⁴. В рассматриваемый период из указанных коллегий начали создаваться лишь коллегии отделов, да и те находились в стадии становления. Число их определялось общим количеством отделов, а состав каждой колебался от трех до пяти человек. Основной формой вовлечения наркомпросовцев в активную творческую работу, получившей широкое распространение в то время, являлось образование различных комиссий для решения тех или иных вопросов. Среди комиссий, созданных тогда, можно назвать декретную, по улучшению быта учителей, междуведомственную, по выработке плана организации дела народного образования и др.

Одной из первых была создана декретная комиссия. 8 декабря на заседании Государственной комиссии было принято решение организовать комиссию по выработке декретов и циркуляров по упразднению дирекций и инспекций народных училищ в составе Н. К. Крупской, В. Галкина, З. Г. Гринберга, Д. И. Лещенко, В. М. Познера⁵⁵. Кроме того, всем членам Государственной комиссии было предоставлено в ней право решающего голоса. На состоявшемся 9 декабря первом заседании декретной комиссии председателем была избрана Крупская, секретарем — Познер⁵⁶. Однако в своей деятельности декретная комиссия вышла за рамки поставленной перед ней задачи. Она занималась не только разработкой проектов декретов и циркуляров по упразднению дирекций и инспекций народных училищ, но и важнейших документов по реформе школы, по организации Наркомпроса, по осуществлению финансирования культурного строительства на местах и др. Поэтому вскоре она была расширена за счет представителей союза учителей-интернационалистов и разбита на три секции: административную под председательством помощника наркома Г. Д. Зака; по подготовке

⁵¹ «Народное просвещение», 1918, № 3, стр. 10—11.

⁵² ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, д. 10, л. 11.

⁵³ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения. Т. 2. М. 1958, стр. 66.

⁵⁴ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, д. 80, л. 231.

⁵⁵ Там же, д. 10, л. 12.

⁵⁶ Там же, ф. 1575, оп. 3, д. 1, л. 1

школьной реформы в составе Луначарского, Крупской, Менжинской и др.; по финансовым вопросам, в которую вошли Ф. И. Калинин, И. Б. Рогальский, А. П. Кудрявцев и др.⁵⁷

Институт комиссий играл положительную роль как в разработке тех или иных вопросов, так и в привлечении широкого круга работников к решению общеведомственных проблем, способствуя тем самым тесному единению наркомпросовского коллектива, члены которого «особенно близко принимали к сердцу общее направление работы Комиссариата, следили за выдержанностью и успехами этой работы»⁵⁸.

В отличие от других комиссариатов Наркомпрос в рассматриваемое время не имел своей коллегии, и ее функции приходилось выполнять Государственной комиссии по просвещению⁵⁹. Поэтому по мере развертывания работ в области культурного строительства круг вопросов, рассматриваемых на заседаниях Государственной комиссии, непрерывно увеличивался. Причем уже в декабре 1917 г. это представительное учреждение буквально было завалено мелкими делами, или, как их в шутку называли, «вермишелью». Протоколы заседаний Государственной комиссии свидетельствуют о том, что наряду с решением таких принципиально важных вопросов, как подбор и расстановка руководящих кадров Наркомпроса, разработка проектов декретов о переходе церковноприходских школ из духовного ведомства в ведение Наркомпроса, о ликвидации учебных округов, дирекций и инспекций народных училищ и др., комиссии приходилось заниматься и такими делами, как проведение электроосвещения в отделы, приглашение делопроизводителей и других канцелярских работников на работу в Наркомпрос, ассигнование губернским земствам незначительных сумм и т. д.⁶⁰

Чтобы разгрузить Государственную комиссию от «вермишели», в декабре для рассмотрения текущих дел создается специальный орган — Малая государственная комиссия. О времени ее возникновения в литературе существуют различные мнения. Одни авторы считают, что она была создана в январе 1918 г.⁶¹, другие же относят ее возникновение к апрелю 1918 года⁶². Между тем выяснение этого вопроса представляет особый интерес с точки зрения прежде всего организационного становления советского центрального просвещенческого аппарата. Следует учитывать и то, что Малая государственная комиссия была организована по примеру Малого Совнаркома, и история ее организационного становления во многом повторяет историю создания последнего.

Идея образования Малой комиссии впервые возникла 8 декабря. В этот день на заседании Государственной комиссии по предложению Луначарского было решено установить в дни, свободные от занятий комиссии, дежурство двух-трех ее членов при наркоме для рассмотрения вопросов, касающихся текущей работы Наркомпроса. Именно это решение и положило начало деятельности Малой комиссии, в отличие от которой Государственная комиссия стала именоваться Большой государственной комиссией, что и нашло свое отражение в протоколе ее заседания от 22 декабря 1917 года⁶³. Первое заседание Малой государственной комиссии состоялось 12 декабря 1917 года. На нем в присутствии Луначарского, Познера и Е. Н. Адамович было рассмотрено

⁵⁷ Там же, ф. 2306, оп. 2, д. 10, л. 38.

⁵⁸ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения. Т. 2, стр. 66.

⁵⁹ Утверждение Луначарского о том, что коллегия НКП была им создана и проведена через Совнарком тотчас же после его назначения наркомом (см. «Народное образование», 1957, № 3, стр. 17), документально не подтверждается. В данном случае имеет место отождествление Государственной комиссии с коллегией НКП.

⁶⁰ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, д. 10, лл. 8, 9, 26 и др.

⁶¹ М. Б. Кейрим-Маркус. Указ. соч., стр. 129.

⁶² Ф. Ф. Королев. Указ. соч., стр. 94.

⁶³ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, д. 10, л. 21.

15 вопросов текущей работы комиссариата⁶⁴. До 13 января 1918 г. состоялось 8 заседаний Малой комиссии, после чего в силу неопределенности своего организационного статуса она фактически прекратила свою деятельность. Однако необходимость в подобного рода рабочем органе ощущалась очень остро. Поэтому в апреле 1918 г. Малая государственная комиссия была воссоздана, и ее работа была поставлена с учетом организационного опыта Малого Совнаркома⁶⁵.

Напряженная работа по строительству правительственного аппарата государства диктатуры пролетариата к началу 1918 г. дала свои положительные результаты. К этому времени, как отмечал В. И. Ленин, «мы создали советский *тип* государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов»⁶⁶. В этот же период была решена и задача создания Государственной комиссии по просвещению и ее исполнительного аппарата в лице Наркомпроса. 28 декабря 1917 г. циркулярным письмом за подписью Луначарского педагогические и попечительные советы, служащие всех учебных заведений уведомлялись о том, что вместо старого министерства сформирован Народный комиссариат просвещения с 17-ю отделами⁶⁷. По содержанию и характеру своей деятельности вновь созданный центральный аппарат народного просвещения был составной частью государства диктатуры пролетариата, явившегося могучим рычагом построения социализма и советской культуры. Создание центрального государственного аппарата народного просвещения обусловило становление советского просвещенческого аппарата на местах и положило начало планомерному государственному руководству со стороны организованного в господствующий класс пролетариата тем духовным переворотом в жизни нашего общества, который В. И. Ленин назвал культурной революцией.

⁶⁴ Там же, д. 14, лл. 3—4.

⁶⁵ Там же, оп. 1, д. 35, л. 53.

⁶⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 102.

⁶⁷ ЛГАОРСС, ф. 2551, оп. 15, д. 2, л. 19.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ КОМИССИИ БЕЛОРУССИИ В 1918 ГОДУ

И. И. Майданов

Победоносное шествие Великого Октября, осуществление социалистических преобразований в Советской России вызывали злобу и ненависть свергнутых, но не уничтоженных эксплуататорских классов. «Помещики и капиталисты, *высшие* служащие и чиновники, тесно связанные с буржуазией, одним словом, все богатые и тянущие руку богатых,— указывал в ноябре 1917 г. В. И. Ленин,— встречают новую революцию враждебно, сопротивляются ее победе...»¹. Перед Коммунистической партией встала задача сломить сопротивление буржуазии, обеспечить охрану социалистических завоеваний трудящихся. На всей территории Республики Советов стали формироваться боевые органы борьбы с врагами диктатуры пролетариата. Такие специальные органы диктатуры пролетариата возникли и в Советской Белоруссии. Однако до сих пор вопросы организации ЧК и их деятельности в этом регионе не были предметом специального исследования. Единственной работой, в которой приводятся некоторые фактические данные о создании в Белоруссии чрезвычайных комиссий, является статья С. И. Азарова и Н. В. Каменской².

Автор данной статьи предпринимает попытку с широким использованием опубликованных источников и архивных материалов показать организацию системы чрезвычайных комиссий в Белоруссии и их деятельность в 1918 г. по защите завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции от покушений внутренней и внешней контрреволюции. В свободной от немецкой оккупации восточной части Белоруссии (нынешние Витебская, Гомельская, Минская и Могилевская области)³ революционным творчеством масс с первых же дней пролетарской революции были созданы чрезвычайные следственные комиссии, комитеты революционной охраны, отделы по охране Советов и другие органы борьбы с контрреволюцией⁴. В течение октября 1917 г.— января 1918 г. они проделали значительную работу по защите завоеваний социалистической революции и упрочению диктатуры пролетариата. Однако развитие событий показало, что эти органы, не располагая специальным аппаратом для выявления, предупреждения и пресечения подрывной деятельности противников Советской власти, не могли в пол-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 65.

² С. Азаров, Н. Каменская. На страже завоеваний Октября. «Полымя», 1967, № 12.

³ До провозглашения 1 января 1919 г. Белорусской ССР ее губернии составляли Западную область, которая являлась административно-территориальной единицей РСФСР.

⁴ «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Документы и материалы. Т. 2. Минск. 1957, стр. 210, 295, 403, 758, 797; «Победа Советской власти в Белоруссии». Минск. 1967, стр. 399—431; «История государства и права Белорусской ССР». Т. 1. Минск. 1970, стр. 11—33.

ном объеме решить задачу обеспечения безопасности пролетарского государства от попыток контрреволюционных элементов подорвать его изнутри. Деятельность этих органов сводилась в основном к подавлению при помощи революционных солдат и красногвардейцев открытых контрреволюционных выступлений, разгону реакционных организаций и учреждений и т. д.

Усиливающееся сопротивление буржуазии, рост саботажа, спекуляции, заговоров, бандитизма и других преступлений вынудили Коммунистическую партию организовать в системе государственного механизма специальный орган по борьбе с контрреволюцией. Инициатором создания такого органа выступил В. И. Ленин. 7 декабря 1917 г.⁶ он направил Ф. Э. Дзержинскому записку с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками. «Буржуазия, помещики и все богатые классы,— писал В. И. Ленин,— напрягают отчаянные усилия для подрыва революции... Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»⁶. В тот же день Совет Народных Комиссаров, руководствуясь ленинскими указаниями, принял постановление об образовании в Петрограде Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК)⁷. Председателем ее был назначен Ф. Э. Дзержинский.

Вскоре после своего возникновения ВЧК — орган борьбы с контрреволюцией в масштабе всей страны — предложила всем Советам немедленно создать местные органы борьбы с врагами Советской власти. В обращении от 15 декабря 1917 г. подчеркивалось, что «общими объединенными усилиями скорее и легче будет сломлено сопротивление врагов революции»⁸. Это предложение неоднократно повторялось в различных документах ВЧК, относящихся к началу 1918 года. В январе в одной из телеграмм исполкому Совета Западной области Ф. Э. Дзержинский и секретарь ВЧК И. Н. Полукаров, сообщая о подготовке контрреволюцией всероссийского заговора против Советской власти и покушений на выдающихся деятелей Коммунистической партии и рабоче-крестьянского государства, о мобилизации врагами революции (при поддержке империалистических держав) офицеров, жандармов, черносотенцев, юнкеров и других антисоветских элементов, писали: «Для беспощадной и самой решительной и быстрой ликвидации контрреволюционного заговора Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров предлагает всем Советам и комитетам немедленно же прислать своих представителей за получением инструкций и секретных данных в отделе борьбы с контрреволюцией во Всероссийской комиссии»⁹.

Белорусские большевики стали принимать меры к созданию в Минске, центре Западной области, органа, основной задачей которого стало бы выявление, предупреждение и пресечение подрывной деятельности контрреволюционеров. 22 января 1918 г. состоялось заседание Минского Совета рабочих и солдатских депутатов. С докладом о реорганизации Совета выступил его председатель, член партии с 1905 г. К. И. Ландер. Руководствуясь постановлением СНК РСФСР от 7 декабря 1917 г. и обращениями ВЧК, он обосновал необходимость немедленной организации при Минском Совете отдела по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Депутаты единодушно поддержали это предложение и приняли соответствующее решение¹⁰. Придавая важное значение органу охраны социалистических завоеваний, Минский Совет направил в новый

⁶ До 1 февраля 1918 г. все даты приводятся по старому стилю.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 156.

⁷ «Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии». Сборник документов (1917—1921 гг.). М. 1958, стр. 79.

⁸ «Известия ВЦИК», 15.XII.1918.

⁹ «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Т. 2, стр. 845.

¹⁰ Там же, стр. 814, 829.

отдел закаленных в битвах с царизмом и Временным правительством большевиков И. Я. Алибегова (член партии с 1905 г.), Н. И. Кривошеина (член партии с 1905 г.), К. И. Ландера и других. Председателем отдела был назначен активный участник революционных событий в Белоруссии член партии с 1906 г. Л. П. Резауский, секретарем — делегат II Всероссийского съезда Советов большевик Э. М. Баренс¹¹. О создании в центре Белоруссии этого специального органа диктатуры пролетариата, его задачах, компетенции и структурном построении широко сообщала периодическая печать¹².

Сложная политическая обстановка, в которой создавался белорусский отдел по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, требовала от большевиков немедленного решения организационных вопросов — укрепления его кадрами, подготовки помещения, выделения в распоряжение отдела вооруженной силы и т. п. Уже 25 января президиум Минского Совета сообщил, что отдел по борьбе с контрреволюцией, разместившийся в гостинице «Европа», приступил к работе; в нем организовано круглосуточное дежурство¹³. Это сообщение имело большое значение для установления связи отдела с трудящимися, без опоры на которых деятельность его не могла быть плодотворной.

Партийные и советские органы Белоруссии глубоко сознавали, что успешное решение задач по обеспечению безопасности социалистических завоеваний, укреплению диктатуры пролетариата зависит от людей, работающих в отделе по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Поэтому, несмотря на острую нехватку кадров, в январе 1918 г. в отдел дополнительно были направлены активные участники революционных событий в Белоруссии и на Западном фронте И. П. Жуков (член партии с 1909 г.), Е. М. Кроль (член партии с 1918 г.), Ж. Я. Кронберг (член партии с 1911 г.) и другие¹⁴. Для подавления контрреволюционных мятежей и восстаний отделу придавался вооруженный отряд, состоявший из передовых рабочих и революционных солдат.

С самого начала своей деятельности отдел по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией встал на путь решительного пресечения попыток противников Советской власти свергнуть в Белоруссии диктатуру пролетариата. Учитывая, что одним из главных очагов буржуазно-националистической контрреволюции в Минске была «Белорусская войсковая рада» (вооруженный орган националистической реакции), участники которой совместно с генералом И. Р. Довбор-Мусницким¹⁵ готовили мятеж против Советской власти, отдел нанес свой первый удар именно по этому крупному вражескому центру. Согласовав свои действия с Комиссариатом внутренних дел Западной области, сотрудники отдела 27 января внезапно произвели обыск в помещении рады и обнаружили материалы, свидетельствующие о подрывной работе белорусских буржуазных националистов против Советской власти¹⁶. Располагая документами, разоблачившими раду, отдел задержал ее главарей. 30 января Совет народных комиссаров Западной области, заслушав доклад К. И. Ландера о враждебной деятельности белорусских буржуазных националистов, постановил «Белорусскую войсковую раду» распустить, все ее отделы закрыть, а задержанных главарей подвергнуть

¹¹ Там же; «Звезда», 30.I.1918.

¹² См., например, «Минская газета», 23.I.1918.

¹³ «Звезда», 27.I.1918.

¹⁴ «Советская правда», 31.I.1918.

¹⁵ И. Р. Довбор-Мусницкий в 1918 г. командовал сформированным Временным правительством польским корпусом, части которого размещались на территории Белоруссии (штаб находился в Бобруйске). Корпус предназначался для борьбы против Германии. В январе 1918 г. реакционно настроенные офицеры корпуса во главе с Довбор-Мусницким подняли мятеж против Советской власти.

¹⁶ «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Т. 2, стр. 857—858.

аресту с последующим преданием суду военно-революционного трибунала¹⁷. 31 января Л. П. Резауский подписал ордер на арест вожаков рады.

Активное участие принимал отдел в борьбе с контрреволюционной печатью. В условиях напряженной политической обстановки в Белоруссии это направление его работы имело первостепенное значение. Капиталисты и помещики, кадеты, меньшевики, правые эсеры, реакционно настроенная интеллигенция использовали любую возможность для распространения клеветы на большевистскую партию и Советскую власть. В январе 1918 г. некоторые из выходявших в Минске газет буржуазной ориентации опубликовали материалы злобного антисоветского характера. В ответ на это отдел по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией совместно с Комиссариатом внутренних дел области закрыл «Минскую газету» и «Дзеньнік Мінскі», а редакторов этих газет привлек к уголовной ответственности. В обращении к населению по этому поводу Совнарком Западной области указывал, что такая мера применена к издателям газет за публикацию вредных материалов и ложных сведений, вызвавших панику и тревогу среди граждан¹⁸.

Отдел по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией принял решительные меры к пресечению саботажа со стороны реакционно настроенных чиновников ряда организаций и учреждений в Минске, а также против спекулянтов и других противников диктатуры пролетариата.

Однако деятельность боевого органа белорусских трудящихся была непродолжительной: начавшееся 18 февраля 1918 г. наступление на Западном фронте германских войск прервало его работу. Минск был оккупирован кайзеровскими войсками. Часть советских учреждений Западной области переехала в Смоленск, другие, в том числе и отдел по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, были упразднены, хотя Минский Совет рабочих и солдатских депутатов не принимал по этому поводу каких-либо решений. Деятельность отдела по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, несмотря на столь короткие сроки, имела большое значение. Он пресек ряд попыток внутренней контрреволюции, направленных на подрыв социалистической революции. Накопленный коммунистами Белоруссии за этот период опыт в организации специальных органов охраны социалистических завоеваний был успешно использован весной 1918 г. в ходе формирования на белорусской земле чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Несмотря на оккупацию германскими войсками Минской и части уездов Витебской и Могилевской губерний, Западная область не прекратила своего существования. В апреле 1918 г. большевики Белоруссии созвали II съезд Советов Западной области. На нем было подтверждено существование областного объединения и объявлено о включении в его состав Смоленской губернии. Это решение поддержал ВЦИК¹⁹. Центром Западной области временно был объявлен Смоленск. 15 апреля состоялось заседание нового исполкома, избранного съездом. Выступая перед депутатами, председатель Северо-Западного обкома РКП(б) и исполкома областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов А. Ф. Мясников от имени большевистской организации внес предложение о немедленном создании в системе органов государственного управления Западной области чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. После обсуждения этого предложения было принято постановление об организации при облисполкоме ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должно-

¹⁷ Там же, стр. 856—857.

¹⁸ Там же, стр. 835.

¹⁹ В. А. Круталевич. Рождение Белорусской Советской Республики. Минск. 1975, стр. 276.

сти²⁰. Ее председателем назначался бывший рабочий-путиловец, член партии с 1907 г. В. И. Яркин. Два дня спустя усилиями Северо-Западного обкома РКП(б) и исполкома Западной области аппарат ЧК в основном был сформирован, и она приступила к работе²¹. Образование ЧК Западной области знаменовало собой новый этап в строительстве специальных органов диктатуры пролетариата на территории Белоруссии.

Ко времени возникновения областной чрезвычайной комиссии в Витебске усилиями большевиков уже велась работа по созданию губернской ЧК. Решение об ее организации было принято 25 февраля 1918 г. Витебским губисполкомом²². Комиссию возглавил член губкома РКП(б) В. Э. Любохонский. Однако организация аппарата губчека шла медленно. Сказывались отсутствие опыта и острый недостаток в кадрах. Губком партии и губисполком неоднократно возвращались к этому вопросу. Лишь к концу июня им удалось наладить аппарат, способный успешно бороться с контрреволюцией. Об этом сообщил 4 июля 1918 г. на заседании президиума исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов член губкома партии, председатель Витебского губисполкома И. А. Меницкий (член партии с 1914 г.). Он отметил, что в результате дружных совместных усилий партийных и советских органов, активной помощи рабочих коллективов города чрезвычайная комиссия была укреплена и начала умело отражать нападки буржуазии и ее агентов на рабоче-крестьянскую власть²³.

Весной 1918 г. специальные органы диктатуры пролетариата стали возникать на территории Могилевской губернии. Первой по инициативе местной партийной организации была организована Чериковская уездная ЧК. Решение о ее создании принял 1 апреля исполком Совета рабочих и крестьянских депутатов²⁴. Придавая важное значение борьбе с контрреволюцией, Чериковская организация большевиков рекомендовала назначить руководителем ЧК председателя уездного исполкома Н. Д. Щербитова, члена РКП(б) с апреля 1917 года. 14 апреля постановлением исполкома Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов была создана Оршанская уездная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Возглавил ее член большевистской партии с 1909 г. слесарь Н. И. Горбачев. Руководствуясь постановлением СНК РСФСР о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии, партийные и советские органы Оршанского уезда разработали подробную инструкцию, которая определяла порядок организации и деятельности ЧК. 22 мая инструкция была рассмотрена исполкомом и с небольшими изменениями утверждена²⁵. 24 мая постановление о создании губернской ЧК принял Могилевский губисполком. В ее состав вошли два представителя от фракции большевиков и один от фракции левых эсеров²⁶. Председателем комиссии стал большевик М. Л. Пинскер. В состав комиссии были направлены рабочие А. П. Старостников и Ф. С. Жуковский. Однако

²⁰ «Звезда», 16.IV.1918.

²¹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 3, л. 172 об.

²² Там же, д. 6, л. 3 об.; д. 55, л. 158.

²³ Там же, д. 55, л. 155.

²⁴ Там же, д. 11, л. 48 об.

²⁵ Там же, д. 212, лл. 21 об., 27, 28.

²⁶ Левые эсеры входили в состав почти всех чрезвычайных комиссий Белоруссии. Их участие в ЧК свидетельствовало о том, что РКП(б), будучи правящей партией, не отрицала сотрудничества с революционно-демократическими партиями, объявившими о своей поддержке Советской власти в борьбе с ее врагами. В этой связи злобной клеветой на Коммунистическую партию звучат утверждения буржуазных историков и юристов, будто большевики с самого начала образования ЧК как части государственного аппарата закрыли доступ в них представителям других политических партий. Левые эсеры работали в чрезвычайных комиссиях до лета 1918 года. В июле в связи с антисоветским мятежом левых эсеров в Москве и других городах они были уволены из чрезвычайных комиссий на основании соответствующих постановлений ВЦИК и СНК.

работа по налаживанию ее аппарата продвигалась медленно. 8 июля губисполком вновь обсудил вопрос о ЧК. С докладом выступил председатель исполкома губернского Совета Д. Ш. Гуревич, член большевистской партии с 1916 года. Всесторонне обсудив доклад, губисполком наметил меры по укреплению ЧК. Руководителем комиссии стал Д. Ш. Гуревич²⁷. Весной 1918 г., кроме названных ЧК, на Могилевщине возникли также Гомельская и Чаусская, а в Витебской губернии — Городокская уездные комиссии по борьбе с контрреволюцией. Решения об их создании приняли уездные Советы рабочих и крестьянских депутатов²⁸.

За становлением на территории Белоруссии специальных органов диктатуры пролетариата внимательно следил Ф. Э. Дзержинский. Он придавал огромное значение местным ЧК, призванным обеспечивать безопасность социалистических завоеваний на западных рубежах Страны Советов. В мае 1918 г. председатель ВЧК дал указание члену коллегии ВЧК В. В. Фомину, который в 1917 г. входил в состав Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, обеспечить помощь большевистским комитетам и Советам Западной области в строительстве комиссий по борьбе с контрреволюцией. С этой целью из Москвы в Витебск, Смоленск и Оршу были направлены опытные чекисты-большевики Г. С. Мороз и П. И. Путилова. С помощью местных партийных организаций они проделали большую работу по укреплению чекистского аппарата, правильному разрешению Советами различных вопросов организации и деятельности боевых пролетарских органов²⁹.

Большое значение для становления специальных органов борьбы с контрреволюцией в Белоруссии имела I Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий, состоявшаяся в Москве 11—14 июня 1918 года. В ее работе приняли участие руководители белорусских чекистов В. Э. Любохонский, М. Л. Пинскер, В. И. Яркин. Заслушав и обсудив отчет ВЧК и доклады с мест (в том числе доклад ЧК Западной области), конференция отметила, что «переживаемое нами исключительное время требует организовать... боевые органы при Совдепах в лице чрезвычайных комиссий, которые бы охраняли Советскую власть и дали бы возможность Советам налаживать экономическую, продовольственную и культурную области страны»³⁰, и подчеркнула, что чрезвычайные комиссии должны стать надежным оплотом Советской власти, помощником пролетариата в его борьбе за укрепление революционных завоеваний. Участники всероссийского форума чекистов приняли «Основные положения об организации чрезвычайных комиссий», резолюции «О связи с массами», «О координации действий» и другие³¹. Эти документы имели огромное значение для местных партийных, советских и чекистских органов. Они давали ответ на вопрос о том, как создавать ЧК, содержали важнейшие принципы организации и деятельности этих специальных органов диктатуры пролетариата.

В период работы конференции В. И. Яркин не раз беседовал с Ф. Э. Дзержинским по вопросам строительства в Белоруссии чрезвычайных комиссий, их деятельности по защите революционных завоеваний и укреплению Советской власти. Советы, рекомендации и пожелания председателя ВЧК, хорошо знавшего обстановку в Западной области, белорусские чекисты широко применяли затем в своей работе.

После I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий начался новый этап в строительстве белорусских ЧК. Имея ясную программу, намеченную конференцией, и определенный опыт в организации спе-

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 210, лл. 34, 60.

²⁸ Там же, д. 215, л. 40 об.; д. 60, л. 219.

²⁹ «Известия ВЦИК», 1.VII.1918; ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 57, л. 20.

³⁰ «Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии», стр. 134.

³¹ Там же, стр. 134—137.

специальных органов борьбы с контрреволюцией, большевистские комитеты и Советы Западной области развернули активную деятельность по созданию ЧК. В течение июня — июля 1918 г. были образованы Климовичская (18 июня), Полоцкая (28 июня), Лепельская (20 июля), Бешенковичская (20 июля), Сенненская (28 июля) и другие уездные чрезвычайные комиссии³². В августе процесс организации уездных комиссий был практически завершен. К сентябрю во всех уездах белорусских губерний функционировали вполне налаженные аппараты ЧК.

Белорусские большевики сознавали, что успешное решение задач по борьбе с контрреволюцией в конечном итоге зависит от людей, работающих в ЧК, и руководствовались ленинским указанием о том, что от правильного подбора и расстановки кадров зависит успех политики партии. «Никакой политики нельзя провести,— говорил В. И. Ленин,— не выражая ее в назначении и перемещении»³³. Комитеты РКП(б) и Советы Белоруссии вели огромную работу по комплектованию ЧК проверенными людьми, прежде всего передовыми рабочими. 13 сентября 1918 г. одна из секций Витебского городского Совета, учитывая важность функций чрезвычайной комиссии, приняла решение направить в орган охраны социалистических завоеваний значительное число рабочих от станка и революционных солдат, «преданных народным интересам и пролетарской революции»³⁴. Аналогичные решения приняли Могилевский губисполком и ряд уездных Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Кроме классового принципа, в основе комплектования ЧК кадрами лежал принцип партийности. Суть его заключалась в том, что в специальные органы диктатуры пролетариата принимались в первую очередь члены РКП(б). Это было обусловлено специфическим характером чекистской работы, огромной ролью комиссий в борьбе за сохранение и упрочение Советской власти. От сотрудников ЧК требовались высокая политическая сознательность, преданность делу социалистической революции, беззаветное служение трудовому народу. В сентябре 1918 г. Могилевский губком РКП(б) принял решение об отправке на работу в ЧК шести коммунистов из городской партийной организации и значительной группы наиболее передовых беспартийных рабочих³⁵. 26 ноября состоялось заседание Сенненского уисполкома, который постановил «просить Сенненскую организацию партии коммунистов наметить кандидата в члены чрезвычайной комиссии»³⁶. В течение октября — ноября вопрос о комплектовании ЧК коммунистами рассмотрели Мстиславский, Оршанский, Чериковский и другие укомы партии. В результате усилий партийных организаций и Советов к концу 1918 г. среди членов коллегий и сотрудников чрезвычайных комиссий Белоруссии коммунисты, выходцы из рабочих и беднейших крестьян, составляли в Витебской губернии 85%, Могилевской — 91,4%³⁷. Коммунисты цементировали ряды сотрудников ЧК, вносили в их работу дух партийности, боевистости и принципиальности.

Создавая ЧК, партийные организации и Советы Белоруссии стремились обеспечить их неразрывное единство с трудящимися, глубоко понимая, что только крепкая связь с рабочими и беднейшими крестьянами позволит чрезвычайным комиссиям успешно бороться против внутренней и международной контрреволюции. В. И. Ленин, Центральный Комитет РКП(б) неоднократно обращали внимание на необходимость тес-

³² ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 62, л. 248 об.; д. 60, л. 487 об.; д. 211, лл. 48, 199; д. 5, лл. 236 об., 255; д. 58, л. 315 об.; д. 55, лл. 1—6.

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 237.

³⁴ Цит. по: С. Азаров, Н. Каменская. Указ. соч., стр. 226.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 210, л. 99.

³⁶ Там же, д. 62, л. 457.

³⁷ Подсчитано по: «Еженедельник ЧК», 1918, № 6, стр. 30—31.

нейшей связи ЧК с трудящимися, которые считали священной обязанностью помогать чекистам в их борьбе с врагами Советской власти. «Заговорщикам,— подчеркивал В. И. Ленин,— приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов всегда натываются на людей, которые идут в... ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры»³⁸.

Руководствуясь ленинскими указаниями, партийные комитеты, Советы и ЧК Белоруссии всячески стремились крепить, расширять и углублять связь специальных органов диктатуры пролетариата с рабочими и беднейшими крестьянами. Участники состоявшейся в октябре 1918 г. конференции ЧК Западной области, обсудив вопрос о контакте чекистов с трудящимися массами, постановили «войти всем чрезвычайным комиссиям в тесную связь с комитетами бедноты»³⁹. В ноябре в соответствии с указаниями Северо-Западного обкома РКП(б) ЧК Западной области в циркулярной телеграмме Витебской и Могилевской губчека предписала им в повседневной деятельности постоянно опираться на рабочих и беднейших крестьян⁴⁰. Связь ЧК с трудящимися выражалась в различных формах. Наибольшее распространение получили заявления рабочих и крестьян об антисоветской деятельности контрреволюционеров, выступления чекистов на собраниях и митингах трудящихся, воззвания ЧК к народу. В сентябре 1918 г. ЧК Западной области опубликовала воззвание «Рабочие и крестьянская беднота, не спите!». В нем говорилось о враждебной деятельности помещиков, офицеров и черносотенцев. «Чтобы ликвидировать всю контрреволюционную гидру,— обращалась ЧК к трудящимся,— нужна ваша помощь. Встаньте все, кому дороги интересы бедноты, и о всем вами слышанном и замеченном... сообщайте комиссии»⁴¹.

Таким образом, в результате огромной работы партийных и советских органов в 1918 г. на территории Белоруссии, свободной от германских оккупантов, была создана система чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией. Основными звеньями этой системы являлись областная, губернская и уездные ЧК. Общее руководство чрезвычайными комиссиями осуществляли непосредственно и через Советы рабочих и крестьянских депутатов Северо-Западный областной, губернский и уездные комитеты РКП(б). Парткомы и Советы укрепили боевые органы диктатуры пролетариата лучшими представителями рабочего класса и беднейшего крестьянства, в большинстве своем коммунистами. Сознывая, что одним из важнейших условий успешной борьбы с контрреволюцией является помощь ЧК со стороны трудящихся, партийные и советские органы, чрезвычайные комиссии постоянно крепили связь ЧК с массами, с организациями рабочих и беднейших крестьян.

Исходя из конкретной политической обстановки, Коммунистическая партия ставила перед чекистскими органами Белоруссии как одним из отрядов ВЧК важные задачи по обеспечению безопасности социалистических завоеваний, укреплению диктатуры пролетариата. Они сводились в основном к выявлению и пресечению подрывной деятельности контрреволюционных организаций и групп, подавлению антисоветских мятежей и восстаний, борьбе с контрабандно-спекулятивной деятельностью, бандитизмом, должностными и другими преступлениями. Осуществляя эти задачи, чрезвычайные комиссии Белоруссии добились серьезных успехов в борьбе с контрреволюцией на внутреннем фронте.

Учитывая особую опасность, которую представляли собой подпольные организации и группы контрреволюционеров, подготавливавших

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 418.

³⁹ «Бедняк», 24.X.1918.

⁴⁰ «Комитеты бедноты Белоруссии». Сборник документов и материалов. Минск. 1958, стр. 144.

⁴¹ «Звезда», 8.IX.1918.

вооруженные выступления с целью свержения диктатуры пролетариата, ЧК Белоруссии сосредоточили внимание на выявлении глубоко законспирированных контрреволюционных гнезд. Летом 1918 г. ЧК Западной области нашла след подпольной организации «Общество защиты Временного правительства» и тесно связанной с ней другой контрреволюционной организации во главе с бывшим царским генералом М. Дорманом. В июле чекисты задержали в Смоленске одного из участников мятежа Чехословацкого корпуса, у которого было обнаружено письмо белогвардейцев Поволжья к буржуазии Западной области с просьбой о помощи. Чрезвычайная комиссия, располагавшая к тому времени сведениями о подозрительном поведении некоторых бывших помещиков, произвела у них обыски. В результате был найден список участников «Общества защиты Временного правительства». В нем значились крупные помещики области, заводчики и фабриканты. Под руководством председателя областной ЧК В. И. Яркина чекисты немедленно приняли меры к их задержанию. Всего было задержано, а затем арестовано около 40 человек, в том числе епископ Макарий — идейный вдохновитель заговорщиков. Следствие показало, что контрреволюционеры не только вербовали офицеров в белогвардейские армии, но и вынашивали план свержения Советской власти путем вооруженного мятежа⁴².

Вскоре после ликвидации этого вражеского гнезда группа чекистов во главе с Я. Л. Аскольдовым (член партии с 1917 г.) приступила к разгрому организации М. Дормана. Комиссия установила, что бывший начальник царской охраны в Вильно генерал-лейтенант Сорокин, крупные помещики Реут, Энгельгард и другие создали организацию во главе с Дорманом, главной целью которой была подготовка в Западной области вооруженного мятежа против Советской власти. Из офицеров, жандармов и других лиц, враждебно настроенных к Советам, главари организации создали боевую дружину. Заговорщиков поддерживали капиталисты и помещики Западной области, которые систематически передавали Дорману большие суммы денег для подрывной деятельности. Так, через связника заговорщиков офицера А. Лунстину они передали Дорману 57 тыс. рублей. Контрреволюционное подполье располагало оружием, поддерживало связь с белогвардейским корпусом генерала А. П. Родзянко и германской разведкой, от которых получало инструкции и материальную помощь⁴³. Разгром чекистскими органами опасного контрреволюционного заговора высоко оценил III съезд Советов Западной области (сентябрь 1918 г.), отметив, что благодаря чрезвычайной комиссии, находящейся в тесной связи с рабочими и беднейшими крестьянами, был раскрыт заговор буржуазии, которая «ставила своей целью установление военной диктатуры и тем самым закрепощение рабочих и крестьян»⁴⁴.

Ощутимый удар по антисоветскому подполью нанесли белорусские ЧК осенью 1918 года. В октябре с помощью трудящихся они обезвредили сеть тайных вербовочных пунктов, созданных в Западной области агентами белогвардейцев, занимавшихся агитацией среди офицеров и других враждебных Советской власти элементов и отправкой их на юг страны в Добровольческую армию. Арестованные чекистами белогвардейские агенты (в том числе непримиримый враг трудящихся бывший заместитель министра внутренних дел царской России генерал В. Ф. Джунковский, задержанный Оршанской ЧК при попытке перейти демаркационную линию) предстали перед судом военно-революционного трибунала⁴⁵.

⁴² «Правда», 7.VIII.1918; «Еженедельник ЧК», 1918, № 2, стр. 28; № 6, стр. 26.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 208, л. 136; «Известия ВЦИК», 6 и 22.X.1918; «Еженедельник ЧК», 1918, № 2, стр. 28—29.

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 310, л. 111.

⁴⁵ Там же, д. 207, л. 24; «Известия ВЦИК», 18.IX и 29.X.1918.

Борьба чрезвычайных комиссий Белоруссии с подрывной деятельностью контрреволюции приобретала все более широкий размах. Так, Витебская губернская ЧК только с 22 июля по 30 сентября 1918 г. рассмотрела 129 дел, в большинстве — участников заговорщических организаций и групп. Городокская уездная комиссия к декабрю 1918 г. «открыла по контрреволюционному отделу 141 дело» и за участие в подпольной антисоветской деятельности арестовала 167 человек⁴⁶. Чувствительные удары, нанесенные чрезвычайными комиссиями, в значительной степени парализовали усилия буржуазии, пытавшейся создать на территории Белоруссии разветвленную сеть тайных организаций и групп с целью подготовки вооруженного выступления против диктатуры пролетариата. Разгром контрреволюционных гнезд способствовал упрочению рабоче-крестьянского государства, укреплению тыла Красной Армии, отражавшей натиск интервентов и белогвардейцев на внешних фронтах.

Белорусские ЧК принимали активное участие в разгроме кулацко-белогвардейских мятежей, поднятых агентами империалистических разведок и буржуазией осенью 1918 г. в ряде уездов Западной области. Первые вспышки вооруженных выступлений буржуазии против Советской власти произошли 11 ноября 1918 г., когда в Велижском уезде восстали кулаки Усманской и Маклаковской волостей, местечек Кресты, Селезни и других. Мятежники во главе с эсерами и офицерами жестоко расправились с коммунистами, членами волостных исполкомов и комитетов бедноты. Только в местечке Усвяты они расстреляли десятки советских активистов, в том числе большевиков М. П. Загорского, С. Д. Золотникова, И. И. Кантарова и П. Х. Соколова⁴⁷. В ноябре выступили кулаки Зайковской, Стауковской, Тиостянской и других волостей Городокского уезда. Вооруженные мятежники разгромили волостные Советы и военные комиссариаты, избили членов исполнительных комитетов, а в Зайковской волости расстреляли большинство советских руководителей⁴⁸. Одновременно с велижскими и городокскими кулаками на открытую борьбу против диктатуры пролетариата поднялась сельская буржуазия в некоторых волостях Витебского и Оршанского уездов. 13 ноября 600 вооруженных кулаков совместно с бандитами под предводительством офицеров захватили железнодорожную станцию Россоны⁴⁹.

В связи с контрреволюционными выступлениями на территории белорусских губерний сложилась напряженная обстановка. Коммунистическая партия приняла меры, чтобы подавить вооруженные выступления буржуазии и кулаков. Северо-Западный обком, Витебский и Могилевский губкомы РКП(б) с учетом рекомендаций ВЦИК, изложенных А. Ф. Мясникову при вызове его в Москву 14 ноября, разработали план разгрома мятежей. Внимание местных партийных и советских органов обращалось на применение при ликвидации этих антисоветских вылазок прежде всего профилактических мер, поскольку буржуазия силой и обманом вовлекала в них середняков и беднейших крестьян, и лишь после того как эти меры будут исчерпаны, к мятежникам рекомендовалось «принять самые решительные меры чрезвычайными и военными властями»⁵⁰. ЧК Западной области на основании полученных от обкома партии и исполкома указаний направила 18 ноября 1918 г. Витебской и Могилевской губчека телеграмму. В ней сообщалось, что помещики, кулаки, эсеры и другие враждебные элементы подняли вооруженные мятежи и, привлекая на свою сторону бессозна-

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 59, л. 174 об.; д. 60, л. 219.

⁴⁷ Там же, оп. 94, д. 237, л. 220 об.

⁴⁸ Там же, ф. 393, оп. 3, д. 60, лл. 383, 383 об.

⁴⁹ Там же, л. 383.

⁵⁰ «Бедняк», 19.XI.1918.

тельные массы деревенского населения, формируют вооруженные банды, уничтожают советских работников, захватывают власть в свои руки. Областная комиссия предписывала всем белорусским ЧК принять меры «к буржуа, которые с оружием, в руках выступили против социалистической революции, против трудового народа»⁵¹.

Мобилизованные и руководимые партийными организациями, ЧК Западной области совместно с отрядами Красной Армии стали решительно подавлять выступления буржуазии и кулачества. В результате их самоотверженной деятельности к 20 ноября 1918 г. были рассеяны контрреволюционные банды в Городокском, Полоцком и Оршанском уездах. В борьбе с врагами революции смертью героев погибли многие сотрудники ЧК. Так, только Витебская губчека потеряла 10 чекистов, в том числе большевиков Ш. М. Миркина и М. Ф. Кравцова⁵². Благодаря ЧК были предотвращены мятежи в Климовичском и Чериковском уездах, подготавливаемые местными эсерами и белогвардейскими агентами Северо-Западной белой армии (корпус Родзянко)⁵³.

В ходе расследования всех обстоятельств вооруженных выступлений буржуазии чрезвычайные комиссии установили, что мятежи на территории Белоруссии приурочивались к моменту взыскания единовременного чрезвычайного революционного налога⁵⁴ и призыва в Красную Армию. Враги рассчитывали, что именно в этот момент будет легче всего поднять крестьян на вооруженную борьбу против Советской власти. Однако белорусское крестьянство, как показали события, в своем абсолютном большинстве не поддержало мятежников. «В тех же волостях, где существовали и работали сильные партийные ячейки,— писала газета «Звезда» 15 декабря 1918 г.,— контрреволюционные агитаторы нашли не только неплодотворную почву для своих темных дел, а даже вооруженное сопротивление».

Одной из главных задач чрезвычайных комиссий была борьба со спекуляцией, наносившей огромный ущерб экономическим основам Советской власти.

Весной и летом 1918 г. в связи со стабилизацией положения на Западном фронте в Белоруссию со всех концов страны ринулись разной масти дельцы с целью переправы продовольственных и промышленных товаров за демаркационную линию, установленную в соответствии с Брест-Литовским мирным договором от 3 марта 1918 года. В Витебск, Могилев, Оршу привозилось большое количество соли, сахара, мануфактуры, кожи для тайного провоза за пределы Советской республики. «На западной границе,— сообщалось 1 июля 1918 г. в «Известиях ВЦИК»,— практикуется в широких размерах спекуляция, провозятся контрабандой разные товары и продукты».

Северо-Западный обком, губернские и уездные комитеты РКП(б), Советы рабочих и крестьянских депутатов, выполняя декрет СНК РСФСР от 22 июля 1918 г. о борьбе со спекуляцией, мобилизовали ЧК на решительное пресечение действий спекулянтов и контрабандистов, которые серьезно подрывали экономику. В июле и августе 1918 г. Витебский губисполком, заслушав и обсудив доклады губчека о борьбе со спекулянтами и контрабандистами, потребовал от комиссии принять все усилия для пресечения деятельности врагов революции на экономическом фронте⁵⁵. В августе вопрос о борьбе со спекуляцией обсудили Климовичские уком РКП(б) и исполком. В декабре Полоц-

⁵¹ «Комитеты бедноты Белоруссии», стр. 144.

⁵² ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 94, д. 237, л. 221.

⁵³ Там же, оп. 93, д. 131, л. 7; «Звезда», 15.XII.1918.

⁵⁴ Единовременный чрезвычайный налог был установлен декретом ВЦИК от 30 октября 1918 г. («Известия ВЦИК», 2.XI.1918).

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 55, лл. 76, 76 об., 89.

кий ВРК, учитывая рост спекуляции, обязал чрезвычайную комиссию и милицию применить к дельцам черного рынка карательные меры⁵⁶.

Выполняя возложенную на них задачу, ЧК Белоруссии при поддержке трудящихся повели активную борьбу против спекулянтов и контрабандистов. Уже в июне 1918 г. они изъяли у спекулянтов мануфактуры на несколько миллионов рублей. В течение июля Витебская губернская и Оршанская уездная ЧК обезвредили ряд шаек контрабандистов, занимавшихся переправой за демаркационную линию золота, серебра и валюты, задержали огромное количество товаров, в том числе вагон с конфетами⁵⁷. Успехи оршанских чекистов в борьбе с контрреволюцией на экономическом фронте отметил председатель Оршанского исполкома С. М. Рошаль в своем выступлении в августе 1918 г. на I уездном съезде Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. «Контрабанды и спекуляции как массового явления,— сказал он,— сейчас нет, и в этом заслуга чрезвычайной комиссии»⁵⁸. В сентябре — октябре белорусские ЧК конфисковали у спекулянтов несколько вагонов с мануфактурой, изъяли ценностей и денег на сумму около 4 млн. рублей. Благодаря их самоотверженной работе был предотвращен вывоз за демаркационную линию золота, серебра и драгоценных камней на сумму 3 млн. рублей⁵⁹. Витебская губчека изъяла у контрабандистов и спекулянтов 46 пуд. золота и серебра и 534 тыс. рублей⁶⁰.

Деятельность чрезвычайных комиссий Белоруссии в области борьбы со спекуляцией и контрабандой в трудных условиях гражданской войны имела особое значение. Тысячи тонн продовольствия, много промышленных товаров, десятки миллионов рублей денег, значительное количество золота, серебра и других ценностей сберегли чекисты для народа. Все это способствовало укреплению экономики и обороноспособности рабоче-крестьянского государства.

Многое сделали чрезвычайные комиссии для ограждения молодых органов государственного управления от проникновения в них враждебных элементов. Деятельность ЧК в этом направлении способствовала очищению советских организаций и учреждений от контрреволюционеров, пробравшихся на советскую работу. В мае — июне 1918 г. Витебская губчека разоблачила преступников, орудовавших в отделе народного хозяйства и других учреждениях. Информирова 4 июля губисполком о своей работе, комиссия указывала: «Из советских учреждений были удалены лица, сознательно тормозившие работу Советской власти, некоторые из них преданы суду». В августе Городокская уездная ЧК обезвредила группу контрреволюционеров, которые, пробравшись в некоторые советские учреждения, дезорганизовывали их работу, вредили Советской власти⁶¹. В ноябре чекисты расследовали должностные злоупотребления группы работников продовольственных комитетов. Эти лица старались толкнуть рабочих на борьбу против Советов. 30 преступников предстали перед революционным трибуналом⁶².

Важным направлением деятельности чрезвычайных комиссий была борьба против бандитизма. Шайки контрреволюционных элементов, состоящих которых составляли кулаки, бывшие офицеры, полицейские и жандармы, грабили население, зверски расправлялись с советскими активистами и коммунистами, участвовали в мятежах и погромах. Например, оперировавшая летом 1918 г. на Гомельщине банда атамана Злотникова

⁵⁶ Там же, ф. 1235, оп. 93, д. 362, л. 18; «Витебский листок», 21.XII.1918.

⁵⁷ «Правда», 21.VI и 31.VII.1918; «Звезда», 31.VII.1918.

⁵⁸ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 212, л. 9.

⁵⁹ «Еженедельник ЧК», 1918, № 1, стр. 27; № 2, стр. 21—22, 28—29.

⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 55, л. 172.

⁶¹ Там же, лл. 59 об., 76.

⁶² Там же, ф. 1005, оп. 7, д. 289, лл. 1—3.

разгромила Ветковский ревком и убила его председателя большевика Г. С. Малеева. Другая банда, действовавшая в Бобруйском уезде, занималась грабежами граждан и, находясь в тесной связи с эсерами, распространяла по их заданию контрреволюционную литературу, призывала «к неподчинению Советской власти»⁶³. Бандитизм, таким образом, укреплял позиции свергнутых эксплуататорских классов, дезорганизовывал деятельность советского государственного аппарата. Партийные и советские органы Белоруссии потребовали от чрезвычайных комиссий беспощадной борьбы с бандами. 5 июля 1918 г. Оршанский исполком предписал ЧК «немедленно принять меры к задержанию шайки бандитов», которая под видом контрольно-пропускной комиссии бесчинствовала на демаркационной линии. В этом же месяце Витебский губисполком, заслушав доклад ЧК, дал указание усилить борьбу с бандитизмом, принимавшим на Витебщине угрожающие размеры. В августе — сентябре 1918 г. вопросы борьбы с бандитизмом обсуждались на заседаниях Могилевского губисполкома, Климовичского и Чериковского уездных исполкомов⁶⁴.

Мобилизованные и руководимые партийными комитетами и Советами, чрезвычайные комиссии с помощью трудящихся летом и осенью 1918 г. повели активную борьбу против бандитизма. В июле они ликвидировали на Могилевщине опасную банду, которая терроризировала мирное население и органы Советской власти. В августе в результате решительных действий чекистов прекратила свое существование одна из бандитских шайк, действовавших в Городокском и других уездах. В этом же месяце чекисты совместно с красноармейским отрядом, выделенным в их распоряжение, провели успешную операцию против крупной банды атамана Кутузова, систематически совершавшей налеты на волостные исполкомы и другие органы власти в Климовичском уезде. Серьезный удар бандитам был нанесен осенью 1918 г. в Городокском, Мстиславском и Чериковском уездах, где чекисты разгромили ряд опасных и хорошо вооруженных бандитских шайк⁶⁵. Отмечая заслуги своей ЧК в борьбе с бандитизмом, Климовичский исполком указывал в отчете за ноябрь 1918 г., что «благодаря энергичным действиям комиссии в уезде держится образцовый порядок»⁶⁶.

Деятельность чрезвычайных комиссий, направленная против внутренней и внешней контрреволюции, представляла собой составную часть борьбы трудящихся за освобождение оккупированной интервентами территории Белоруссии. Ноябрьская революция в Германии, поражение немецких империалистов в первой мировой войне, борьба советского народа за изгнание интервентов настолько ослабили боеспособность германской армии, что во второй половине ноября 1918 г. ее командование вынуждено было начать общий отвод войск с территории Белоруссии. Освобождение Белоруссии от захватчиков превратилось в победоносное шествие Советской власти. При поддержке населения и партизан части Красной Армии к середине февраля 1919 г. освободили почти всю Белоруссию.

Активное участие в освобождении белорусской земли от оккупантов принимали чрезвычайные комиссии. Докладывая председателю ВЦИК Я. М. Свердлову о ходе освобождения Белоруссии, председатель Северо-Западного обкома РКП(б) А. Ф. Мясников телеграфировал в Москву 10 декабря 1918 г.: «Ввиду полученных сведений о слабости немцев в Минске и производимых ими хищениях третьего дня мы дви-

⁶³ «Бедняк», 18.XII.1918.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 362, л. 21; д. 361, л. 13; ф. 393, оп. 3, д. 55, л. 76 об.

⁶⁵ «Правда», 6.VIII.1918; ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 7, д. 66, лл. 13, 14; ф. 393, оп. 3, д. 211, л. 139.

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 211, л. 139.

нули туда сильные отряды Чрезвычайкома, которые сегодня утром в 7 часов заняли Минск»⁶⁷. Над столицей Белоруссии взвилось красное знамя. В тот же день Северо-Западный областной комитет партии утвердил Минский военно-революционный комитет. Председателем ВРК назначался И. И. Рейнгольд, а его заместителем — руководитель ЧК Западной области В. И. Яркин, который одновременно исполнял обязанности председателя ЧК. С этого же времени при ВРК стала функционировать приехавшая из Смоленска областная чрезвычайная комиссия, переименованная в Минскую губернскую ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности⁶⁸. Эта комиссия, находясь в тесной связи с рабочими и крестьянами, продолжала надежно защищать и укреплять их революционные завоевания.

Являясь боевым отрядом Всероссийской чрезвычайной комиссии, белорусские чекисты надежно защищали интересы Страны Советов на ее западных рубежах. В грозный 1918 год, когда на молодую Советскую республику со всех сторон наступали интервенты и белогвардейцы, чрезвычайные комиссии Белоруссии сосредоточили все свои силы и средства на борьбе против внутренних и внешних врагов Советского государства, пытавшихся подорвать его изнутри. С помощью трудящихся они обезвреживали подпольные контрреволюционные организации и группы, подавляли кулацкие мятежи и восстания, боролись против бандитов и спекулянтов, охраняли советские учреждения и организации от проникновения в них враждебных элементов. Своей героической борьбой с врагами диктатуры пролетариата чрезвычайные комиссии Белоруссии — надежный щит и меч пролетарской революции — заслужили любовь и уважение трудящихся.

⁶⁷ Там же, ф. 1235, оп. 93, д. 115, л. 16 об.

⁶⁸ Там же; «Бедняк», 13.XII.1918.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ХРОНОГРАФЕ СО «СЛОВОМ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Г. Н. Моисеева

В декабре 1800 г. в Москве вышло из печати первое издание «Слова о полку Игореве» под заглавием «Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе». Книга открывалась небольшим предисловием «Историческое содержание пѣсни», в котором были сообщены краткие сведения о сборнике, в составе которого находилось «Слово»: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит издателю сего, который чрез старания свои и прозбы к знающим достаточно российской язык доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желанной ясности, и ныне по убеждению приятелей решился издать оной на свет». К словам «рукопись... принадлежит издателю сего» было сделано обширное примечание:

«Г. действительному тайному советнику и кавалеру Графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину. В его Библиотеке хранится рукопись она в книге, писанной в лист, под № 323. Книга же сия содержит следующія, по их оглавлениям, материи.

1. Книга глаголемая Гранограф (Хронограф), рекше начало писменом царских родов от многих летописец, прежде о бытии, о сотворении мира, от книг Моисеовых, и от Иисуса Навина, и от судей иудейских, и от четырех Царств, так же и о Асирийских царех, и от Александрия, и от Римских царей, Еллин же благочестивых, и от Руских летописец, Сербских и Болгарских.

2. Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Рускыя.

3. Сказание о Индии богатой.

4. Синагрип царь Адоров, Иналивская страны.

5. Слово о плъку Игореве, Игоря Святъславля, внука Ольгова.

6. Деяние прежних времен храбрых человек о бръзости, и о силе, и о храбрости.

7. Сказание о Филипате и о Максиме и о храбрости их.

8. Аще думно есть слышати о свадьбе Девгеев, и о всъхыщении Стратиговне»¹.

Это было первое известие о сборнике, в составе которого находилось «Слово о полку Игореве», так как в трех рукописных переводах, предшествовавших изданию «Слова»², ничего не было сказано об особенностях рукописи, содержащей этот памятник.

¹ «Слово о полку Игореве». Серия «Литературные памятники». Воспроизведение издания 1800 г. М.-Л. 1950, стр. VII (далее цитируется это издание).

² Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.-Л. 1960, стр. 269.

В издании 1800 г. о датировке рукописи говорится в самой общей форме и ничего не сказано о том, когда именно и от кого приобрел ее А. И. Мусин-Пушкин. Ко времени опубликования рукопись была его собственностью.

Ценнейшее «Собрание российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина, хранившееся в его московском особняке на Разгуляе, сгорело в 1812 г., во время нашествия Наполеона. После гибели Хронографа со «Словом о полку Игореве» молодой ученый, успешно занимавшийся изучением древнерусских памятников, К. Ф. Калайдович обратился к А. И. Мусину-Пушкину с настоятельной просьбой подробно рассказать о рукописи «Слова о полку Игореве». В ответном письме от 20 декабря 1813 г. А. И. Мусин-Пушкин объяснил некоторые обстоятельства приобретения рукописи. Он писал К. Ф. Калайдовичу: «На вопросы ваши объяснение при сем прилагаю вследствие желания вашего, хотя называл вам участвующих в издании «Пѣсни о полку Игоревѣ», но как я не знаю, будет ли то согласно с их волею, а потому и прошу оставить сие между нами»³. Настойчивые просьбы К. Ф. Калайдовича к А. И. Мусину-Пушкину о сообщении подробностей, связанных с историей его рукописного собрания, и в частности «Слова о полку Игореве», сыграли важнейшую роль, так как только благодаря этим ответам, буквально «вытянутым» у владельца рукописи, К. Ф. Калайдовичу удалось установить, где находилось «Слово» до того, как оно попало в руки «любителя отечественных древностей»⁴.

А. И. Мусин-Пушкин умер в 1817 г., и Общество истории и древностей российских обратилось к К. Ф. Калайдовичу с просьбой написать статью о покойном ее члене — А. И. Мусине-Пушкине. Как теперь очевидно, К. Ф. Калайдович взял в основу автобиографические «Записки» А. И. Мусина-Пушкина, опубликованные в 1813 г. в «Вестнике Европы», и внес ряд уточнений, почерпнутых из других источников.

В «Биографических сведениях о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина» К. Ф. Калайдович поместил отрывки из письма владельца и издателя «Слова о полку Игореве», в котором были ответы на его вопросы: «Что касается до вопросов: на чем, как и когда писана Пѣснь Игорева? где найдена? и кто был участником в переводе и издании оной? послушаем самого графа, который на сие отвечал мне, декабря 31, 1813 года, следующее: на чем, как и когда писана? «Писана на лощеной бумаге, в конце летописи, довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века». Где найдена? «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в Архиерейский дом, управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата, остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено «Слово о полку Игоревѣ». О прежних переводах и кто был участником в издании? «Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и преложением оныя Пѣсни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была написана, но разобрать ее было весьма трудно; потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было ее разделить на периоды, и потом до-

³ Государственная Публичная библиотека (ГПБ), ф. 588 (Погодинские автографы), д. 278, л. 1.

⁴ Ф. Я. Прийма. К истории открытия «Слова о полку Игореве». «Труды» Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. XII. М.-Л. 1956, стр. 52—53.

бираться до смысла; что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано; но я не был переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился... По переезде же моем в Москву, увидел я у А. Ф. Малиновского, к удивлению моему, перевод мой очень в неисправной переписке, и по убедительному совету его и друга моего Н. Н. Б[антыш]-Каменского, решился обще с ними сверить предложение с подлинником и исправя с общего совета, что следовало, отдал в печать»⁵.

При анализе материалов, относящихся к истории рукописи «Слова о полку Игореве», обращает на себя внимание то, что в комплексе сведений, выявленных К. Ф. Калайдовичем у владельца Хронографа, ничего не говорится о времени приобретения рукописи А. И. Мусиным-Пушкиным. Из ответов на вопросы К. Ф. Калайдовича можно было сделать предположительные выводы о времени получения Хронографа со «Словом» у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля. так как сам А. И. Мусин-Пушкин сообщил, что рукопись была куплена «по уничтожении штата» монастыря в связи с тем, что он был преобразован в Архиерейский дом. Д. С. Лихачев поэтому абсолютно прав, когда пишет: «Очевидно, что покупка «Слова» состоялась не ранее 1788 г., так как в письме А. И. Мусина-Пушкина ясно говорится, что покупка была сделана у Иоиля после упразднения Спасо-Преображенского монастыря, а упразднение его состоялось в 1788 г.»⁶.

В 1797 г. в октябрьском номере издаваемого в Гамбурге журнала французских эмигрантов «Le Spectateur du Nord» Н. М. Карамзин поместил заметку об открытии «Слова о полку Игореве»: «Два года тому назад в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием «Песнь воинам Игоря», которую можно сравнить с лучшими оссиановскими поэмами и которая написана в XII столетии неизвестным сочинителем»⁷. Отсчет от заметки Н. М. Карамзина 1797 г. подсказал примерную дату приобретения А. И. Мусиным-Пушкиным Хронографа: 1795—1796 годы.

Эти же сведения имеются и в бумагах А. Ф. Малиновского о «Слове о полку Игореве»: «О подлинности «Слова о полку Игореве».

I. Оно найдено в сборнике, купленном гр. Мусиным-Пушкиным у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря, 1795 год (1796).

II. Писано на лощеной бумаге в конце летописи (Хронографа) довольно чистым письмом. По почерку и по бумаге, как свидетельствовал известный знаток сего дела А. И. Ермолаев, XV-го века»⁸.

Вместе с тем уже в начале XIX в. было известно, что в подготовке издания «Слова о полку Игореве» принимал участие И. Н. Болтин. Об этом писал А. С. Шишков в предисловии к изданию «Слова», подготовленному Я. Пожарским в 1805 году⁹. И. Н. Болтин умер в октябре 1792 года. Следовательно, определение времени получения А. И. Мусиным-Пушкиным Хронографа со «Словом» не может основываться на механическом отсчете лет от первого печатного сообщения Н. М. Карамзина 1797 года.

⁵ «Записки и труды Общества истории и древностей российских, учрежденно-го при императорском Московском университете». Ч. III. 1824, стр. 35—37.

⁶ Д. С. Лихачев. Археографический комментарий к «Слову о полку Игореве». «Слово о полку Игореве», стр. 353. В статье В. В. Данилова, ссылаясь на которую Д. С. Лихачев пишет об упразднении монастыря (Спасо-Ярославского, а не Спасо-Преображенского), допущена неточность: указом Екатерины II монастырь был упразднен в связи с переездом в Ярославль из Ростова Архиерейского дома в мае 1787 г., с этого года архимандрит Иоиль Быковский был переведен на пенсию и остался жить в монастыре «до своей смерти» (25 августа 1798 г.) (см. «Дневник ярославского архиепископа Арсения Версцагина». ГПБ. 0.IV.267², листы не обозначены).

⁷ «Le Spectateur du Nord». Hamburg. 1797. II.

⁸ Л. А. Дмитриев. Указ. соч., стр. 153.

⁹ «Собр. соч. и переводов адмирала А. С. Шишкова». Ч. XI. СПб. 1827, стр. 384.

П. Н. Берков обратил внимание на то, что в статье «Нечто о врожденном свойстве душ русских» П. А. Плавильщикова, помещенной в феврале 1792 г. в петербургском журнале «Зритель», имеется достаточно ясный намек на то, что автору статьи известно о поэме, посвященной походу Игоря¹⁰. О «Слове» слышал И. Добровский, находившийся в Петербурге в самом начале 90-х годов XVIII века¹¹.

В сборнике, содержащем «Слово о полку Игореве», как указано в первом издании и подтверждено Н. М. Карамзиным (в примечаниях к «Истории государства Российского») ¹², помимо Хронографа, который находился в начале, имелось еще несколько древнерусских памятников: «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Рускыя» — это, как установил Д. С. Лихачев, Новгородская первая летопись младшего извода¹³; «Сказание о Индии богатой», как указал В. М. Истрин, исходя из краткого изложения этого текста в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, — это вторая редакция хронографической «Александрин»¹⁴; «Синагрип царь Адоров» — это также русский перевод конца XII или начала XIII в. ассиро-вавилонского романа об Акире Премудром¹⁵. Под тремя последними номерами вписаны: «6. Деяние прежних времен храбрых человек о бръзости, о силе, и о храбрости», «7. Сказание о Филипате и о Максиме и о храбрости их», «8. Аще думно есть слышати о свадьбе Девгееве и о всъхыщении Стратиговне» — это перевод византийской героической поэмы о Дигенисе Акрите, названной в списках XVIII в. «Девгениево деяние»¹⁶. Единственный памятник, о котором до последнего времени почти ничего не было известно, — это Хронограф, которым открывался сборник со «Словом о полку Игореве».

В работе М. Н. Сперанского и А. С. Орлова высказывалось предположение, что сборник со «Словом» являлся конволютом, и Хронограф, возможно, относился к редакции начала XVII века. Однако никакой аргументации они не выдвигали. И только в исследовании О. В. Творогова впервые было показано на основании анализа полного заглавия Хронографа, приведенного в предисловии к первому изданию «Слова о полку Игореве», что это — Хронограф Распространенной редакции 1617 года¹⁷.

Итак, за 176 лет, прошедших со времени первого издания «Слова о полку Игореве», благодаря усилиям ученых удалось приоткрыть историю рукописного сборника со «Словом». Однако многие вопросы не могли получить разрешения из-за отсутствия документальных сведений. В частности, невозможно было считать полностью достоверными известия А. И. Мусина-Пушкина о том, что Хронограф со «Словом» находился ранее в Спасо-Ярославском монастыре. В настоящее время мы располагаем новыми документальными материалами, которые показы-

¹⁰ П. Н. Берков. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». ТОДРЛ. Т. V. М.-Л. 1947, стр. 135.

¹¹ S. Wollman. Dobrovsky a Slovo o pluku Igorevě. «Slavia», 1955, roč. XXIV, seš. 2—3, str. 269.

¹² Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. III. СПб. 1833, стр. 51—53, 56—65, 214—215.

¹³ Д. С. Лихачев. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве». ТОДРЛ. Т. V, стр. 139—141.

¹⁴ В. М. Истрин. Сказание об Индийском царстве. «Древности». «Труды славянской комиссии московского Археологического общества». Т. I. М. 1895.

¹⁵ А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М. 1913, стр. 355—358.

¹⁶ М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. СОРЯС. Т. 99, № 7. Пгг. 1922; В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние («Деяние прежних времен храбрых человек») М. 1962.

¹⁷ О. В. Творогов. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве». ТОДРЛ. Т. XXXI. М.-Л. 1976. Приношу сердечную благодарность О. В. Творогову, который дал мне возможность ознакомиться с его работой до выхода ее из печати. Глубоко признательна также за помощь, оказанную мне в определении редакции спасо-ярославского Хронографа.

вают, что Хронограф со «Словом» действительно хранился в ризнице Спасо-Ярославского монастыря. Теперь известно время приобретения А. И. Мусиным-Пушкиным этого сборника, а также установлена редакция Хронографа, находившегося вместе со «Словом о полку Игореве».

В Государственном архиве Ярославской области хранится рукописное сочинение Василия Добрынина Крашенинникова «Описание земноводного круга»¹⁸, находившееся до этого времени в архиве г. Рыбинска (Щербакова)¹⁹. Из приписки на переплетном листе мы узнаем, что рукопись до 1824 г. была в Москве и в 1824 г. пожертвована рыбинскими купцами Сыроежиными в Преображенский собор, откуда, как можно полагать, и попала после Великой Октябрьской социалистической революции в архив г. Рыбинска.

Чем важно для нас это историко-географическое сочинение середины XVIII века? Автор «Описания земноводного круга» В. Крашенинников называет в числе источников своего сочинения «Большой рукописный Гранограф Спасова Ярославского монастыря»²⁰. Уже одно это заставляет внимательно отнестись к его произведению, выяснить характер использования «Гранографа», уточнить датировку «Описания».

В тексте «Описания земноводного круга» есть ссылки на рукописные источники, не упомянутые в «Предъувещании», в том числе на «летописи келейные преосвященного Димитрия митрополита Ростовского». Последняя ссылка имеет важное значение для датировки сочинения В. Крашенинникова: 1 октября 1752 г. ростовский митрополит Арсений Мацеевич отправил в синод «Рапорт» о чудесах, происходящих от мощей Димитрия Ростовского; в 1756 г. из Петербурга в Ростов прибыла специальная комиссия для освидетельствования мощей. Указом синода от 15 апреля 1757 г. была произведена канонизация Димитрия Ростовского, составлена служба и изготовлена серебряная рака для переложения мощей²¹. Ни об одном из этих фактов не упоминает в своем сочинении В. Крашенинников. Канонизация Димитрия Ростовского не могла не привлечь внимание В. Крашенинникова, особенно подробно описавшего Ярославскую и Ростовскую провинции. Следовательно, составление «Описания земноводного круга» было закончено до 1757 года. Этот вывод подтверждает и датировка бумаги рукописи по водяным знакам.

Рукопись переписана двумя почерками: большая часть — автограф В. Крашенинникова, меньшая — другим почерком на свежей, незалежалой бумаге. После окончания составления всего труда на переписку громадной рукописи, занимающей более 700 листов текста размером в лист (in folio), должен был уйти значительный отрезок времени. Переписка «Описания земноводного круга» была закончена, вероятно всего, в начале 1761 года. Этот вывод, сделанный на основании историколингвистического анализа и датировки бумаги по водяным знакам, полностью подтверждается текстом сочинения. В главе 13-й «О Российском государстве» Елизавета Петровна, умершая в декабре 1761 г., названа «ныне царствующей монархиней».

Нижней границей датировки «Описания земноводного круга» следует считать 1747 год, так как В. Крашенинников дважды упоминает

¹⁸ В. В. Лукьянов. Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. Ярославль. 1957, стр. 20—21.

¹⁹ В. В. Лукьянов. Краткие сведения о рукописных собраниях городов Ростова, Щербакова и Тутаева Ярославской области. ТОДРЛ. Т. XII, стр. 516.

²⁰ В печати впервые обращено внимание на спасо-ярославский «Гранограф» А. А. Туриловым. См. «Памятники литературы Ярославля XIV—XVIII веков как исторический источник. Проблемы социально-экономической и политической истории СССР». Научная конференция молодых ученых. М. 1975, стр. 123—126.

²¹ Переложение мощей Димитрия Ростовского в серебряную раку было произведено уже после смерти Елизаветы Петровны (26 мая 1763 г.) в присутствии Екатерины II (Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М. 1903, стр. 170—174).

первую ревизию: «А по расположенному в 1747 году ревизованию все-российская империя разделена сталося быть на пятнадцать губерний»²², «кои по нынешнему 1747 году ревизованию»²³. Сбор материалов он, по-видимому, мог начать и раньше, но составление 13-й главы, занимающей около 200 листов, В. Крашенинников осуществлял в конце 40-х — начале 50-х годов XVIII века. 13-я глава существует и в виде отдельного историко-географического сочинения, правда, без указания имени составителя. Рукопись в четверку на 199 листах хранится в Библиотеке АН СССР²⁴. Любопытно, что переписано «Описание России историческое и географическое» на бумаге ярославской фабрики Затрапезновых, датируемой концом 40-х — началом 50-х годов XVIII века. На корешке кожаного переплета вытиснено: «Ландкарта Российской империи».

Следовательно, В. Крашенинников обращался к «Большому рукописному Гранографу Спасова Ярославского монастыря» за два десятилетия до приезда в Ярославль Иоиля Быковского, назначенного в 1776 г. архимандритом этого монастыря, и более чем за три десятилетия до того, как Хронограф оказался в библиотеке А. И. Мусина-Пушкина.

Самую важную роль в формировании общего характера труда В. Крашенинникова сыграла книга Иоганна Гюбнера (Ягана Гибнера) «Земноводного круга краткое описание», изданная в Москве в 1719 г. под редакцией Я. В. Брюса. О ней он говорит в первых строках «Предъувещания до благоразумного читателя»²⁵. В. Крашенинников следует книге Иоганна Гюбнера не только в расположении материала, но и в характеристике отдельных стран, географических понятий, описании городов. Но вместе с тем он обогащает ее материалами, почерпнутыми из печатных и рукописных источников. У Иоганна Гюбнера 13-я глава «О ландкарте российской» занимает в книге (формат в лист) пять страниц (с 311-й по 316-ю). В сочинении В. Крашенинникова именно эта, 13-я глава «Описания земноводного круга» превратилась в большой самостоятельный труд, историко-географический по содержанию, историко-публицистический по характеру. Он привлек для ее составления большое количество источников — не только печатных книг, но и рукописных памятников Древней Руси, первое место среди которых занимает «Большой рукописный Гранограф Спасова Ярославского монастыря».

Однако, прежде чем перейти к анализу известий этого источника, переданных нам посредством сочинения середины XVIII в., необходимо ответить на вопрос: можем ли мы считать, что «Большой рукописный Гранограф Спасова Ярославского монастыря», который использовал В. Крашенинников, имеет прямое отношение к «Книге глаголемой Гранограф», писанной в лист, которая была получена А. И. Мусиным-Пушкиным от архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля?

Ответ на этот вопрос позволяет дать анализ четырех сохранившихся описей Спасо-Ярославского монастыря, две из которых (1709 г.²⁶ и 1787 г.²⁷) находятся в настоящее время в Ярославском музее-заповеднике, третья (1776 г.) — в Государственном архиве Ярославской области и четвертая (1788 г.), выявленная Е. М. Караваевой, — в Государственном историческом музее²⁸. Изучение этих описей позволяет с полной определенностью сказать: с 1709 по 1787 г. (то есть с того вре-

²² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), д. 60 (1053), л. 448 об.

²³ Там же, л. 485 об.

²⁴ «Исторические сборники XVIII—XIX вв.». «Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР». Т. III, вып. 3. Л. 1971, стр. 265.

²⁵ ГАЯО, д. 60 (1053), л. 2.

²⁶ В. В. Лукьянов. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. «Краеведческие записки». Вып. III. Ярославль. 1958, стр. 92.

²⁷ Там же, стр. 94.

²⁸ Е. М. Караваева. Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 года. ТОДРЛ. Т. XVI. М.-Л. 1960, стр. 82.

мени, когда во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов XVIII в. составлял свое «Описание земноводного круга» В. Крашенинников, и до того времени, когда у А. И. Мусина-Пушкина в его «Собрании древностей» появилась «Книга глаголемая Гранограф») в Спасо-Ярославском монастыре был один-единственный «Гранограф», который исчез из монастырской ризницы к 1788 году.

Это был тот самый Хронограф в лист-«Большой», по словам В. Крашенинникова, там, кроме собственно Хронографа, был переписан «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Рускыя», «Сказание о Индии богатой», «Синагрип царь Адоров», «Слово о полку Игореве» и «Девгениево деяние».

Основываясь на предположении О. В. Творогова, что Хронограф этот — Хронограф Распространенной редакции 1617 года, мы сопоставили все выписки из Спасо-Ярославского Хронографа, сделанные В. Крашенинниковым, именно с хронографами данной редакции. Наши наблюдения полностью подтвердили гипотезу О. В. Творогова. Благодаря тому, что В. Крашенинников широко привлек в своем «Описании земноводного круга» исторические известия «Большого рукописного Гранографа Спасова Ярославского монастыря», считая его сведения авторитетными и заслуживающими внимания, мы получили возможность рассмотреть комплекс исторических свидетельств Спасо-Ярославского Хронографа, что, в свою очередь, позволило определить его тип и поставить вопрос о его датировке.

«Большой рукописный Гранограф Спасова Ярославского монастыря», использованный В. Крашенинниковым для составления «Описания земноводного круга», представлял собой Распространенную редакцию Хронографа 1617 года. Только Хронограф этой редакции, как уже показал О. В. Творогов²⁹, имел стойкое и очень определенное заглавие, отличающее его от хронографов других редакций: «Книга глаголемая Гранограф (Хронограф), рекше начало письменом царских родов от многих летописец, прежде о бытии, о сотворении мира, от книг Моисеовых, и от Иисуса Навина, и от судей иудейских, и от четырех Царств, так же и о Асирийских царех, и от Александрия, и от Римских царей, Еллин же благочестивых, и от Руских летописец, Сербских и Болгарских». И именно это заглавие Хронографа привел А. И. Мусин-Пушкин в первом издании «Слова о полку Игореве» 1800 г., характеризуя полный состав своего сборника.

Спасо-Ярославский Хронограф, являющийся одним из основных источников 13-й главы «Описания земноводного круга», на который многократно ссылался В. Крашенинников, включал в себя, помимо Распространенной редакции Хронографа 1617 года, ряд других произведений. Отразились ли они в сочинении В. Крашенинникова?

Как уже было выше указано, «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Рускыя», перечисленный в мусин-пушкинском сборнике вслед за Хронографом, является Новгородской первой летописью младшего извода. Именно в этой летописи, представленной в настоящее время двумя древнейшими списками (Академический, XV в., подарен в 1737 г. в Библиотеку Петербургской АН; Комиссионный, XV в., хранится в ЛОИИ) и копиями с Академического списка (Толстовский, XVIII в., и Воронцовский, начала XIX в.), помещена Краткая редакция Правды Русской³⁰. Текст ее приведен под 1016 г. после рассказа о победе Ярослава Владимировича над Святополком. Ярослав щедро награждал новгородцев, «дав им правду и устав списав». По Академическому списку Новгородской первой летописи В. Н. Тати-

²⁹ О. В. Творогов. Указ. соч.

³⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950, стр. 175—180.

шев подготовил к печати комментированный текст Правды Русской и в 1749 г. представил его Академии наук. Несмотря на то, что этот труд В. Н. Татищева увидел свет в 1786 г. (напечатан в Продолжении «Древней российской вивлиофики»), С. Н. Валк считает, что «честь открытия Русской правды для исторической науки принадлежит Василию Никитичу Татищеву»³¹, хотя первое печатное издание, подготовленное с того же Академического списка А.-Л. Шлецером, вышло в 1767 году.

Этот экскурс в историю открытия Русской правды вызван необходимостью показать, что помещенное в 13-й главе «Описания земноводного круга» известие о том, что «великого князя Ярослава имеется в Новгороде жалованная грамота о пошлине»³², В. Крашенинников мог почерпнуть только из Новгородской первой летописи младшего извода, которая была в одном сборнике с «Большим рукописным Гранографом Спасова Ярославского монастыря». В Распространенной редакции Хронографа 1617 г. нет данных о том, что Ярослав дал новгородцам «грамоту».

В Спасо-Ярославском монастыре в XVIII в. находилась Кормчая XV в.³³, в которой помещен текст Правды Русской на листах 355—361 об. вслед за словами Дорофея о 70 учениках. За Правдой Русской следует «Летописец патриарха Никифора». Из этого списка Правды Русской В. Крашенинников не мог бы почерпнуть сведений о Ярославе Владимировиче и о том, что «жалованная грамота» была им дарована именно новгородцам за помощь, оказанную ими Ярославу в борьбе за великое княжение. Кормчая XV в. хранилась в Спасо-Ярославском монастыре в течение всего XVIII в. (что прослеживается по описям с 1709 г.). Ярославский список Правды Русской был впервые привлечен к изданию в 1940 году³⁴.

Из приведенных материалов видно, что В. Крашенинников использовал сведения о «жалованной грамоте о пошлинах», данной Ярославом новгородцам, из «Временника, иже нарицается летописание русских князей и земля Руская», то есть Новгородской первой летописи младшего извода, в сохранившихся списках которой помещен текст Правды Русской. Именно этот «Временник» находился в том самом сборнике Спасо-Ярославского монастыря, где было «Слово о полку Игореве».

Особый интерес представляет ответ на вопрос: знал ли В. Крашенинников «Слово о полку Игореве»? Прямых ссылок на «Слово» в сочинении В. Крашенинникова нет, как, впрочем, нет ссылок и на другие памятники древнерусской литературы, которые «вмонтированы» в главу «О Российском государстве». И это понятно: «Описание земноводного круга», как это видно из задач, изложенных автором в «Предъувещании до благоразумного читателя», — произведение в первую очередь географическое. Поэтому в нем было бы трудно предполагать найти отражение поэтического произведения Древней Руси, посвященного неудачному походу на половцев малоизвестного новгород-северского князя.

Однако 13-я глава «Описания земноводного круга» переросла границы задуманного В. Крашенинниковым труда. Эта глава не только географическое описание России, но и труд по истории Российского государства. На 200 листах (in folio) В. Крашенинников, в меру своих знаний и умения, развернул картину истории России от древнейших времен до современных ему событий. Он добросовестно пересказал содержание

³¹ С. Н. Валк. Татищевские списки «Русской правды». «Материалы по истории СССР». Вып. 5. М.-Л. 1957, стр. 609.

³² ГАЯО, д. 60 (1053), л. 256.

³³ Кормчая числится во всех сохранившихся описях Спасо-Ярославского монастыря. Она описана в настоящее время В. В. Лукьяновым (В. В. Лукьянов. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея, стр. 16).

³⁴ «Правда русская». I. Тексты. М.-Л. 1940, стр. 139.

памятников, передал противоречивые мнения по одному и тому же вопросу, отразил идеи произведений, включенных им в круг источников.

В 40-е годы XVIII в. в России господствовал рационалистический подход к историческим знаниям. Усвоив этот подход, В. Крашенинников мог не оценить использованный им художественный памятник древнерусской литературы, но уловил, по-видимому, голос современника событий конца XII в., обличавшего княжеские междоусобицы, страстно призывавшего к единству Русской земли. В рассказе о древнейшем периоде русской истории В. Крашенинников настойчиво и неоднократно повторяет мысль о губительности разделения Руси на уделы³⁵.

Замысел «Слова о полку Игореве», раскрытый в начале этого произведения — «Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря», — будто прокомментирован В. Крашенинниковым: «Владимир старый» — это Владимир I Святославич, виновник смертоубийственных браней, которые вели его многочисленные потомки, ослабивших Русь и едва не приведших ее «к конечной погибели». «Слово о полку Игореве» чрезвычайно убедительно обосновывает политический призыв к единению сил и прекращению «княжеских крамол». В. Крашенинников пишет: «И в тех вышеобъявленных смятениях оны богоспасаемый град Киев немалое претерпел озлобление и разорение, и от первыя своея славы и чести в великое не только уничтожение, а при том и во всея России многие грады и места восприяли великия беспокойства и разорения»³⁶. Читая этот отрывок, нельзя не вспомнить: «О стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвых князей! Того старого Владимира не лъзѣ бѣ пригвоздити к горам Киевским»³⁷.

Таким образом, в отличие от первых издателей «Слова», искавших, по мнению Д. С. Лихачева, в этом произведении «по преимуществу соответствие своим собственным предромантическим вкусам»³⁸, В. Крашенинников уловил политический смысл древнерусского памятника — патриотический призыв «Слова» к единству действий князей перед лицом надвигающейся опасности иноземных нашествий, сначала половцев, а позднее монголо-татарских завоевателей. Косвенным свидетельством того, что В. Крашенинников был знаком со «Словом о полку Игореве», может быть его особое внимание к Тмуторокани, которое кажется необъяснимым, если не учесть, что в «Слове» Тмуторокань упоминается четыре раза.

Обратимся теперь к анализу описей Спасо-Ярославского монастыря. В книге, посвященной истории Спасо-Преображенского монастыря, ризничий иеромонах Владимир отмечает, что в 1913 г. в «книгохранительнице» находилось «старинных описей Спасо-Ярославского монастыря шесть: 1. 1799 (1691 г.), 2. 1709 г., 3. 1724 г., 4. 1776 г. и 1778 г., 5. 1787 г. и 6. 1788 г.»³⁹. Из этих 6 описей сохранилось пять: 1691 г., 1709 г., 1776 г., 1787 г. и 1788 год.

К большому сожалению, самая древняя — 1691 г.⁴⁰, наиболее полная и подробная (сохранившаяся ее часть составляет 122 листа в 4⁰), не имеет окончания. На листах 1—43 перечислено церковное имущество, передаваемое соборным старцем иеромонахом Спиридоном новому ризничему иеромонаху Варлааму. С листа 44 начинается описание «книго-

³⁵ ГАЯО, д. 60 (1053), лл. 335—335 об., 336, 356.

³⁶ Там же, л. 335 об.

³⁷ «Слово о полку Игореве», стр. 26.

³⁸ Д. С. Лихачев. Археографический комментарий к «Слову о полку Игореве», стр. 362.

³⁹ Иеромонах Владимир. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне Архиерейский дом. Ярославль. 1913, стр. 108.

⁴⁰ В настоящее время хранится в библиотеке Ярославского пединститута имени К. Д. Ушинского. В машинописной описи рукописей библиотеки, составленной В. В. Лукьяновым, она числится под № 1202.

хранительницы», идет подробнейшая характеристика напрестольных евангелий, их окладов и украшений. Но как раз в том месте, где должно следовать описание остальных «печатных и письменных» (то есть рукописных) книг, хранящихся в ризнице Спасо-Ярославского монастыря, опись 1691 г. обрывается.

Первые листы описи 1709 г.⁴¹ почти разрушились. В настоящее время рукопись реставрирована в лаборатории консервации и реставрации документов Отделения истории АН СССР. Первая часть ее содержит опись имущества «Церкви соборной во имя Преображения господня». На листе 77 оборот помечено: «Да в книгохранительной палате книг печатных старых, а не вновь». На листе 81 написано: «Да письменных книг» — и перечислена 91 книга без указаний порядковых номеров, из них четыре «харатейных» (пергаменных). На листе 83: «Книга Гранограф письменная в десть». На листах 1 и 84 оборот имеют подписи лиц, подтвердивших сведения, сообщенные в описи.

В 1776 г. архимандритом Спасо-Ярославского монастыря был назначен Иоиль Быковский, переведенный в Ярославль из Чернигова. При приеме им монастырского имущества была составлена «Опись Спасо-Ярославскому монастырю и во первых церкви соборной Преображения господня 1776 году учиненная»⁴². На обложке наклеена вырезанная в форме сердца надпись, сделанная рукою Иоиля Быковского: «Копия описи Спасо-Ярославского монастыря церковным ризничным и монастырским вещам 1776 и 1778 годов». Вероятно, белой экземпляр был отослан в ростовскую консисторию, которой в церковно-административном отношении был подчинен Спасо-Ярославский монастырь.

Как и в описи 1709 г., реестр казенного имущества начинается с подробной характеристики «церкви соборной во имя Преображения господня», затем перечисляются находящиеся в церкви иконостасы, царские врата, иконы, предметы культа. В отличие от описи 1709 г. «книги печатные и письменные» имеют нумерацию. Их названо 76 при общем количестве (с учетом многотомных) 103. Интересующий нас «Хронограф в десть» идет под № 67⁴³. На листе 113 оборот следуют подписи архимандрита Иоиля и других духовных лиц. По листам описи внизу скрепа, сделанная рукою того же Иоиля Быковского.

Следующая опись была составлена после указа Екатерины II от 3 июля 1787 г.⁴⁴ об упразднении Спасо-Ярославского монастыря и преобразовании его в Архиерейский дом. По этой описи архимандрит Иоиль (Быковский) сдавал архиепископу Ростовскому и Ярославскому Арсению (Верещагину) имущество монастыря, в числе которого были книги, хранившиеся в ризнице Спасо-Преображенского собора. Опись составлена в двух экземплярах на одинаковой бумаге форматом в лист. Первый экземпляр был, по-видимому, основным⁴⁵, так как в нем имеются исправления в тексте и дополнительные приписки и пометы, сделанные на полях. Второй экземпляр⁴⁶ рассматривался, вероятно, как копия: здесь нет добавлений, помет и поправок.

«Опись Спасо-Ярославского монастыря церкви Преображения господня 1787 года учиненная» начинается с подробной характеристики этой церкви⁴⁷. С листа 54 идет перечисление «В книгохранительной палате книг печатных и переплетеных». Прежде всего названы книги церковно-богослужебного и церковно-дидактического назначения. На листе 57 оборот «Службы гражданской печати. Службы церковной печати».

⁴¹ Ярославский Музей-заповедник (ЯМЗ), 15446, лл. 1—87.

⁴² ГАЯО, ф. 1118, л. 2620, лл. 1—113 об.

⁴³ Там же, л. 104 об.

⁴⁴ ПСЗ. Т. XXII. СПб. 1830, стр. 1073—1074.

⁴⁵ ЯМЗ, 15277₁, лл. 1—98.

⁴⁶ Там же, 15277₂, лл. 1—82.

⁴⁷ Там же, 15277₁, л. 2.

Всего 217 номеров. С № 218 по № 293 (лл. 58 об.—60) идет опись рукописей: «Книги письменные в десть» и «в подесть». Опись заканчивается подписью архимандрита Иоиля и расписками лиц, принявших от него монастырское имущество⁴⁸.

При сопоставлении с описью 1776 г. (по которой архимандрит Иоиль принимал имущество) можно установить, что за 11 лет, прошедших со времени его прибытия в монастырь, количество рукописных книг в ризнице Спасо-Преображенского собора увеличилось: в 1776 г. их насчитывалось 76, а в 1787 г.—85. По-видимому, архимандрит, «любитель словесности», заботился не только о пополнении своей личной («келейной») библиотеки⁴⁹, но и стремился увеличить рукописный фонд ризницы Спасо-Преображенского собора, которым могли при необходимости пользоваться учащиеся семинарии при Спасо-Ярославском монастыре, ректором которой являлся Иоиль Быковский.

В описи 1787 г. на листе 59 против № 247 «Часослов писаной на паргаминѣ» проведена черта и на поле сохранились следы почти полностью стертой записи. Такая же стертая запись имеется на листе 59 оборот против № 273 «Псалтырь на паргаминѣ». Две стертые записи можно видеть также на листе 60 против № 279 «Аввы Дорофея» и против № 285 «Хронограф в десть».

Писец, ставивший слева от цифр крестики, которыми отмечались имеющиеся в наличии книги (крестиков нет около №№ 247, 273, 279), и делавший приписки справа, ошибся строкою и первоначально оставил без крестика № 286 «Книга певчая, праздники в переплете в десть» и написал на поле «отданѣ». Затем он густо зачернил это слово и написал его строкою выше против № 285 «Хронограф в десть». Так как зачеркнутое слово посредством оптико-фотографического исследования, проведенного Д. П. Эрастовым, хорошо читается «отданѣ» и стертые записи (имеющие элементы начертаний выносного «т» и конечного «ъ») полностью совпадают с зачерненной припиской, становится ясно, что около всех четырех отсутствующих рукописей против прочерка, ведущего к правому полю, было помечено «отданѣ».

Через год, в мае 1788 г., Екатерина II отправила в упраздненный Спасо-Ярославский монастырь указ о представлении в синод подробной описи о казенном имуществе. Учет богатств упраздненных монастырей был произведен повсеместно⁵⁰. На основании этого указа в 1788 г. в Спасо-Ярославском монастыре была составлена еще одна опись, отправленная в Москву для представления митрополиту Платону. Опись 1788 г. подписана среди других лиц и архимандритом Иоилем.

Е. М. Караваева, изучавшая эту опись, обратила внимание на то, что в подробной описи, в которой книги и рукописи монастырской библиотеки отмечены как ветхие, не обозначено, что они уничтожены. В то же время против рукописей, «о которых не сказано, что они ветхи, появились отметки на полях: «За ветхостию и согнтием уничтожены...». Уничтоженными оказались только: «—249. Часослов на баргамине; 274. Псалтырь на баргамине; 280. Аввы Дорофея (Поучения); 286. Хронограф в десть»⁵¹. Е. М. Караваева отметила и карандашную приписку: «Иподьякон Соколов» с четырьмя вопросительными знаками и № рядом с известием об уничтожении Хронографа. Она высказывает

⁴⁸ Там же, лл. 63 об.—64.

⁴⁹ В. В. Лукьянов. Библиотека Иоиля Быковского. «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М. 1967, стр. 49—53. Ф. Я. Прийма опубликовал завещание Иоиля Быковского: «Реестр книгам, переданным Иоилем Быковским согласно его завещанию Онуфрию Дорошкевичу» (см. Ф. Я. Прийма. К спорам об открытии «Слова о полку Игореве». «От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л. 1969, стр. 259—260).

⁵⁰ И. Знаменский. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М. 1880, стр. 137—138.

⁵¹ Е. М. Караваева. Указ. соч., стр. 82—83.

предположение, что Соколов интересовался именно Хронографом, знал, что «Слово о полку Игореве» входило в его состав.

Наблюдения Е. М. Караваевой привели А. В. Соловьева к предположению, что четыре рукописи, отмеченные в описи 1788 г. как уничтоженные, были присвоены архимандритом Иоилем Быковским, а позднее, «когда Мусин-Пушкин приехал в Ярославль, Иоиль продал ему за хорошую цену четыре ценные рукописи, будто бы «уничтоженные»⁵².

Ни Е. М. Караваева, ни А. В. Соловьев не знали о существовании описи 1787 г., на основании которой архимандрит Иоиль Быковский сдал новому архиерейскому начальству монастырское имущество. В этой описи, как показано выше, эти четыре рукописи первоначально значились как отданные. Такая приписка позволяет предполагать, что те, кто отдал эти рукописи, надеялись получить их обратно. В ином случае приписка носила бы другой характер, или вообще (если кто-то хотел утаить эти рукописи) они не были бы включены в опись, которая проверялась «поштучно», о чем можно судить по крестикам с левой стороны против каждого предмета. Когда же стало ясно, что лицо, взявшее из Спасо-Ярославского монастыря эти четыре рукописи, не возвратит их, тогда приписки «отданъ» были в описи тщательно соскоблены. И только фотоанализ и применение других методов восстановления уничтоженных текстов позволили прочесть выскобленные слова.

По сравнению с описью 1787 г. в описи 1788 г. изменился номер, под которым числился «Хронограф в дествъ» (в 1787 г.—№ 285; в 1788 г.—№ 286). Это объясняется тем, что в ризницу Спасо-Преображенского собора поступила печатная книга в двух экземплярах о русско-турецкой войне. Она была включена в опись 1788 г. под № 221: «Две книжицы о победе над супостаты 1787 году»⁵³. Поэтому нумерация «письменных» книг изменилась.

Возникает вопрос: когда иподьяконом Соколовым сделана карандашная приписка к помете о том, что «Хронограф в дествъ» «за ветхостию и согнатием уничтожен» и какую «информацию» она несла? У нас нет, к сожалению, возможности точно ответить на этот вопрос. Все попытки определить, кто же был «иподьякон Соколов» и когда он сделал карандашную приписку в описи 1788 г., не увенчались успехом.

Также неясно, кто отдал — первоначально, видимо, во временное пользование — четыре рукописи из ризницы Спасо-Ярославского монастыря и позднее, убедившись, что рукописи возвращены не будут, сделал пометку об их уничтожении. В письме К. Ф. Калайдовича в декабре 1813 г. А. И. Мусин-Пушкин писал, что Хронограф со «Словом о полку Игореве» он получил из Спасо-Ярославского монастыря после перенесения туда архиерейской кафедры из Ростова и ухода архимандрита Иоиля на пенсию. Может быть, Иоиль и был причастен к этому акту и делал это из добрых побуждений, полагая, что в «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина эти рукописи найдут лучшее применение, чем в монастырской ризнице.

Но возможно, что к передаче рукописей имел отношение переехавший из Ростова в Ярославль в 1787 г. архиепископ Арсений Верещагин, который был близким другом семейства Мусиных-Пушкиных: Ивана Яковлевича и его сына Алексея Ивановича — богатых помещиков Ярославской губернии, владельцев имения Иломна, Мологского уезда. Как справедливо отмечает Г. Ю. Филипповский, «Дневник» Арсения Верещагина проливает свет на отношения ярославского владыки с А. И. Мусиным-Пушкиным и дает основание говорить о наличии прочной делов-

⁵² А. В. Соловьев Ростовские Хронографы и Хронограф Спасо-Ярославского монастыря. «Летописи и хроники». М. 1974, стр. 358—359.

⁵³ ГИМ, ф. 65, № 86068/арх., л. 71 об.

вой и личной связи» между ними⁵⁴. Арсений Верещагин делал в своем «Дневнике» записи об отсылке А. И. Мусину-Пушкину книг и рукописей. Так, в июне 1789 г. была «послана еврейская Псалтырь к Мусину-Пушкину при письме». В декабре 1790 г. «послана письменная в десть старинная книга Правила Никейские»⁵⁵. В марте 1797 г. в Москве Арсений «благословил старинное Евангелие в десть» А. И. Мусину-Пушкину⁵⁶.

В автобиографической записке А. И. Мусин-Пушкин писал, что в его «Собрании российских древностей» хранились авторские рукописи Димитрия Ростовского, Арсения Мацевича и Самуила Миславского. Очевидно, источник их приобретения был тот же, что и четырех рукописей Спасо-Ярославского монастыря. Арсений Верещагин, как архиепископ Ростовский и Ярославский, имел право распоряжаться имуществом монастырей, находившихся в его епархии. С 1787 г., после переезда в Ярославль, он стал полным хозяином и в Спасо-Ярославском монастыре, что видно из описи 1788 г., когда все его имущество было передано ростовскому казначею иеромонаху Серафиму. Иоиль Быковский был переведен на пенсию, правда, большую (500 рублей), что позволяло ему не только не продавать свои книги, но и приобретать все новейшие издания, которыми он пополнял свою библиотеку в 80-е и 90-е годы XVIII века⁵⁷.

В. В. Лукьянов уже отмечал интересный факт, который проливает свет на взаимоотношения бывшего архимандрита Иоиля и архиепископа Арсения: после смерти Быковского 26 августа 1798 г. Арсений Верещагин срочно тайнописью сообщает об этом в Москву Н. Н. Бантыш-Каменскому⁵⁸ — близкому другу А. И. Мусина-Пушкина, участнику издания «Слова о полку Игореве» 1800 года.

После того, как в описи имущества Спасо-Ярославского монастыря 1788 г. «бывый» архимандрит Иоиль Быковский подписал сведения об уничтожении «за ветхостию и согнитием» четырех рукописей, в числе которых был Хронограф со «Словом о полку Игореве», А. И. Мусин-Пушкин мог считать его своей собственностью.

К тому времени, когда А. И. Мусин-Пушкин, отвечая на вопросы К. Ф. Калайдовича, в 1813 г. писал ему о том, где и когда приобретена им рукопись «Слова о полку Игореве», никого из тех, кто знал что-либо определенное об истории этой рукописи, уже не было в живых: Иоиль Быковский умер в 1798 г., ярославский генерал-губернатор А. П. Мельгунов — в 1788 г., архиепископ Арсений Верещагин — в 1799 году. Но что же заставило А. И. Мусина-Пушкина сказать правду о месте прежнего хранения Хронографа со «Словом»? По поводу этого можно высказывать лишь предположения.

Ф. Я. Прийма отметил, что сведения, сообщенные А. И. Мусиным-Пушкиным, являются достоверными уже потому, что К. Ф. Калайдович «пользовался особым уважением и доверием со стороны одного из издателей «Слова» — Н. Н. Бантыш-Каменского... Сведения, полученные от А. И. Мусина-Пушкина К. Ф. Калайдовичем, нужны были последнему лишь как дополнение и подтверждение данных, собранных молодым ученым от других, весьма сведущих в этом деле лиц»⁵⁹.

Определенную роль сыграло, по-видимому, и то, что после ухода А. И. Мусина-Пушкина с поста обер-прокурора синода (1797 г.) за ним

⁵⁴ Г. Ю. Филипповский. Дневник Арсения Верещагина (К истории рукописи «Слова о полку Игореве»). «Вестник» МГУ. 1973. Серия «История», № 1, стр. 66—67.

⁵⁵ Там же, стр. 67.

⁵⁶ Там же, стр. 68.

⁵⁷ В. В. Лукьянов. Библиотека Иоиля Быковского, стр. 49—53.

⁵⁸ В. В. Лукьянов. Дополнения к биографии Иоиля Быковского. ТОДРЛ. Т. XV. М.-Л. 1958, стр. 509—511.

⁵⁹ Ф. Я. Прийма. К истории открытия «Слова о полку Игореве», стр. 52—53.

утвердилась репутация человека, который пользовался служебным положением для пополнения своего «Собрания российских древностей». Новым обер-прокурором синода кн. В. А. Хованским было возбуждено обвинение против Мусина-Пушкина в присвоении монастырских рукописей⁶⁰. Дело это, очевидно, получило широкую огласку. А. И. Мусин-Пушкин был заинтересован в том, чтобы показать, что он покупал рукописи или получал их в подарок еще до назначения на должность обер-прокурора. Написав К. Ф. Калайдовичу, что Хронограф с «Игоревою песнью» был приобретен им после упразднения Спасо-Ярославского монастыря и превращения его в Архирейский дом (то есть в 1787—1788 гг.), А. И. Мусин-Пушкин тем самым снимал с себя обвинение в том, что его «Собрание российских древностей» выросло за счет присвоения монастырских рукописей во время его обер-прокурорства в синоде в 1791—1797 годах.

На основании новонайденных материалов, хранящихся в архивах и музеях Москвы, Ленинграда и Ярославля, теперь установлена история Хронографа со «Словом о полку Игореве», в конце XVIII в. принадлежавшего А. И. Мусину-Пушкину. По этой рукописи, «Слово» было им издано в 1800 г. при участии Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского. После гибели рукописного собрания в московском пожаре 1812 г. А. И. Мусин-Пушкин сообщил, что приобрел Хронограф со «Словом» у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля. Анализ ссылок В. Крашенинникова в его сочинении «Описание земноводного круга» на «Большой рукописный Гранограф Спасова Ярославского монастыря» позволяет установить, что этот Хронограф представлял собой Распространенную редакцию Хронографа 1617 года. Исследование описей Спасо-Ярославского монастыря (1709, 1776, 1787 и 1788 гг.) дало возможность прийти к заключению, что в ризнице Спасо-Преображенского собора хранился единственный Хронограф в лист, о котором в описи 1787 г. сделана помета — «отданъ», что по времени совпадает с датой приобретения А. И. Мусиным-Пушкиным Хронографа со «Словом».

Таким образом, в настоящее время можно считать установленным, что «Большой рукописный Гранограф Спасова Ярославского монастыря», в 40-х — 50-х годах XVIII в. использованный ярославским купцом В. Крашенинниковым, является тем самым Хронографом со «Словом», по рукописи которого оно впервые было издано.

⁶⁰ См. доклад Ф. Я. Приймы на заседании Сектора древнерусской литературы в мае 1963 г. «Русская литература», 1963, № 3, стр. 231—232.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

О. Г. Зайцева

История возникновения и развития международных межправительственных (межгосударственных) организаций (ММПО) в последнее время привлекает все большее внимание исследователей. Наличие значительного числа научных трудов по всеобщей истории, документальных источников (в том числе договоров, конвенций, статусов и регламентов международных организаций), мемуарной литературы, составляющих обширную историографическую и источниковую базу, облегчает задачу исследователя истории международных организаций.

ММПО рассматриваются современными государствами как важная форма международного общения. как механизм, зачастую используемый ими для того, чтобы оказать влияние на развитие международных отношений. В свою очередь, и международные организации, прежде всего такие, как Организация Объединенных Наций, влияют как на политику отдельных государств, так и на развитие международных отношений в целом. В период разрядки эти взаимосвязи расширяются. Ослабление международной напряженности создает благоприятные условия для реализации положительных потенциальных возможностей международных организаций. История ММПО имеет не только познавательное значение. Будучи наиболее тесно связанными с развитием международных отношений, эти организации испытывают влияние глубоких экономических, социальных и политических изменений, которые происходят в международной сфере, и отражают эти изменения в своей деятельности. Следовательно, анализ эволюции межправительственных организаций дает дополнительные возможности для понимания основных этапов и тенденций развития международных отношений в тот или иной исторический период.

Первые международные межправительственные организации в их современном смысле, то есть как одна из стабильных форм международного сотрудничества государств, появились относительно недавно — немногим более ста лет назад. Их возникновению предшествовал весьма длительный процесс развития международного общения, в ходе которого формировались объективные общественные потребности в создании специальных международных органов, призванных регулировать все более усложнявшиеся отношения между государствами в различных областях, представлявших международный интерес.

Относительно постоянные международные объединения, которые можно рассматривать как отдаленный прообраз международных организаций, существовали еще в древности, в эпоху рабовладельческих государств. К ним прежде всего следует отнести союзы (коалиции) государств, преследовавшие военно-политические цели, например, древнегреческие симмахии¹. В основе отношений между членами симмахий

¹ См. «История дипломатии». Т. I. М. 1959, стр. 34—35.

(как и других аналогичных союзов) лежал принцип силы, позволявший наиболее мощному городу-государству использовать союз в собственных узкокорыстных интересах. Значительную роль в международных отношениях того времени играли и религиозно-политические объединения — амфикионии, обладавшие достаточно четкой внутренней структурой².

В период феодальной раздробленности, когда средневековая Европа распалась на множество самостоятельных замкнутых мирков, по существу, исчезло различие между государством и частным владением, а соответственно и между частными и межгосударственными отношениями. Господствующим принципом отношений между отдельными феодалами стало право «частной войны» (в котором право в конечном счете было заменено силой). Такие войны велись ради грабежа соседних владений и захвата чужих подданных для увеличения числа плательщиков феодальной ренты. В мирных отношениях доминировала «частная дипломатия», при которой переговоры по урегулированию споров и столкновений между отдельными феодалами мало чем отличались от межгосударственных переговоров. Непрочные и временные объединения постоянно враждующих между собой государей складывались главным образом тогда, когда возникала угроза со стороны какого-нибудь более сильного общего врага, как, например, половцы и монголо-татары для феодальной Руси.

Известно, что значительную активность в объединении распыленной Европы проявила в тот период католическая церковь. По сравнению с раздробленными и раздиравшимися внутренними противоречиями феодальными государствами со слабой центральной властью церковь обладала строго централизованной организацией, построенной по довольно четким для того времени принципам. Она имела широкие международные связи и оказывала существенное влияние на отношения между государствами. Все это дало основание Ф. Энгельсу назвать ее «крупным интернациональным центром феодальной системы»³. Укрепляя свою организацию, церковь домогалась не только идеологического, но и политического господства. Особенно долго и упорно добивалось этого папство, которое на протяжении нескольких столетий вело борьбу с европейскими государями за политическое подчинение их папскому престолу⁴. Призыв Тридентского собора в 1562 г. к объединению всех европейских монархов⁵ имел своей целью создание сильного клерикального государства, в котором фактическим хозяином была бы католическая церковь⁶.

Важное влияние на формирование международного общения и в известной мере на развитие идеи международных связей и обычаев межгосударственной координации в специальных областях оказали торговые отношения. Зарождавшаяся в недрах средневековых городов буржуазия, заинтересованная в расширении мирового рынка, объединялась в международные торговые союзы. В них складывались определенные принципы, которые были использованы и в возникших в дальнейшем международных организациях. Примером мощного торгового объеди-

² См. «История дипломатии». Т. I, стр. 32—33, Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. Т. I. СПб. 1898, стр. 50.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 306.

⁴ См. С. Г. Лозинский. История папства. М. 1961.

⁵ Л. Ранке. Римские папы. Их церковь и государство в XVI и XVII столетиях. Т. I. СПб. 1869, стр. 262.

⁶ Планы создания объединенного общеевропейского (и не только общеевропейского) государства, в котором Ватикан играл бы главную роль, вынашивались церковью на протяжении всей ее последующей истории. В наши дни римская церковь активно поддерживает осуществление планов западноевропейской интеграции (см. подробнее: Н. А. Ковальский. Ватикан и мировая политика. Организация внешнеполитической деятельности католического клерикализма. М. 1964, стр. 53—58; его же. Католицизм и дипломатия. М. 1969).

нения является один из наиболее известных союзов средневековья — Ганза. К нему принадлежали северогерманские города Штральзунд, Росток, Висмар, Любек, Гамбург и другие. Города — члены союза стремились сосредоточить в своих руках всю посредническую торговлю между Россией, скандинавскими странами, Англией и Нидерландами, иными словами, монополизировать североευропейскую торговлю. Ганзейский союз имел торговые конторы в Новгороде, Пскове, Смоленске, Каунасе, Бергене, Стокгольме, Брюгге, Лондоне и ряде других городов. Постепенно была выработана определенная организационная структура и созданы некоторые постоянные органы. Города, входившие в Ганзу, имели также собственное войско и флот, позволявшие им охранять свои коммерческие интересы от посягательств отдельных феодалов и даже вести войны с государствами⁷. Просуществовавший до середины XVII в. (последний съезд союза состоялся в 1669 г.) Ганзейский торговый союз был крупной политической силой на Балтийском море. Оценивая его историческую роль, Ф. Энгельс писал: «Благодаря своей столетней морской монополии Ганза вывела из состояния средневекового варварства всю Северную Германию»⁸.

Переломным этапом в развитии международного общения явился период с начала XVI до середины XVII в., когда внутри феодальной системы происходило складывание капиталистических отношений. В результате великих географических открытий и зарождения мирового рынка международное общение приобрело прочную экономическую основу. Одновременно в большинстве стран Европы завершался процесс политического объединения национальных территорий и образования централизованных феодально-абсолютистских монархий. Международные отношения характеризовались борьбой абсолютистских государств за политическую и торговую гегемонию, войнами за морское и колониальное преобладание, созданием группировок и коалиций. С точки зрения развития предпосылок для складывания международных организаций важно, что в период создания крупных государств, роста дипломатических связей между ними были заложены основы ряда новых институтов международного права. В частности, получили признание принципы суверенитета и равноправия государств (носившие, разумеется, феодально-династическую окраску), которые, претерпев впоследствии существенные изменения, легли в основу деятельности межправительственных организаций.

По мере развития капитализма производство и обмен все более приобретали международный характер, увеличивался объем мировой торговли, преодолелись замкнутость, изолированность национальных рынков, формировался единый мировой капиталистический рынок (этот процесс в общих чертах был завершен в 50—60-х годах XIX в.) и мировое капиталистическое хозяйство. В результате все более тесными становились экономические отношения между государствами. «Буржуазия, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим... На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству»⁹. Следствием значительного усиления экономической взаимозависимости государств явилось интенсивное развитие международных отношений, сфера которых охватила весь мир, поскольку в орбиту мирового рынка втягивались также страны Азии, Африки и Латинской Америки.

⁷ Ф. Мартенс. Указ. соч. Т. I, стр. 80.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 346.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 427—428.

Буржуазия внесла в международную жизнь свою идеологию и классовые интересы, используя и развивая уже существовавшие формы международных отношений и создавая новые институты. Характерно, что государства — участники Венского конгресса 1815 г., преследовавшие цели восстановления и сохранения феодальных устоев в Европе, были вынуждены заниматься решением некоторых проблем, выдвинутых капиталистическим развитием. Ст. 108 и 109 Заключительного генерального акта Венского конгресса, например, предусматривали свободу судоходства по Рейну для судов всех стран, а также комплекс мероприятий, призванных поддерживать Рейн в пригодном для судоходства состоянии и способствовать развитию международной торговли¹⁰.

Интернационализация хозяйственной жизни существенно увеличила круг проблем, требовавших урегулирования на многосторонней основе, и тем самым оказала решающее влияние на углубление и развитие международного сотрудничества в различных областях. Расширение же сферы международного общения, в свою очередь, вело к дальнейшему развитию его форм и институтов. Так, наблюдается значительный рост числа договоров: политических, торговых, консульских, о выдаче преступников, рыболовных, железнодорожных, почтово-телеграфных и т. д. К концу XIX в., как отмечал известный русский юрист П. Казанский, не было «более или менее важного административного интереса, который не составлял бы предмета договорных определений между государствами»¹¹. Разумеется, договоры, заключающиеся в тот период, в подавляющем большинстве не были равноправными. Как и другие институты и формы международных отношений того времени, они прежде всего отвечали целям и задачам основных капиталистических держав. С помощью займов, железнодорожных концессий, неравноправных договоров европейский и американский капитализм осуществлял свои колониальные планы, превращая целые страны и континенты в рынки сбыта и источники сырья.

В XIX в. все чаще собираются многосторонние конференции, число их участников становится все более многочисленным. Если за период почти в 200 лет, от Вестфальских конгрессов 1648 г. до 1840 г., было создано едва ли несколько десятков международных конференций, то в течение последующих 50 лет — с 1840 по 1890 г. — собралось уже 549 конференций, а в 1890—1900 гг. их состоялось 649¹². Развитие этой формы международных отношений имело существенное значение для возникновения межправительственных организаций¹³. Многосторонние конференции явились определенным этапом в развитии идеи международного общения и в известной степени способствовали утверждению представления о необходимости создания более устойчивых форм межгосударственных отношений. Практика конференций выработала те конкретные элементы (структура, органы, правила процедуры, финансирование и т. п.), которые были затем использованы в международных организациях.

Появление в середине XIX в. первых ММПО было обусловлено сформировавшимися в ходе международного общения потребностями государств в постоянной координации их действий и взаимном сотрудничестве по ряду вопросов. ММПО создавались на основе уже известных в международной практике форм. Их возникновению чаще всего предшествовал созыв многосторонних конференций по определенным

¹⁰ См. З. Клепацкий. Западноевропейские международные организации. М. 1973, стр. 394.

¹¹ П. Казанский. Всеобщие административные союзы государств. Т. I. Одесса. 1897, стр. 70.

¹² В. Моравецкий. Функции международной организации. М. 1976, стр. 4б.

¹³ О возникновении и эволюции международных конференций с XIV в. до начала XX в. см.: Н. Н. Голубев. Международные конгрессы и конференции. Очерки истории и практики. Ярославль. 1905.

вопросам, на которых государства принимали решение о создании организации и ее устав — договор, определявший права и обязанности участников, цели и задачи организации.

Существуют различные точки зрения на то, какое из международных объединений XIX в. можно считать первой ММПО. Иногда называют организованную на Венском конгрессе Центральную комиссию судоходства по Рейну. Предпосылки ее создания возникли еще в начале XVII в., когда делались попытки заключить соглашения, которые гарантировали бы свободу судоходства по этой реке¹⁴. Комиссия должна была осуществлять контроль за постановлениями Заключительного генерального акта конгресса по вопросам, связанным с судоходством по Рейну. Ее первоначальными членами стали Франция, Нидерланды и пять германских государств: Пруссия, Баден, Бавария, Гессен и Нассау. Рейнская комиссия, несомненно, явилась определенной вехой на пути создания межправительственных организаций. Она имела согласованные цели, компетенцию деятельности, постоянный контрольный орган (главного инспектора и трех его помощников), а также такие специализированные институты, как членство, порядок работы, и др. Однако выработке единой политики и правил, касающихся регламентирования судоходства по Рейну, препятствовали постоянно проявлявшиеся противоречия между государствами — участниками комиссии¹⁵. Во многом изменившаяся за время своего существования (как по составу участников, так и по сфере деятельности) Центральная комиссия судоходства по Рейну функционирует до сих пор. В настоящее время ее членами являются Бельгия, Великобритания, Нидерланды, Франция, ФРГ и Швейцария.

К первым ММПО часто относят и объединение, созданное в 1840 г. на основе Всемирной конвенции против рабства. Эта организация, однако, не приняла никаких реальных мер для запрещения рабства и борьбы с работорговлей.

Стабильный рост числа ММПО в области связи, транспорта, системы мер и весов, финансов начался с середины XIX века. Развитие электрических телеграфных линий в Англии, США, Франции, России, Италии, Швейцарии и других странах привело к учреждению на основе Парижской телеграфной конвенции 1865 г. Международного телеграфного союза, предшественника современного Международного союза электросвязи (учрежденного в Мадриде в 1932 г.)¹⁶. Затем начали функционировать Международный союз мер и весов, Всемирный почтовый союз, Международный союз для охраны промышленной собственности, Международный союз для печатания таможенных тарифов, Международный союз железнодорожного транспорта и ряд других¹⁷.

Однако в ту пору ММПО развивались сравнительно медленно. К 1914 г. их насчитывалось всего 20¹⁸. Созданию ММПО препятствовали прежде всего противоречия между капиталистическими государствами, проявлявшиеся в ходе борьбы за экономическое и политическое господство, их стремление к достижению односторонних преимуществ. Так, понадобилось более 60 лет для того, чтобы достичь относительных результатов по объединению усилий в борьбе с эпидемическими заболеваниями, которые с середины XIX в. периодически охватывали различные страны Европы и Северной Америки. Первая такая попытка

¹⁴ Соглашения о судоходстве и рыболовстве на международных реках относятся к числу старейших в истории межгосударственного общения.

¹⁵ Об истории создания и деятельности Центральной комиссии судоходства по Рейну см.: З. Клепацкий. Указ. соч., стр. 393—400.

¹⁶ См. подробнее: «Специализированные учреждения ООН в современном мире». М. 1967, стр. 374—376.

¹⁷ Историю создания этих союзов и описание их первоначальной деятельности см.: П. Казанский. Указ. соч. Т. I—III. Одесса. 1897.

¹⁸ «The 1978 International Organizations Founded since the Congress of Vienna». Union of International Associations. Document № 7, Brussels. 1957, p. VIII.

выработать единые карантинные правила была предпринята на Санитарной конференции в Париже в 1851 году. В течение следующих 40 лет (с 1851 по 1892 г.) состоялось шесть конференций, в ходе которых практически не было принято ни одного соглашения. Наконец, резкое обострение опасности распространения эпидемий, вызванное расширением военных операций в колониальных и отсталых странах и связанным с этими действиями огромным увеличением передвижения людей и товаров, заставило капиталистические государства пойти на заключение карантинных соглашений. С 1892 по 1897 г. было проведено четыре конференции, которые выработали соглашения, ставшие затем основой международного санитарного соглашения, заключенного в 1903 году. Межправительственная санитарная организация, получившая название Международного бюро общественной гигиены, была создана лишь в 1907 году. Ее функции заключались в сборе и распространении информации об эпидемических заболеваниях¹⁹.

Первые ММПО, возникшие в эпоху капитализма, объединяли государства, принадлежавшие к одной социально-экономической системе. По своей правовой природе они были далеки от соблюдения и реализации принципа суверенного равенства участников. Более того, положение колоний и зависимых территорий в ряде организаций характеризовалось открытой дискриминацией, предоставлением им урезанного статуса. Например, колонии и зависимые территории, входившие в три крупнейших союза того времени — Международный телеграфный союз, Всемирный почтовый союз, Международный союз для печатания таможенных тарифов, — могли использовать свои права в этих организациях только «с особого разрешения центральной государственной власти и с согласия всех союзников»²⁰.

ММПО, возникшие в XIX в., имели ограниченную специализированную компетенцию, сфера их деятельности охватывала круг конкретных экономических и научно-технических вопросов. Зачастую их задачи состояли лишь в сборе и распространении информации или урегулировании чисто финансовых (их называли тогда фискальными) проблем. В системе международных отношений первые организации такого рода скорее играли роль вспомогательного средства в деле осуществления межгосударственного сотрудничества. И тем не менее создание ММПО означало «известный прогресс в правовом регулировании некоторых видов международного сотрудничества. Их деятельность в определенной мере обогатила опыт межгосударственного сотрудничества в конкретных областях... появление и развитие таких организаций представляло для своего времени значительный шаг вперед по пути расширения и обогащения форм международных отношений»²¹.

Особое место в истории ММПО занимает Лига наций. Согласно провозглашенным в ее Статуте целям она была призвана стать универсальной международной организацией по поддержанию мира и безопасности, способствующей развитию широкого международного сотрудничества. Однако истинные цели Лиги не имели ничего общего с тем, что было заявлено ее учредителями в преамбуле Статута. Будучи органической частью Версальской системы, Лига наций с самого начала была призвана охранять не мир вообще, а лишь Версальский мир, мир империалистический и грабительский. Она была создана международной буржуазией, напуганной мощным протестом против политики империалистической агрессии, огромным ростом сознательности и организованности

¹⁹ См. О. В. Бароян. Судьба конвенционных болезней (прошлое, настоящее и будущее). М. 1971; «Специализированные учреждения ООН в современном мире», стр. 170—172.

²⁰ П. Казанский. Указ. соч. Т. I, стр. 208.

²¹ Г. И. Морозов. Международные организации. Некоторые вопросы теории. М. 1974, стр. 13.

народных масс, вызванным победой Великой Октябрьской социалистической революции. Используя пацифистские лозунги об избавлении человечества от кровопролитных войн, буржуазия стремилась успокоить общественное мнение, отвлечь трудящихся своих стран от революционной борьбы, от военной угрозы. Правящие круги США, Англии, Франции связывали с появлением Лиги наций свои узкокорыстные цели, надеясь с ее помощью оказывать давление на другие капиталистические государства.

Возникшая в условиях империализма с его неразрешимыми внутренними и внешними противоречиями и ожесточенной борьбой за передел мира, Лига наций не могла не стать ареной острых столкновений и конфликтов даже между теми государствами, в интересах которых она создавалась. Эти противоречия проявились уже на подготовительном этапе организации Лиги, в период работы Парижской мирной конференции (1918—1919 гг.)²². Так, монополистические круги США, которые представлял президент В. Вильсон, стремились использовать эту организацию для расширения собственных рынков сбыта, сфер влияния, в первую очередь для того, чтобы получить возможность активного влияния на европейские дела. Против США выступали Англия и Франция, две страны-победительницы, каждая из которых боролась за экономическое и политическое преобладание в Европе. Выдвигая требование единогласного решения Совета Лиги наций по всем спорам между государствами, угрожающим разрывом между ними, Англия пыталась обеспечить себе роль арбитра в будущих столкновениях на европейском континенте. Французский проект отличался от проектов, представленных другими странами, тем, что в нем самым детальным образом разрабатывались дипломатические, юридические, экономические, военные меры воздействия на напавшее государство. За этими предложениями скрывался страх перед Германией, превосходившей Францию и по своей промышленно-экономической базе и по людским резервам. Закономерно и то, что именно французский проект Статута Лиги предусматривал создание находящейся в распоряжении организации постоянной международной армии. К концу первой мировой войны Франция обладала наиболее мощной в Европе сухопутной армией, следовательно, в случае создания вооруженных сил Лиги они состояли бы в основном из французских частей и Франция тем самым получила бы дополнительные гарантии осуществления своих планов. Французское предложение о применении военных санкций против напавшей стороны было отвергнуто представителями США и Англии. Окончательный вариант Статута Лиги был выработан на основе англо-американского проекта и согласован между тремя главными империалистическими державами: США, Англией и Францией. Остальным участникам Парижской конференции он был навязан без обсуждения.

Статут Лиги наций, принятый 28 апреля 1919 г., подписало 31 государство²³. В их число входили и британские доминионы, что явилось результатом давления Англии, крайне заинтересованной в том, чтобы страны, входящие в Британскую империю, являлись членами Лиги наций. Противоречия между странами — учредительницами Лиги, про-

²² О подготовке и ходе Парижской мирной конференции см.: Л. Иванов. Лига наций. М. 1929; А. Колъский. Лига наций (ее организация и деятельность). М. 1934; «Архив полковника Хауза». Т. 2. М. 1937; О. Афанасьева. Краткий очерк истории Лиги наций. М. 1945; «История дипломатии». Т. III. М. 1965; «История международных отношений и внешней политики СССР». Т. I. М. 1967, стр. 68—79; А. С. Протопопов. СССР, Лига наций и ООН. М. 1968; F. P. Walters. A History of the League of Nations. L. 1952; «The League of Nations». Ed. by R. V. Henig. Edinburgh. 1973.

²³ США не стали членом Лиги наций, поскольку американский сенат под влиянием изоляционистского большинства не ратифицировал Версальский договор, а тем самым и Статут Лиги.

явившиеся в момент ее создания, со временем усилились еще больше. Через год после возникновения организации, в октябре 1920 г., В. И. Ленин отмечал: «На каждом шагу обнаруживается, что интересы составных частей этой Лиги наций взаимно противоречивы. Франция желает поражения Англии, и наоборот... Оказалось, что Лиги наций не существует, что союз капиталистических держав есть пустой обман и что, на самом деле, это — союз хищников, из которых каждый старается урвать что-нибудь друг у друга»²⁴.

Несмотря на существовавшие между учредителями Лиги наций острые межимпериалистические противоречия, у них была и единая, объединявшая их основа — антисоветизм, на базе которого они сплотились для борьбы с молодой Советской республикой, используя для этого все средства, вплоть до вооруженной интервенции. Страх перед растущим мировым революционным и освободительным движением определял позиции основных империалистических сил в Лиге на протяжении всего ее существования. Вынужденные в 1934 г. под напором своих народов пригласить Советский Союз в Лигу наций империалистические круги и в дальнейшем не ослабили своих антисоветских устремлений, придавая им в ряде случаев замаскированные по тактическим соображениям формы.

Лига наций отличалась от всех предшествовавших ей ММПО тем, что ее устроители предприняли попытку создать довольно сложный механизм и специальные органы по экономическим и социальным вопросам. Но и здесь межимпериалистические противоречия стали препятствием для осуществления поставленных перед организацией задач. Статут Лиги наций, например, не разграничивал компетенцию ее главных органов — Ассамблеи и Совета. Оба они ведали «всеми вопросами, входящими в сферу действия Лиги или затрагивающими всеобщий мир»²⁵. На деле такое совпадение функций давало возможность великим державам поставить под свой контроль всю деятельность организации, так как при желании они могли передать в Совет, где их приоритет был несомненным, обсуждение тех вопросов, которые могли встретить оппозицию в широкопредставительной Ассамблее. Для того, чтобы превратить Совет в послушный инструмент своей политики, создатели Лиги наций пошли на нарушение элементарных демократических принципов, предоставив именно этому органу право исключения государств из числа членов организации. Совет воспользовался этим правом всего один раз, исключив в декабре 1939 г. из Лиги наций Советский Союз по лживому обвинению в «нападении» на Финляндию²⁶. В то же время ни один истинный агрессор не был исключен из Лиги наций. Фашистские Германия, Италия и милитаристская Япония сами вышли из состава Лиги, не желая быть связанными в своих агрессивных действиях.

Учредители Лиги наций стремились сделать ее координатором деятельности всех (не только межправительственных, но и неправительственных) международных организаций, существовавших в тот период. Ст. 24 Статута содержала положение, согласно которому под руководство Лиги наций должны были быть поставлены «все международные бюро, ранее учрежденные коллективными договорами», а также «всякие другие международные бюро и всякие комиссии по урегулированию дел международного значения, которые будут созданы впоследствии»²⁷. Подобная задача ставилась перед ММПО впервые. Замыслы создате-

²⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 350.

²⁵ «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами». Вып. VIII. М. 1935, стр. 37.

²⁶ См. «История внешней политики СССР». Т. I. 1917—1945. М. 1976, стр. 406—408.

²⁷ См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами». Вып. VIII, стр. 47.

лей не были реализованы в деятельности Лиги. Против контроля с ее стороны активно выступили страны, по ряду причин в нее не вступившие и тем не менее игравшие важную роль в международных организациях. Эти государства не пожелали уступить руководителям Лиги наций своего привилегированного положения. В результате деятельность большинства ММПО не была поставлена под контроль Лиги. Провалом завершились и аналогичные усилия в отношении международных неправительственных организаций (МНПО)²⁸.

Создателям Лиги наций удалось построить систему специальных и вспомогательных органов непосредственно в рамках самой организации. При Лиге состояло также два автономных международных учреждения: Постоянная палата международного суда в Гааге и Международная организация труда. В число специальных и вспомогательных органов входили различные организации, постоянные и временные консультативные комиссии, комитеты и т. п., созданные Советом Лиги наций на основании ее Статута и мирных договоров 1919 г., а также особых соглашений или же по предложению Ассамблеи для помощи Лиге в выполнении тех или иных задач. Ряд органов — Верховный комиссариат по делам Данцига, Комиссия по делам беженцев, Правительственная комиссия Саара и др. — был призван контролировать политические вопросы, отнесенные к компетенции Лиги наций Версальским и другими мирными договорами. Была образована также многочисленная группа органов по экономическим и социальным проблемам. Практические мероприятия, проводившиеся ими, оказались весьма малочисленными. В основном же деятельность Лиги наций в экономических и социальных областях носила исследовательский характер, и ее результаты были очень незначительными²⁹.

Уже первые действия Лиги были отмечены стремлением руководителей организации уклониться от обсуждения и решения конкретных проблем, связанных с укреплением всеобщего мира. Лига наций не только не препятствовала откровенно агрессивным актам, приведшим мир ко второй мировой войне, но, более того, став в конце концов на путь пресловутого «невмешательства», на деле потворствовала им. Советский представитель в Лиге наций М. М. Литвинов подчеркивал в одном из своих выступлений, что путь уступок агрессорам «привел к потере одними государствами, членами Лиги, огромнейших территорий с десятками миллионов населения, а другими — самого своего существования в качестве государства. Можно считать теперь аксиомой, что пассивность Лиги во время маньчжурского конфликта имела своим последствием несколько лет спустя нападение на Абиссинию. Недостаточная активность в случае с Абуиссией поощрила испанский эксперимент. Непринятие Лигой никаких мер в помощь Испании поощрило новую атаку на Китай. Таким образом, мы имели четыре агрессии на протяжении пяти лет. Мы видим, как агрессия, не будучи приостановлена, перебрасывается с одного материка на другой, принимает каждый раз все большие и большие размеры»³⁰.

²⁸ Подробнее о них см.: Г. И. Морозов. Международные организации. Некоторые вопросы теории, стр. 302—303; И. И. Коваленко. Неправительственные организации в истории международных отношений. «Вопросы истории», 1972, № 6; его же. Международные неправительственные организации. М. 1976, стр. 29—33.

²⁹ О системе и деятельности органов Лиги наций по социальным и экономическим вопросам см.: Е. С. Пчелинцев. Международно-правовые вопросы экономического и социального сотрудничества государств (по материалам Лиги наций). «Вопросы международного права». М. 1963. См. также: М. Hill. The Economic and Financial Organization of the League of Nations. A Survey of Twenty-Five Years Experience. Washington. 1946; Н. Finer. The United Nations Economic and Social Council. Boston. 1946, pp. 11—12; R. Asher, W. Kotsching, W. Brown a. o. The United Nations and Economic and Social Cooperation. Washington. 1957.

³⁰ Цит. по: О. Афанасьева. Указ. соч., стр. 34.

Руководителям Лиги наций потребовалось 15 лет для того, чтобы осознать безрезультатность попыток решать международные дела без участия Советского государства. Самый факт приглашения СССР в Лигу свидетельствовал об огромном росте его авторитета на мировой арене, не считаться с которым империалистические державы уже не могли. Важно и другое. Приход Советского Союза в Лигу наций означал, что полноправным членом организации, где до 1934 г. были представлены лишь капиталистические государства, стала страна, принадлежащая к новой социально-экономической системе, государство, провозгласившее борьбу за мир, мирное сосуществование, обеспечение подлинно равноправного международного сотрудничества главной задачей своей внешней политики. Именно стремлением использовать любую возможность для поддержания всеобщего мира диктовалось согласие СССР вступить в Лигу наций. Советское государство использовало свое пребывание в Лиге для активной борьбы за разоблачение агрессоров и консолидацию сил мира. И до своего вступления в Лигу СССР принимал участие в работе ряда проведенных под ее эгидой конференций, а также ее комитетов, которые, по мнению Советского правительства, способствовали сохранению мира, улучшению взаимоотношений между странами. Так, Советский Союз принимал участие в работе подготовительной комиссии конференции по разоружению и в самой конференции³¹. В 1933 г. Советский Союз разработал проект определения агрессии, имевший большое значение для борьбы против агрессивной политики фашизма, для мобилизации общественного мнения в пользу создания системы коллективной безопасности³².

Вступив в Лигу наций и став постоянным членом ее Совета, СССР принял активное участие в обсуждении ряда важнейших вопросов мировой политики: об итало-эфиопской войне, плебисците в Саарской области, нарушении Германией военных статей Версальского договора, разрыве ею Локарнского договора и др. Советскому Союзу принадлежит конструктивный план усиления аппарата Лиги наций и укрепления ее способности в борьбе с агрессией³³. Реализации советских предложений мешала обструкционистская политика империалистических держав, стремившихся обеспечить лишь собственную безопасность, направить агрессию против других стран и прежде всего против Советского Союза. Свое крайнее выражение это стремление нашло в политике «невмешательства», превратившей в пустую формальность всю (впрочем, весьма незначительную) деятельность Лиги наций по поддержанию мира и безопасности.

Лига наций за время своего существования не смогла урегулировать ни одного значительного конфликта и оказалась неспособной предотвратить новую мировую войну. Эта, как говорилось в ее Статуте, «организация по поддержанию мира и безопасности» не располагала ни правами, ни средствами для предотвращения войны. Статут Лиги, торжественно возлагавший на Совет и Ассамблею ответственность за поддержание международного мира, практически не запрещал обращение к войне как к средству разрешения споров между государствами. Более того, в некоторых случаях Статут даже легализовал и санкционировал войну (см. ст. 15, пп. 6, 7).

Закрепленное за Советом право выносить решения по спорам и

³¹ См. подробнее: «История внешней политики СССР». Т. I. 1917—1945, стр. 252—254, 273—275.

³² См. К. Н. Багинян. Агрессия — тягчайшее международное преступление. К вопросу об определении агрессии. М. 1955. Определение агрессии было принято спустя 40 лет, на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1974 году.

³³ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов. 1925—1934». Т. 3. М. 1945, стр. 701.

конфликтам между членами Лиги наций обесценивалось тем, что эти решения не имели фактической правовой силы. Коренным недостатком Статута Лиги являлось также требование единогласия всех членов при вынесении политических решений, которое распространялось не только на Совет, но и на Ассамблею (ст. 5). При этом некоторые малые государства, выполняя роль агентов заинтересованных крупных держав, злоупотребляли правилом единогласия. Таким образом обезличивалась ответственность различных государств за поддержание всеобщего мира и исключалась возможность эффективной деятельности организации. Значительным тормозом в деятельности Лиги являлась усложненная процедура, с которой было связано проведение каждого решения в жизнь. Создание бесконечного множества комиссий и комитетов не могло содействовать быстрому и четкому принятию необходимых мер по предупреждению военных столкновений между государствами. Так, жалоба китайского правительства на действия Японии, открывшей без всякого повода в сентябре 1931 г. военные действия в Мукдене, рассматривалась Лигой наций в течение почти полутора лет. Когда, наконец, в феврале 1933 г. специальный комитет Лиги выработал резолюцию, в которой агрессору предлагалось отозвать свои войска из Маньчжурии, Япония просто отказалась принять резолюцию, а 27 марта 1933 г. заявила о своем выходе из Лиги наций³⁴.

Первый опыт по созданию международной межправительственной организации, призванной обеспечить мир на земле, оказался, таким образом, неудачным.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне «положила начало глубоким изменениям в мировой политике, экономике, идеологии, в сознании миллионов людей»³⁵. В истории международных организаций наступил качественно новый период. В годы войны развернулся второй этап общего кризиса капитализма, характерными чертами которого стали образование мировой социалистической системы, подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, сопровождавшийся крахом колониальной системы империализма и возникновением значительного числа молодых суверенных государств, дальнейшее ослабление сил империализма. Результатом этих поистине революционных сдвигов явилась новая расстановка сил на мировой арене; капитализм был вынужден во многом уступить свои позиции. Отношения между государствами в послевоенный период активизировались, они стали как никогда ранее сложными, пронизанными борьбой двух противоположных общественных систем. Научно-техническая революция привела к появлению новых областей международного сотрудничества.

Развитие ММПО в послевоенное время характеризуется не только бурным количественным ростом³⁶. Основная особенность этого этапа состоит в том, что начинает складываться система этих организаций, ставших в наши дни неотъемлемым элементом международных отношений. ММПО, функционирующие на мировой арене, весьма разнообразны по своему политическому и социально-экономическому характеру, по структуре и объектам деятельности, по географическим рамкам и т. д. Взяв за основу социально-политические критерии, можно выделить четыре группы ММПО: организации, объединяющие социалистические государства; организации, в деятельности которых участвуют государства различных социально-экономических систем (важнейшими среди них являются ООН и ее специализированные учреждения); организации развивающихся стран; организации капиталистических государств (эта

³⁴ См. О. Афанасьева. Указ. соч., стр. 21—22.

³⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. I. М. 1973, стр. 144.

³⁶ Так, если к 1939 г. в мире насчитывалось 48 межправительственных организаций, то через десять лет, к 1949 г., их стало 100.

группа включает также военные империалистические блоки и другие замкнутые группировки капиталистических стран).

Главное место в системе современных ММПО принадлежит Организации Объединенных Наций. История ее создания, подготовки Устава, деятельность ООН подробно освещены в литературе³⁷, поэтому представляется целесообразным остановиться лишь на некоторых общих моментах.

ООН — новое явление в истории международных организаций. Среди западных исследователей, правда, распространена точка зрения о том, что предтечей этой организации была Лига наций. Однако Лига и ООН создавались в принципиально различных исторических условиях. Лига наций была учреждена как организация государств, принадлежавших к одному социально-экономическому строю, ее Статут отражал империалистическую сущность этой организации. Создание же ООН явилось логическим итогом борьбы народов антигитлеровской коалиции. Эта межправительственная организация коренным образом отличается от всех предшествовавших ей и тем, что в ее Уставе благодаря усилиям Советского Союза впервые были закреплены демократические принципы международной организации по поддержанию мира и безопасности, в основу которых был положен принцип мирного сосуществования государств двух противоположных социально-экономических систем. Включение универсальных³⁸ принципов в Устав ООН предоставляло огромные возможности, которые могли позволить ей стать органом многостороннего международного сотрудничества в решении актуальных политических, экономических и социальных проблем.

Однако практическое воплощение принципов ООН в действительность встретилось со значительными трудностями. Политика империалистических держав, стремившихся любой ценой сохранить собственные позиции и использовать ООН в качестве вспомогательного (а зачастую и непосредственного) инструмента для осуществления своих агрессивных планов, не позволяла этой организации в течение первых двух десяти-

³⁷ Е. А. Коровин. Конференция Объединенных Наций и международная безопасность (от Думбартон-Окса до Сан-Франциско). М. 1945; В. Н. Дурденевский, С. Б. Крылов. Организация Объединенных Наций. Сборник документов, относящихся к созданию и деятельности. М. 1956; «Организация Объединенных Наций. Сборник документов». М. 1956; Г. И. Морозов. Организация Объединенных Наций (основные международно-правовые аспекты структуры и деятельности). М. 1962; «ООН и актуальные международные проблемы (К 20-летию ООН)». М. 1965; «Советский Союз в Организации Объединенных Наций». Т. I—II. М. 1965; Ф. И. Кожевников, В. А. Мазов. ООН и проблемы сохранения мира. «Вопросы истории», 1969, № 7; «ООН: итоги, тенденции, перспективы (К 25-летию ООН)». М. 1970; В. Ф. Петровский. Советские ученые о месте и роли ООН в современном мире. «Вопросы истории», 1972, № 5; В. Л. Израэлян. Советский Союз и создание Организации Объединенных Наций. «Вопросы истории», 1975, № 12; В. Г. Шкунаев. Организация Объединенных Наций в современном мире. М. 1976; L. M. Goodrich. The United Nations. N. Y. 1963; Ch. Chaumont. L'Organisation des Nations Unies. P. 1964; I. L. Claude. Swords into Plowshares: The Problems and Progress of International Organization. N. Y. 1964; L. Bloomfield. The UN at Twenty and After. N. Y. 1965; J. Gutteridge. The UN in a Changing World. N. Y. 1970; «The United Nations 1945—1970». New Delhi. 1970; «The United Nations: Problems and Prospects». Ed. by E. H. Fedder. St. Louis. 1971; «The UN Past, Present, Future». Ed. by J. Barros. N. Y.—L. 1972; R. Pedersen. The United Nations: Problems and Opportunities. Washington. 1972.

³⁸ основополагающими (универсальными) принципами Устава ООН являются принципы мирного сосуществования, суверенного равенства всех членов, невмешательства в дела других государств, разоружения. Устав провозглашает важной задачей ООН осуществление широкого международного сотрудничества в разрешении разнообразных международных проблем экономического и социального характера, а также в области здравоохранения, науки и культуры. Важно отметить, что Устав непосредственно говорит о сотрудничестве ООН с неправительственными организациями. Закрепление этих подлинно демократических принципов в Уставе ООН имело принципиальное значение как для международного права, так и для международных отношений в целом.

тилетий успешно реализовывать заложенные в ее Уставе огромные потенциальные возможности. ООН не сумела, например, до сих пор добиться разрешения таких международных проблем, как осуществление всеобщего и полного разоружения, окончательная ликвидация колониализма, установление равноправного и широкого сотрудничества между всеми странами в социальной, экономической и других областях. Тем не менее главным итогом деятельности ООН на международной арене следует признать то, что благодаря совместным усилиям сначала Советского Союза, других социалистических стран, а затем и присоединившихся к ним молодых независимых государств она в целом оказалась жизненной международной межправительственной организацией, не имеющей себе равных ни по широте компетенции, ни по членскому составу.

Образование ООН сопровождалось одновременно появлением целой группы ММПО, связанных с ней специальными соглашениями и вошедших в число ее специализированных учреждений. С 1946 г. существует Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), с 1945 г. — Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), с 1946 г. начали функционировать Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ)³⁹. В 1946 г. основана Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), в 1947 г. — Всемирная метеорологическая организация (ВМО). Статус специализированных учреждений ООН получает ряд уже действующих организаций — Международная организация труда (МОТ), Всемирный почтовый союз (ВПС), Международный союз электросвязи (МСЭ), Международная организация гражданской авиации (ИКАО). Затем были созданы еще четыре организации: Международное агентство по атомной энергии — МАГАТЭ (1957 г.), Межправительственная морская консультативная организация — ИМКО (1959 г.), Конференция ООН по торговле и развитию — ЮНКТАД (1964 г.), Организация ООН по промышленному развитию — ЮНИДО (1966 г.). Возникновение этой группы организаций было обусловлено появлением новых специальных областей межгосударственного сотрудничества, в свою очередь явившихся результатом дальнейшего усложнения и развития мировых хозяйственных связей и научно-технической революции⁴⁰.

Специализированные учреждения ООН, возникшие после второй мировой войны, отличаются от существовавших ранее по своей политической и правовой природе. В прошлом подобные учреждения объединяли «государства одной социальной системы, их политическая природа определялась политическими интересами наиболее мощных в экономическом и финансовом отношениях держав. Классовая однородность их состава обуславливала отсутствие политических противоречий антагонистического характера, эти организации использовались как вспомога-

³⁹ СССР не является участником МБРР и МВФ, так же как и ряда других финансовых органов ООН, которые используются буржуазными государствами в интересах монополистического капитала для вмешательства в сферу международных экономических отношений (см. Н. Курилин. Международный валютный фонд. М. 1967; Б. З. Грайвер. Международный банк и развивающиеся страны. М. 1972, и др.).

⁴⁰ Е. А. Шибяев. Специализированные учреждения ООН (международно-правовые аспекты). М. 1966; Р. М. Тимербаев. Мирный атом на международной арене. М. 1969; Л. Л. Розанов. Социально-экономические и политические аспекты деятельности Всемирной организации здравоохранения. М. 1972; Г. Н. Прохорова. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. М. 1972; «Организация Объединенных Наций». Краткий справочник. М. 1975; С. Labeurie-Menahem. Des institutions spécialisées. P. 1953; G. Beckel. Workshops for the World: the Specialized Agencies of the United Nations. N. Y. 1954; K. Ahluwalia. The Legal Status, Privileges and Immunities of the Specialized Agencies of the United Nations and Certain Other International Organizations. The Hague. 1964; I. Szapiro. The United Nations Family. N. Y. 1964; «International Organization: World Politics. Studies in Economic and Social Agencies». Ed. by R. W. Cox. L. 1969.

тельное средство проведения внешнеполитической и внешнеэкономической, а в отдельных случаях и социальной политики капиталистических держав»⁴¹. В современных же специализированных учреждениях ООН представлены государства противоположных социальных систем. Их деятельность является существенным элементом международных отношений и в полной мере отражает перемены, происходящие в международной жизни.

В послевоенный период Советский Союз и другие социалистические страны создали межправительственные организации нового типа, значение которых в международной жизни определяется ролью мировой системы социализма, а также особенностями взаимоотношений социалистических государств. Основой этих отношений является принцип социалистического интернационализма, который базируется на братской взаимопомощи, подлинном равноправии и независимости стран социалистического содружества. На этих же началах строится деятельность международных организаций социалистических стран, крупнейшими из которых являются Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и Организация Варшавского Договора.

Целям укрепления политических и экономических связей социалистических стран на принципе полного равенства, взаимного уважения и суверенитета, в духе социалистического интернационализма служит и СЭВ, созданный в 1949 г.⁴² Состоявшаяся в июле 1976 г. в Берлине XXX сессия СЭВ продемонстрировала, насколько высок в наше время международный авторитет этой организации. Решения сессии по дальнейшей реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции явились новым важным шагом в деле укрепления единства социалистических стран, упрочения международных позиций социализма в интересах дела мира и прогресса.

Организация Варшавского Договора возникла в 1955 г. в качестве центра координации внешнеполитической деятельности стран социалистического содружества⁴³. Создание международной военно-политической организации, исходящей в своей деятельности из социалистических принципов, было вызвано необходимостью защитить интересы социалистических государств в условиях нагнетания военной угрозы и сколачивания империалистическими державами агрессивных блоков. Вместе с тем создание Организации Варшавского Договора представляет собой шаг по пути осуществления идеи коллективной безопасности и совместной борьбы против агрессии. Характерно, что наряду с оборонительными действиями социалистических стран Варшавский Договор, положивший начало организации, предусматривает участие во всех мероприятиях по обеспечению международной безопасности, сотрудничеству в деле разоружения, развитию экономических и политических связей. Страны — участницы Варшавского Договора неоднократно предлагали государствам, входящим в блок НАТО, рассмотреть вопрос об одновременном роспуске обеих организаций, а в качестве предварительного шага — о ликвидации их военных организаций. Однако страны НАТО неизменно отвергали эти предложения.

Наряду с этими основными организациями социалистические страны создали около 30 других, призванных способствовать их взаимному сотрудничеству в различных областях экономики, науки и техники. В их числе: Международный банк экономического сотрудничества, Организация сотрудничества железных дорог, Организация сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи и дру-

⁴¹ «Специализированные учреждения ООН в современном мире». М. 1967, стр. 10.

⁴² Н. В. Фаддеев. Совет Экономической Взаимопомощи — коллективный орган сотрудничества социалистических стран. «Вопросы истории», 1971, № 8.

⁴³ А. С. Бахов. Организация Варшавского Договора. М. 1971; «Организация Варшавского Договора 1955—1975. Документы и материалы». М. 1975; Э. С. Шевченко. Союз во имя мира. «Вопросы истории», 1975, № 5.

гие⁴⁴. Появление международных организаций социалистических стран не только расширило рамки международного многостороннего сотрудничества, но и означало внедрение в современную мировую политику совершенно новых методов и подходов к решению актуальных проблем международной жизни. Возникновение и деятельность этой группы ММПО оказали и продолжают оказывать сильное воздействие на развитие всей системы современных международных отношений.

Рост и укрепление мировой социалистической системы, утрата капиталистическим миром влияния на значительной части территории земного шара заставили руководителей ведущих империалистических держав искать выход в консолидации своих сил, в совместных действиях, направленных на сохранение позиций капитализма. Послевоенные годы были отмечены развязанной империалистическими кругами «холодной войной» против Советского Союза и других социалистических стран, одним из главных направлений которой стало сколачивание агрессивных военных блоков. Такие военные группировки капиталистических стран, как Организация Североатлантического договора (НАТО), появившаяся в 1949 г., Организация договора Юго-Восточной Азии — СЕАТО, учрежденная в 1954 г., Багдадский военный пакт (созданный в 1955 г., с 1958 г. после выхода Ирака — Организация Центрального договора — СЕНТО), и ряд других были образованы якобы для «обороны против нападения с Востока». Однако на деле эти организации направлены против безопасности социалистических стран и представляют серьезную опасность для всеобщего мира⁴⁵.

Попытки объединить усилия по упрочению экономических позиций капитализма вылились в создание ряда замкнутых экономических группировок. С необходимостью существования объединений такого рода прежде всего столкнулась западноевропейская буржуазия. В основе создания западноевропейских группировок, помимо экономического соперничества с социалистическим содружеством, лежал также целый комплекс экономических причин: уость национальных рынков, утрата монополиями колониальной периферии и рынков восточноевропейских стран, обостряющаяся конкурентная борьба с Соединенными Штатами Америки. Вначале появилась Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Она была учреждена на основе «плана Маршалла» в 1947 г. по инициативе США и под их фактическим руководством и объединяла почти все западноевропейские страны. Перед ОЕЭС ставились далеко идущие цели капиталистического восстановления, широкой либерализации взаимной торговли, развития различных форм экономического сотрудничества. Однако ее деятельность не принесла желаемых результатов, поскольку принятие совместных решений тормозилось противоречивыми позициями участников организации, каждый из которых преследовал собственные интересы. Такая же участь ожидала и более крупное межгосударственное экономическое объединение в форме Организации экономического сотрудничества и развития, созданной в 1961 г. на базе ОЕЭС и включившей, помимо западноевропейских стран, США, Канаду, Японию, Австралию и Новую Зеландию. В Западной Европе были образованы такие экономические организации, как

⁴⁴ О деятельности СЭВ и других международных экономических организаций социалистических стран см.: Е. Т. Усенко. Формы регулирования социалистического международного разделения труда. М. 1965; «Международные организации социалистических стран (правовые вопросы организации и деятельности)». М. 1971; «Многостороннее экономическое сотрудничество социалистических государств». Сборник документов. М. 1972; П. А. Токарева. Учреждение межгосударственных экономических организаций стран — членов СЭВ. М. 1976.

⁴⁵ Г. М. Акопов, И. А. Сухарьков. Империалистические блоки: реальность и перспективы. М. 1969; Б. М. Халоша. СЕАТО — орудие агрессии и колониализма. М. 1966; его же. НАТО и атом. М. 1975; А. И. Ларнонов, Ю. А. Несвицкий и др. Надводный флот НАТО. М. 1975, и др.

Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество («Общий рынок»), Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом), экономический союз Бенилюкс и, наконец, Европейская ассоциация свободной торговли⁴⁶.

Одним из непосредственных результатов краха колониальной системы и образования большой группы политических независимых государств в Азии и Африке явилось создание международных, прежде всего межгосударственных, организаций развивающихся стран (в том числе Лиги арабских государств, Организации африканского единства и др.). Завоевание самостоятельной государственности многими азиатскими и большинством африканских стран привело к изменению характера международных отношений на этих континентах. Молодые государства начали устанавливать политические и экономические связи, развивать межгосударственное сотрудничество, налаживание которого играло особенно важную роль в укреплении их позиций на мировой арене.

В системе международных отношений межгосударственные организации стран Азии и Африки представляют собой важное и специфическое явление. Обладая многими общими чертами ММПО, они в то же время несут на себе отпечаток национально-освободительного движения. На создание и деятельность этой группы ММПО оказывают влияние борьба двух социально-экономических систем, различные пути развития, соотношение сил и интересов стран — участниц тех или иных организаций, политическая и экономическая нестабильность, присущая ряду государств Азии и Африки. ММПО развивающихся стран пережили довольно сложную эволюцию, отразившую все многообразие и особенности межгосударственных отношений в этих районах мира⁴⁷.

В последнее время в условиях разрядки международной напряженности наблюдается тенденция к организационно-структурной консолидации стран — участниц движения неприсоединения. Движение неприсоединившихся стран еще не привело к возникновению межгосударственной организации с системой постоянно действующих органов. Однако на IV конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшейся в Алжире в сентябре 1973 г., был сделан шаг к созданию постоянного координационного органа. Специальное решение конференции уполномочивало ее Бюро «координировать действия и позиции стран-участниц, в частности, в ООН; изучить вопрос и представить рекомендации о создании постоянного секретариата»⁴⁸. На V конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, проходившей в августе 1976 г. в Коломбо, число членов Бюро было увеличено до 25.

ММПО прошли сложный и противоречивый путь от вспомогательного средства межгосударственного общения до одного из важнейших институтов современных международных отношений. На их создании и деятельности в полной мере отразились экономические, социальные и политические изменения, происходившие на международной арене. Существенную эволюцию претерпел и сам механизм этих организаций. Возникновение в послевоенный период таких новых по типу ММПО, как организации, объединяющие государства противоположных социаль-

⁴⁶ О деятельности западноевропейских экономических организаций см.: «Экономические группировки в Западной Европе». М. 1969; З. Клепацкий. Указ. соч.; М. М. Максимова. Основные проблемы империалистической интеграции (политический аспект). М. 1971; Ю. В. Шишков. «Общий рынок». Надежды и действительность. М. 1972; W. J. Ganshof van der Meersch. Organisations européennes. Bruxelles — P. 1966.

⁴⁷ О создании и деятельности этих организаций подробнее см.: Р. А. Тузмухамедов. Организация африканского единства. М. 1965; Я. Я. Эттингер. Межгосударственные отношения в Африке. М. 1972; его же. Межгосударственные организации стран Азии и Африки. М. 1976.

⁴⁸ «Движение неприсоединения в документах и материалах». М. 1975, стр. 233.

ных систем, организации социалистических государств, организации развивающихся стран, явилось одной из примечательных особенностей истории международных отношений в целом.

Особенно возрастает роль и ответственность ММПО на современном этапе, в условиях разрядки международной напряженности, вклад в материализацию которой является в наши дни важнейшим критерием полезности той или иной международной организации. Позитивные перемены на международной арене привели к существенному изменению политической обстановки в международных организациях, где представлены государства различных социально-экономических систем, создали условия для реализации конструктивных решений в пользу мира, направленных на закрепление процесса разрядки, дополнение политической разрядки военной. Социалистическим государствам, поддержанным развивающимися странами, удалось, вопреки западным державам, добиться в последнее время принятия важных решений в различных областях деятельности ООН, в том числе Декларации об укреплении международной безопасности, резолюции о неприменении силы и запрещении навечно применения ядерного оружия, о сокращении военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности на 10% и использовании части сэкономленных средств на оказание помощи развивающимся странам и ряд других.

Новые задачи в деле всестороннего использования возможностей международных организаций были выдвинуты Программой дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, принятой XXV съездом КПСС. Ряд конкретных предложений, сформулированных в Программе, осуществление которых позволило бы снять угрозу ядерной войны, освободить народы от бремени военных расходов, прекратить растрачивание материальных и интеллектуальных ресурсов на вооружение, предотвратить новую мировую войну, уже внесены Советским Союзом в ООН и находятся в настоящее время на рассмотрении различных ее органов, а также в женевском Комитете по разоружению.

Такие ММПО, как ООН, располагают хорошими возможностями для того, чтобы продвинуть вперед решение таких задач, как полная ликвидация остатков системы колониального угнетения, осуществление справедливого и прочного урегулирования на Ближнем Востоке, и ряда других.

В то же время на пути к прочному миру и сотрудничеству между народами существуют немалые препятствия. Силы империализма и реакции, пытаясь возродить времена «холодной войны» и опасной напряженности в мире, по-прежнему используют в качестве одного из главных орудий своей подрывной деятельности агрессивные военные блоки. Замкнутый характер экономических группировок капиталистических стран нарушает процесс интернационализации мировых хозяйственных связей, влечет за собой дискриминационные последствия в отношении государств, принадлежащих к другим общественным системам. По-прежнему продолжается острая политическая и идеологическая борьба между силами мира, прогресса и социализма, с одной стороны, и силами империализма и реакции, с другой, в рамках межправительственных организаций, объединяющих государства различных социально-экономических систем.

Однако ныне эта борьба проходит в условиях, когда сложилась новая расстановка сил на мировой арене, выросли силы мира и прогресса, произошел переход от «холодной войны» и конфронтации к разрядке и сотрудничеству, что создает благоприятные перспективы для развертывания деятельности этих организаций и повышения их роли в борьбе за обеспечение мира и международной безопасности.

КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

И. И. Лещиловская

В первой половине XIX в. в славянских землях получили развитие общественные течения разной классовой природы. В их идеологии значительное место занимал вопрос славянского единения и сотрудничества. Концепции и программы такого рода были едва ли не самым популярным предметом научного исследования в мировом славяноведении. Интерес к ним не ослабевает и в наши дни, подтверждением чего служит включение идейных аспектов «славянской взаимности» в проблематику международных славистических конгрессов и конференций, посвященных изучению разных сторон жизни славянских народов в XIX веке¹.

Научная литература, так или иначе касающаяся теорий и программ, сформулированных в первой половине XIX в. по вопросу о судьбах славян, огромна и многолика по содержанию, широте охвата проблемы и методологической основе. Буржуазная историография накопила большой материал описательного характера касательно взглядов отдельных мыслителей на славянство. Но для буржуазных исследователей независимо от школ и национальной принадлежности характерны изучение теорий и программ единения славян в отрыве от материальных условий жизни и коренных интересов классов и социальных слоев в славянских землях, изображение славянских общностей как бесклассовых организмов, трактовка идейных построений первой половины XIX в. как прямого продолжения бытовавших ранее воззрений на славян, идеализация отношений между имущими классами славянских наций.

Историки социалистических стран, подходя к идеологическому процессу в отдельных славянских землях в первой половине XIX в. с принципиально иных методологических позиций, много сделали в плане научного анализа концепций и программ славянской общности. Исследование этих идейных явлений ведется, как правило, в страноведческом плане. Но есть уже и работы, выходящие за рамки идейной жизни одной страны и рисующие широкую картину взглядов на славянство в первой половине XIX века². Однако изучение концепций и программ

¹ О работе исторической секции VI Международного съезда славистов (Прага. 1968 г.) по проблеме «Развитие идей и программ славянской взаимности в XVIII—XX вв.» см.: И. И. Лещиловская. Идеино-политические аспекты славянской взаимности в XVIII—XX вв. «Советское славяноведение», 1969, № 2.

² В. L i m a n o w s k i. Historia demokracji polskiej. Cz. 2. Warszawa. 1957; П. К о л е й к а. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha. 1964; М. Ž i v a n ě v í c. Ilirska varijanta ideje o slovenskoj uzajamnosti. «Kolo». 1966, br. 8, 9, 10; «Slovanství v národním životě Čechů a Slováků». Praha. 1968; «L'udovit štúr und die slawische Wechselseitigkeit». Bratislava. 1969; В. М а т у л а. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М. 1970.

сближения славян, помимо прочих факторов, затрудняется неразработанностью и недифференцированностью терминологического аппарата. Так, понятия «славянское сознание», «славянская взаимность», «панславизм», «всеславянство», «славянофильские чувства» употребляются в литературе нередко как тождественные, мешая проникновению в существо разных явлений.

В советской литературе получили освещение взгляды видных славянских мыслителей и деятелей на славянство, направленные на сближение славян программы общественных течений в отдельных славянских странах и землях в рассматриваемое время³.

Настоящая статья представляет собой попытку сравнительно-исторической характеристики концепций славянской общности и программ единения славян в их разной классовой и национальной трактовке в период с конца XVIII в. до революции 1848 года.

Сознание этнического родства и языковой близости возникло у славян на ранней стадии развития. Тогда же появились и первые сочинения, возвеличивавшие численность и могущество славян⁴. В XVI—XVII вв. особое внимание к этим вопросам проявляли польские и хорватские мыслители и поэты⁵. Это было естественно для Хорватии, находившейся под чужеземным игом, как и для Польши, испытывавшей постоянную угрозу нападения с запада и юга. К тому же времени относилось возникновение идеи единения славянских народов, одним из первых провозвестников которой был Ю. Крижанич, хорват по происхождению, мыслитель и писатель, творивший в XVII веке. Он разработал конкретные пути культурного и политического сплочения славянства, отводя главную роль в этом процессе Русскому государству⁶. Традиция славянского этнического сознания не прерывалась на протяжении веков.

Общественный интерес к происхождению славян, их родине, истории, языкам, судьбам и значению в мировом историческом процессе с новой силой вспыхнул во второй половине XVIII века. Он был связан с потребностями поднимавшейся буржуазии славянских земель в самоутверждении. Сознание родства отдельных славянских общностей между собой, многочисленности славян, их славы и могущества в прошлом было способно придать силы и влить уверенность в новый общественный класс. Это имело особое значение там, где на пути собственного утверждения новые общественные силы встречались с противодействием не только со стороны местного феодального класса, но и чужеземных угнетателей, в свою очередь, переходивших под воздействием развития капитализма к политике насильственной денационализации угнетенных народов. Обострение общественного внимания к славянству было результатом зарождения и формирования отдельных славянских наций. Стремление понять себя, определить свое место в окружающем мире, связанное с развитием национального самосознания, неизбежно поро-

³ М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. II. М. 1955; Ю. Д. Марголис. Проблема единения славянских народов в политической программе Т. Г. Шевченко. «Вестник» Ленинградского университета, 1958, № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3; А. С. Мыльников. Павел Шафарик — выдающийся ученый-славист. М.-Л. 1963; его же. Йозеф Юнгман и его время. М. 1973; И. И. Лещиловская. Я. Иллиризм. М. 1968; И. В. Чуркина. Просветительская деятельность Матии Маяра в 40-е годы XIX в. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах»; А. И. Бортников. Кирилло-Мефодиевское общество и польское национально-освободительное движение. Там же; В. А. Дьяков. Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов. «Советское славяноведение», 1971, № 5.

⁴ В. Д. Королюк. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага. 1968). Доклады советской делегации». М. 1968, стр. 101, 109, 110, 111.

⁵ И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб. 1910, стр. 9, 10

⁶ Ю. Крижанич. Политика. М. 1965.

дало интерес к этнически родственным общностям. В условиях национального угнетения они воспринимались как опора национального бытия того или иного народа, а затем и как важный общественный фактор в борьбе за национальное освобождение.

С конца XVIII в. славянское этническое сознание стало опираться на научную основу. Она была заложена трудами И. Добровского, А. Х. Востокова, Е. Копитара, П. И. Шафарика. Расширился объем славянского этнического сознания. Кроме общности происхождения и родства языков, в общественном сознании отложились сходство исторических судеб славянских народов и их современная культурно-бытовая близость. Но главное, в результате сдвигов в общественных отношениях и духовной жизни сознание этнической общности славян сочеталось теперь с развивавшимся самосознанием отдельных славянских наций. С конца XVIII в. на основе сознания славянской этнической общности в славянских землях стали развиваться идеологические построения, которые поднимали вопросы исторического развития и намечали пути их решения в масштабах всего или части славянского мира. Они носили отчетливо классовый характер.

Развитие идей славянской консолидации в их разной классовой интерпретации определялось жизненными потребностями соответствующих социальных слоев в условиях перехода славянских земель от феодализма к капитализму. На возникновение и эволюцию идей славянского единения оказали влияние также внешние факторы общественно-политического и идеологического характера. Толчок славянским мыслителям в Австрийской империи к поискам путей, способов и форм сближения славян дала итальянская и немецкая объединительная мысль. С другой стороны, идеи славянской общности в их различных проявлениях оформились здесь в противовес националистическим построениям немецкой буржуазии и венгерского либерального дворянства. Претензии указанных классов на упрочение своего господства над славянскими народами обострили потребность славянской общественности в противостоящих идеологических положениях. Мысль о славянском единстве как нельзя лучше отвечала этой задаче. Наконец, оформлению концепций славянской общности способствовала решающая роль России в разгроме Наполеона. «Москва горящая! Для нас ты символом победы стала!»⁷ — писал словацкий поэт и мыслитель Я. Коллар в одном из своих сонетов. Сознание того, что могущественная империя Бонапарта пала прежде всего под ударами русского оружия, вселяло в прогрессивных мыслителей малых славянских народов оптимистическую веру в способность славян объединенными усилиями улучшить условия своей жизни и развития и занять подобающее место среди свободных европейских народов.

В первой половине XIX в. главным опосредованным творцом идей славянской общности выступал формирующийся буржуазный класс во всем многообразии его облика в отдельных славянских землях. Идеологи буржуазии из среды интеллигенции, субъективно не связывавшие себя с одним классом и говорившие от лица всей нации, были провозвестниками идей славянского сближения и наиболее активными их глашатаями. Чехи Й. Юнгман и Ф. Челаковский, словаки П. И. Шафарик и Л. Штур, хорват Л. Гай в разное время и в неодинаковых условиях пропагандировали идеи славянской консолидации, получавшие особые оттенки под влиянием конкретных условий формирования отдельных славянских наций. Но объединяющим этих деятелей началом был подход к славянской проблеме с позиции поднимавшихся буржуазных общественных сил.

⁷ Я. Коллар. Сто сонетов. М. 1973, стр. 203.

В условиях национального гнета славянская проблема привлекала также внимание различных слоев феодального класса. Это касалось прежде всего хорватского и польского дворянства, поскольку в других угнетенных славянских землях «национального» дворянства или вообще не было, или оно переживало, как, например, сербское дворянство в Воеводине, процесс ассимиляции с дворянским сословием привилегированных наций. Начавшееся с конца XVIII в. наступление венгерского дворянства на «исторические права» Хорватского королевства, которые местные помещики отождествляли с собственными политическими привилегиями, заставило их обратиться к концепции славянской общности как идеологическому оружию в борьбе за сохранение своих позиций. Реальные условия жизни побуждали и польскую шляхту интересоваться славянским вопросом. Вхождение Королевства Польского в Россию, Галиции — в Габсбургскую монархию с их многочисленным славянским населением ставило вопрос о взаимоотношениях славян, рождало идеи решения польского вопроса посредством и в рамках славянского вопроса. Развитие в консервативной среде взглядов на славян и их будущее происходило на фоне общих идеологических сдвигов в сознании дворянства, обусловленных переменами в экономике и укладе жизни.

Высший католический и униатский клир в славянских землях Австрийской империи, представлявший одну из опор габсбургского режима, был враждебно настроен к идеям сближения славян. Решающее значение для него имела позиция имперских властей, руководствовавшихся принципом «разделяй и властвуй». Но в низших слоях католического и униатского духовенства, не связанных столь тесно с австрийской политикой и ближе стоявших к буржуазным слоям своих наций, жило и развивалось сознание славянской этнической общности, являвшееся благоприятной почвой для восприятия идей единения славян. Для православного духовенства вероисповедная общность оттесняла этническую. Но под влиянием постоянного давления, которое православное духовенство в Австрийской империи испытывало со стороны дворянства, католического духовенства и властей, оно прибегало к идеям славянского единения в целях самообороны, но толковало их в феодально-клерикальном духе.

Духовенство разных конфессий идеологически не было однородным. Среди прогрессивных славянских мыслителей и деятелей было немало таких, которые по общественному положению принадлежали к духовному сословию, но идеологически представляли буржуазный класс. Чех Й. Добровский, словак Я. Коллар, словенец М. Маяр, хорват П. Штоос и др. имели священнический сан, но по образу мыслей были выразителями интересов буржуазного развития. Эти лица, входившие в число наиболее образованных представителей своих наций, обладавшие в значительной мере благодаря этому широким кругозором, хотя общественное положение налагало отпечаток на их взгляды, выступали воодушевленными проповедниками славянского единения.

Стихийно-демократические тенденции в среде крестьянства, находившие проявление в совместной классовой борьбе крестьян разных национальностей, явились социальным источником революционно-демократических идей солидарности трудящихся классов славянских народов.

Славянская общественная мысль была тесно связана с идейной жизнью Европы. Прогрессивные славянские мыслители усваивали и перерабатывали в соответствии с особенностями положения своих народов достижения европейской общественной мысли, в свою очередь, обогащая ее развитие своими творческими поисками. Нередко они применяли к славянам идейные положения, получившие широкое распространение в Европе (например, теорию «естественного права»), или, наоборот, отталкивались от националистических построений идеологов имущих классов господствующих наций. Взаимодействие славянской

общественной мысли с общественной мыслью других европейских народов происходило по идейным направлениям, соответствующим социальной структуре того или иного общества.

Идейная жизнь славянских народов в Австрийской империи, в особенности чехов, словаков, словенцев, хорватов и сербов, развивалась в близких социальных и политических условиях при всех различиях, существовавших между западной частью империи и Венгерским королевством, а также между самими славянскими землями по положению, темпам, уровню развития и историческим традициям.

В первой половине XIX в. между публицистами, общественными деятелями славянских народов, в первую очередь прогрессивных направлений, установились живые контакты, облегчившие возможность идейных взаимовлияний. Это определяло сходство, а иногда и общность черт их идейного склада, проявившихся, в частности, во взглядах на прошлое, настоящее и будущее славянства. Вместе с тем особенностью национальной ситуации в каждой из славянских земель обусловили многообразие концепций славянской общности, неравномерность развития идей сближения славян у отдельных славянских наций, как и неравнозначность удельного веса славянского вопроса в идеологической системе однотипных общественных течений разных народов. В конечном итоге характер концепций славянской общности и их место в идеологии, представлявшей интересы того или иного класса отдельных славянских наций, определялись реальным положением и целями данного класса, условиями социального формирования наций, особенностями исторического развития народа и идейными традициями.

Рубежом в развитии идей славянской общности был 1830 год, знаменовавшийся революцией во Франции и польским национально-освободительным восстанием. Эти события усилили у прогрессивной части национально угнетенной славянской общественности стремление к освобождению, что ускорило формулирование концепций славянской общности и конкретные программ межславянского сотрудничества. Вместе с тем польское восстание 1830—1831 гг. способствовало углублению представлений прогрессивных славянских мыслителей о структуре славянства и межславянских связей, пониманию различия целей и интересов царизма и русского общества.

Выразители идейных течений внутри отдельных славянских наций вкладывали в славянскую проблему неодинаковый смысл, в соответствии с классовыми интересами представляемых ими социальных групп общества.

За время с 70-х годов XVIII в. до середины XIX в. существенно изменились как теоретические взгляды на славянство, так и место идей единения славян в программах буржуазных течений в отдельных славянских землях⁸. До 40-х годов XIX в. идеи сближения славян, в разных его вариантах, выступали на первый план в идеологии буржуазных слоев Чехии, Словакии и Хорватии. Но и тогда эти идеи служили прежде всего задаче освобождения каждой отдельной нации. Позднее под воздействием комплекса причин судьбы славянства получили подчиненное место в буржуазных программах построениях. Внимание общественности непосредственно сконцентрировалось на национальной проблеме.

Наиболее ранняя конкретизированная концепция славянской общности принадлежала Я. Коллару. В полной и законченной форме он выразил свои взгляды в трактате, который вышел в 1837 г. на немецком языке под названием «О литературной взаимности между различными

⁸ Для первой половины XIX в. о программах отдельных течений можно говорить лишь условно, подразумевая под этим систему основных положений, сформулированных наиболее авторитетными идеологами и руководителями общественных лагерей.

племенами и наречиями славянской нации». Коллар рассматривал славян как «один народ», трактуя это понятие в смысле нации⁹. «Все славяне,— писал он,— одна кровь, одно тело, один народ, все их наречия однородны...»¹⁰. Вместе с тем концепция Коллара строилась на признании внутри «славянского народа» четырех «племен» — русского, иллирийского (сербского), польского и чехословацкого — и соответственно в составе славянского «языка» — четырех «наречий»¹¹.

Я. Коллар обосновал и развил идею об особой общности чехов и словаков как органической части славянского целого и едином чехословацком «наречии». Она опиралась на трехсотлетнюю традицию употребления чешского языка в Словакии в качестве литературного¹². Странники теории единого чехословацкого народа имелись как в словацкой, так и в чешской среде. Но если у словацких деятелей чехословакизм выступал как форма идеологической защиты от мадьяризации, то у чешской стороны он выполнял не только оборонительные функции против германизации, но был вместе с тем и прикрытием для начавших уже проявляться экспансионистских устремлений чешской буржуазии.

В первой половине XIX в. в кругах славянской общественности в соответствии с лингвистическими представлениями того времени, отводившими орфографии важную роль в развитии языка, высказывались пожелания об установлении графического единства между славянскими языками. Появились даже фантастические помыслы о слиянии всех славян в литературно-языковом отношении. Странниками такого единства были польский филолог С. Б. Линде, словацкий адвокат Я. Геркель, словенский священник М. Маяр. Однако подобные идеи широкого распространения не получили. Зато большой популярностью пользовались идеи литературного сближения славянства и особенно сплочения ближайших родственных общностей внутри него. Но формы и пути такого соединения мыслились славянскими учеными и общественными деятелями неодинаково.

Значительное влияние на славянскую интеллигенцию оказало учение Я. Коллара о литературной взаимности славян. Словацкий мыслитель понимал под такой взаимностью литературно-духовный союз славян, предполагавший создание общего литературного языка для каждой из четырех упоминавшихся выше групп и их взаимное сближение¹³. Я. Коллар назвал конкретные пути утверждения взаимности. Этому должны были служить обмен книгами между писателями, устройство кафедр славянских «наречий» в школах, основание общеславянского литературного журнала и т. д. Литературная взаимность должна была стать формой сотрудничества, а для части славян — и практического культурного слияния с целью обеспечения их всестороннего прогресса¹⁴. Во взглядах Я. Коллара на литературно-языковое развитие славян трезвое понимание необратимости процесса самостоятельного литературно-языкового оформления тех народов, которые наиболее продвинулись по пути национальной консолидации, соединилось с утопическими упованиями на возможность искусственно воспрепятствовать дальнейшему углублению национальной дифференциации в славянском мире и становлению национальных литературных языков.

⁹ J. Kollár. Ueber die literarische Wechelseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. В этом трактате термины «народ» (Volk) и «нация» (Nation) употреблялись как тождественные.

¹⁰ J. Kollár. O literárnej vzájomnosti. Bratislava. 1954, str. 161.

¹¹ Ibid., str. 114.

¹² J. Tibenský. Der slawische Gedanke und seine Rolle zu Beginn der slowakischen nationalen Wiedergeburt.— «L'udovit Štúr und die slawische Wechelseitigkeit». S. 42.

¹³ J. Kollár. O literárnej vzájomnosti, str. 111, 113, 136, 166.

¹⁴ См. Я. Коллар. Указ. соч., стр. 115, 117, 147.

Учение Я. Коллара о литературной взаимности славян было глубоко противоречивым. Это была программа культурного подъема славян, взаимного обогащения их культур. Но она не носила демократического характера, ибо была ориентирована исключительно на образованные, то есть имущие, слои славянского общества. В идеях Я. Коллара отражалась неудовлетворенность прогрессивной славянской общественности положением славянских народов и ее стремление к переменам. Однако принцип литературного сплочения славян сочетался у Я. Коллара с призывами к славянам соблюдать верность своим монархам и правительствам, пропагандой идеи незыблемости существующих политических порядков, с осуждением революционных действий, из которых якобы, по словам автора, «возникает только неразбериха и несчастье»¹⁵. Верноподданничество придавало всей системе взглядов Я. Коллара на судьбы славян консервативно-охранительные черты. Литературная взаимность, сознательно противопоставленная политической борьбе, таила в себе опасность вырождения в беспочвенные мечтания о славянском «братстве», указывала путь приспособления к существующему режиму и становилась клапаном для выхода общественного недовольства. Теория и программа Я. Коллара отражали процесс идеологического становления буржуазии, но вместе с тем несли на себе отпечаток экономической, общественной и политической отсталости Словакии.

Степень утопизма и жизненности идеалов Я. Коллара определялась не трудностями их осуществления, а мерой соответствия направлению исторического прогресса. Утопизм программы Я. Коллара состоял в том, что сам принцип сведения славянских литературных языков к четырем не отвечал насущным потребностям развития славянских наций. Но поскольку основные идеи Я. Коллара отражали объективную тенденцию к сближению славянских народов, постольку они заключали в себе реальное содержание.

Результатом творческого развития колларовской концепции в конкретных условиях жизни южных славян явилось построение о национальной целостности южнославянских народов, в первую очередь сербов, хорватов и словенцев. Объединительная южнославянская идея была не только идеологической формой самозащиты перед лицом германизации и мадьяризации, но также теоретическим оружием прогрессивных общественных сил южных славян в борьбе против региональной ограниченности соответственно в хорватском, сербском и словенском ареалах. Однако принцип национального единства балканских славян получил в южнославянских землях в зависимости от классовых притязаний буржуазии неординаровку трактовку.

Теория национальной целостности балканских славян родилась в буржуазно-дворянских кругах Хорватии. Она сформировалась в условиях административно-политической и литературно-языковой раздробленности хорватов, в противовес мадьяризаторским теориям венгерского дворянства, на основе растущих хозяйственных и культурных контактов между южнославянскими землями. Первоначально Л. Гай, один из идеологов либерального лагеря, и его последователи безоговорочно писали о южных славянах как о нераздельном народе. Но под влиянием развития национального самосознания в южнославянской среде они признали генетические различия между хорватами, сербами, словенцами и болгарам и заявили об их сохранении в будущем. Однако эти различия, по мнению хорватских буржуазно-дворянских идеологов, не могли поставить под сомнение национальное единство южных славян, которым было дано нейтральное имя «иллиры». «Теория одного народа» строилась Л. Гаем на началах межнационального компромисса. Что же касается вопроса о соотношении южнославянской и общеславянской общностей, он остался в идеологических построениях хорватских деяте-

¹⁵ J. Kollár. O literárnej vzájomnosti, str. 111.

лей неразработанным. Исходя из рассмотренной выше теоретической посылки, хорватские буржуазно-дворянские идеологи выдвинули задачу литературно-языкового объединения южных славян. Для Л. Гая и его ближайших единомышленников оно представлялось предпосылкой политического объединения южных славян в персептиве¹⁶.

Идейные представители сербской торговой среды в Воеводине в противовес загребской концепции, которая была связана с интересами хорватской буржуазии и части дворянства, выдвинули свою концепцию южнославянского объединения под главенством сербов, то есть сербской буржуазии. Это нашло отражение в обозначении всех или части южных славян названиями «сербы» или «югославыне»¹⁷. В конце 30-х — начале 40-х годов между сербскими и хорватскими публицистами развернулась острая полемика об «именах». В этом идейном столкновении нашли отражение и материальные интересы буржуазных слоев в конкретных условиях развития сербской и хорватской наций.

«Теория одного народа», в разных ее вариантах, была популярной в основном в хорватской и сербской общественной среде. Это объяснялось условиями жизни сербов и хорватов, в частности, единством народно-разговорной базы, смешанным составом населения на значительной части территории расселения этих народов. Данные обстоятельства в одних случаях порождали, в других усиливали у идеологов поднимавшихся буржуазных общественных сил субъективное восприятие южных славян, в первую очередь сербов и хорватов, как одного народа, тем более что вытекающие из этого сознания теоретические положения при известной трансформации были способны выразить классовые интересы буржуазии. Потребность защиты национальной индивидуальности и укрепления позиций сербов и хорватов толкала прогрессивных деятелей той и другой стороны к поискам путей практического сближения этих народов. Этому способствовали литературно-языковые реформы В. Караджича и Л. Гая. Эти реформы, хотя они основывались на разных идеологических концепциях, означали поворот в литературно-языковом развитии сербов и хорватов в направлении установления их литературно-языкового единства. Конкретный случай с сербами и хорватами показывает, что выдвигаемая славянскими мыслителями идея литературно-языкового сближения и даже слияния некоторых народов была реальной для отдельных ситуаций.

В 40-х годах XIX в. славянские нации продвинулись вперед в своем формировании, и колларовская концепция славянской общности вошла в противоречие с потребностями складывания их культур и требованиями растущих национально-освободительных движений. Порожденная условиями жизни словаков на ранней стадии их национальной консолидации, она явилась препятствием прежде всего на пути развития самой словацкой нации. Потребность в самостоятельном едином литературном языке словаков, вызванная укреплением экономической общности нации, в новых формах межнациональных контактов в связи с подъемом словацкого национально-освободительного движения на уровне политической борьбы, в утверждении словаков как самостоятельного и равноправного народа в составе Венгерского королевства обусловила неизбежность пересмотра колларовской концепции.

Новое понимание славянской общности нашло отражение в работе Л. Штура «Наречие словацкого языка и необходимость писать на этом наречии» (1846 г.) и других его сочинениях. Он видел высшее единство славян «в единстве стремлений, в единстве принципов, в одной и той же цели». Для такого «согласия» Л. Штур отрицал необходимость национальной основы¹⁸. Это была концепция славянской общ-

¹⁶ Подробнее см. И. И. Лещиловская. Иллиризм.

¹⁷ «Новый сербский летопис». 1839, ч. III, стр. 93—124.

¹⁸ «Danica hrvatska, slavonska i dalmatinska», 1847, br. 47, str. 187—188.

ности, отличавшаяся от колларовской признанием национальной самобытности и равноправия каждого славянского народа. В противовес колларовскому тезису, что будущее славян связано с расцветом славянства как органического целого, Л. Штур выдвинул положение о развитии славянства через национальный подъем отдельных славянских народов, на диалектической основе «единства в многообразии»¹⁹. Концепция Л. Штура более глубоко отразила процесс формирования словацкой и вообще славянских наций и явилась шагом вперед в общественном осмыслении тенденции исторического развития славянских народов.

Политические потребности породили в середине 40-х годов XIX в. и в чешской либеральной среде новый взгляд на развитие и судьбы славян. Он был сформулирован К. Гавличком-Боровским в статье «Славянин и чех» (1846 г.). Данная концепция отличалась от колларовской и перекликалась со штуровской отрицанием национальной целостности славянства. Вместе с тем К. Гавличек остался на позиции четырехчленного деления славян, рассматривая русскую, польскую, чешскую (с включением словаков) и иллирийскую группы как самостоятельные народы. Отмечая несовместимость стремлений славян, этот чешский либерал подчеркивал в то же время общность интересов чехов и южных славян²⁰. Это был вариант концепции славянской общности, территориально ограниченной рамками Австрийской империи.

Формирование взглядов чешских либералов на славянство находилось в связи с эволюцией их отношения к России. На ранней стадии национального пробуждения славянских народов в прогрессивных кругах славянской общественности Австрийской империи имели распространение романтические представления о России как части славянского мира. Довлело сознание этнического родства всех славянских народов. В лице России идейные представители буржуазного класса угнетенных славянских наций (Й. Юнгман, Ф. Челаковский и др.) видели моральную опору, символ величия славянства, гарантию сохранения славянами своей самобытности. В самом факте существования России они черпали новые надежды, новые силы. Даже в прогрессивных польских кругах, прежде всего на территории Королевства Польского, входившего в состав России, велись поиски путей освобождения славян в опоре на нее. Так, представитель польского Просвещения С. Сташиц выступал за объединение славянских «племен» на федеративной основе под главенством России, рассчитывая таким путем достичь объединения Польши и обеспечить ее самостоятельность и равноправие в системе славянского союза²¹.

Подавление царизмом польского восстания 1830—1831 гг. нанесло удар по незрелым формам русофильства, не делавшим различий между самодержавием и русским народом, по романтическим представлениям, далеким от понимания внутривосточного строя николаевской России, по иллюзиям о способности царизма хотя бы в отдаленной перспективе принести свободу угнетенным Австрией и Пруссией славянам. Чешские деятели П. Й. Шафарик, Ф. Челаковский в числе первых осознали различие интересов царизма и русского общества. Но и после 1830 г. идеалистические представления о царской России, без учета дифференциации политических сил в ней, продолжали жить в либеральных кругах славянской общественности, в том числе в чешской и словацкой среде. Логическим продолжением таких взглядов были реакционные помыслы, хотя и недостаточно оформленные, смутные, иногда лишь кратковременные, о переходе славян под скипетр русского ца-

¹⁹ В. М а т у л а. Указ. соч., стр. 103.

²⁰ «Karel Havlíček Borovský politik a novinář» (Výbor z díla). Praha. 1956, str. 33, 36, 56, 57.

²¹ В. S z a c k a. Stanislaw Staszic. Warszawa. 1962, str. 138—140.

ря²². Такие настроения питались, с одной стороны, крайне трудным положением небольших славянских наций, с другой — реальной помощью России балканским народам в их борьбе против османского гнета.

Усиление политического влияния России в международных делах в сочетании с ростом национально-освободительных движений славянских народов вызвало в националистических кругах Европы идейную борьбу против нее. Страх перед могуществом России породил домыслы о ее великодержавно-гегемонистских устремлениях и агрессивности, имевшей целью территориальные захваты. В 30-х годах XIX в. антирусская кампания в европейских странах достигла широкого размаха. Под влиянием обострения восточного вопроса она тайно поощрялась правительствами европейских держав²³. С принципиально иных позиций критиковали реакционную политику николаевского самодержавия демократические деятели Европы. Эта критика породилась позицией царизма во время французской революции 1830 г., подавлением польского восстания, господством самодержавных порядков в самой России.

Многочисленные факторы внутреннего российского и международного характера в сочетании с враждебным отношением к России со стороны европейской общественности сыграли роль в формировании представления о мнимых агрессивных целях России в некоторых слоях интеллигенции славянских земель Австрийской империи. Это нашло отражение в концепции чешских либералов по славянскому вопросу. Создавая новую теорию славянской общности, они стремились парализовать тяготение части словацких и южнославянских деятелей к России и утвердить гегемонию чешской буржуазии в славянских национально-освободительных движениях в Австрийской империи, особенно в словацкой национальной среде²⁴. Другим, еще более важным фактором, обусловившим пересмотр чешскими либералами существовавших взглядов на славянство, была потребность чешской буржуазии в конкретной программе политических действий, в определении целей и задач национальной борьбы, а в связи с этим и в поисках союзников²⁵.

Наиболее откровенно классовые претензии чешских буржуазных слоев выражала теория К. Гавличка. Она явилась теоретическим обоснованием австрославизма, ставшего политическим знаменем чешской буржуазии на многие десятилетия. Еще в XVIII в. среди славянских писателей Австрийской монархии была традиционной мысль о том, что славяне жизненно заинтересованы в ее существовании. С конца столетия у мыслителей, выразивших новые общественные настроения, сознание неразрывности судеб славян и Габсбургского государства стало сочетаться с мыслью о том, что интересы его развития требовали улучшения положения славянства в нем. В 1791 г. в этом духе высказались словенец А. Линхарт и чех Й. Добровский. Они представляли сформировавшиеся нации, наиболее подверженные опасности германизации²⁶.

Отрицательное отношение австрийского правительства к плану объединения всех немецких земель в его великогерманском варианте, противодействие венского двора требованиям венгерского либерально-дворянства, незначительные уступки славянам, в действительности

²² См. «Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову». М. 1935, стр. 77; И. В. Козьменко. Дневник Ф. В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник. «Славянский архив». Вып. 1. М. 1958, стр. 255, 256.

²³ В. К. Волков. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». «Славяно-германские культурные связи и отношения». М. 1969, стр. 35, 37, 38, 58, 59.

²⁴ J. Kočí. Der Austroslawismus und seine Rolle in der tschechischen Politik. «L'udovit štúr...», S. 102.

²⁵ Ibid., S. 111.

²⁶ V. Záhěek. Die Rolle des Austroslawismus in der Politik der österreichischen Slawen. «L'udovit štúr...», S. 128.

являвшиеся частью политического маневрирования короны в условиях обострения австро-венгерских противоречий, наконец, раздуваемый немецкой националистической печатью страх перед мнимой агрессивностью России — все это укрепляло чешских либералов в мысли о совпадении интересов чехов, словаков, а также южных славян и австрийского двора, что усиливало тенденцию к сохранению Габсбургской монархии и укреплению ее на определенной основе.

Идейно-политическая позиция чешского либерализма проявилась в названной выше статье К. Гавличка. Главная мысль статьи состояла в констатации зависимости будущности чехов и южных славян от мощи Австрийской империи, которая якобы обеспечивала безопасность этих народов. В статье впервые был поставлен вопрос о необходимости политического сплочения чехов и южных славян, имевших, по словам автора, общий интерес в упрочении монархии Габсбургов. К. Гавличек подчеркивал экономические выгоды для более развитой чешской стороны от сближения чешских и южнославянских земель²⁷. Хотя в статье прямо не говорилось, но из строя воззрений чешских либералов следовало, что будущее Австрийской империи они связывали с введением в ней буржуазных свобод и национального равноправия.

Классовые корни идейно-политического построения К. Гавличка были связаны с потребностью чешской буржуазии в упрочении своих позиций на имперском рынке (в его составе территория Венгерского королевства была важным потребителем продукции чешской промышленности и источником сырья для нее) и в расширении рыночной сферы в сторону Балкан. Политическая основа этой программы состояла в том, что для изменения национальных отношений в Габсбургской монархии в желательном для себя направлении тогда еще слабая чешская буржуазия нуждалась в союзниках. Ими могли быть социально и этнически родственные группы, которые, в свою очередь, были связаны с империей узами экономического и политического характера, но проявляли неудовлетворенность существующим положением. Анализ политической обстановки и просто классовый инстинкт подсказывали идейным вдохновителям чешской буржуазии, что эти черты были свойственны прежде всего имущим классам южнославянских земель, особенно Хорватии. А тот факт, что Чехия находилась в центре Австрийской империи и инициатива политической интеграции живших в ней славян исходила из Праги, неизбежно предопределял ведущую роль чешской буржуазии в славянском политическом союзе.

Сознание родства болгар с другими славянскими народами получило отчетливое выражение уже в «Славеноболгарской истории» Паисия Хилендарского (1762 г.). С начала XIX в. в болгарском обществе усилилась вера в освобождение от османского господства с помощью России. Однако в рассматриваемое время болгарская общественная мысль не выдвинула теоретических положений по славянскому вопросу в духе нового времени. На состоянии идейной жизни болгар сказывалась прежде всего незрелость общественных условий, явившаяся результатом крайне тяжелых обстоятельств исторического развития болгарского народа. Развернувшаяся в Болгарии в первой половине XIX в. в разных формах борьба против угнетения была порождена новыми общественными отношениями, но ее интенсивность определялась не уровнем их развития, а остротой противоречий между формирующейся болгарской буржуазией и крестьянством, с одной стороны, и турецкой феодальной системой — с другой.

Хотя в первой половине XIX в. значительно усилились русско-болгарские связи и мысль об их важности для прогрессивного развития Болгарии прочно вошла в сознание ее общественности, Болгария не

²⁷ «Karel Havlíček Borovský politik a novinář», str. 39, 45, 56, 57

имела еще достаточно широких и устойчивых контактов с остальным славянским миром. Наиболее активная часть болгарской общественности испытывала сильное влияние национально-освободительных движений других народов Балкан. Болгары участвовали в сербском восстании 1804 г., в греческом восстании 1821 г., хотя во второй четверти XIX в. из-за столкновения интересов болгарской и греческой буржуазии греческое влияние в Болгарии значительно ослабло; болгарская эмиграция тесно сотрудничала с освободительным движением в Дунайских княжествах в борьбе против турецкого гнета²⁸. Бухарест был важным центром формирования болгарской национальной культуры. Так жизнь подводила наиболее дальновидных болгар к мысли об общности задач всех поработанных народов Балкан в борьбе против турецкого господства. В дальнейшем на более высокой стадии общественной дифференциации это сознание воплотилось в идее демократической Балканской федерации.

Либеральные концепции славянской общности и программы единения славян были тесно связаны с общими социологическими построениями и конкретными национальными требованиями, сформулированными наиболее авторитетными руководителями буржуазных течений в славянских землях. В Чехии, Хорватии, Галиции либеральные группировки в 40-х годах XIX в. отчетливо обнаружили стремление к политическому и экономическому переустройству общества в буржуазном направлении, и это определяло понимание их идеологами социальных судеб славян.

Консервативная мысль в славянских землях отражала тенденции феодальных и полufeодальных сил. Во взглядах на судьбы славянства консервативные идеологи разнились тем, что одни занимали охранительную позицию и вопрос о будущем славян существовал для них лишь постольку, поскольку его выдвигали иные общественные группы, другие, особенно часть польского консервативного лагеря в эмиграции, строили свои планы в расчете на изменение политической карты Европы.

Консервативную мысль в Чехии в начале 40-х годов XIX в. представлял Л. Тун. Ее особенность состояла в том, что она выражала настроения «земского», по национальной принадлежности австро-немецкого, дворянства, заинтересованного в сохранении Австрийской империи, но одновременно и в упрочении в ней позиций Чешского королевства. Для этой мысли не была характерна тенденция славянской консолидации, хотя она уделяла внимание славянской проблеме. Л. Тун видел в соединении «духовных интересов всех славян» предпосылку возвышения Чехии²⁹, однако вопрос о взаимодействии славян в его сочинениях не получил развития. Л. Тун предлагал устранить славянскую проблему из общественной жизни Габсбургской монархии с целью укрепления последней на путях некоторого ослабления национальных трений в целом. Хорватский же консервативный дворянский лагерь в лице своего идеолога Я. Драшковича поддерживал колларовское учение о славянской взаимности, как и идею литературно-языкового слияния южных славян. Я. Драшкович мечтал о южнославянском государстве под властью Габсбургов. Он рассчитывал таким путем укрепить феодально-дворянскую Хорватию³⁰.

Хотя после восстания 1830—1831 гг. в польской консервативной эмиграции господствующей стала западная ориентация, в ее среде раздавались голоса в пользу решения польского, а вместе с ним и славян-

²⁸ «История на България». Т. I. София. 1954, стр. 368, 373, 374, 375.

²⁹ L. Thun. Über den gegenwärtigen Stand der böhmischen Literatur und ihre Bedeutung. Prag. 1842.

³⁰ См. И. И. Лециловская. Иллиризм, стр. 149 и сл.

ского вопроса при опоре на Россию. В 1846 г. под влиянием галицийских событий (подавление Краковского восстания) А. Велопольский, исходя из антиавстрийских позиций, выдвинул идею объединения славян под главенством России. Со стороны эмиграции за соединение славян под водительством России выступал В. Яблоновский, в Королевстве Польском — М. Грабовский, рассчитывавший таким путем достичь благосклонности к полякам со стороны царского правительства³¹.

Глава консервативного крыла польской эмиграции А. Чарторыский не разделял планов общеславянского объединения. Но, преследуя цель восстановить независимую шляхетскую Польшу с помощью западных государств и связывая успех польского дела с условиями существования и распада Турецкой империи, он для противовеса и противодействия России допускал создание на Балканах, в первую очередь из славянских провинций Турции, сильного южнославянского объединения. Первоначально оно должно было развиваться под эгидой Порты, а со временем — и в качестве самостоятельного государства. Но в отношении Австрийской империи и, следовательно, входивших в нее южнославянских земель, позиция Чарторыского в 30-е — 40-е годы XIX в. не была четкой. Она стала более решительной лишь после подавления Краковского восстания 1846 года. Агентура Чарторыского на Балканах оказала влияние на формирование перспективного плана внешнеполитической деятельности Сербского княжества³².

Представители польского консервативного лагеря, при всём различии их политической ориентации, связывали судьбы славян с дипломатическими комбинациями, исключая участие широких масс славянских народов в решении будущности своих наций. Планы польских консерваторов были нацелены на восстановление экономического и политического могущества польской аристократии, хотя и с учетом требований времени.

Нерешенность национального вопроса, подъем национально-освободительных движений в южнославянских землях, преимущества политического положения вассальной Сербии создавали условия для зарождения великодержавных планов ее правительства. В 1844 г. под влиянием агентов Чарторыского в Белграде министр внутренних дел Сербии И. Гарашанин, представлявший консервативную бюрократию, сросшуюся с верхними слоями социально неразвитой сербской буржуазии, составил «Начертание» — план внешней политики княжества. В нем была сформулирована задача объединения вокруг Сербии южнославянских земель, находившихся под турецкой властью³³. Это была программа образования южнославянского государства в его велико-сербском варианте. Она носила консервативный характер, поскольку была ориентирована на постепенное ослабление Турецкой империи, а не на революционную борьбу народных масс и не на народные массы в южнославянских землях и не предусматривала социально-политических преобразований ни в княжеской, патриархально отсталой Сербии, ни на других южнославянских территориях³⁴. Программа Гарашанина явилась единственной в своем роде, поскольку она легла в основу политики государства.

³¹ W. Feldman. Geschichte der politischen Ideen in Polen seit dessen Teilungen (1795—1914). München und Berlin. 1917, S. 147—149; B. Limanowski. Op. cit., str. 139—140.

³² M. Handelsman. Adam Czartoryski. T. II. Warszawa. 1949, str. 185—186; В. Смоховска-Петрова. Михаил Чайковски-Садък паша и българското възраждане. София. 1973, стр. 59, 60, 61.

³³ Д. Страняковић. Како је постало Гарашаниново «Начертаније». «Српске Краљевске Академије Споменик». ХСІ, Други разред, 70. Београд. 1939, стр. 75—102.

³⁴ В. Чубриловић. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд. 1958, стр. 174, 176, 178, 183.

В России общественный интерес к славянству пробудился в конце XVIII в. под влиянием процесса формирования русской нации и национального оживления зарубежных славянских народов. Первые теории и программы единения славян сложились в передовых кругах русского общества. В конце 30-х годов XIX в. судьбы славянства заняли также определенное место в системе взглядов раннего славянофильства. Оно представляло собой течение в русской общественной мысли, сочетавшее консервативные и либеральные черты³⁵.

Славянский мир с самого начала привлекал внимание вдохновителей славянофильского направления. Но вопрос о судьбах славянства не имел определяющего значения в их мировоззрении³⁶. Взгляды ведущих славянофилов 30-х — 40-х годов XIX в. на славянство отражали свойственные их теории противоречия. При всем противопоставлении Востока и Запада и выделении России из европейской системы народов ранние славянофилы воспринимали славян как нечто целое, видели в них «одноплеменников» и «единокровных братьев», наделяя при этом Россию чертами старшего «брата», хранителя чисто славянского «начала»³⁷. Они выступали за самобытный путь развития и подчеркивали мессианстскую роль славян³⁸. Считая православие нравственной основой и движущей силой исторического процесса, вдохновители славянофильства выдвинули реакционную идею объединения славян в религиозном отношении на основе православия³⁹. При этом православной России отводилась роль духовного предводителя славян.

Что касается политического развития славян, находившихся под властью Габсбургов, А. С. Хомяков в начале революции 1848 г. в письме А. О. Смирновой высказал мнение, что «будущая судьба славянских народов» должна быть определена «ими самими», путем референдума. При этом идеолог славянофильства, хотя он оправдывал разделы Речи Посполитой и клеймил польское восстание 1830—1831 гг., соглашался с требованием восстановления Польши. Он полагал, что инициатива в решении славянского вопроса на основе самоопределения славян должна исходить от России. В этом он видел предпосылку укрепления авторитета царизма в Европе⁴⁰.

Ранние славянофилы были свободны от панславистских претензий на государственное объединение славян под скипетром царя, хотя и стремились к упрочению самодержавия. Но идейные предпосылки панславизма уже сложились. Говоря о взглядах ранних славянофилов на судьбы славян, нельзя не отметить, что они выступали как сторонники ликвидации феодальных отношений в славянских землях⁴¹.

В конце 30-х — середине 40-х годов XIX в. ряд славянофильски настроенных деятелей совершили поездки по славянским землям Австрийской империи с научными и познавательными целями. Они пропагандировали там свои взгляды на славянство. Однако, несмотря на точки идейного соприкосновения, между идеологами либерализма в славянских землях и сторонниками славянофильства имелись серьезные расхождения во взглядах на пути развития славянства, цели, к которым следовало стремиться, методы их достижения. Славянские либералы 40-х годов являлись сторонниками западноевропейских форм жизни, в

³⁵ Славянофильству посвящена большая литература. Однако взгляды ранних славянофилов на славянство остаются слабо изученными.

³⁶ См. А. С. Хомяков. Полн. собр. соч. Т. VIII. М. 1900, стр. 126 (воспоминания А. И. Кошелева об А. С. Хомякове).

³⁷ Н. Л. Бродский. Ранние славянофилы. Поэзия славянофилов. М. 1910, стр. 143, 144, 145.

³⁸ А. С. Хомяков. Полн. собр. соч. Т. III. М. 1900, стр. 140; И. В. Козьменко. Указ. соч., стр. 200.

³⁹ А. С. Хомяков. Полн. собр. соч. Т. VIII, стр. 465, 466.

⁴⁰ Там же, стр. 412, 413, 414.

⁴¹ И. В. Козьменко. Указ. соч., стр. 200.

то время как славянофилы настаивали на принципиально отличном пути развития славян от путей развития западноевропейских народов и связывали его с укреплением и развитием патриархальных отношений. Либерализм стремился, хотя и со свойственной ему ограниченностью, к политической организации на основе буржуазного конституционализма и национального равноправия. Славянофилы, отрицая существующую полицейско-бюрократическую систему политического управления, противопоставляли ей идеализированные патриархальные порядки допетровской Руси под эгидой «истинного» православия. Для либералов славянская солидарность была общественным фактором решения национальных задач. У славянофилов идея славянского единения служила привлечению западного славянства к самодержавно-православной России. Но это предполагало заинтересованность славянофилов в национальном утверждении славян, что обеспечивало им симпатии со стороны ряда славянских прогрессивных деятелей.

Немецкая националистическая мысль со времен общегерманского фестиваля, состоявшегося в 1832 г. в Гамбахе, упорно приписывала царскому правительству агрессивный план объединения всех славянских земель под властью России⁴². В действительности царское правительство, исходя из незыблемости традиционного принципа легитимизма и соображений внутривосточного порядка, отрицательно относилось к идеям соединения славян с Россией⁴³.

Принципиально иным был взгляд на взаимоотношения славян и их судьбы у дворянских революционеров России и славянской демократии. Интерес первых русских революционеров к славянской проблеме обуславливался прежде всего русской жизнью, потребностями борьбы против самодержавия и крепостничества, а также обостряющейся социально-политической обстановкой в порабощенных славянских землях за пределами России. А. Н. Радищев, а затем декабристы провозгласили и обосновали идею общеславянского революционного союза как предпосылки внутренних революционных преобразований. Идеи консолидации славян высказывали Н. Муравьев в «Конституции», П. И. Пестель в «Русской правде». С развитым декабризмом было связано зарождение идеи образования демократической республиканской федерации славянских народов после их освобождения от феодализма, абсолютизма и национального угнетения. В программных документах Общества соединенных славян была сформулирована мысль о Всеславянском союзе⁴⁴. При всей приверженности руководителей общества идее славянской солидарности включение ими в состав предполагаемого союза части неславянских земель отразило ощущение ограниченности этнической основы, неясное стремление связать республиканскую федерацию с компактной территорией.

Идея демократической федерации славян была популярной среди деятелей левого крыла польского Демократического общества. Т. Вишневецкий, точка зрения которого была наиболее характерной, выступал за объединение малых славянских народов в крупные государства и установление между последними союза на основе свободы и равенства. Вхождение России в этот союз допускалось при условии ее избавления от царизма. Сочувственно относился к идее федерации освобожденных славянских народов И. Лелевель. Польские демократы ориентировались на развитие славянских народов по революционному пути и связывали их освобождение с социальным переворотом, хотя главную силу революции видели в патриотически настроенной шляхте. Члены Демократического общества пропагандировали свои идеи среди украинцев, хор-

⁴² В. К. Волков. Указ. соч., стр. 38—39.

⁴³ См. записку К. В. Нессельроде Николаю I от 15/27 июня 1848 г. «Австрийская революция 1848 г. и Николай I». «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 191—192.

⁴⁴ М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 149 и сл.

ватов, чехов, лужицких сербов⁴⁵. Однако польская пропаганда была обречена на неуспех, так как тогда у этих славянских народов не сложилось еще политического течения с революционной программой действий.

Что касается идеи славянской федерации на буржуазно-демократической основе, то она являлась в то время политической утопией, ибо не сообразовалась с характером социальных условий. Развенчивая мечты западноевропейских буржуазных теоретиков «о создании европейской республики, об обеспечении вечного мира при соответствующей политической организации», Ф. Энгельс в 1845 г. указал на главное препятствие этому: «Буржуазия каждой страны имеет свои особые интересы, а так как эти интересы для нее превыше всего, она неспособна подняться выше национальности...»⁴⁶. Он отмечал разный уровень развития, различия в положении, а отсюда и несходство политических интересов отдельных европейских народов⁴⁷. С этих же позиций он критически оценивал «демократический панславизм»⁴⁸.

Однако при всей политической несостоятельности мечты об общеславянской демократической федерации отражали чаяния передовых социальных сил и реальный процесс взаимного сближения славянских наций. Русские, польские, украинские революционные демократы 40-х годов XIX в., в свою очередь, отдали дань мечтам об объединении славянских народов, освобожденных от социального, политического и национального угнетения, в демократическую республиканскую федерацию. Эту идею разделял представитель революционного направления в Кирилло-Мефодиевском обществе, идеолог крепостного крестьянства Т. Г. Шевченко⁴⁹. Члены революционной группы петрашевцев мечтали о свободной славянской республике. Польский революционер-демократ П. Сцегенный связывал будущее славянских народов с демократической федерацией («Всеславией славян»), центром которой должна была стать свободная Польша. Э. Дембовский также думал о федерации равноправных славянских народов во главе с Польшей, считая демократические преобразования необходимой предпосылкой такого соединения⁵⁰.

Общественный строй, за установление которого боролась славянская революционная демократия 40-х годов XIX в., мог быть в действительности только буржуазным со всей вытекающей отсюда противоречивостью интересов буржуазии разных наций. Поэтому идея общеславянской демократической федерации и в устах революционной демократии оставалась политической утопией. Но заключавшееся в ней реальное содержание было более прогрессивно, чем в соответствующей идее буржуазных революционеров. Революционные демократы, подходившие ко всем общественным вопросам с позиций коренных интересов трудящихся масс, выразили в этой идее стремление эксплуатируемых классов всех стран к подлинному равенству, взаимной помощи и дружбе, свойственное им ожидание социальной и национальной справедливости. Принципиальное значение в решении революционными демократами 40-х годов XIX в. вопроса о взаимоотношениях славянских народов имел тот факт, что они подошли к пониманию единения славян не только в этническом, но и в социальном смысле, к осознанию общности коренных интересов трудящихся масс разных наций и вытекающей из

⁴⁵ W. Feldman. Op. cit., S. 144; Б. С. Попков. Польский ученый и революционер Иохим Лелевель. М. 1974, стр. 126, 127.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 590.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 293.

⁴⁸ Там же, стр. 181—182, 293.

⁴⁹ П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество. М. 1959, стр. 74, 76.

⁵⁰ В. А. Дьяков. Указ. соч., стр. 49, 50, 57.

нее потребности международного сотрудничества на классовой основе. При этом, отстаивая солидарность трудящихся масс славянства, революционные демократы 40-х годов XIX в. рассматривали ее как часть более широкого межнационального сотрудничества демократических классов всех народов.

Историческая роль концепций славянской общности и программ единения славян определялась их классовым содержанием. Идеейные построения, касающиеся развития и будущности славянства, являлись компонентом общих мировоззренческих систем, сочетались с другими программными положениями отдельных течений. Поэтому общественная роль идей славянского единения может быть правильно понята лишь в широком комплексе представлений и практики разных социальных слоев.

Консервативные программы, касающиеся судеб славян, являлись идеологическим оружием помещичьих, клерикальных или социально неразвитых мещанских слоев в деле упрочения их общественных позиций в новых условиях, хотя в то же время эти программы были направлены против насильственной денационализации славянского населения, а в ряде случаев подкрепляли требование восстановления независимой Польши. Но это вызывалось нуждами господствующих классов славянских земель, а не заботой о развитии складывавшихся наций.

Теории славянской общности в их буржуазной трактовке оказывали противоречивое влияние на развитие общественного сознания и жизнь отдельных славянских наций. Буржуазные концепции, опиравшиеся на передовые для своего времени философские, историко-культурные и морально-этические принципы, противостояли духовным традициям феодализма с его религиозным фанатизмом, местнической психологией, духовной изолированностью разных частей одного народа и разобщенностью родственных народов. Концепции славянской общности подчеркивали то общее, что сближало славян независимо от государственных границ, административных перегородок, религиозных верований и т. д. Это способствовало развитию сознания национальной целостности отдельных, раздробленных местными отличиями и искусственными преградами на части славянских народов. В то же время теории славянского единения, исходившие от буржуазных идеологов, носили на себе отрицательные черты буржуазного национализма — абстрагирование от классовых противоречий внутри каждой славянской нации и от классовой сущности национальных отношений, гипертрофирование этнической общности, преувеличение роли славян в судьбах человечества и т. д. Эти идеологические моменты задерживали прогресс славянских народов, затрудиляли межнациональные контакты.

Концепции славянского единения, как трактовали их либеральные мыслители и публицисты, были нацелены на слияние интересов всех общественных сил славян, передовых и реакционных, перед лицом иноземных угнетателей. Они заключали в себе опасные иллюзии о возможности прогрессивных преобразований в союзе с феодальными силами славянских земель, являвшимися на деле главной опорой и союзником угнетательских режимов. Призывы к единению славян без учета социально-политической дифференциации общественных сил тормозили процесс идейного размежевания внутри каждой славянской нации, препятствовали вызреванию подлинно демократической мысли, то есть сознания несовместимости интересов аристократии и трудящихся масс.

В процессе развития национально-освободительных движений до революции 1848 г. положительные черты буржуазных идей славянского единения сыграли в определенной мере мобилизующую роль. Они помогали буржуазным силам в их борьбе против насильственной денационализации, политического давления и национально-государственных привилегий господствующих наций. Воплощение в жизнь идей едине-

ния славян, особенно в культурной сфере, способствовало действительному сближению славянских наций, что являлось положительным фактором в их развитии. Идеи славянской общности, отразившие понимание неразрывности судеб славянских наций в их прогрессивном развитии, сыграли положительную роль в процессе взаимовлияния и взаимообогащения славянских наций. Это касалось художественной культуры, идейных заимствований, освоения новых форм общественной деятельности и т. д.

Постановка революционными демократами 40-х годов XIX в. вопроса о единении трудящихся классов разных наций резко снизила позитивные общественные функции либеральных концепций этнического общения. Чем дальше развивался исторический процесс, чем глубже становился классовый раскол капиталистических славянских наций, чем последовательнее передовая общественная мысль отражала сущность общественных отношений, тем больше падала общественная значимость либеральных конструкций славянской общности.

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Среди зарубежных источников по истории Северной войны довольно мало западнославянских. Вот почему представляет интерес путевой дневник Даниела Крмана, выдержки из которого приводятся ниже. На русском языке они печатаются впервые.

Д. Крман (1663—1740 гг.)— сын евангелического (лютеранского) приходского священника Даниела Крмана-Старшего, учившийся в университетах Лейпцига и Берлина. Получив высшее теологическое и философское образование, он в 20 лет стал директором Илавской школы, а после смерти отца занял его место. В 1706 г. Крман был избран суперинтендантом евангелической церкви Словакии. В течение многих лет он занимался литературной, переводческой и издательской деятельностью; был, в частности, автором написанной по-латыни и по-чешски славянской грамматики. В своем творчестве Крман восхвалял словацкий народ, защищал национальный язык и культуру, придерживался антигабсбургских позиций, сочувствовал венгерскому освободительному движению.

Словакия, в которой господствовало протестантство, входила тогда в состав Венгрии, подвластной Австрии, жестоко угнеталась феодалами и католической церковью. Со стороны последней Крман постоянно подвергался гонениям. Его неоднократно арестовывали, заключали в тюрьмы. В начале XVIII в. преследование католическим духовенством евангелической церкви еще более усилилось. Весной 1707 г. синод евангелической церкви решил обратиться за покровительством и финансовой помощью к протестантским Пруссии и Швеции. Посольство синода должно было встретиться со шведским королем Карлом XII и рассказать о состоянии евангелической церкви Словакии. Послом был назначен Крман, который и прежде вел переговоры по делам евангелической церкви в Дрездене, Берлине и Вене.

Карл XII с армией в течение года стоял тогда в Саксонии. Оттуда он начал поход на Россию. Когда Крман в середине мая 1708 г. двинулся в путь, шведская армия уже пересекла Речь Посполитую и стояла в Белоруссии. В начале августа Крман прибыл в Могилев, где находилась штаб-квартира Карла XII. Посол был принят королем, вел переговоры с премьер-министром К. Пипером и другими государственными деятелями Швеции. Но, завершив свою миссию, Крман из-за изменившейся военной обстановки не смог сразу вернуться домой. Шведы, переправившись через Днепр, двинулись на восток, а после первых сражений повернули на Украину. Крман, сопровождавший Карла XII, явился свидетелем поражения шведской армии под Полтавой и ее краха под Переволочной. Вместе со шведским королем и бывшим украинским гетманом Мазепой Крман бежал в турецкие владения, откуда через Молдавию и Буковину возвратился в Словакию.

Во время путешествия словацкий посол вел регулярно записи. Дома между концом 1709 г. и началом 1711 г. (возможно, уже к лету 1710 г.) он обработал записи, дополнив их некоторыми новыми известиями. Встречающиеся в его дневнике повторения и неясные места указывают на то, что автор мало переработал первоначальные заметки, ибо не имел намерения издавать их, поскольку вел дневник для себя и близких лиц. И. Минарик, автор работы «Литературное творчество Даниела Крмана», считает, что в художественном отношении 1708—1711 гг. явились кульминацией творчества Крмана и путевой дневник его — яркое событие в ранней словацкой национальной прозе.

Написанный на латинском языке беловой экземпляр дневника хранится в библиотеке бывшей евангелической церковной коллегии (ныне государственный архив)

г. Прешова (Чехословакия), откуда автор начал и где завершил свое путешествие. Этот экземпляр обнаружен в конце 1950-х годов Г. Виктори, осуществившим его перевод на словацкий язык. Но еще в прошлом веке неизвестный сотрудник архива, который переплел данный текст, насчитывающий более 600 рукописных страниц, дал ему название «Даниела Крмана Itinerarium» (то есть путевой дневник).

Это сочинение сильно отличается от многочисленных шведских дневников, отражающих поход Карла XII в Россию и написанных значительно позднее. Шведские авторы были людьми военными и писали о боевых операциях, в которых им довелось участвовать. Крман же человек гражданский, и сугубо военные вопросы занимают в его записках незначительное место. Высокообразованный и с широким кругозором, он интересовался всем виденным. Его дневник не только отражает личные впечатления автора, но и содержит описание разнообразных событий во время путешествия, свидетелем которых он был или же знал о них по достоверным источникам. Общеизвестные факты жизни и боевых действий шведской армии в Белоруссии и на Украине получают в дневнике Крмана значительно более полное освещение. Выясняется ряд важных подробностей.

В записках приводятся исторические, этнографические, географические, экономические и социально-политические данные о странах, где довелось ему побывать во время путешествия. Автором освещаются отношения между государствами, приведены сравнительно объективные картины общественного положения различных классов в Пруссии, Польше, Литве, Белоруссии, описываются внешний вид, одежда, язык, нравы и обычаи, религия, архитектура, фольклор народов этих регионов. В сочинении содержатся характеристики Петра I, Карла XII, борца против Габсбургов Ф. Ракоци, Мазепы, ряда шведских государственных и военных деятелей, представителей украинской казачьей старшины. Заметки этнографического содержания относятся к самым примечательным разделам дневника. Наиболее обстоятельные из них сделаны при описании Белоруссии, Украины и Молдавии. Там говорится о характере, обычаях и религиозных верованиях местного населения, а также турок, татар, калмыков и шведов. В особом внимании к этой стороне дела, по-видимому, сказались религиозные воззрения и интересы Крмана.

В XIX в. в рукописном отделе Национальной библиотеки (Вена) был обнаружен список с рукописи Крмана, сделанный приблизительно в 1780 году. Данный текст изобилует ошибками, допущенными при переписке. Тогда это был единственный известный текст путевых записок Крмана. В 1895 г. Венгерская АН опубликовала его в многотомном издании «Исторические памятники Венгрии»¹. В печатном тексте появилось много новых ошибок, в частности неправильное написание названий населенных пунктов, особенно белорусских, украинских и молдавских. К тому же в ряде мест текста имеются пропуски. В 1969 г. Словацкая АН издала в Братиславе в серии «Памятники ранней словацкой литературы» том 8, посвященный Крману. В том включены путевые записки на языке оригинала и в переводе на словацкий. Издание осуществлено по белому экземпляру записок, хранящемуся в архиве Прешова. В нем тщательно выверены фамилии исторических деятелей, географические, этнографические и другие названия, помещены биографические данные об упоминаемых в дневнике лицах и исторические справки о населенных пунктах².

Дневник (объемом в 15 печ. л.) начинается с рассказа Крмана о его прибытии в Литву, описания ее столицы Вильно и продовольственных трудностей, с которыми он и его спутники столкнулись. Любопытным фактом, свидетельствующим о тесных связях между Швецией и Крымским ханством, является сообщение о том, что 1 августа 1708 г. (даты даются по новому стилю) в Вильно оказался татарский обоз с продуктами для шведской армии. Следующий отрывок рассказывает о том, что население Белоруссии и Литвы голодало, поскольку шведы реквизируют продовольствие. В Могилеве Крман настиг шведскую армию и переправился вместе с ней через Днепр. Словацкий посол утверждал, что шведы «пересекли границы Московии,

¹ «Kрман Daniel superintendens 1708—1709-ki. Oroszország utjának Leiraca». Monumenta Hungariae Historica. Scriptorum. Vol. XXXIII. Budapest. 1895.

² Daniel Kрман ml. (1663—1740). «Itinerarium (Cestovný denník z rokov 1708—1709)». Bratislava. 1969; подробнее см. В. Е. Ш у т о й. Даниел Крман и его путевые записки. «История СССР», 1971, № 6.

дойдя до московитского города Миханович». Но это не так. Граница проходила тогда значительно западнее. Отходя на восток, русская армия вела арьергардные бои, стремясь задержать шведов на переправах через реки и в лесах. 29 сентября шведы заняли Кричев и, простояв там несколько дней, двинулись на Украину. Карл XII уже тогда имел тайный сговор с Мазепой.

Украина поразила Крмана обширными полями, красивыми селениями, богатыми церквами. Симпатии его как активного деятеля протестантизма были на стороне шведов. Считая их защитниками протестантизма вообще, словацкого в частности, Крман тем не менее обстоятельно описывает их бесчинства на оккупированной территории. Он подробно рассказывает о трудностях похода шведской армии на Украину и о сопротивлении местного населения, приводит точные даты ряда событий. Ход народной войны на Украине в 1708—1709 гг. хорошо известен. Однако записки посла содержат много новых ценных деталей этой страницы истории. Такова мужественная оборона Веприка, занимавшего важное положение в военном отношении небольшого городка на Полтавщине, при штурме которого шведы потеряли убитыми около 500 человек. Крман пишет, что Мазепа жестоко обошелся с защитниками Веприка: одних бросил в подземелье, других уморил голодом. Отрывок, посвященный неудачному походу шведов в Слободскую Украину, иллюстрирует их зверства по отношению к местному населению. Последнее отвечало им ненавистью и упорным сопротивлением, как это видно из описания жизни шведского гарнизона в Гадяче.

Крман, неоднократно встречавшийся с Мазепой, оставил описание его самого и ближайшего окружения и рассказал о беседах с ним (материал об одной из них публикуется ниже). Подробно сообщается в записках о положении шведской армии в последние три месяца ее пребывания на Украине, в период осады Полтавы: об окружении захватчиков русскими регулярными войсками, украинскими казацкими полками и местными вооруженными жителями, о постоянных нападениях партизан и нерегулярной русской конницы на иноземцев, о восстании 900 веприковцев, которые присоединились к русским войскам, атаковавшим шведский гарнизон, о вылазках защитников Полтавы. Крман описывает обстоятельства ранения Карла XII. Как известно, шведские участники и западные современники события, а также позднейшие западные историки не раз связывали поражение шведов под Полтавой именно с ранением короля. Крман же связывает ход событий с печальным общим положением дел у шведов, низким моральным духом их солдат, порою готовых сдаться в плен, лишь бы избавиться от голода и лишений. Посол объясняет решение Карла XII начать генеральное сражение под Полтавой безысходностью положения шведов, стремлением положить дело на весы решающей битвы.

Полтавская битва описана Крманом ярко, со многими подробностями. Он красочно рисует драматическое положение шведской армии и короля на втором этапе боя, освобождение Полтавы от трехмесячной осады и радость полтавчан по случаю одержанной победы. Касаясь миссии генерала Я. Мейерфельда, Крман убедительно свидетельствует, что то была не акция мира со стороны Карла XII, как утверждают некоторые западные историки, а интрига, предпринятая с целью выиграть время. Заключительный отрывок повествует о бегстве короля и остатков его армии с поля Полтавской битвы, о многочисленных высокопоставленных шведах, оказавшихся в русском плену. Оценивая битву 8 июля (27 июня) 1709 г., Крман замечает, что то был день, «роковой для шведов и памятный всем поколениям».

Дневник Крмана — исторический памятник, не только малоизученный, но и во многом дополняющий имеющиеся сведения о походе Карла XII в Россию. Наиболее полно автор «Итинерария» освещает те события, свидетелем которых он был сам или знал о них из первых рук. Ошибки же или неточности обнаруживаются в тех частях дневника, которые написаны уже после завершения путешествия. Таковы, например, сведения о политической карьере Мазепы. При описании боев автор преувеличивает силы русских, а победы приписывает шведам. Встречаются также ошибки в написании названий населенных пунктов и имен различных лиц.

Перевод путевого дневника Крмана осуществлен с латинского оригинала доцентами Л. М. Поповой и М. Н. Цетлиным (кафедра древних языков МГУ). Примечания наши.

ИТИНЕРАРИЙ

...Выйдя из Нейштадта, мы весь день шли через леса и 1 августа благополучно прибыли в Вильну, столицу Литвы. Прежде чем войти в город, мы были вынуждены ожидать одну повозку из Данцига, в которой везли вино в шведский лагерь. Однако из-за трудности пути и удаленности этого лагеря эти вина были доставлены в Вильну. Город расположен в лесах, которыми окружен со всех сторон. С восточной стороны он имеет замок, с запада — обширные предместья, окружен стеной, некогда имел богатейшие строения, но в результате пожара 1703 г. был сильно разрушен. Есть в нем Академия Иезуитского ордена, при ней — великолепная базилика и богатая лавка благовоний. По соседству с этой базиликой находится роскошный дом великого литовского князя Сапеги*. Есть и многолюдный рынок. Евангелисты имеют там своего пастора и храм, но их пастор вне храма и собственного жилища не находится в безопасности и поэтому вынужден ходить по улицам переодевшись, дабы не быть замеченным студентами Академии Иезуитского ордена. Мы нашли приют в доме, находившемся напротив княжеского дворца, к которому в это время съехалось 25 татарских возов, которые должны были доставить в шведский лагерь вино, горилку и другие продукты...

Затем мы пришли в другой город, под названием Упирович**, где под открытой крышей постоялого двора мы провели ночь под дождем. Желая купить что-либо из продовольствия, я стал осторожно расспрашивать жителей, не свирепствует ли у них зараза. Я понял, что в доме, соседнем с нашим постоялым двором, все лежат мертвые. В этот же день владелец его был похоронен...

Из Великого Бобра мы шли три мили по селению Славены***, в котором прежде всего заметили деревья и литовские плоды, которые хотя и были кислыми, однако их жадно поглощали татары и наши возчики. Примечательно, что в таких больших лесах, по которым шли в Литву, мы не видели ни птиц, ни зайцев, а в городах и местечках не видели садовых деревьев, что может навести на мысль о нерадивости жителей. Дома их отстоят друг от друга на порядочном расстоянии; в настоящее время они совсем не имеют заборов; крыши у них засыпаны землей, а сверху уложены или шестами, или соломой. Полы у них изогнутые, состоят из трех рядов горбылей, из которых в середине один ряд возвышается, остальные с той и другой стороны находятся несколько ниже...

В этот же день мы пришли в местечко Павловичи и переночевали возле кладбища под открытым небом. Мы заметили в Литве, а впоследствии и на Украине, что кладбища находятся вне селений, на каком-либо возвышенном или отдельном месте, украшенном высокими березами, без сомнения, в подражание иудеям, которых некогда хоронили в садах и под деревьями. Мы также видели в некоторых местах в рощах захоронения знатных лиц возле тракта в сооруженных из бревен небольших склепах. Лицам незнатного происхождения в голову и к ногам кладут на поверхности земли два больших камня, некоторым устанавливают крест из небольшого деревца поверх могильного камня, иногда могилы украшаются цветами.

На следующий день мы пришли в Чесерин**** через леса, наводящие страх из-за своей густынности. Недавно мы услышали в Славенах, что на этих днях был взят в плен Банифер, валашский генерал¹, и из ближайшего местечка был отведен к царю. Говорят, что царь творил там суд и был весел и любезен... Завидев Могилев, мы заночевали под открытым небом, без воды, без сена и с величайшей опасностью для жизни... На следующий день, 16 августа, мы вошли в город Могилев. Этот город имеет глубокие рвы и оборонные укрепления. Есть у него и обширные пригороды, хотя сам город невелик.

...В этот самый день (20 сентября.— В. Ш.) мы пересекли границы Московии, дойдя до московитского города Миханович*****, расположенного между Смоленском

* Казимир Сапега, виленский воевода, сторонник Карла XII.

** Уперевичи.

*** Словены.

**** Тетерин.

***** Мигновичи.

и Мисциславией*. Там мы услышали, что Мисциславия сожжена царем. Когда мы достигли открытых полей, остановилось все наше воинство. Была река**, через которую москвиты хотели помешать нам переправиться, но напрасно. Король Карл, примчавшись к своим полкам, быстро взял из одной команды одного, из другой двух воинов, а также, имея при себе 30 воинов, напал на московитские полки. Сражались ожесточенно. Королевский конь был убит, тогда король спрыгнул на землю и, храбро направившись вперед, преодолел большое расстояние. Там были убиты генерал-аудитор Гол и Розенштерн***, а король, ловко схватив коня Гола, уже без всадника, быстро ускакал².

29 сентября в праздник св. Михаила мы достигли большого города под названием Крушов****, разделенного на три части. В одной части на возвышенном месте находится крепость Радзивиллов, вся деревянная. Кроме того, есть там много русских храмов. Здесь один священник учил меня читать русские буквы. Переночевали мы в каком-то саду, прилегающем к дому, который разграбили наши слуги. Но когда утром пришли женщины с плачем и рыданием, грабители были вынуждены отдать и вернуть все...

День 8 ноября стал памятным благодаря приходу его (Мазепы.— В. Ш.) и аудиенции, данной ему королем. Здесь я расскажу историю, которую впоследствии узнал о нем из сходных сообщений разных лиц. Иван Мазепа в своей юности служил при дворе польского короля у какого-то видного королевского министра, однако, уличенный в любовных отношениях со своей госпожой, был отстранен от должности, помещен в бочку со смолой, откуда его затем вытащили, вывалили в перьях, посадили на коня задом наперед, ноги привязали под лошадиным брюхом и в таком виде провезли девять миль. Наконец, он добрался до своего знакомого, известного человека, от которого получил одежду, но из-за стыда повернул не в Польшу, а в Козакию***** , которая, как он слышал, была прибежищем преступников, грабителей и злодеев, и так как он был знатного рода, царь установил его гетманом казаков после смерти его предшественника...

Мы надеялись получить здесь***** надолго зимние квартиры, так как москвиты действительно захватили зимние квартиры наших. Король Карл двинулся отсюда в город Гадяч, намереваясь оказать там помощь своим. Победив москвитов, он захватил город Веприк во время сильнейшего мороза. Атака шведов сначала была несчастлива, ибо пали из их числа около 500 человек, и среди них некий граф Левенгаупт***** и другие известные полковники и должностные лица. При вторичной атаке король также поднялся на лестницы и взял город, в котором было 2000 московитских солдат и столько же жителей — казаков. Король оказал всем милость. Гетман же Мазепа вверх одних своих подданных в ямы, других же уморил голодом. Некоторые победители в бешенстве рубили мечами женщин, которые поливали атакующих шведов кипятком и поражали камнями³.

Используя победу, король Карл двинулся на вражескую территорию, опустошая Московию на 15 миль в глубину и на столько же в ширину. С 400-ми солдат против 1000 он напал на город Церкову***** , с 300 против 5000 — на город Опошню и счастливо обратил их в бегство. Города и села он приказал предавать огню и до основания разрушать дома. Встреченных в них жителей убивали. Тем, кто явился сюда из Козацкой земли, была дарована жизнь с приказанием вернуться к своим, чтобы больше никто из-за страха лишения жизни не был проникнут враждой к шведам. Он сжег много тысяч голов овец и скота. Прежде чем Карл вернулся к своим на Козацкую землю, лед тронулся и многие из победителей-шведов утонули в какой-то реке (Коломаке.— В. Ш.). Нагруженные деньгами возы гетмана Мазепы, находившегося

* Мстиславль.

** Имеется в виду река Вяхра.

*** Т. Гард, полковник К. Г. Розенштерна, генерал-адъютант, командовал личной охраной Карла XII.

**** Кричев.

***** Украину.

***** В Ромнах.

***** Капитан А. Левенгаупт.

***** Правильно — г. Зеньков; его обороняло местное население.

с королем, также пошли ко дну *. Многие с боевыми орудиями были вынуждены оставаться на другом берегу реки под открытым небом при сильнейшем морозе. Неприятель мог их легко захватить, если бы разведка, что они не в состоянии были продвигаться. Когда вода пошла на убыль, они благополучно перешли реку и вытащили из нее несколько возов...

2 января 1709 г. мы неожиданно должны были выступить в город Гадяч, ненавистный нам уже по самому имени своему, ибо мы думали, что это название дано ему от гадов. Мы уже слышали, что его пригороды были преданы огню москвитями и что они страдали там от недостатка хлеба и других жизненных припасов. Нашим счастьем было, что один друг королевского начальника почт, прибывший в Гадяч из расположения этого достохвального начальника, находившегося уже тогда в Гадяче, вознаграждал наш завтрак доброй горилкой. Я положил еще на воз раскаленный кирпич для обогривания ног и рук. Ибо, обладая таким образом внутренним и внешним теплом, смог продержаться более половины пути. Притом надо было преодолеть во всяком случае две мили, идущие через широчайшие степи, которые так пронзительно продувал яростный и леденящий скифский ветер, что некоторые из наших конных возниц окоченели насмерть. Они были найдены бездыханными на телегах и возах, особенно те, которые заснули после неумеренного поглощения горилки...

При таком неистовстве стужи добрались мы после полудня до Гадяча, и хотя огромное пространство перед воротами было заполнено телегами и санями, мы проникли в город и, проведя напрасно два часа в поисках распорядителя квартирами, вошли в какой-то пустой от солдат дом и восстановили свои силы скромной едой и теплом...

На следующий день наши хирурги начали отрезать своими бритвами отмороженное и гниющее мясо от пальцев рук и ног у некоторых солдат и проходящих для этого в нашу квартиру людей, а также по очереди препираться о квартире... Топлива не было совсем, если не считать того, что мы притащили с крыши дома. По этой причине окошки дома с обеих сторон были обложены льдом и снегом, а вода, сколько бы ее ни было в помещении, превращалась в лед. Очаг в течение некоторого времени удерживал тепло и, тлея все более скудно, не мог предоставить возможности покоя домашним и пришедшим. Изгнанные отсюда хозяева вынуждены были улечься частью под соседними нарами у этого очага, а частью вне дома в каморке, предназначенной для овощей и других продуктов и съестных припасов, приготовленных и высушенных по обыкновению жителей Козацкой земли. Остальная часть этого помещения пошла пришедшим солдатам. Редко мы могли приобрести пиво, чаще — вино с медом, и это за большую цену, однако горилки нам хватало, и она была для нас универсальным лекарством...

В недавнем пути и в этой квартире мы испытали холод, который запомним на всю жизнь. Слюна, вылетающая изо рта, прежде, чем упасть на землю, превращалась в лед, замерзшие воробьи падали с крыш на землю. Здесь можно увидеть одних без рук, других — лишенных рук и ног, третьих — лишенных пальцев, лица, ушей, носов, некоторых — ползающих, подобно четвероногим, других — тяжело удрученных из-за поврежденного морозом имущества. Все дома были заражены. Более 300 местных жителей умерли, пораженные разными болезнями. Но и король Карл не был застрахован от опасности холода. Однако он был приучен к перенесению всяких трудностей. Его лицо побелело от мороза, но, растертое господином графом Рейншильдом ** с помощью снега, восстановило прежнюю живость...

В этом городе (Гадяче. — В. Ш.) был схвачен завербованный москвитями один слуга Мазепы при подготовке покушения на его жизнь. Он был отведен на место казни и должен был быть повешен. Был в Гадяче и человек, знавший немного латынь, Федор Хоминский, который, говорят, имел звание доктора богословия, через посредство тестя своего, Стефана Тышковича, гадячского протопопа, но это звание отказался при нас получить, после того, как мы коснулись разных основ веры, и он увидел, что, защищая святых с помощью добрых дел, сам отпал от их призывов к справедливости. Иоанн же Борзовский покинул священную церковь святой Девы Марии до прихода шведов, которые поэтому захватили ее имущество — книги, чаши и всю церковную утварь. На его место был поставлен в этой церкви Георгий Ерош-

* Участник событий Вейсс указывает, что это произошло на реке Псел.

** Речь идет о фельдмаршале К. Г. Реншильде.

такович, который при погребении ребенка нашего гостя совершил обряды чтения и отпевания и затем смешался с толпой женщин, окруживших могилу, и на моих глазах обнимал каждую женщину из присутствующих. Местные мужчины и женщины посмеивались, мы же были поражены изумлением, что в час погребальной скорби, без всякого перехода, повернув лицо, он осмелился на этот бесчестный поступок. Дерзость одного человека обнаружила духовную сущность других людей...

Имена младенцам даются различные, из которых более предпочтительными являются: Феодор, то есть Теодор, Фтеодот, то есть Феодосий, Василий, то есть Базилий, Марко, Терезко, Демьян, Федор, Иван, Михаил, а равно и женские: Хвестка, Феодора, Гараджа (то есть Красивая*), Мотря, то есть Матрена, Настя, то есть Анастасия, Елена, Мария, Зинка, Гапка, Палашка, Приска, Докья и кто может другие перечислить...

Гадяч имеет деревянную крепость, усиленную валами. Также и самый город весь окружен валами и насыпями и немало укреплен шведами, чтобы быть более защищенным от нападений неприятелей. Собираясь из него уйти, шведы сожгли некоторые дома, владельцы которых переходили к московским частям, и разрушили более укрепленные места. Гетман Мазепа имел под крепостью огромной величины погреба с медом, пивом и воском, удобные для их сохранения. В крепости же, расположенной на возвышенном месте, воздвигнуты оборонительные сооружения, установлены наблюдательные пункты и боевые орудия. Крепость имеет огромный запас оружия, фуража и других предметов.

Шведская гвардия двинулась отсюда 21 февраля, мы же выступили 18 марта и в течение часа достигли монастыря, окруженного рвами и валами, а оттуда при сильнейшем морозе продвинулись на две мили к городу Лютеньке, также укрепленному рвами и валами, где от господина Спарре, коменданта этой местности, получили удобную квартиру. Мы заметили здесь великолепнейший храм, недавно построенный из камня, алтарь которого, говорят, стоил 20 тысяч, вся же постройка — 100 тысяч козацких флоринов, один из которых равен десяти царским грошам. Я еще в жизни моей не видел подобного алтаря и не был бы удивлен до такой степени, если в Козакин мог бы увидеть хотя бы немного камня. Он тянулся от одной стены до другой, поднимался до свода и содержал различные статуи, разрисованные золотом и разными красками. Вблизи алтаря показывали мощи старца, какого-то священника, похороненного в прошлом веке и сохранившего вследствие чрезвычайной святости лицо и волосы еще до сих пор. В вечернее время трое мужчин оказали нам честь исполнением песни в три голоса, а именно одного низкого и двух дискантов, говоря, что мальчики редко привлекаются для публичной песни.

В 20 день марта мы прибыли в город Борки, нашли там двоих наших земляков, господина Мартина и господина Матейда. Ранним утром 21 числа в мороз, через открытые степи, не без страха перед неприятелем, занимавшим все соседние местности, мы быстро прошли четыре мили в Опошню и оттуда одну милю в Будище. В Опошне находился многочисленный шведский гарнизон, были также и две тысячи московитов, которые во время недавнего захвата города Веприка покорились королю Карлу. Пригороды же Опошни простираются на расстояние свыше полумили. В Будищах имели местопребывание король Карл, гетман Мазепа, королевский и гетманский дворы. Нам выделили здесь два домика, более удобный из которых я отдал нашему Грунду, рижскому купцу.

Сюда** стекались из соседних мест многочисленные королевские слуги, сходились также многочисленные чиновники и купцы, желая присоединиться к товарищам по странствованию. Они, однако, по совету господина Гермелина***, направлялись мною в королевскую канцелярию для испрашивания отпуска. Господин Гардер, секретарь Левенгаупта, человек ученый и знакомый с геометрией, надеялся, что он будет послан с господином генералом Левенгауптом для набора солдат в Ливонии. Господин Венеровский****, пока мы просили пропуска, познакомил меня с племянни-

* Красивая — по-украински «гарна».

** В Будищи.

*** О. Гермелин — секретарь Карла XII.

**** Имеется в виду Войнаровский, см. прим 4.

ком гетмана из окружения Мазепы по имени Максимовым*. Он с госпожой Обыдовской, сестрой Мазепы, был у генерала-аудитора гетмана и довольно благосклонно высказался в отношении нас. Сам же Максимов был учтив и гостеприимен. Муж этой женщины по имени Иван Обыдовский был некогда стольником его царского величества, человеком весьма авторитетным⁴.

Гетман Мазепа уже изменил сделанное нам ранее предложение о своей протекции в Ромнах, говоря, что он намерен свято поддерживать дружбу с нашим князем, и утверждая теперь, что не сможет предоставить нам пропуска для свободного прохождения прежде, чем мы не испросим разрешения уехать от светлейшего короля Карла, господина этих земель. Он сказал, что, когда мы получим эти милостиво предоставленные пропуска от его величества, надо будет, чтобы он через королевский двор был об этом извещен. Но в этот самый час пришел господин Гермелин, который подробно извещил гетмана о нашем отъезде и освободил этого осмотрительного человека от всякого подозрения.

Упомянув за стаканом вина о запорожских казаках, вот-вот подходящих на помощь королю и своему гетману, я на радостях сказал, что от их прибытия нам много будет добра. Гетман же Мазепа, думая, что я говорю о шведском войске, исправил мою речь такими словами: «Высокостепенный господин, прежде нежели эти вспомогательные войска получит его королевское величество, бывшее всегда счастливым, так как он владеет справедливым поводом к войне и несет его единственно к богу, помощнику справедливого дела и укротителю войн, то он не будет оставлен господом, хотя бы ни один запорожец не пришел на помощь». Мы были обрадованы такой его уверенностью. Также, когда его посетил сначала граф Левенгаупт, говорят, что он сказал, что героическая или весьма выдающаяся доблесть этого графа в недавнем деле у села Лышина** между реками Днепр и Сож побудила его самого ускорить переход к шведскому королевскому величеству, в особенности увидев, как этот граф с таким небольшим отрядом своих людей храбро задерживал три дня такую массу врагов и с лучшей частью своего войска вошел в самое средоточие неприятелей, переправившись вплавь на лошадях через опасные реки, чтобы суметь раздавить самого врага всеми силами, идя с таким трудом на риск битвы. Мы были уверены, что господин Гермелин пришел во время нашего разговора, имевшего место 27 марта, только в силу совершенно исключительного божьего провидения. Накануне, в предшествующий день 26 марта, неожиданно напал на московитов полк Альфентейлианцев⁵. Они нанесли серьезное поражение, захватив самого полковника, который, с большим воодушевлением сопротивляясь врагу, был отрезан от своих солдат, когда пробегал дальше.

В день 6 апреля прибыл кошевой, предводитель запорожских казаков***. Тогда и я, ожидая приема вместе с королевскими слугами, получил случай говорить с моим господином Гермелином, который уже говорил обо мне со светлейшим королем и графом Пипером. Он отвел меня к окну, которое уже занимали король с господином Пипером, и это он сделал с тем расчетом, чтобы, появляясь на глазах того и другого, я мог бы освежить в памяти мою просьбу о грамотах для свободного прохождения.

То, что я был на виду, привело к большому результату. Ибо вскоре от королевского величества отошел граф Пипер, говоря мне на ухо: «Светлейший король дал мне поручение, чтобы я говорил с господином Мазепой с целью получения пропусков для свободного прохождения, что я охотно сделаю без всякого промедления». После того, как граф отошел от меня, подошел ко мне отошедший от короля граф Левенгаупт и от лица господина Гермелина призвал к следованию за графом Пипером. Он привел меня вдобавок на завтрак к господину графу, который сказал, что мое присутствие ему приятно. Мы одни почти час беседовали втроем, прежде чем был готов завтрак. Среди прочего сиятельнейший граф говорил, что светлейший король с самого начала своего правления верно продвигал вперед дело евангелической церкви. Пока он был в Саксонии, то в течение трех дней только этим и занимался, совершенно не общаясь с министрами. Наконец, после заблаговременно посланных просьб и длитель-

* Речь идет о генеральном есауле Д. Максимовиче.

** Лесная.

*** Речь идет о К. Гордиенко.

ных размышлений, завладел хартией и кратко засвидетельствовал своею рукой некоторые пункты, после чего послал это в Вену, в Австрию, с добавлением декларации, чтобы в течение трех дней он обо всем получил прямой ответ. Среди прочего в ней был пункт о восстановлении всех церквей в Силезии, разрушенных в противность духу Оснабрюкского умиротворения⁶, гарантию которого взяло на себя как защитник религии его королевское величество Швеции. Цесарское величество ответило обещанием денег и герцогства. Но его королевское величество снова написало своему резиденту, задержавшемуся при цесарском дворе, что он не желает продавать свободу религии, уступленную по Оснабрюкскому договору, а также, что он отвергает деньги, данные из милости, но желает оспорить принятое звание, к которому принадлежит по более сильному праву. Итак, к королю был послан господин Коловрат*, который, придя к графу Пиперу, пожаловался, что шведское величество не довольно своими победами, одержанными над королем Августом и Великим князем Московским**, а пожелало быть втянутым в новую цесарскую войну. Но господин граф Пипер ответил, что шведское величество не ищет повода к новой войне, а требует лишь соблюдения нарушенного многими способами Оснабрюкского соглашения.

Господин Пипер рассказал потом, каким образом ударили по рукам в вопросе об Оснабрюкском мире и как он был подписан господином Коловратом от имени его цесарского величества, при гарантии англичан, голландцев и королевского величества Пруссии, и что невероятно, чтобы этот договор не соблюдался бы, так как слух о нем уже разнесся. Господин граф Пипер высказал также мнение, что княжество Литовское цесарское величество резервировало бы для себя, если бы его не захватили победные армии Карла. От его имени большая благодарность следует королю Карлу, который с помощью бога удержал столь могущественного государя. Он также рассказывал, что не думал, что король так занимался священным писанием и так был искушен в нем. Ведь князь Любомирский*** вследствие бесед и совместной жизни с королем сделался лютеранином, теперь он живет в Холме. Старшего же, Сапегу, великого литовского князя, знакомство с королем совершенно превратило в другого человека и лучше сблизило с евангельской религией.

Между тем были принесены яства, некоторые по два раза. Мы выпили каждый по три бокала крымского вина, и прежде чем закончился завтрак, господин граф Пипер был призван к королевскому величеству и должен был присутствовать на аудиенции, которая должна была быть дана запорожцам. Короля окружали, с одной стороны, граф Пипер, принц Вюртембергский и прочие министры, с другой стороны — господин Гермелин, Цедергельм и прочие в большом числе. Предводитель запорожцев со своими людьми был приведен к королю и приветствовал его, принеся клятву верности****. Король через своего комиссара по имени Султан*****, знавшего казачий язык, сохраняя порядок, отвечал каждому из них. Они низко кланялись в присутствии королевского величества и как бы припадали к его ногам. В течение часа они находились на глазах короля и гетмана Мазепы, вследствие щедрости которого чиновники, а другие — вследствие щедрости королевской пользовались милостью вплоть до третьего дня. Когда запорожцы отошли, подошел господин Гермелин и извещил меня о милостиво подаренных мне королевским величеством путевых деньгах...

Светлейший король, выведший солдат из Опошны и Будищ, снова вернулся в Полтаву, которую осадил, побужденный Мазепой, еще за восемь дней до этого, то есть 22 апреля. В отсутствие же короля осажденными был унесен порох, вложенный в подкоп, в тот самый час, когда шведы были уверены, что ворота с укреплением взлетят на воздух. Король Карл, будучи раздосадован, начал вечером 30 апреля обстреливать город пушечными ядрами из ближайших орудий и не оставил этого прежде, чем занялся дель 1 мая. Городу был нанесен большой ущерб после того, как было сожжено несколько домов и гарнизон ушел в более удаленные части города.

Несколько дней прошли без значительных военных операций, так как казаки

* Дипломат императора Мессифа I; его настоящее имя—Ян Ванлав Вратислав.

** Здесь имеется в виду Петр I.

*** Речь идет о Я. А. Любомирском, который принял евангеличество в 1708 г. в лагере шведских войск в Радошковичах.

**** Это произошло 27 марта (7 апреля) 1709 года.

***** Полковник Сандул, командовавший у шведов полком.

Мазепы просили, чтобы король Карл не сжигал городка, в котором Мазепа имел единоутробную сестру *, а сами они имели там дома и свои семьи. И там же было положено имущество самого большого полка из всех **. Чтобы защитники города, вынужденные голодом и отчаявшись в помощи и видя, что с каждым днем им угрожают все большие трудности, сами передали бы себя королю, разрешив управлять ими.

В день 3 мая я выехал с господином Погорским***, чтобы наблюдать осаду Полтавы. Мы увидели небольшой городок, расположенный на холме, окруженный с двух сторон невысокими холмами и укрепленный двойными насыпями и такими же валами. Король Карл приказал устроить на склоне ближайшего холма апроши. С противоположного холма, на котором возвышался великолепный монастырь, он поражал врага большими пушечными ядрами.

Царское величество уже прибыло со всем своим войском⁷ и с невероятным трудом позаботилось соорудить длиннейшие траншеи. Он усилил их многими пушками, заполнил окрестные поля и прилегающие леса палатками и солдатами разных видов оружия. Небольшой ручей**** отделял монастырь и Полтаву, или лагерь шведов и московитов. Со стороны московского лагеря жители имели для преграждения доступа хорошо укрепленные ворота. Король Карл велел установить пушки, обращенные против московитов, поставил кругом солдат и приказал разместить караулы в наиболее опасных местах, чтобы никоим образом осажденным не подвозилось продовольствие. С противоположной стороны были другие ворота, имевшие впереди себя посты и вокруг них валы, укрепленные шведской охраной. Приятно было видеть врага на расстоянии полета ядра от шведов и разведать все это...

Весьма печально было положение шведских дел, и с каждым днем мы испытывали это все тягостнее. Шведские конфедераты, казаки отнимали, где только могли, деньги у шведов, а иногда и жизнь. Скрывающиеся в лесах крестьяне искали поводов для грабежа. Шведы же, желая подавить Полтаву голодом, сами погибали от медленного голода. Из Новых и Старых Санжар и нескольких соседних селений подвозили, правда, хлеб, пиво, брагу, мед и другие припасы, но что это было для такого множества, и разве были удовлетворены все рядовые солдаты! Рассказывают, что в королевской ставке платили по 16 талеров за один гарнец***** горилки.

Светлейший господин генерал-майор Мейерфельд выложил за один гарнец горилки, видимо, 12 талеров, о чем сам позднее рассказал. Одна пара обуви, пригодной для рейнского всадника, — 20 флоринов, одна широкая немецкая шляпа, украшенная тонкими серебряными лентами, — 30 флоринов. Одна бочка пива, содержащая семь с половиной кувшинов, — 45 рейнских флоринов. Один гарнец содержит почти три средние венгерские меры, хотя не принятые в Буде, но которыми пользуются бывшие жители Венгрии в пределах Австрии, Моравии, Силезии и Польши. Далее, 20 гарнцев образуют одну девятину, 150 гарнцев — одну казацкую бочку. Одно седло продавалось за 12 имперских солидов, даже еще и по 20.

Наш Гааз купил один кувшин горилки за 8 полновесных золотых, цена которых была по 6 рейнских флоринов, в общем — 48 флоринов. Было выручено 22 рейнских флорина. Итак, он заполучил за один простой кувшин горилки 70 рейнских флоринов, это было перед началом осады Полтавы, когда, конечно, наблюдалось большое изобилие продуктов. На одном публичном торге за пять рубашек было заплачено 60 полновесных талеров. Цена хлеба также росла по мере продолжения осады и увеличения трудностей. Казаки отвергали все другие деньги, кроме золотых и полновесных талеров. Шведы взвизгивали на них цену. Саксонская монета отвергалась. Приобрести копейку могли очень редко. Мясо, правда, можно было иметь иногда, но вследствие чрезвычайного зноя более двух дней его невозможно было сохранить без зловония...

* В действительности это была жена племянника Мазепы, полковника И. П. Обидовского. Единственная сестра Мазепы Александра умерла в Киеве около 1695 года.

** На Украине в начале XVIII в. полком называли не только войсковую часть; полк являлся также административно-территориальной единицей.

*** С. Погорский, словацкий шляхтич, второй посол.

**** Имеется в виду р. Ворскла.

***** Польский и литовский гарнец был равен четырем квартам, являясь мерой сыпучих тел и жидкостей.

В день 21 мая были переведены в город Старые Санжары из Опошни и Будич пленные веприкские москвиты, после того как эти города были оставлены шведами и преданы огню, чтобы они не смогли стать убежищем для врагов. Безоружную толпу пленников, состоявшую из 900 человек, проводили близ нашей квартиры. Один месяц они оставались в Старых Санжарах и по его истечении освободились благодаря собственной хитрости 25 июня нового стиля. Этот день начался уже, когда мы услышали отдаленный от нас полумилей рев пушек и военные залпы, длящиеся более двух часов. 8 тысяч москвитов вторглись в этот город, в котором генерал-майор Крузе, несчастливый в недавнем сражении у Кобеляк, имел дислоцированным свой и другой полк. Он слышал из различных донесений, что враг угрожает ему, однако не позаботился отвести свои обозы и грузы в безопасное место. Вторгшиеся неприятели, пренебрегая страхом смерти, разрушают в удобном месте топорами изгородь. Пленным москвитам, которые здесь находились под стражей, разрешалось более свободно передвигаться, и они встретили шведов ударами, от которых, как бы и когда бы их ни получили, многие погибли. После того, как шведы ушли из города, пленные были выведены оттуда и ушли не без потерь⁸. Шведам вредили здесь также беспечность и доверие, возлагаемое на конфедератов, хотя об их изощренном вероломстве, вошедшем в пословицу, знали эти беззаботные люди...

После того, как санжарский шум умолк, мы вскочили на коней и, прищпорив их, примчались в город. Он дымился в нескольких местах. Вне и внутри города валялось немного москвитских трупов. Мы заметили одного москвита, который шел с большим мешком к городским воротам, у которых были заперты остальные стражники в крытых соломой хатках. Он упал на колени, держа мешок на плечах. Один из этих пленников, некогда полковник, лежал бездыханным. Он ходил к шведскому генералу, доверием которого пользовался, дважды надевал его плаще, а свое натягивал сверху, унося также другие вещи и припрятывая их у себя. Мы видели здесь разбитые повозки, опорожненные сундуки. Полковая касса Крузе — 20 тысяч талеров — была унесена. Было уведено 900 москвитов, из которых пало, однако, около 80. Говорили, что это было сделано с москвитами не без своего рода умысла. Ведь Крузе был достаточно информирован о приходе москвитов, однако не отправил иначе багажа, не дождал из соседних мест шведской помощи, не проявил большей заботы о задержанных. Потом пришло из нашего села несколько отрядов, но неприятель уже ушел из города за соседнюю реку. Действительно, ущерб был нанесен немалый. Ибо хотя из шведов погибло едва трое или четверо, но москвиты были уведены. Из-за них король Карл, намереваясь захватить город Веприк, потерял, как выше было сказано, около 500 своих.

Говорят, что 26 мая в город Полтаву вошли около 1 тысячи москвитов, потеряв, однако, 200 своих⁹. Москвиты пытались сделать это самое и на другой день, но были решительно отражены, потеряв 600 своих и взятого шведами в плен бригадира, который был близок к Меншикову, главному министру царского величества. 15 июня ворвались полтавские защитники и, применив сосуды со смолой, подожгли ближайшие шведские позиции.

21 июня нового календаря мы отпраздновали второй день покаяния в деревне Хведерки и слушали пастора Гельбишианского полка, который проповедовал из II книги Хроник, стих 16, о единении с богом, долженствующем быть с пользой установленным. Повод для этого ему предоставил приход татар к королю и Мазепе в деле союза против москвитов. Ханом татарским был послан некий мурза, то есть капитан, с которым и мы позднее говорили по-венгерски. Ибо он был когда-то Агриенским капитаном, но в недавней турецко-имперской войне, отведенный в Вену, убежал оттуда. Он беседовал по-немецки с господином графом Пипером и, насколько мы поняли, настаивал, чтобы татары были допущены к союзу со шведами и казаками с тем условием, чтобы шведское королевское величество без участия татар не заключало впредь мира с москвитами и разрешило татарам, намеревающимся вторгнуться в Московию, увести людей, отогнать скот и чтобы они (татары) — В. Ш.), удовольствовались этой помощью, были бы готовы к исполнению военных приказов, которые будут даны им королем Карлом. Увольнение этих отосланных откладывалось на третью неделю, чтобы король Карл, полагавшийся на вспомогательные татарские войска, не

пожелал бы, может быть, пойти на риск войны. Мурза сетовал, пока мы просили его, желая отправиться с ним в Крым, что отсрочка его отбытия к хану может стать пагубной для обеих сторон, ведь татары будут готовы к вторжению в Московию, как скоро они уразумеют, что король Карл согласился на их просьбы.

Эти татары даже удивлялись, что король Карл штурмует Полтаву, потому что царское величество через своего особого человека информировало их о том, что московско-шведская война уже прекращена на почетных условиях после того, как королю Барлу была дана в жены сестра царя¹⁰. Он желал этими выдумками отвратить татар от мазепско-шведского союза, для подготовки которого гетман Мазепа весьма недавно отправил своего человека с валашским полковником в Крым. Ибо казаки имели какое-то старое соглашение, по которому им оказывалось уважение во имя братства и в силу которого одна сторона обязывалась предоставлять помощь другой стороне, терпящей затруднения. Целыми днями распространялся слух о приходе татар, и даже крымские вина, изюм, миндаль, винные ягоды и другие предметы привозились в шведский лагерь.

27 июня мы с двумя полками бежали к Полтаве, так как прошел слух, что на рассвете на нашу деревню нападет многочисленный неприятель. Накануне предшествующего дня мы слышали сильную канонаду шведских пушек, не дававших врагу вступить в город. Усердие неприятеля было столь большим, что он забросал множеством пушечных ядер не только шведов, которых мог видеть, но и долину, окруженную холмами, намереваясь нанести ущерб находящемуся там королю Барлу. Но его спасло божье провидение. На этом пути мы видели одного крестьянина, выбежавшего из леса и напавшего на шведа, сидевшего с несколькими солдатами на возу. Когда он ударил этого солдата, то тот закричал. Тогда крестьянина схватили, сильно избили и увели. Уже по одному этому поступку можно понять опасность, грозящую шведам. В тот же день, находясь в каком-то домике, расположенном почти на вершине холма близ города, мы слышали в продолжение целых 15 минут пушечную пальбу. Горожане сделали вылазку, но шведы и казаки, находившиеся где-то вблизи, в лесу, их мужественно отбили.

Этот день (27 июня.— В. Ш.) был несчастным для светлейшего короля. Когда он услышал, что несколько калмыков перешли реку, то, захватив с собой нескольких драбантов, пошел им навстречу, убил нескольких неприятелей и остальных обратил в бегство. И когда он уже возвращался в свой лагерь, неожиданный выстрел из московского ружья ранил его в ногу, которую он раньше сломал в Польше. Пуля, проникшая через ступню, завязла под пальцами. Собрался консилиум лекарей, начался осмотр раны и поиск пули. Операция длилась целый час, затянувшись потому, чтобы случайно не повредить нервы и жилы пальцев. Но король не обнаружил ни единого признака боли и, сохраняя веселое выражение лица, побуждал лекарей, чтобы они взяли ножи и, не боясь, резали, и как следует резали, мясо на раненой ноге. Говорят, что он вел себя так же, когда в Польше сломал голennую кость. Без страха он спросил лекаря, через сколько дней можно надеяться, что голень срастется. Когда он услышал, что нога поправится через шесть недель, то старательно считал дни и, когда наступил последний день шестой недели, приказал привести коня для верховой езды, а министрам, отговаривавшим его от этого, отвечал, что лекарь обещал выздоровление через шесть недель и что уже шесть недель прошло и он хочет испытать, сможет ли ездить.

В этот день (27 июня.— В. Ш.) мы вернулись на свою квартиру и находились в ней не без страха перед неприятелем и жителями до 1 июля, потому что в деревне оставалось очень мало солдат и наш дом находился на самой околице деревни. Московиты в это время разбивали лагерь у деревни, в которой находился королевский двор с Мазепой, и нашлись калмыки, которые, отбросив страх смерти, вбежали в дом, занятый Мазепой, намереваясь его увести. Но шведы, телохранители Мазепы, их доблестно отразили. 29 июня королевский двор с присоединившимися полками вышел отсюда и последовал за королем, но наше войско из Хведерок отошло к Полтаве 1 июля.

На следующий день, 2 июля, король Карл, вызванный царским величеством, вышел со всем своим войском в поле, оставив обоз близ Полтавы. Фронт растянулся

на длину немецкой мили, в середине которого стоял король со своей гвардией и пушками; запорожские же казаки заняли фланги. Кавалерия была разбита по сотням, и к ней была придана пехота и распределена тоже по сотням. В тылу каждого полка имелось определенное число солдат. Между всеми полками и всеми сотнями было оставлено пустое пространство. Не было никого, кто бы не ждал неприятеля с радостью, думая, что этот день будет решающим и что шведы, наконец, избавятся от голода и других бедствий, которые их терзали, как медленная смерть. Мы с господином Погорским проехали на конях от одного конца этого фронта на другой и увидели, с каким мужеством готовятся шведы взяться за оружие.

Мы видели стаю птиц, летавших над московским лагерем, и многие старые солдаты, вспоминая, что подобное они наблюдали и перед началом предыдущих битв, считали это благоприятным предзнаменованием. И действительно, царское величество, которое нас вчера призывало к решительной битве, когда увидело шведские силы, представшие перед его глазами, отказалось от решительного сражения, и шведская пехота и конница должны были возвратиться на свои позиции, ничего не сделав. Разнеся слух, что Шереметев не советовал царскому величеству испытать в сегодняшней битве все шведские силы. И мы также возвратились к обозам, которые стояли в открытых полях перед северными Полтавскими воротами и были видны солдатам. Там мы нашли гетмана Мазепу, который утром, роскошно одетый, несся на чистокровном коне в бой, но король Карл, похвалив его, приказал вернуться к обозу ради спасения жизни, потому что и так у него было слабое здоровье...¹¹.

5 июля недалеко от самой ставки короля сшиблись эскадроны калмыков с несколькими королевскими валахами, но были мужественно отбиты. Пока происходили эти ежедневные схватки, я захотел за ними наблюдать и 6 июля выехал с господином Погорским из шведского лагеря, но только мы приблизились на расстояние выстрела, заметили, что с каждой стороны против нас несутся два калмыка, и мы были вынуждены свернуть в ближайший лес. На следующий день, на который пришлось VII воскресенье Троицы, после заутрени мы с господином Погорским и несколькими шведскими солдатами снова вышли посмотреть на посты московитов. Оба лагеря отстояли друг от друга меньше, чем на четверть мили, но шведы поставили вблизи шатра своего короля пушки, раскинули маленькие палатки, каждая из которых могла вместить четыре или пять пехотинцев. И все-таки королевский лагерь не был окружен рвом, так что можно было удивляться самоуверенности испытанных в своей храбрости солдат, которым приходилось отлучаться далеко из лагеря за пищей. Последние посты располагались под ближайшим холмом, который московиты укрепили тремя очень основательными валами. С левой стороны виднелся холм, заполненный шеренгами московитов. Мы были отделены от холма глубокой долиной и ручьем. Московиты, перебегая туда и сюда, вызывали шведов, обещая им водку и пиво, если они перейдут к ним. Но когда два пехотинца с двумя кавалеристами поднялись на холм, занятый московитами, эти храбрые провокаторы галопом разбежались. Развлекаясь более часа созерцанием этих стремительных вылазок борющихся сторон, а также шведской роты, подкреплявшей крайний пост и в то же время пристально наблюдавшей за московитами, мы возвратились на шведскую вечерню. Во время службы мы заметили стаю кричавших ворон и галок, терзавших своим криком наши уши. Они летали вокруг нашего лагеря и даже над королевской палаткой, в которой мы собрались. Мы услышали, что святое шведское королевское величество назначило на следующий день атаку на вражеские валы и давно желанную битву.

Этот королевский приказ все толковали по-разному, и особенно иностранцы толкуют его так доселе. Большинство обвиняет всепобеждающего короля в чрезмерной отваге и ребяческой безрассудности, другие — в пренебрежении к большим вражеским силам, некоторые — в нетерпении, возникшем из-за недавно раненной ноги. Я не хочу быть виновником всего того, что могло бы запятнать величие такого короля теми или другими подобными нападками, а скажу лучше, что король Карл должен был принять это решение вследствие жестокой и крутой необходимости. Ибо он видел, что неприятель, находясь в своей стране, имсет изобилие провианта, шведы же с каждым днем все больше испытывают трудности и недостатки; что те немногие деревни, которые до этого поставляли за большие деньги провиант, были истощены и даже

сами себя не могли прокормить и что хлеб, который отдельные полки добывали для себя сами, уже был на исходе и пополнить его запас было невозможно. Это привело к тому, что после истощения провианта в результате долгой осады Полтавы и ослабления сил солдат вследствие скифского холода прошедшей зимы, весеннего бездорожья и летнего голода многие, хотя и надеялись, что судьба повернется к лучшему, предпочитали честную смерть бедственной жизни. И все-таки когда они (эти солдаты.— В. Ш.) припоминают все несчастья, которым они подверглись, то проклинают плачевные успехи своего оружия. Они помышляли о перебежке к врагу и вследствие крайнего недостатка провианта, и из-за наступающей скудости во всех вещах. Вряд ли можно было сомневаться в неизбежности солдатского мятежа, когда из-за этого недостатка солдаты, обученные различным ремеслам, вынуждены были строить мельницы, оковывать повозки железом, ремонтировать колеса, одни — с напряжением обеспечивать доставку кормов, другие — нести тяжелую караульную службу. Вряд ли у них за целый день оставался час свободного времени, необходимый для очистки конюшен, ухода за лошадьми и наполнения своего желудка. Напротив, царское величество открыто говорило, что его целью являлось ослабление шведов путем затягивания справедливого сражения, изнурения их частыми вылазками легкой кавалерии казаков и калмыков, препятствования к обеспечению их провиантом, усиления голода и приведения их к мысли о заключении мира. Я думаю, что король Карл сожалел об участи своих солдат и желал в открытом бою защищать свое праведное дело. Однако внутренняя побудительная причина этого дня лучше всего известна богу и Карлу.

Итак, глубокой ночью по приказу короля все королевские повозки и повозки королевского двора и соседних полков были сняты с места и увезены из лагеря к холму на расстоянии в полмили. И нам было приказано присоединиться к этому обозу. Во то время, как мы неслись на конях, встретили несколько шведских эскадронов, бесшумно подъезжавших к королю. Эту ночь мы провели под открытым небом, без огня, соломы, сена, еды и питья, не зная, что находящееся здесь такое множество повозок было увезено из-за опасности грабежа калмыков. Эти повозки с тыла были защищены холмами, а спереди — пушками с двумя или тремя тысячами солдат.

Когда наступил день 8 июля, король Карл, восседавший на носилках, поставил во главе своего войска двух самых выдающихся генералов: графа Рейншильда и графа Левенгаупта. И когда пришли к тому рубежу, откуда нельзя было без победы ни отступить назад, ни продвинуться вперед, он приказал им бороться храбро из последних сил, предоставляя исход битвы всемогущему богу и веря в справедливость оружия, в испытанное искусство своих генералов и храбрость солдат. Он приказал им занять военные позиции и навести порядок на своих местах. Генерал Рейншильд занял правое крыло, расположенное по направлению к реке, Левенгаупт — левое, король для общей поддержки обоих занял центр. Кавалерию они смешали с пехотой, сосредоточив казаков и валахов на концах обоих флангов и у возов, оставленных в тылу, у которых все в случае неожиданной опасности укрылись бы. Затем эти генералы воодушевляли каждый своих солдат, чтобы те бросились в бой за благо короля и свое с большим мужеством, чем когда-либо до сих пор, и не боялись множества врагов больше, чем это заслуживает, потому что уже давно малочисленное войско научилось сражаться с более многочисленным... Дело находится на правильном пути, и что бы ни случилось, им (защитникам.— В. Ш.) будет хорошо. Если победят, то вскоре последует мир, если погибнут, то умрут за благо родины. Значит, нужно сражаться так, чтобы победить, или же, если так будет угодно богу, честно умереть. Ослабевших солдат может воодушевить сам король, который идет в бой, будучи немощным...

С обеих сторон было много лесов, которые пересекала река, текущая к городу. Московиты были, однако, счастливее шведов по той причине, что свои валы укрепили на возвышенности и при приближении шведов могли засыпать их градом пуль. Кроме того, численностью они превосходили шведов в шесть раз¹². Если бы было нужно, они могли отойти на более безопасное место, подкрепленное воинскими гарнизонами. Шведы же, обладая давно уже испытанной божественной мудростью своего короля и благородством побуждений, набожностью и неотлучным ее спутником — счастьем и, кроме того, веря в доброе дело и в свою воинскую доблесть, добытую за столько лет под руководством еще не побежденного короля, достаточно вооруженные духовно и

физически, воодушевлялись речами своих вождей. Солдаты готовы были выполнить приказы раньше, нежели они будут отданы, не считаясь с возможностью потери жизни, пока они будут выполнять их. Весь мир — свидетель того, что никто нигде на земле не мог бы увидеть солдат, легче переносящих жар и холод, напряжение и голод, которые с большим рвением выполняли бы приказы, с большим желанием шли бы по знаку в бой, были бы более готовыми к смерти, которые избегали бы дольше мятежа, спокойно жили в лагере, набожно вели себя, которые, меняя бы боевые позиции, более искусно умели строиться в клин, в круг, затем тут же — в треугольник, в четырехугольник или в ножницы и пилу.

У короля Карла было такое множество отличных мужей, что, хотя все его войско, приведенное на Украину, насчитывало 18 тысяч *, ты мог бы все-таки видеть, как в греческом войске перед Троей, в Рейншильде — Одиссея, в Левенгаупте — Аякса, в Крейце — Нестора, в Мейерфельде — Агамемнона, в Спарре — Диомеда, в Гамильтоне — Паламеда, в короле Карле — Ахилла, который теперь из-за своего великодушия не показав всего своего войска, но ему было достаточно с горсткой 12 полков напасть на 100-тысячное регулярное войско ** и почти 50-тысячное легкое неприятельское ополчение, оставляя 2 тысячи человек в окрестностях Полтавы и полк Мейерфельда, насчитывающий 2 тысячи человек в санжарских квартирах и столько же в обозе. Построенному войску в знак начала битвы дается два пушечных выстрела. Неизвестно, как все-таки могло случиться, что забыли помолиться, чему набожный король всегда отдавал первое место и с молитвой начинал и день, и битву.

После того, как был дан знак начала боя, королевские пушки увезли к обозу. Граф Левенгаупт, развернув королевские знамена, совершил атаку с левого фланга на траншеи неприятеля и без больших потерь занял их. В результате этого в руки короля перешли пушки, числом 20, размещенные на двух валах. Рейншильд также с правого фланга очень успешно атаковал неприятеля. Король Карл, сидя на своих носилках, преследовал всю московитскую кавалерию ¹³, обращенную в бегство, на протяжении в полмили, оставив 300 человек для защиты двух валов, занятых Левенгауптом.

К несчастью шведов, случилось так, что генерал-майор...***, отрезанный от остальных сил шведского войска, попал с 15 знаменами в руки неприятеля. О нем король Карл не мог знать ничего определенного, но царь нашел у него перечень всех полков, как введенных в битву, так и расположенных в других местах. Одушевленный небольшим числом наступающих шведов, он направил против 300 шведов, оставленных для защиты валов, 20 тысяч московитов и всех их перебил. Свои траншеи и пушки он вернул назад и потом так сильно противостоял королю, возвращавшемуся после преследования московитской кавалерии, что последний должен был проложить себе путь кровавым мечом.

Я с господином Погорским и с нашим слугой, как только мы услышали гром пушек и пальбу из ружей, именуемых «Salve», длившуюся, не прерываясь, в продолжение четверти часа, возбужденные новизной событий, пришпорив коней, поспешили, покинув обоз вместе со многими другими, посмотреть на действия шведов, желая пройти к пехоте, как раз к той воинской части, которая окружала короля Карла и которую мне особенно рекомендовали старые офицеры, мои добрые друзья, когда я с ними советовался. Меня вынесло на конец левого фланга, который прикрывали запорожские казаки и где было более всего опасно, так как ему угрожал легковооруженный неприятель. Только мы достигли его, как много тысяч калмыков ¹⁴, подняв страшный крик, вызвали такое смятение, что фланг начал показывать спину. Однако некоторые с обнаженными мечами, угрожая бегущим смертью, привели его опять в порядок.

Господин Погорский, который во время скачки к месту битвы повесил на свою шляпу соломенный знак, чтобы его можно было отличить от московитов, примчался с корыстной целью захватить коней. Увидев смятение, созданное запорожцами, и ус-

* Цифра сильно занижена, см. прим. 12.

** Цифра завышена, см. прим. 12.

*** В подлиннике пропуск. То был генерал К. Г. Роос (Росс); его пехотные части были разгромлены в Полтавской битве А. Д. Меншиковым.

лышав страшный крик калмыков (кроме постоянного «и-и-и» ничего нельзя было различить), а также заметив над нашими головами летящие пули, он потерял мужество и, несмотря на мои заклинания, мне не удалось задержать его в лагере хотя бы на минуту. Действительно, особое божье провидение привело к тому, что мы тотчас же отступили, как только среди запорожцев началось новое замешательство и бегство. Иначе мы бы наткнулись на неприятельские эскадроны, выступившие из города с намерением помочь своим в беде. Да и наши обессленные кони не могли бы уйти от быстрых казацких коней и доставить нас к отдаленному обозу.

Пока длилось сражение, мы слышали такую сильную ружейную пальбу и грохот пушек, какой нельзя себе представить, если бы не слышали его собственными ушами. Первые залпы были слышны во время атаки, вторые — при начале сражения остального войска, третьи — при отбитии траншей, четвертые — во время королевского возвращения, пятые (самые сильные) — после полуденного возобновления битвы, шестые — при изгнании шведов из окрестностей. Каждые из них длились по четверти часа. Тем временем в обозе объявились безумные смельчаки и безбоянные разбойники, польские пахолки (батраки. — В. Ш.), которые, не обращая внимания на такой сильный и столько раз повторяемый грохот оружия и на неприятельскую атаку, угрожавшую обозу, при безграничном удивлении тех, кто охранял кладь, укрывшись среди деревьев, играли в карты.

Король Карл, державший до полудня в руках полную победу, когда генералы напоминали ему, чтобы он удовольствовался достигнутым успехом, отвечал: «Марш!». Затем, когда оба войска, слишком утомившиеся, отдохнули в течение часа, король Карл возобновил сражение. Но его задела не столько храбрость войск неприятеля, сколько неожиданная хитрость со стороны русских. Неприятель растянул фланги в форме полукруга и расставил свои пушки, большие и маленькие, многие из которых были переносными, не только в траншеях, но и на концах этих флангов. Они были сделаны из кож, натянутых на тонкое железо, изготовленное французским инженером Ле Метром по новому способу, изобретенному, как он говорил, им самим. Итак, с помощью этих и других больших пушек, которых вместе было около 100, говорят, постоянно заряжаемых не ядрами, а многими кусками железа, именуемыми в народе...* и стрелявшими в шведов по 50 раз, они (московиты. — В. Ш.) уничтожили этими залпами всю гвардию короля Карла, которая была сердцем и душой всего шведского войска. Эти старые и прекрасно обученные солдаты были как бы засыпаны железным градом. Они полегли ранее, нежели взялись за оружие. Остальные, самые многочисленные, так храбро удерживали напор неприятеля, что, не борясь уже за честь, а за жизнь, сражались, когда у них выбили оружие, голыми руками. Но, наконец, и эти частично попали в руки победителю, отчасти были жестоко перебиты, часть же обратилась в бегство.

Жизнь короля Карла была в такой опасности, что он упал на землю с носилок, разломанных большим ядром. Когда его посадили на коня, этот конь был убит, и его посадили на второго коня. Когда и этого убило, двое его драбантов посадили его на третьего. Оба драбанта во время его перенесения были ранены пулями и пали на землю. Король же, когда кровь текла у него из недавно раненной и сейчас вновь поврежденной ноги, со всех сторон окруженный неприятелем, чуть-чуть не попал в руки неприятеля вместе со многими стоявшими около него драбантами. И не будь помощи самого бога и некоторых из капитанов, стремительно врезавшихся в гущу неприятеля, его бы не вынесли из боя.

Герой, не знавший до тех пор отступления, считая, что перед лицом такой большой безвыходности нужно отступить, укрылся в обозе, впервые приучаясь к мысли, что безвыходность — немилосердная стрела — не допускает иногда иметь ум честолюбивого человека. Если бы он мог, как всегда до этого, сам исполнить роль главнокомандующего, шведские дела были бы, согласно утверждению его оставшихся в живых солдат и других разумных людей, лучше.

Когда царское величество прогнало шведов с поля боя, оно направило несколько полков против 2 тысяч шведов, находившихся в окрестностях Полтавы, которые, хотя каждый храбро защищался, все до одного погибли, брошенные своими и уничто-

* В подлиннике пропуск. По смыслу здесь должно быть слово schrot — картечь.

женные нападшими на них с валов горожанами и множеством других врагов, заполнивших холмы и долины. По одной длительной ружейной пальбе можно было догадаться, с какой отвагой они противостояли своему противнику... Царское величество, достигнув неожиданной победы, с помпой вошло в Полтаву¹⁵. Полтавцы же, освобожденные от осады, водрузили в знак преданности царю белый флаг на высокой башне и проявили другие бесчисленные знаки своей несказанной радости...

Несколько раз к нам приближались с поля битвы убегающие казаки или рассеянные там и сям шведы. Из-за большой пыли, затрудняющей видимость, наши не могли их узнать. Мы ожидали, остолбеневав, нападения неприятеля и окончательной гибели, но, когда узнали затем о приезде короля, снова воспрянули духом... Король Карл, отдыхая в течение часа в обозе, послал генерала Понятовского к бендерскому паше, чтобы вытребовать королю проход через Оттоманскую землю, что он и сделал, совершая дневные и ночные поездки.

Король Карл, вряд ли как-либо испуганный такой большой опасностью и несколько взбешенный, помог себе затем хитростью, послав к царскому величеству генерала Мейерфельда, чтобы тот похвалил бы от имени своего короля мужество царя, то, что он вынудил короля начать битву и занял поле сражения, и одновременно попросил бы милостивого разрешения похоронить погибших в бою, а также составить список пленных и убитых. В действительности же он поехал с той целью, чтобы привести в растерянность победителя и подольше задержать его, находящегося под впечатлением неожиданной победы, от преследования побежденных. Король Карл не обманулся в своих ожиданиях, ибо царь, сияя от радости и удовлетворенный достигнутой победой, встретил генерала Мейерфельда залпом из нескольких пушек и обратился к нему, допущенному перед его очи, так: «Что это происходит?! До этого, намереваясь вступить в Полтаву, вы не смогли этого сделать, сегодня же вы нехотя вступаете?!». «Происходит это, — отвечал генерал Мейерфельд, — из-за неизбежности судьбы и непостоянства счастья и прежде всего из-за воли всевидящего бога». После этого он угостил Мейерфельда богатым обедом и удовлетворил его просьбы. Но неожиданно он задержал его при себе на много дней и отпустил от себя при данном им обещании: или он сам возвратится в тюрьму, или же вместо себя пошлет другого генерала, делая вид, что и король Карл, которого он именовал своим братом, задержал у себя каких-то русских*, отправленных к нему с посольством. Мейерфельд вследствие лечения ваннами своей сломанной прошлой зимой ноги попросил у царского величества свободного прохода через владения его величества. Когда он его получил, то дошел с надлежащей свитой, предоставленной ему царским величеством, до турецких владений и пришел к самому королю, когда тот был уже на территории Бендер¹⁶.

Иначе если бы царское величество сумело развить свою победу, нет никакого сомнения, что это бы умножило беды обращенных в бегство шведов. Это было угодно богу, держащему в своей руке сердца государей. Когда завершились дела этих посольств, Карл тут же издал приказы увести все повозки по направлению к Днепру. С этими возами и мы бежали куда быстрее и, пройдя две мили, провели ночь в санжарских полях, которые голутвянский полковник сделал опасными из-за частых атак. Колонны убегающих замыкал король с горсткой своих кавалеристов, сбежавшихся к нему из лесов, в которых они скрывались. Но так как он хотел скрыть неблагоприятное отступление, то вышел из примыкающих к Полтаве полей, когда солнце клонилось к закату. К полку Мейерфельда в Новые Санжары он пришел глубокой ночью.

Это была Полтавская битва и тот самый день 8 июля — роковой для шведов и памятный всем поколениям. Когда я вспоминаю об этом дне, волосы на голове становятся у меня дыбом, и я ужасаюсь. Но, видимо, шведское королевское величество предвидело в начале года эту неудачу. Он предписал ко дню 9 июля для толкования текста Покаяния (пророка) Осии, VII, 16: «Падут от меча князья их за дерзость языка своего; это будет посмеянием над ними в земле Египетской». Действительно, это пал цвет шведского войска. Пленен был граф Пипер, первый министр и секретарь Штатов, пленен Олаф Гермелин, секретарь Штатов, самое доверенное лицо короля, человек набожный, выдвинутый на этот пост из ректоров Дерптской академии, питав-

* В подлиннике *suecos*, что означает шведов. Но это ошибка Крмана, на что указывают издатели его дневника.

ший расположение ко мне и к моему евангелическому роду и которого надо отнести к числу первых. Были взяты в плен секретарь Цедергельм, господин граф Рейншильд, фельдмаршал, пленены были генералы Гамильтон, Штакельберг, Шлиппенбах. Попали в плен многие офицеры высшего и низшего звания, много священников, и среди них самый красноречивый — Нодберг, придворный священник. Пленена была рота отборных солдат, и на месте были более многочисленные мужи различных званий. Около 10 тысяч частью было убито, частью взято в плен¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Генерал-адъютант Карла XII Г. Канифер с отрядом около 200 человек стоял в селении Смоляны, когда в начале августа 1708 г. русские разгромили его отряд, а Канифера и более 50 солдат и офицеров взяли в плен (см. «Труды» Русского военно-исторического общества (РВИО), 1909, т. 1, № 218).

² Бой произошел 9 (20) сентября 1708 г. на русской границе у дер. Раевка. Описание его Крманом не соответствует действительности. По шведским источникам, Карл XII имел в этом бою несколько полков («Karolinska Krigares dagbocker». Т. III. Lund. 1904, s. 52, 266). По русским данным, шведы потеряли убитыми 1500 человек («Труды» РВИО, 1909, т. 1, № 181).

³ Веприком, важным опорным пунктом русских войск, шведы неоднократно пытались овладеть. Решающий штурм города произошел 6 (17) января 1709 г., после которого селение пало. Крман преувеличивает численность гарнизона и жителей Веприка (см. В. Е. Шутый. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. 1700—1709. М. 1958, стр. 334—343).

⁴ Войнаровский, племянник Мазепы, не мог познакомиться Крмана с каким-то другим племянником гетмана, потому что такого не существовало. А. В. Обидовская (урожденная Кочубей) была не сестрой Мазепы, а вдовой его племянника И. П. Обидовского, бывшего нежинского полковника, умершего в начале 1701 года.

⁵ Здесь допущена неточность. Полк Альбедила стоял гарнизоном в Рашевке. 15 (26) февраля 1709 г. он был разбит русскими, захвачившими в плен 162 шведа, а среди них и самого полковника Г. О. Альбедила.

⁶ Оснабрюкский договор между Швецией и австрийским императором Иосифом I, заключенный в 1707 г. в защиту евангеличества и евангелистов.

⁷ Петр I прибыл в армию под Полтавой из Воронежа 4 (15) июня 1709 г.; тогда же началось сосредоточение главных сил русских под Полтавой («Труды» РВИО, 1909, т. 3, стр. 268).

⁸ По приказу Петра I Старые Санжары, находившиеся на южных подступах к Полтаве, штурмовал генерал Генский с 7 полками. В бою шведы потеряли 800 человек убитыми, русские захватили большие трофеи и освободили 1200 военнопленных (И. Голиков. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. XV. М. 1795, стр. 299).

⁹ 26 мая отряд русских войск в 1200 человек под командованием бригадира А. А. Головина прошел через болото мимо шведских часовых «и счастливо вошел в Полтавскую крепость». Через день, увлекшись погоней за шведами, Головин попал в плен, откуда освободился после Полтавской битвы («Архив князя Ф. А. Куракина». Кн. I. СПб. 1890, стр. 319—320).

¹⁰ О характере русской информации для Турции накануне Полтавской битвы см. «Полтава». Сборник статей. М. 1959, стр. 146—147.

¹¹ Накануне битвы под Полтавой Карл XII вознамерился улучшить стратегическое положение своей армии и для этого штурмом овладеть городом. Он полагаал, что его защитники, обесиленные трехмесячной осадой, не выдержат удара. Однако шведам угрожало то, что русские войска, сосредоточенные на правом берегу Ворсклы, попытаются во время штурма оказать помощь полтавскому гарнизону. Тогда король решил помешать этому и 2 июля (21 июня) построил свою армию в боевой порядок к северу от Полтавы («Полтава», стр. 51; В. Е. Шутый. Указ. соч., стр. 411—412).

¹² Общая численность русских войск под Полтавой достигала 42 тыс., шведских — до 30 тысяч. Построенных к бою русских войск было 32 тыс. против 25 тыс. шведских. Но Петр I подчеркивал, что в Полтавской битве участвовала лишь первая русская линия — 10 тыс. человек, «а другая до того бою не дошла» («Письма и бумаги имп. Петра Великого». Т. IX, вып. I. М. 1950, № 3297).

¹³ Русская кавалерия, выполнив задачу по защите редутов, по приказу Петра I отошла на правый фланг укрепленного лагеря. Приняв это за отступление, шведская пехота стала продвигаться вслед. Подойдя вплотную к укрепленному лагерю, она попала под сильный картечный огонь и понесла большие потери.

¹⁴ Калмыки в Полтавской битве не участвовали.

¹⁵ Утверждение Крмана, что победа под Полтавой была неожиданной для самих русских, необоснованно. Петр I уверенно шел на «генеральную баталью». Пол-

тавская победа была подготовлена всем предыдущим ходом Северной войны, обеспечена превосходством русских сил и вооружения, удачным выбором времени и места сражения. Петр I вступил в Полтаву 28 июня 1709 г. и был торжественно встречен населением города и гарнизоном крепости. Все участники обороны города получили награды.

¹⁶ Находясь в пути к Переволочной, Карл XII направил Я. Мейерфельда к Петру I с устными предложениями о мире между Россией и Швецией на условиях, предложенных русским правительством накануне Полтавы. Они заключались в том, чтобы окончательно признать за Россией Ижорскую землю с Петербургом. Царь заявил генералу, что теперь, когда пролилась кровь и над врагом одержана решающая победа, эти условия уже неприемлемы, и соглашался заключить мир, если Швеция уступит России часть Карелии с Выборгом. Мейерфельд на некоторое время был задержан в русском лагере, поскольку явился без «письменного вида». Затем генерал и королевский тайный секретарь Цедергельм были отпущены в Швецию, «дабы они обще с стокгольским сенатом старались о склонении короля к миру» (И. Голиков. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. XVI. М. 1795, стр. 69—73; E. Tenberg. Meyerfelts mission efter Poltava. Några anteskningar. «Historisk tidskrift», 1952, hf. 3, s. 270—276).

¹⁷ Потери шведов в Полтавской битве составили более 9 тыс. убитыми и почти 3 тыс. пленными. Под Переволочной сдались в плен еще около 18 тыс. шведов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

СОВЕТСКО-ЛИТОВСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ 1920—1940 ГОДОВ

С. Ю. Норейкене

Литовское буржуазное государство образовалось после жестокого подавления борьбы народных масс за победу в Литве пролетарской революции в 1918—1919 годах. Только помощь империалистического мира помогла литовской буржуазии удерживать тогда власть в своих руках. Всем буржуазным правительствам на всем протяжении существования Литовского буржуазного государства была присуща антикоммунистическая направленность, и все они подавляли революционное движение внутри страны. Но они вынуждены были считаться и с объективной реальностью: Советское государство вело политику защиты малых стран от империалистов и, в частности, неизменно отстаивало на международной арене интересы Литвы. Поэтому при любой комбинации представителей буржуазных партий в правительствах Литвы последние стремились к нормальным дипломатическим отношениям с СССР, несмотря на свою враждебность к социализму. Это сказывалось, на разных этапах в разной степени, и на культурных связях двух стран.

В июле 1920 г. между Советской Россией и Литвой был заключен мирный договор. Он имел огромное политическое значение для Литвы. Советская Россия явилась первым великим государством, признавшим существование Литовской республики. В мирном договоре было подчеркнуто, что Вильнюс как древняя литовская столица и весь Вильнюсский край, в апреле 1919 г. захваченный Польшей, должны принадлежать Литве. Этот пункт не был декларативным. Именно в июле 1920 г. Красная Армия изгнала польские войска из Вильнюсского края. В августе 1920 г., согласно договору, Советская Россия передала Вильнюс Литовскому государству. Правда, в октябре 1920 г. Польша вновь захватила Вильнюсский край и владела им 19 лет. В те годы только Советская страна признавала право Литвы на Вильнюс. Правительства же стран Антанты поддерживали интересы своего союзника Польши. Позиция СССР по вильнюсскому вопросу и была одной из причин стремления правителей Литвы к поддержке добрососедских отношений с Советским Союзом.

Мирный договор 1920 г. предусматривал развитие советско-литовских экономических и культурных связей. По одному из пунктов договора Советская Россия обязалась вернуть Литве эвакуированные во время первой мировой войны культурные ценности, и литовская делегация, возвращаясь из Москвы, привезла картины М. К. Чюрлёниса и собрание картин Литовского художественного общества¹. А в Москве картины находились под опекой поэта Ю. Балтрушайтиса. Позже были возвращены средневековые архивы местных судов, городских магистратов, архивы литовских губерний и уездов XIX — начала XX века². Но в начале 20-х годов ни экономические, ни культурные связи не получили более широкого развития. До 1926 г. в литовском правительстве тон задавала реакционная партия христианских демократов, которая в 1924 г. установила свою диктатуру. Печать буржуазных партий была полна злобных антисоветских нападок и клеветы. Только что подавивший собственный революционный народ литовские буржуазные деятели стремились внушить ему неверие в созидательные силы социалистической революции. Советская культурная жизнь искусственно представлялась в превратном виде, сообщалось о «развале» в СССР просвещения, науки, искусства и т. п.

¹ «Lietuva», 25.VII.1920.

² «Centrinis valstybės archyvas». Kaunas. 1931, p. 2.

В 1925 г. образовавшаяся в СССР Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) развило активную деятельность, стремясь расширить культурный обмен со странами капиталистического мира. Крупным мероприятием ВОКС было приглашение иностранных гостей на празднование 200-летнего юбилея Академии наук СССР в сентябре 1925 года. Среди 124 ученых из 24 капиталистических стран на празднествах в Ленинграде и Москве присутствовали и 3 профессора Литовского университета. Руководитель делегации проф. Ю. Багдонас на страницах официоза «Lietuva» откровенно рассказал о благоприятном впечатлении от поездки. Он писал о торжествах, цитировал речи М. И. Калинина, А. В. Луначарского и ведущих ученых, в которых отражалось отношение Коммунистической партии к науке и было показано развитие науки в Советской стране. Ю. Багдонас выразил свое мнение, что в царской России никогда не было такой заботы о науке, как в СССР³. Он рассказал также о прекрасном приеме гостей, о посещении ими театров и музеев. Эти объективные впечатления раскрыли совершенно иную картину культурной жизни СССР по сравнению с тем, что писалось в литовской буржуазной печати. Они вызвали злобные отклики реакционных деятелей, сопровождавшиеся обычным потоком клеветы. Намерения посетивших СССР профессоров рассказать о своей поездке сначала в университете, а затем в более широкой аудитории были пресечены властями⁴.

Осенью 1925 г. представители промышленных и торговых кругов Литвы, при участии официальных лиц, посетили СССР с целью установить возможность заключения выгодных для литовской экономики соглашений о торговле и транзите. Переговоры прошли успешно. Вернувшись в Литву, член экономической делегации И. Степонавичюс в своем интервью хорошо отозвался о поездке. Он говорил о дружеской атмосфере переговоров, об успешном восстановлении экономики СССР, о чистоте и порядке на московских улицах, о том, что Советская власть высоко ценит искусство⁵. Но уже на следующий день та же газета христианских демократов «Rytas» («Утро») как бы спохватилась и от имени руководителя делегации рассказывала о той же поездке в гораздо более сдержанных тонах. Правящая христианско-демократическая партия затегивала заключение очень нужного для Литвы экономического договора с СССР. Однако когда в декабре 1925 г. народный комиссар по иностранным делам СССР Г. В. Чичерин проездом посетил Каунас, это повлияло на буржуазную печать, и она стала более объективно комментировать внешнюю политику СССР.

На выборах в сейм в мае 1926 г. партия христианских демократов уже не получила большинства. В июне было создано правительство ляудининков⁶ и социал-демократов, проводившее более демократическую политику. В сентябре 1926 г. в Москве был подписан договор о ненападении между Литвой и СССР. И на этот раз Советский Союз вновь подчеркнул права Литвы на Вильнюсский край, что явилось значительной политической и моральной поддержкой интересов Литвы. В дальнейшем предполагалось продолжить экономические переговоры и заключить торговый договор. Литовский премьер, лидер ляудининков М. Слежявичюс после подписания договора заявил, что «развитие экономических и политических отношений между Литвой и СССР создает возможность к более тесному культурному сближению обеих стран»⁷. Сопровождавшие делегацию журналисты опубликовали в литовской печати ряд статей об экономике и культуре СССР; особое внимание уделялось достижениям высшей школы и искусства.

В 1926 г. в Литве сложилось более благоприятное для развития культурных связей с Советским Союзом внутреннее положение. Уполномоченный ВОКС в Литве, работавший в посольстве СССР с августа 1925 г., успешно вел переговоры с видными представителями литовской интеллигенции, в основном с профессорами университета. Одновременно мысль о создании общества культурного сближения с СССР возникла в руководстве Компартии Литвы. Действовавшая в глубоком подполье и подвергавшаяся

³ «Lietuva», 25.IX.1925.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 2, д. 6, л. 53.

⁵ «Rytas», 3.XII.1925.

⁶ Союз крестьян-ляудининков — либеральная партия средней и мелкой буржуазии; одним из основных моментов спора ее с христианскими демократами было требование отделения церкви от государства и школы от церкви.

⁷ «Lietuvos žinios», 17.IX.1926.

жестоким преследованиям, раньше она не могла участвовать в деятельности культурной организации подобного рода. Но на совещании ЦК КПЛ и представителей ее районных организаций в июле 1926 г., в надежде на более благоприятную политическую обстановку, наряду с планами легализации компартии высказывались мысли о создании из представителей прогрессивной интеллигенции общества, которое заботилось бы о развитии культурных связей с великой страной строящегося социализма. В дальнейшем в работу общества должны были вовлекаться и рабочие⁸.

Только развитие политических событий в Литве не дало тогда возможности революционной интеллигенции участвовать в создании подобного общества: фашистский переворот 17 декабря 1926 г. почти на 14 лет вверг Литву в мрачную тьму реакционного режима. Правящая националистическая партия таутининков имела некоторые противоречия с партией христианских демократов, вместе с которой она совершила фашистский переворот. В апреле 1927 г., распустив сейм, таутининки установили свою диктатуру, и христианские демократы лишились власти. Однако обе эти реакционнейшие партии дружно нападали на любое прогрессивное движение, боролись с атеистической мыслью, особенно люто ненавидели идеи марксизма-ленинизма. Тем не менее даже на действия фашистского правительства таутининков оказывало влияние трудное положение Литвы в империалистическом мире, и правительство стремилось сохранить нормальные дипломатические отношения с СССР. После некоторой проволочки в сентябре 1928 г. был заключен торговый договор между Литвой и СССР. В то же время наметились отдельные факты советско-литовских культурных контактов.

В 1928 г. мировая общественность отметила 100-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. В юбилейных торжествах в СССР в сентябре 1928 г. по приглашению ВОКС принимал участие декан факультета гуманитарных наук Литовского университета, профессор славистики В. Креве-Мицкявичюс⁹. По возвращении в Литву он в своем интервью дал высокую оценку развитию науки и искусства в СССР, особенно отметил бережное отношение к культурному наследию¹⁰. Прогрессивное студенчество Литовского университета организовало вечер, посвященный Л. Н. Толстому. Среди докладчиков был и В. Креве-Мицкявичюс. Он прекрасно отозвался о советской молодежи и сказал, что это «молодежь сердечная, открытая, вдохновленная высокими идеалами». С завистью говорил профессор об условиях жизни студентов и всех учащихся в СССР — о стипендиях, общежитиях, библиотеках. «Жизнь молодежи и состояния школы в СССР произвели хорошее впечатление. В этом отношении мы стоим гораздо ниже СССР»¹¹. С лекцией о СССР В. Креве-Мицкявичюс выступил также в Дотнувской сельскохозяйственной академии.

В том же году Москву посетил режиссер Государственного театра в Каунасе Б. Даугуветис¹², воспитанник Петербургской театральной школы, с 1909 по 1921 г. работавший в театрах России. По приглашению ВОКС он участвовал в 30-летнем юбилее Московского Художественного театра. Даугуветис имел возможность ознакомиться с театральной жизнью советской столицы. А вернувшись в Каунас, подробно рассказал об увиденном в своей брошюре «Театральная Москва». Он знакомил читателей со спектаклями МХАТа, театров имени Евг. Вахтангова, Мейерхольда, Камерного, Революции и др., восхищался их реалистическими постановками и современным звучанием спектаклей, радовался тому, какое огромное место занял театр в жизни советских людей, считая, что по своему влиянию «театр перерос университет». Даугуветис писал: он увидел своими глазами «то, о чем мечтал, что предчувствовал»¹³. Поездка в Москву помогла формированию более демократических взглядов у Б. Даугуветиса и оказала положительное влияние на его режиссерский почерк. Рассказы о советском театре, попытки передать методы работы мастеров МХАТа способствовали сплочению театральной молодежи, искавшей более современных средств сценического искусства¹⁴.

⁸ «ЛКР istorijos klausimai». Т. 7. Vilnius. 1968, p. 197.

⁹ Винкас Креве-Мицкявичюс — один из крупнейших литовских писателей.

¹⁰ «Lietuvos aidas», 22.IX.1928.

¹¹ «Kultūra», 1928, № 11, p. 484.

¹² Борисас Даугуветис — режиссер, актер, драматург, народный артист СССР.

¹³ B. Dauguvietis. Teatrališki Maskva. Kaunas. 1928, p. 22.

¹⁴ I. Alėksaitė. Borisas Dauguvietis. Vilnius. 1966, pp. 129—130.

В 20-е годы зрители Каунаса имели возможность встретиться с некоторыми представителями советского искусства: в августе 1925 г. там гастролировал московский Камерный театр, в июне — июле 1928 г. — Ленинградский государственный академический театр драмы, в 1927 г. в Каунасе выступал Л. Собинов, в 1929 г. — солисты советского балета В. Кригер и А. Мессерер. В 1929—1930 гг. В. Барсова и А. Алексеев принимали участие в оперных гастролях Гостеатра. В 1929 г. квартет имени Глазунова дал несколько концертов в Каунасе и Клайпеде. Гастроли советских артистов проходили с огромным успехом, встречали горячий прием у публики и восторженные отзывы рецензентов.

К концу 20-х годов наметились некоторые сдвиги в советско-литовских культурных отношениях. Люди, интересующиеся страной социализма, могли найти даже в буржуазной печати некоторые сведения о культурной жизни СССР, хотя по-прежнему преобладала отрицательная, необъективная информация. Постепенно назревала возможность создания общества по развитию советско-литовских связей. Литовская интеллигенция концентрировалась тогда на двух полюсах. Прогрессивная часть работала в организациях Компартии Литвы или сотрудничала с ней. Небольшая группа интеллигентов находилась под влиянием эсеровских идей. Революционная интеллигенция подвергалась преследованиям, особенно после фашистского переворота; во многих случаях она работала в подполье, сидела в тюрьмах или была вынуждена эмигрировать. Жившие легально революционные интеллигенты с трудом находили работу и не могли занять видного положения в буржуазном обществе. Буржуазная же интеллигенция различных политических направлений стояла на позициях национализма. Демократические силы литовской интеллигенции, ярко проявившие себя позднее, на рубеже 30-х годов, тогда еще только созревали. Поэтому в основном речь о создании общества культурных связей с Советским Союзом шла в рядах либеральной интеллигенции — ученых, писателей, общественных деятелей. Наконец в декабре 1929 г. было создано Литовское общество по изучению культуры народов СССР¹⁵.

На рубеже 30-х годов наметились сдвиги в общественной жизни Литвы. Мировой экономический кризис в капиталистическом мире и энтузиазм первой пятилетки в СССР задали новую загадку тем, кто не без предубеждения следил ранее за развитием страны социализма. В Литве оживилось рабочее движение, и это тоже оказало благоприятное воздействие на определенные слои интеллигенции. К тому времени в Литве выросло новое поколение творческой интеллигенции, критически относившееся ко многим явлениям политической и культурной жизни буржуазного государства. Молодежь со своими, порою еще не устоявшимися политическими взглядами и декларациями, провозглашая поиски новых форм в культуре и борьбу с застоем буржуазного искусства, особенно бурно проявила себя в начале 30-х годов. Это новое поколение вместе со всей прогрессивной общественностью боролось против фашизма и проводимой им политики подчинения Литвы интересам империалистических стран. Оно с исключительным интересом следило за развитием Советской страны и стремилось к более тесному культурному сотрудничеству с СССР.

Литературная молодежь сказала свое слово изданием прогрессивного журнала «Trečias frontas» («Третий фронт») в 1930—1931 годах. Активнейшими «третьефронтовцами» были А. Венцлова¹⁶, К. Корсакас¹⁷, П. Цвирка¹⁸, позднее в эту группу вошла и С. Нерис¹⁹. Начав с абстрактных бунтарских позиций, они вскоре решительно повернули влево, провозгласив тезис о классовом характере искусства. Многие «третьефронтовцы» участвовали в деятельности легального рабочего клуба «Viltis» («Надежда»). На молодых писателей решающее влияние оказала советская литература, особенно М. Горький и В. Маяковский. На страницах журнала «Trečias frontas» впервые в легальной печати прозвучали отрывки из поэм Маяковского «Во весь голос», «Хорошо!», стихотворение «Сергею Есенину» в переводах А. Венцловы²⁰.

¹⁵ Подробнее см. С. Ю. Норейкене. Литовское общество по изучению культуры народов СССР (1929—1940 гг.). «Вопросы истории», 1974, № 8.

¹⁶ Антанас Венцлова — народный писатель Литовской ССР.

¹⁷ Костас Корсакас — литературовед, академик АН Литовской ССР.

¹⁸ Пятрас Цвирка — один из крупнейших литовских писателей.

¹⁹ Саломея Нерис — народная поэтесса Литовской ССР.

²⁰ P. Užkalnis. Majakovskis ir lietuvių literatūra. Vilnius. 1955, p. 105.

«Третьефронтовцы» знали многие произведения советских писателей и литературоведов, следили за развитием литературных направлений. «Trečias frontas» помещал обзоры литературной жизни в СССР. Изучение марксистской литературы способствовало формированию политических и эстетических взглядов «третьефронтовцев»²¹. Цвирка самостоятельно изучил русский язык, чтобы в подлиннике читать советскую литературу²².

«Третьефронтовцы» мечтали повидать Советский Союз. Первая попытка была сделана ими в июне 1930 г. в связи с проходившей в Ленинграде педагогической выставкой. Но полиция отказалась выдать левым писателям заграничные паспорта, и экскурсия «третьефронтовцев» не состоялась²³. Тогда молодые писатели решили примкнуть к экскурсии студентов театрального семинара. Руководил семинаром преподававший в Литовском университете славянскую литературу Б. Сруога²⁴, по собственному почину читавший также спецкурс по истории театра. Особое внимание он уделял русскому театру и следил за литературой о советском театре. Являясь одним из инициаторов создания Литовского общества по изучению культуры народов СССР и кандидатом в члены Правления общества, Б. Сруога поддерживал связь с уполномоченным ВОКС, получал через него книги и журналы. Естественно, что студенты руководимого им семинара стремились познакомиться с театральной жизнью СССР. В список участников намечавшейся в марте 1931 г. экскурсии наряду с членами семинара Ю. Грибаускасом²⁵, А. Якшявичюсом²⁶, Р. Юкнявичюсом²⁷ были включены «третьефронтовцы» А. Венцлова, П. Цвирка, С. Нерис и другие. Всего в списке было 18 человек. В Москве готовились к встрече экскурсии. То была первая группа литовских работников культуры, собиравшаяся приехать в СССР. Была составлена программа, заказаны номера в гостинице. Но представители фашистских властей не дали разрешения и на эту экскурсию²⁸.

С. Нерис, окончившая университет и работавшая учительницей в далеком местечке Лаздияй, в письме А. Венцлове 21 марта 1931 г. сообщала: «Не удивляйтесь, что так жалобно пою, каждый на моем месте делал бы то же. Еще одно обстоятельство сбило настроение — задержка экскурсии в Москву. Я так хотела поехать и была включена. Радовалась, что смогу сама увидеть этот удивительный край с его новой культурой. Хотела узнать, посмотреть на все своими глазами, так как не могу поверить той клевете и истошным крикам, которые звучат в нашей печати, очень однобоким, необоснованным и наивным. Такой случай, возможно, скоро не представится»²⁹. Но близкому к «третьефронтовцам» участнику театрального семинара Ю. Грибаускасу, использовавшему свою службу на железной дороге, удалось частным образом приехать в Москву. Он пробыл в Москве в качестве гостя ВОКС в декабре 1931 г. более двух недель. С какой жадностью этот представитель молодой литовской прогрессивной интеллигенции, прорвавшийся в СССР, впитывал свежие впечатления, гласит его отчет об увиденном. Ю. Грибаускас посетил 14 спектаклей, музеи Москвы, имел встречи с председателем Международного объединения революционных писателей Б. Ясенским, с литовскими пролетарскими писателями-эмигрантами и другими товарищами³⁰. Будучи руководителем рабочего клуба «Viltis» и мечтая о создании театра рабочих в Литве, он особенно заинтересовался постановками самостоятельных рабочих театров и «Синей блузой», а с работниками Международного рабочего театрального объединения (МРТО) договорился о сотрудничестве и посылке ему материалов о рабочем театре.

²¹ V. Galinis. Naujos kryptys lietuvių literatūroje. Nuo simbolistų iki trečiafrontininkų. Vilnius. 1974, pp. 427—431.

²² Atsiminimai apie Petrą Cvirką. Vilnius. 1969, p. 567.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 645, л. 18.

²⁴ Балис Сруога — один из крупнейших литовских писателей, литературный и театральный критик.

²⁵ Юозас Грибаускас — режиссер, народный артист Литовской ССР.

²⁶ Альгирдас Якшявичюс — актер и режиссер.

²⁷ Ромуальдас Юкнявичюс — актер и режиссер, заслуженный деятель искусств Литовской ССР.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 2, д. 185, л. 72.

²⁹ S. Nėris. Raštai. T. III. Vilnius. 1958, p. 446.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 647, лл. 8, 16.

В Литву Ю. Грибаускас вернулся в конце декабря 1931 г., в самый разгар фашистской реакции. В ноябре был конфискован № 6—7 «*Trečias frontas*» и газета закрыта; в декабре запрещена деятельность рабочего клуба «*Viltis*». Шли допросы, начались аресты. В письме сотрудникам ВОКС в Москву 5 января 1932 г. Ю. Грибаускас передавал настроения своих друзей-«третьефронтовцев» и прогрессивных театралов, их интерес к стране социализма: «Сейчас, откровенно говоря, отдыхаю. Приехав «на родину», думал сразу заснуть «богатырским сном», не просыпаться несколько суток и дать своему телу окрепнуть. Но куда там! С поезда слез в 6 часов утра, в 8 часов моя комната была уже полна товарищей, которые ждали от меня слова, мало того, требовали... Пришлось рассказывать решительно все. Конечно, это в один день сделать мне не удалось. Проведенная против меня «кампания» продолжалась несколько дней. Все это время я чувствовал себя как будто сидящим в кино, в котором на экране мелькали картины виденной мною жизни строящейся страны». Затем Ю. Грибаускас рассказал о мелкобуржуазной интеллигенции, которая тоже проявила интерес к Советской стране. Эти слои интеллигенции «начинают «вертеть мозгами», находясь уже в стадии «колебания». Вот здесь-то я их и подтолкнул. В общем, я был «атакуем», меня «рвали на куски» и смотрели как на человека, упавшего, ну, скажем, с Марса. Мне пришлось говорить, говорить, говорить...»³¹.

В 1932—1933 гг. Ю. Грибаускас вместе с художником С. Жукасом³², Р. Юкнявичюсом и другими энтузиастами развернули активную деятельность по созданию рабочего театра. Материальные лишения и преследования фашистских властей не подавили их решимости идти вместе с рабочими. В письме от 19 апреля 1932 г. членам ВОКС в Москву Ю. Грибаускас сообщал: «Финансовый кризис жмет нас больше, чем других; сейчас нашу группу составляют сплошь да рядом безработные, считая и меня, которого со службы уже успели прогнать»³³. Несмотря на нехватку помещений (многие репетиции проводились в лесу или на берегу Нямунаса) и трудности с официальной регистрацией, в группе рабочей самодеятельности, руководимой прогрессивной интеллигенцией, было 80 человек. Ю. Грибаускас окольными путями, через Германию, вел переписку с работниками МРТО и ВОКС, получал от них журналы «Советский театр», «Советское искусство», «Клубная сцена» и другую литературу для самодеятельного театра. Первое публичное выступление рабочего театра Каунаса в феврале 1933 г., затронувшее актуальные политические темы, тотчас повлекло за собой репрессии и его закрытие³⁴.

В начале 30-х годов среди театральной молодежи оформилась прогрессивная группа. Значительную роль играл в ней А. Олека-Жилинскас, который в 1924—1929 гг. был актером в МХАТ-II, затем по приглашению руководства Гостеатра вернулся в Литву и в 1929—1935 гг. был в Каунасе режиссером драматической труппы. В театре и в руководимой им драматической студии Олека-Жилинскас передавал свой опыт работы в советском театре, пропагандировал принципы современного искусства³⁵. В 1930 г. Олека-Жилинскас как директор Гостеатра попытался пригласить балетмейстера из Москвы, чтобы обновить балетную труппу и поднять искусство ее мастеров, но сделать это ему не удалось. В беседе с работниками советского посольства в Каунасе он говорил, что сознательно хочет избежать выступлений русских эмигрантских артистов и музыкантов: «С ними легко договориться. Они под боком, в Берлине и Париже, но он желал бы развить связь именно с нами»³⁶. По инициативе Олека-Жилинскаса в 1931 г. намечались гастроли МХАТ-II в Латвии и Литве. В письме от 28 февраля 1931 г. уполномоченный ВОКС в Литве вновь сообщал в Москву: «Олека-Жилинскас очень надеется, что в результате гастролей МХАТ-II, театральной экскурсии проф. Сруоги, упомянутой выставки (во время гастролей, о театральной жизни в СССР) в местном обществе утвердится мнение о необходимости в художественном от-

³¹ Там же, л. 5.

³² Стыпас Жукас — революционный художник-карикатурист.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 647, л. 3.

³⁴ «*Darvininkų teatro idėja Lietuvoje*». Dokumentų publikacija. «*Kultūros barai*», 1974, № 9, pp. 60—63.

³⁵ M. Petuchauskas. *Teatrinių kultūrų sąlyčiai*. «*Pergalė*», 1972, № 12, pp. 146—147.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 646, л. 14.

ношении ориентироваться на Москву и что его линия в этом отношении не будет встречать препятствий»³⁷.

Хотя гастроль МХАТ-II и экскурсия не состоялись (фашистские власти и буржуазное общество воспротивились попыткам Олека-Жилинскаса «в художественном отношении ориентироваться на Москву»), тем не менее посейнные семена дали свои плоды. Так, в 1933—1934 гг. в Каунасе существовал «Jaunųjų teatras» («Театр молодых»), который создали группа молодежи, покинувшая Гостеатр, и члены драматической студии. Молодые восстали против подчинения сценического искусства вкусам буржуазии, боролись за гражданское звучание театральных постановок, за демократические, антимещанские и даже антибуржуазные тенденции в искусстве, за театр, доступный широким народным массам³⁸. Руководил этим театром Олека-Жилинскас. Среди артистов были Ю. Грибаускас, К. Кимантайте³⁹, М. Хадаравичюс⁴⁰, О. Юодите⁴¹. Театр не смог долго продержаться в условиях фашистского режима и распался, но многие его участники в дальнейшем стали видными мастерами театров Советской Литвы.

В музыкальных кругах Литвы советское искусство всегда вызывало большой интерес и восхищение. С успехом прошли в мае 1932 г. в Каунасе гастроль молодого советского пианиста, лауреата шопеновского конкурса в Варшаве А. Иохелеса. На одном из концертов вместе с ним выступал литовский пианист Б. Дварионас⁴². Завязавшие знакомство и творческая дружба помогли Б. Дварионасу осуществить давнее его желание посетить с концертами Советский Союз. В письме от 10 августа 1932 г. уполномоченный ВОКС в Литве, сообщая о планируемых гастролях Б. Дварионаса, писал: «Цель его поездки в Москву — проверить себя, установить контакт с советским музыкальным миром, познакомиться с художественной жизнью Москвы и Ленинграда»⁴³. Б. Дварионас пригласил с собой своего друга журналиста Ю. Палецкиса⁴⁴, также искавшего возможность попасть в Советский Союз. В январе 1933 г. Дварионас посетил Москву и Ленинград, дал 4 публичных концерта, выступал на приемах ВОКС и в литовском посольстве. На концертах звучала классическая музыка, а также фортепианные произведения литовских композиторов М. К. Чюрлёниса и Ю. Груодиса. Дварионас познакомился с Л. Обориним, В. Софроницким, Д. Шостаковичем и многими другими выдающимися представителями советского искусства. Он вместе с Ю. Палецкисом посещал театры и музеи, симфонические концерты и вечера камерной музыки.

Вернувшись в Каунас, Дварионас дал в своем интервью высокую оценку музыкальной жизни в СССР, восторженно рассказав обо всем увиденном. В письме от 6 февраля 1933 г. секретарю музыкальной секции ВОКС, организовавшему его концерты, Дварионас писал о своих впечатлениях от поездки: «Москва сегодня, как никогда раньше, думаю, колоссальный монумент культуры, и это в полном смысле слова... Люди культуры находят в Москве свою духовную родину... Это сегодня. А легко представить себе, как и до какой степени эта культура вырастет; ведь 15 лет новой жизни — это сравнительно ничто против столетий, которые еще предстоят». Из виденного им Дварионас выделил как особенно ему запомнившиеся три явления: «драматический и оперный театры имени Станиславского», о которых он сказал, что раньше об этом «знал только в мечтах и, оказывается, нашел свои мечты в Москве»; музыку Д. Шостаковича; «сказочный культ балета». Вернувшись в Каунас, он «чувствовал себя прескверно... Кругом тишина (конечно, не природная, которую я обожаю, а противная обывательская), все спит в каком-то бездействии. Кстати, завтра заседание в филармонии; ну, и придется «бомбу» бросить и расшевелить народ. Даже вроде ма-

³⁷ АВП СССР, ф. 151, оп. 14, п. 18, д. 9, л. 2.

³⁸ «Pergalė», 1972, № 12, p. 147.

³⁹ Казимера Кимантайте — актриса и режиссер, народная артистка Литовской ССР.

⁴⁰ Мечис Хадаравичюс — актер, заслуженный артист Литовской ССР.

⁴¹ Она Юодите — актриса, заслуженная артистка Литовской ССР.

⁴² Балис Дварионас — композитор, дирижер, пианист, народный артист СССР.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 668, л. 16.

⁴⁴ Юстас Палецкис — писатель, общественный деятель. В 1940—1967 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР, в 1966—1970 гг. — Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

ленького доклада прочту им. Пусть знают, черти, как (и качественно, и количественно) работают в Москве и вообще в Союзе... Рад сам исключительно, что благодаря поездке внес некую свежую струю в нашу серую простую повседневность»⁴⁵. Б. Дварионас и в дальнейшем постоянно поддерживал связь с ВОКС, получал музыкальную литературу, ноты. Став дирижером симфонического оркестра радио, он пропагандировал музыку советских композиторов, исполняя произведения С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Н. Мяскового. Его мечта о новой гастрольной поездке по городам СССР не было суждено осуществиться вплоть до 1940 года.

Корреспонденции Ю. Палецкиса о Советской стране стали появляться в литовской печати еще во время пребывания его в СССР. Десятки статей с подробным описанием различных сфер жизни Советского Союза, особенно культурного строительства, и публицистические бытовые зарисовки были напечатаны в журналах и газетах. Ю. Палецкис прочитал затем несколько лекций о своей поездке в Союзе журналистов, клубе художников, студенческой аудитории⁴⁶. В письме от 23 марта 1933 г. секретарю музыкальной секции ВОКС в Москву Ю. Палецкис обрисовал отношение к Советской стране различных слоев литовской интеллигенции: «Правда, я не ожидал, что наша поездка вызовет так много интереса, что-то вроде экспедиции на какой-нибудь полюс. В одиночку и группами нас ловили, просили и заставляли рассказывать о советских впечатлениях. Сомневались, не верили, спорили, ругали, восторгались, но все же интересовались каждой мелочью, каждой черточкой советского быта. Правда же, это кажется странным, но это так! Такая близкая, соседняя страна, а о ней так мало знают или ее представляют извращенно. Поэтому наши впечатления, наши по возможности беспристрастные и объективные наблюдения оказались для многих открытием». Далее Ю. Палецкис передавал настроения реакционных кругов: «Многие, бывавшие в России в 1918—1920 годах, продолжают смотреть глазами того времени, и если я говорю о переменах или позитивных явлениях, то заслуживаю у них упрек в наивности, «пускании дыма», которым, мол, каждого начинают в Москве, кто не способен относиться критически. А может быть, и впрямь вы, москвичи, — только великие актеры и все эти заводы, клубы, Метрострой, культура — просто бутафория, а ваши темпы и бурлящая жизнь — только ловкая игра ради иностранцев? На самом деле у вас — лишь голод и пропаганда, как говорится в одной направленной против моих выступлений статье клерикальной газеты? Ну-ка, признавайтесь!»⁴⁷. В 1933 г. вышла книга очерков Ю. Палецкиса «СССР собственными глазами», в которой было рассказано о многих сторонах жизни Советской страны. Как и полагал автор, легальное издание этой книги, с положительной стороны показывавшей страну социализма, стало возможным ввиду роста агрессивной политики гитлеровской Германии, претендовавшей на Клайпедский край. В этих условиях литовское правительство вынуждено было искать дипломатической поддержки у СССР⁴⁸.

В апреле — мае 1934 г. по приглашению советского объединения «Жургаз» СССР посетила большая группа редакторов литовских газет, в основном реакционного или либерального направления. Среди немногих представителей прогрессивной интеллигенции в группе был Ю. Палецкис. Литовские журналисты увидели Москву, Ленинград, республики Закавказья, Украину. После этой поездки появились путевые очерки во многих литовских газетах и журналах. Даже буржуазные журналисты воздержались от грубых выпадов против СССР, и самые реакционные из них, хотя и в сдержанной форме, вынуждены были отметить высокие темпы роста социалистической экономики, хорошее качество изделий тяжелой промышленности, отсутствие безработицы, энтузиазм советских рабочих, успехи советского просвещения, высшей школы и искусства. А Ю. Палецкис дал затем новую серию очерков о СССР.

В 1930—1934 гг. расширились возможности советско-литовских культурных контактов, и в буржуазной печати чаще появлялась объективная информация о СССР, особенно о советской культурной жизни. Но эти положительные впечатления тоннули в море реакционной пропаганды, которой была наполнена буржуазная печать. Правда, в 1934 г., из-за готовившегося гитлеровцами путча с целью присоеди-

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 668, лл. 40—41.

⁴⁶ Там же, д. 648, л. 35.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Ю. Палецкис. В двух мирах. М. 1974, стр. 216.

нить к Германии Клайпедский край и некоторых тогдашних мер литовского правительства для пресечения действий национал-социалистов в Клайпедде, резко ухудшились литовско-германские отношения, а кокетничанье гитлеровской Германии с санационной Польшей усилило опасность для Литвы со стороны агрессоров. Каунасское правительство, рассчитывая на дипломатическую помощь СССР, старалось тогда сдерживать в буржуазной печати проявления открытой ненависти к стране социализма, и официоз «Lietuvos aidas» («Эхо Литвы») писал о СССР в подчеркнуто корректном тоне. Открылись некоторые легальные источники объективной информации о жизни Советского Союза. Одним из таких источников как раз и были непосредственные впечатления лиц, посетивших СССР. Еще с 1932 г. в Каунасе работал книжный магазин «Mokslas» («Наука»), где можно было купить советские книги и периодику. Позже распространением советских изданий занялось кооперативное общество «Spaudos fondas» («Фонд печати»). Принимались заказы на любое советское издание, хотя затем не всякое из них пропускала в страну фашистская цензура. Меньше препятствий чинилось для ввоза литературно-художественной, научной, научно-популярной печати. Из советских газет разрешалось выписывать «Известия». Около 1000 экз. этой газеты поступали в свободную продажу, хотя цензура и здесь изымала отдельные номера. Так, в течение августа 1936 г. газета «Известия» была конфискована 12 раз⁴⁹. Совершенно не допускались к ввозу в Литву книги политического содержания, и часто задерживались книги таких писателей и поэтов, как В. Маяковский.

С советскими изданиями можно было ознакомиться в некоторых библиотеках Каунаса. Библиотека Литовского университета с 1923 г. получала научные издания путем прямого обмена с научными учреждениями СССР, частично из ВOKC, через советское посольство в Каунасе. В начале 1936 г. ВOKC подарил этой библиотеке почти все экспонаты, бывшие на выставке советской книги в Каунасе (2374 единицы художественной и научной литературы, а кроме того, периодические издания, плакаты и портреты)⁵⁰. Библиотека-читальня при Педагогическом музее собирала советскую педагогическую литературу и тоже получала некоторые периодические издания из СССР. Наконец, для многих интеллигентов источником вестей о СССР являлись передачи советского радио. Советская литература и радио были более доступны старшему и среднему поколению, так как в большинстве школ Литвы русский язык не изучался. Лишь в университете для студентов отдельных специальностей русский язык был обязательным предметом. Часть молодежи читала советскую литературу в переводах на немецкий язык (тем более, что немецкие книги легче пропускала цензура).

Переводы произведений советских писателей на литовский язык были редкостью. До 1940 г. в Литве вышло менее двух десятков советских книг (не считая детской литературы), среди них — произведения А. Н. Толстого, В. Катаева, И. Ильфа и Е. Петрова. Сравнительно много издавали переводов из М. Горького, но в большинстве случаев то были его дооктябрьские произведения. Значительным событием явилось издание романа М. Горького «Мать» в переводе В. Монтвилы⁵¹ в 1934 году. С отдельными произведениями советской литературы литовский читатель мог познакомиться на страницах прогрессивной печати. В Литве существовал огромный интерес к русской литературе. На литовском языке выходили сочинения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

Непосредственные встречи с представителями советского искусства случались не часто. В. Качалов (Шверубович), сам родом из Вильнюса, связанный с литовской землей годами детства и ранней юности, посетил Каунас с концертами в 1924 году. В 1932 г. и в 1935 г. вновь с большим успехом прошли гастроли этого великого артиста, мастера художественного слова. В 1934 г. с концертами приезжал И. Ильинский. Каунасская публика встретилась с советскими музыкантами М. Эрденю (в 1931 г.) и А. Иохелесом (в 1932 г.); неоднократно выступали в Литве Г. Гинзбург и Д. Ойстрах, в 1933 г. и в 1934 г. как композитор и пианист гастролировал С. Прокофьев. В оперно-балетных спектаклях Гостеатра в 1936 г. принимали участие В. Барсова, М. Максакова, Л. Банк, М. Габович. За выступлениями советских артистов неиз-

⁴⁹ АВП СССР, ф. 151, оп. 19, п. 21, д. 3, л. 53.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 11, д. 358; ЦГА ЛитССР, ф. 631, оп. 13, д. 198.

⁵¹ Витаутас Монтвила — революционный литовский поэт.

менно следовали в печати рецензии с высокой оценкой их мастерства. Имелась возможность познакомиться и с советским киноискусством. Несмотря на строгую цензуру, запрет или вырезание отдельных кусков из кинолент, литовский зритель увидел на экране такие шедевры, как «Броненосец «Потемкин», «Путевка в жизнь», «Мать», «Чапаев», «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга».

Коммунистическая партия Литвы, действовавшая в глубоком подполье, в своей печати и пропагандистской работе старалась распространять в Литве идеи интернационализма, воспитывать симпатии к стране социализма, прививать чувство солидарности с советским народом. Для усвоения опыта русских революций литовские коммунисты прежде всего стремились организовать перевод и издание ленинского теоретического наследия. За 1918—1940 гг. усилиями работников КПЛ вышло 28 изданий различных произведений В. И. Ленина на литовском языке, 3 — на польском, 1 — на русском. Большинство из них было напечатано в различных городах СССР, а 2 — в Каунасе. За то же время прогрессивные литовские организации в США издали еще 10 книг с произведениями В. И. Ленина⁵². Многие подпольно распространявшиеся в Литве издания подготовило издательство ЦК КПЛ, действовавшее в 1919—1928 гг. в Смоленске. Руководил им З. Алекса-Ангаретис⁵³. Заместителем заведующего работал в 1921—1925 гг. А. Снечкус⁵⁴. В 1925—1928 гг. в этом издательстве вышли составленные Ангаретисом 17 тематических сборников произведений В. И. Ленина, частично переведенных Ангаретисом. Основным переводчиком был И. Шепетис⁵⁵. Изданные в СССР книги обычно посылались почтой в Германию, а оттуда нелегально переправлялись в Литву. В 1928 г. руководство КПЛ решило постепенно перевести издательскую базу в Германию, поближе к границе Литвы, где литовские коммунисты при помощи немецких товарищей организовали выпуск революционных изданий.

После прихода в Германию к власти гитлеровцев ЦК КПЛ организовал выпуск марксистской литературы в самой Литве. Любопытна история легального издания литовского перевода ленинской работы «Три источника и три составных части марксизма» в Каунасе в 1934 году. По заданию ЦК КПЛ в легальной типографии частным образом был дан заказ напечатать эту книгу. Для конспирации на обложке было написано: *Trys šaltiniai. Parašė: V. I. L. Versta is francūzų kalbos* (Три источника. Написал: В. И. Л. Перевод с французского). Первые 8 экз. следовало представить в цензуру и затем, получив ее разрешение, можно было печатать тираж. Но после передачи цензуре первых экземпляров рабочие за одну ночь, тайком от администрации, отпечатали все 2 тыс. экземпляров и вынесли их из типографии. Утром цензор с охранниками пришел с указанием конфисковать книгу, однако ему было сказано, что напечатано лишь до 30 экз.; их-то и изъяли. Подобным же образом в 1933 г. была издана работа В. И. Ленина «Карл Маркс». Переводчиками обеих книг являлись Ю. Юргинис⁵⁶ и другие представители революционного студенчества⁵⁷.

В 30-е годы издание политической литературы на литовском языке вновь сконцентрировалось в СССР. В Минске, в Госиздате БССР, и в Москве, в Издательском товариществе иностранных рабочих (позже — Издательство литературы на иностранных языках), имелись литовские редакции. Здесь были изданы целиком такие труды В. И. Ленина, как «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1934 г., переводчик И. Шепетис, редактор В. Капсукас⁵⁸), «Государство и революция» (1937 г., переводчик Р. Шармайтис⁵⁹). Выдержки из произведений В. И. Ленина печатались также

⁵² «V. Lenino raštai lietuvių kalba 1914—1969». Bibliografija. Vilnius. 1970. p. 14.

⁵³ Зигмас Алекса-Ангаретис — один из основателей и руководителей КПЛ, бессменный член ее ЦК, деятель Коминтерна.

⁵⁴ Антанас Снечкус — партийный и государственный деятель. С декабря 1926 г. — один из секретарей ЦК КПЛ, в 1936—1939 гг. — первый секретарь ЦК КПЛ, с июня 1940 г. по 1974 г. — снова первый секретарь ЦК Компартии Литвы.

⁵⁵ Ионас Шепетис — участник революционного движения в Литве, писатель-публицист.

⁵⁶ Юозас Юргинис — историк, академик АН Литовской ССР.

⁵⁷ P. Freidheimas. Marksizmo-leninizmo pradininkų veikalai Lietuvoje. Vilnius. 1964. p. 108.

⁵⁸ Винцас Мицкявичюс-Капсукас — один из основателей и руководителей КПЛ, бессменный член ее ЦК, с 1928 г. — член Исполкома Коминтерна.

⁵⁹ Ромас Шармайтис — историк, член-корреспондент АН Литовской ССР.

в периодических изданиях КПЛ «Komunistas» («Коммунист»), «Balsas» («Голос»), «Priekalas» («Наковальня») и других, а также в печати революционных литовских рабочих в США. Всего за 1920—1940 гг. в литовской революционной периодике ленинские работы были напечатаны 160 раз⁶⁰. ЦК КПЛ организовал также издание и нелегальное распространение переводов важнейших решений съездов и конференций ВКП(б), советской антирелигиозной, а иногда и художественной литературы («Избранные сочинения» М. Горького, произведения А. Гайдара, К. Паустовского, А. Серафимовича, А. Н. Толстого, Д. Фурманова, М. Шолохова и др.)⁶¹.

Достижения СССР постоянно освещались в коммунистической печати. Особое значение для этого имел литературный, политический и общественный журнал рабочих «Priekalas», издававшийся усилиями литовских коммунистов в Москве в 1931—1938 гг. и переправляемый потом в Литву. В каждом его номере целый раздел посвящался экономической, политической и культурной жизни СССР. В листовках, издававшихся в нелегальных типографиях ЦК КПЛ в Литве, одной из ведущих тем было освещение успехов СССР, его борьбы за мир, против фашизма и войны, его политики защиты интересов малых стран, в том числе Литвы, призывы к литовским трудящимся бороться против попыток империалистов вовлечь Литву в агрессивный антисоветский блок и против развязывания войны с СССР. Так, в листовке, посвященной 15-й годовщине Великого Октября, Каунасский райком КПЛ писал: «Рабочий! Знай, что СССР является родиной мирового пролетариата! Знай, что каждый успех СССР является ударом по гниющему капитализму. Знай, что долг каждого рабочего — защищать Советский Союз от нападок империалистов»⁶². В листовке по случаю 17-й годовщины Великого Октября говорилось: «Путь рабочих и крестьян России — единственный путь к уничтожению нищеты и горя»⁶³.

Непосредственно в легальных советско-литовских культурных контактах коммунисты в условиях фашистского режима почти не могли принимать участия. Деятельность революционной интеллигенции жестоко преследовалась, часть ее вела партийную работу нелегально или в эмиграции. В рядах КПЛ интеллигентская прослойка была небольшой⁶⁴. В начале 30-х годов была сделана попытка создать новое, более левое общество культурных связей с СССР и вовлечь в него рабочих. З. Ангаретис как представитель КПЛ при Исполкоме Коминтерна летом 1932 г. писал в секретариат ЦК КПЛ в Каунас: «Когда-то было создано в Литве общество изучения культурных достижений СССР и т. д. Это общество умерло, не начав деятельности. Нельзя ли что-нибудь подобное сотворить?»⁶⁵. Но в фашистской Литве деятельность коммунистов в подобном обществе практически была невозможна. Речь могла идти лишь об эпизодическом участии некоторых коммунистов-интеллигентов в советско-литовских культурных контактах. М. Мешкаускене⁶⁶, в студенческие годы арестованная как участница эсеровской террористической группы, уже находясь в тюрьме, убедилась в правильности марксистско-ленинской теории, после чего публично заявила об отказе от эсеровских взглядов и о вступлении в компартию. Отбыв срок наказания, с 1935 г. она по поручению ЦК КПЛ работала среди интеллигенции, поддерживая связь с К. Корсакасом, Ю. Палецкисом, П. Цвиркой, вела переговоры с В. Креве-Мицкявичюсом и другими участниками демократического движения о создании легального антифашистского журнала «Literatūra» («Литература»). В 1938 г. в переводе Мешкаускене

⁶⁰ «V. Lenino raštai lietuvių kalba 1914—1969», pp. 328—329.

⁶¹ E. Mertinienė. Komunistinės literatūros leidimas lietuvių kalba 1917—1940 metais. «LKP istorijos klausimai». T. 4. Vilnius. 1964, pp. 206—213.

⁶² «Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai». T. III. Vilnius. 1964, p. 174.

⁶³ Ibid., p. 362.

⁶⁴ По неполным данным, в октябре 1929 г. в организации Каунасского подрайкома КПЛ из 108 коммунистов 18 были студентами или служащими, не считая членов руководства КПЛ; летом 1935 г. в городской организации КПЛ Каунаса из 218 коммунистов 23 были служащими; в июле 1940 г., после легализации компартии, из назвавших себя коммунистами 470 человек (не всем из них позже были выданы партбилеты) в Каунасском уездном комитете 22 были служащими; в то же время по всей Литве из 3524 человек, назвавших себя коммунистами, всего 115 были служащими («Lietuvos Komunistų partija skaičiais 1918—1975». Statistikos duomenų rinkinys. Vilnius. 1976, pp. 28, 34, 51).

⁶⁵ Партархив ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 15, д. 7, л. 157.

⁶⁶ Михалина Мешкаускене — заслуженный деятель культуры Литовской ССР.

вышла книга И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка». Активные деятели компартии А. Гузлявичюс⁶⁷ и В. Нюнка⁶⁸ выступали порою в легальной прогрессивной печати со статьями о культурной жизни в СССР. Вся деятельность Компартии Литвы, ее агитационная и пропагандистская работа, ее руководство повседневной борьбой рабочих и крестьян являлись важнейшим условием роста активности демократического антифашистского движения, включения в него все новых слоев интеллигенции и помогали развитию культурных связей между Литвой и СССР. В 1935 г. в Литве обозначился новый подъем революционного и демократического движения. В конце августа — сентябре произошло мощное выступление крестьян нескольких уездов Юго-Западной Литвы. Формами социальной борьбы были отказ от поставок сельскохозяйственной продукции, пикеты на дорогах, митинги, сопротивление властям. Эта массовая забастовка была подавлена силой. При стычках с полицией 4 крестьянина погибли, многие были ранены. По официальным данным, 870 человек наказали затем административными мерами, 260 привлекли к суду и 5 из них казнили. И все же фашистская власть частично была вынуждена выполнить экономические требования крестьян. Компартия высоко оценила это выступление крестьян и призвала трудящихся всей Литвы поддержать его.

Рабочий класс шел тогда во главе революционного и демократического движения. Правда, к 1936 г. были закрыты все рабочие профсоюзы и запрещена деятельность оппозиционных партий; фашисты пытались введением корпоративной системы подчинить себе все слои населения. Но нарастающая забастовочная борьба, в частности трехдневная всеобщая забастовка рабочих Каунаса в июне 1936 г., проходившая под руководством компартии, показала единство и революционный дух рабочего класса. КПЛ, следуя линии VII конгресса Коминтерна, расширила свою деятельность по сплочению антифашистских сил. Активизация рабочего и крестьянского движения создала основу для такого единения. Летом 1936 г. по инициативе КПЛ была проведена массовая антифашистская кампания протеста против созыва фашистского сейма и в знак солидарности с республиканской Испанией. Платформу антифашистского Народного фронта, подготовленную ЦК КПЛ, подписали в начале 1937 г. КПЛ, литовский комсомол, «Красная помощь», левые ляудининки, «Jaunimo sąjunga» (молодежный союз ляудининков) и антифашистская группа беспартийных интеллигентов⁶⁹. Все эти силы включились в руководимое компартией антифашистское движение, одной из целей которого было стремление к независимой от империалистов внешней и внутренней политике Литвы, что возможно было лишь при поддержке со стороны СССР. Коммунисты усилили также свое внимание к работе среди интеллигенции. В общий поток демократического движения вскоре влился и расширившийся советско-литовский культурный обмен.

Стремление к расширению культурных связей с СССР являлось тогда одной из форм общедемократического движения, спецификой которого было участие в нем как раз интеллигентских слоев. Культурный обмен проходил по легальным каналам, причем правители Литвы, допуская такой обмен, хотели держать его в рамках дипломатического этикета. Наиболее активными участниками советско-литовских культурных связей являлись демократические и революционные слои интеллигенции, для которых эта деятельность служила также формой антифашистской борьбы и была вдохновляющим началом к расширению зтого общедемократического движения. Компартия Литвы в силу своего нелегального положения не могла непосредственно направлять развитие культурных связей с СССР. Но многие участники советско-литовского культурного обмена были связаны с КПЛ по другим линиям. Так, председатель Литовского общества по изучению культуры народов СССР В. Креве-Мицкявичюс стал официальным редактором организованного в 1936 г. по инициативе КПЛ легального журнала «Literatūra». В актив этого журнала входили А. Венцлова, К. Корсакас, С. Нерис, Б. Сруога, П. Цвирка и другие. С. Жукас, Ю. Палецкис, П. Цвирка и иные энтузиасты культурных связей с СССР имели непосредственные контакты с КПЛ и способствовали ста-

⁶⁷ Александрас Гудайтис-Гузлявичюс — писатель, заслуженный деятель искусств Литовской ССР.

⁶⁸ Владас Нюнка — экономист, историк, академик АН Литовской ССР.

⁶⁹ С. Атамукас. Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.). М. 1961, стр. 144.

новлению в Литве антифашистского Народного фронта. В советско-литовских культурных связях принимали участие даже некоторые буржуазные деятели, далекие от революционного и демократического движения. Выставками о СССР, впечатлениями от поездок, материалами о Советской стране в печати интересовались также рабочие, учащиеся. Постепенно с жизнью первого социалистического государства знакомились все более широкие слои литовского народа.

С 1935 г. заметно существенное оживление советско-литовских культурных контактов. 10-летие договора 1926 г. о ненападении между Литвой и СССР широко освещалось буржуазной печатью. Работники советского посольства сообщали в Москву, что в литовской прессе «к моменту 10-летнего юбилея подписания договора о ненападении заметен перелом в смысле более лояльного, даже дружественного освещения вопросов, касающихся СССР»⁷⁰. После опубликования текста Конституции СССР 1936 г., в литовских газетах было подробно изложено ее содержание. «Как правительственная, так и оппозиционная печать благожелательно комментировала новую конституцию»⁷¹. Фашистское правительство Литвы, усилив реакцию во внутренней политике, одновременно было вынуждено допустить более интенсивные культурные связи с СССР. Литовское общество по изучению культуры народов СССР, заметно пополнив свои ряды за счет демократической интеллигенции, тоже усилило свою деятельность, проявлявшуюся тогда главным образом в устройстве выставок о различных сферах культурной жизни Советского Союза.

В апреле 1936 г. группа литовских художников по линии «Интуриста» посетила Ленинград и Москву. В эту группу удалось включиться прогрессивным писателям А. Венцлова и П. Цвирке. В Ленинграде и Москве деятелей литовской культуры опекали работники ВОКС. Состоялись встречи с советскими художниками и писателями, знакомство с музеями, лучшими театральными постановками. А. Венцлова и П. Цвирка обсуждали возможность двусторонних переводов произведений русской и литовской литературы⁷². После этой поездки оба писателя стали активнейшими участниками советско-литовских культурных связей. А. Венцлова поделился своими впечатлениями с читателями прогрессивного журнала «Kultūra», редактором которого являлся К. Корсакас. То были статьи искреннего друга СССР, желавшего вызвать симпатии к родине социализма⁷³. Посылая журнал в Москву работникам ВОКС, А. Венцлова в письме от 21 октября 1936 г. сообщал: «В своих впечатлениях, поскольку это позволяли цензурные условия, я старался ознакомить читателей с тем большим культурным ростом социалистического государства и изумительными условиями работы советских писателей, которые мы во время пребывания в Москве имели возможность узнать»⁷⁴. В другом письме он сообщал: «Анкета редакции журнала «Культура» показала, что интерес к этим впечатлениям со стороны читателей был немалый, так как в отзывах на анкету эта статья о СССР стояла на первом месте»⁷⁵. П. Цвирка попытался рассказать о поездке на страницах молодежного журнала ляудининков, и рукопись уже находилась в наборе, когда вместе с запретом всех оппозиционных организаций фашистская власть закрыла и этот журнал⁷⁶.

Продолжая переписку с советскими друзьями, П. Цвирка договорился о том, чтобы в Каунасе осуществить перевод своего романа «Земля-кормилица», а затем издать его в Москве. Писатель хотел, чтобы по-русски прозвучал полный текст книги, рассказывающей о тяжелой судьбе трудового крестьянства Литвы (включая и места, вычеркнутые фашистской цензурой)⁷⁷. Роман П. Цвирки вышел в Москве в 1937 году. Летом 1938 г. писатель вновь посетил Советский Союз, побывал в Москве, Киеве, Одессе и Крыму и описал эту поездку в серии очерков, помещенных в газете ляудининков «Lietuvos žinios» («Литовские известия»). Им были подчеркнуты гордость и достоинство советского человека, показано развитие новой культуры и внимание к

⁷⁰ АВП СССР, ф. 151, оп. 19, п. 21, д. 3, л. 54.

⁷¹ Там же, л. 47.

⁷² ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 676.

⁷³ «Kultūra», 1936, №№ 5, 6—7.

⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 681, л. 4.

⁷⁵ Там же, л. 11.

⁷⁶ Там же, д. 675, л. 5.

⁷⁷ Там же, л. 6.

наследию прошлого, охарактеризованы здравницы Крыма и бесплатное медицинское обслуживание в Советской стране. А. Венцлова и П. Цвирка вместе подготовили перевод книги повестей А. С. Пушкина (1937 г.). Кроме того, А. Венцлова перевел «Мои университеты» М. Горького (1936 г.), «Белеет парус одинокий» В. Катаева (1939 г.). П. Цвирка участвовал в переводе «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова (1938 г.). А. Венцлова не раз выступал в литовской печати с обзорами советской литературы, а П. Цвирка на основе присылаемых ВОКС материалов готовил статьи о культурной жизни Советской страны, об успешном решении национального вопроса в СССР.

С 1937 г. в советско-литовские культурные отношения активно включился писатель старшего поколения Л. Гира⁷⁸. Переживший расцвет своего поэтического творчества в начале XX в., активный деятель литовского культурного движения в Вильнюсе еще до первой мировой войны, Л. Гира в буржуазном Литовском государстве больше проявлял себя как литературный критик, публицист и общественный деятель. Связанный в 20-е годы с реакционным крылом буржуазного общества, он в 30-е годы начал критически относиться к политике правящей националистической верхушки и стал на позиции, близкие народным массам, из которых сам вышел. С 1937 г. Л. Гира — редактор газеты «Literatūros naujienos» («Литературные новости»), органа Союза писателей Литвы. Тут публично проявилось его новое мировоззрение. Как он сам писал в автобиографии, «газету я сразу поставил на новые рельсы: взял ясный курс — сблизить народ Литвы и Литву прежде всего с СССР и советской литературой... Пушкинскому юбилею посвятил большую часть специального номера. В каждом номере ввел постоянный, самый большой раздел, посвященный показу культурной и художественной жизни русского и других советских народов»⁷⁹. В связи с 20-летием Великого Октября вышел двойной номер «Literatūros naujienos», целиком посвященный СССР. Статьи советских специалистов о достижениях экономики и культуры в Советском Союзе получались через уполномоченного ВОКС. «Это был неожиданный и смелый шаг поэта в условиях фашистской диктатуры», — писал в своих воспоминаниях левый писатель И. Шимкус⁸⁰. Л. Гира рассказал ему, что многие совсем незнакомые жители Каунаса горячо поздравляли его на улицах, что он получал ободряющие письма⁸¹. Как председатель правления Союза писателей Литвы, в апреле — мае 1939 г. Л. Гира был приглашен на празднование 125-летнего юбилея Т. Шевченко. Литовский писатель побывал в Москве, Киеве и Крыму и после этой поездки еще более активно стал пропагандировать идеи дружбы с СССР в публичных и закрытых лекциях и газетных очерках, организовывал интернациональные вечера с участием левых писателей. Как истинный интернационалист, он, будучи литовцем, обращался к разноязычной публике на четырех языках — литовском, польском, русском и еврейском. Его деятельность не раз вызывала предупреждения со стороны фашистских властей, но это не испугало писателя, и он шел в ногу с демократическим и революционным движением.

В августе 1937 г. группа советских журналистов и писателей совершила поездку по странам Прибалтики. Среди них были Вс. Иванов и Н. Тихонов. Их сопровождали во время поездки по Литве: от Союза писателей — Л. Гира, от Союза журналистов — Ю. Палецкис. Вс. Иванов вспоминает, что в официальной программе, составленной министерством иностранных дел Литвы, не были предусмотрены встречи с писателями или, тем более, с другими представителями общественности. Лишь 40 минут удалось выкроить для беседы с литовскими писателями. А прогрессивные слои общественности использовали каждую возможность, чтобы приветствовать посланцев Советской страны. Дружественная толпа встретила их на вокзале и привокзальной площади Каунаса; более смелые подходили во время экскурсий по городу и музеям. Особенно запомнилась одна встреча. Официально был предусмотрен банкет. К этому времени у ресторана собрались люди, желавшие выказать советским литераторам свою дружбу. Когда гости шли по залу, оркестр вдруг заиграл «Широка страна моя

⁷⁸ Людас Гира — народный поэт Литовской ССР.

⁷⁹ L. Gira. Raštai. T. V. Vilnius, 1963, p. 482.

⁸⁰ Ионас Шимкус — писатель, заслуженный деятель культуры Литовской ССР.

⁸¹ J. Šimkus. Narsi širdis. Vilnius, 1969, pp. 444—446.

родная». «И тут все собравшиеся повернулись к нам и зааплодировали. Как они аплодировали! Они действительно аплодировали хорошей и родной стране, ее полям, рекам, ее замечательному и мужественному народу, ее будущему — и своему будущему! Видеть этих людей, принимать эти аплодисменты, чувствовать настоящую дружбу было необычайно приятно»⁸².

В 30-е годы более частыми стали контакты отдельных литовских театралов с культурной жизнью СССР, что способствовало усилению в литовских театрах демократического направления. В 1934—1936 гг. в Москве изучал советское театральное искусство один из активнейших участников «Театра молодых» Р. Юкнявичюс. Б. Сруога вместе с другими профессорами частным образом организовал ему материальную помощь, и Р. Юкнявичюс смог познакомиться с театральными постановками, учился режиссуре в театрах имени Вахтангова и Мейерхольда. В 1935 г. к нему присоединился А. Якшявичюс, оба они посещали режиссерский семинар при Всесоюзном театральном обществе⁸³. Р. Юкнявичюс 19 октября 1934 г. записал в дневнике: «Когда смотрел вчера «Принцессу Турандот» у вахтанговцев, меня объели такое блаженство и такой восторг, что во многих местах я просто не мог сдержаться слез. Какая удивительная работа... Какое неизгладимое праздничное впечатление, какая легкость и какая красота. Все так ритмично; какая пластика в костюмах, как замечательно чувствуют себя в них актеры. Ничего более совершенного не видел до сих пор. Право, сидел и плакал, объятый какой-то безмолвной радостью и большой скорбью, что этого великого художника (Вахтангова) уже нет в живых»⁸⁴. 31 декабря, прощаясь с прошедшим годом, Р. Юкнявичюс пишет: «Смотри, как разрушился наш «Театр молодых». И почему в этот год?! Не мог уж ему, молодому, дать пережить себя? Но под конец ты все-таки дал мне большую радость и сделал доброе дело. Я попал в Москву, увидел много хороших спектаклей, учусь у Мейерхольда. И за это спасибо! Будь здоров, старик. Приветствую вечность!»⁸⁵. Вернувшись в Литву, Р. Юкнявичюс работал режиссером в Клайпедском театре. Здесь, а с 1939 г. и в Гостеатре он, как и Якшявичюс, ставил спектакли, наполненные социальным смыслом и созвучные настроению антифашистских демократических кругов. Оба молодых режиссера передавали литовскому театру опыт советского театрального искусства. В начале 1940 г. была издана книга К. Станиславского «Работа актера над собой» в переводе А. Якшявичюса. С 1940 г. Р. Юкнявичюс — руководитель Вильнюсского драматического театра, в труппу которого вошли многие бывшие актеры «Театра молодых».

С 1935 г. группы актеров, композиторов и других деятелей литовской культуры через «Интурист» приезжали в Москву на ежегодно проходившие там театральные фестивали. Литовский балетмейстер Б. Келбаускас⁸⁶, уже с начала 30-х годов поддерживавший связь с советским театральным миром, в 1937 и в 1938 гг. посетил СССР. Он изучал балетные постановки и получал интересовавший его материал о советских балетах. В результате этого сотрудничества на сцене Гостеатра он поставил в 1938 г. «Бахчисарайский фонтан», а в 1939 г. — «Кавказский пленник» Б. Асафьева и позднее, уже в Советской Литве, — «Красный мак» Р. Глиэра.

Наука в Литве получила развитие в основном благодаря самоотверженному труду отдельных ученых Литовского университета. Научные связи с СССР были слабыми. В 1931 г. проф. И. Вабалас-Гудайтис⁸⁷ принимал участие в VII Международном конгрессе психологов в Москве. В 1935 г. группа медиков, руководимая проф. В. Лашасом⁸⁸, была в Москве и Ленинграде на Международном физиологическом конгрессе. В 1933—1935 гг. с лекциями на курсах повышения квалификации литовских врачей в Каунасе выступали советские профессора Д. Д. Плетнев и Н. А. Шерешевский. В июне 1935 г. по приглашению правления ВОКС посетила СССР группа профессоров

⁸² В. Иванов. В Литве. Встречи с Литвой. Вильнюс. 1965, стр. 13.

⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 666, лл. 15, 16.

⁸⁴ «Sveikinu amžinybę. Iš R. Juknevičiaus dienoraščio». Publikacija. «Kultūros barai», 1966, № 10, p. 34.

⁸⁵ Ibid., p. 36.

⁸⁶ Бронюс Келбаускас — солист балета и балетмейстер, народный артист Литовской ССР.

⁸⁷ Ионас Вабалас-Гудайтис — ученый-педагог и психолог.

⁸⁸ Владас Лашас — физиолог, академик АН Литовской ССР.

факультета гуманитарных наук Литовского университета, входившая в правление Литовского общества по изучению культуры народов СССР. Среди них были В. Креве-Мицкявичюс, Б. Сруога, историк И. Ионинас и библиограф В. Биржишка. Профессора имели встречи с преподавателями высших школ и учеными, а В. Биржишка установил контакты с руководителями научных библиотек⁸⁹.

В августе 1935 г. группа молодых преподавателей Литовского университета, после нескольких неудачных попыток, получила разрешение властей посетить Советский Союз в качестве туристов. Ю. Матулис⁹⁰ вспоминает об этой поездке: «С работами советских ученых близких нам отраслей наук мы были более или менее знакомы по печатным трудам. Хотели увидеть, как в СССР организуется научная работа, как научные открытия применяются на практике»⁹¹. Ученые посетили Московский университет, Химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева, Институт физических проблем АН СССР, в Ленинграде побывали на физическом факультете университета, в Институте высшей нервной деятельности и физиологии у акад. И. П. Павлова и в других научных учреждениях. Их поразило, какие огромные средства выделяет Советское государство на научные исследования и лаборатории, на подготовку научных кадров. Удивительным для них явлением оказалось стремление советских ученых распространять научные знания в народных массах⁹². В этой группе ученых были К. Баршаускас⁹³, П. Бразджунас⁹⁴ и другие⁹⁵. П. Пакарклис⁹⁶, историк-юрист, изучавший проблемы германизаторской политики немецких феодалов на бывшей земле балтийского племени пруссов и в Клайпедском крае, видел защиту литовского народа от постоянной угрозы германской агрессии в более тесных связях с СССР. Посетив Советский Союз в 1939, он тоже стал активным участником советско-литовских культурных связей.

Деятелей литовской культуры, приехавших в Москву, опекал дружелюбно настроенный к СССР литовский посол Юргис Балтрушайтис. Один из активных участников литературной жизни Москвы в начале XX в., автор сборников стихотворений на русском языке и многих переводов, он после Великой Октябрьской социалистической революции включился в культурную жизнь Советского государства (в 1918—1920 гг. работал в Отделе театра Наркомпроса, в театральной и музыкальной секциях Московского Совета, был членом коллегии Литературного отдела при Наркомпросе, участвовал в деятельности издательства «Полярная звезда», являлся председателем профсоюза писателей Москвы). Не поняв до конца смысла революционных преобразований, в сентябре 1920 г. Балтрушайтис перешел на дипломатическую службу буржуазного Литовского государства и вплоть до начала 1939 г. являлся послом (чрезвычайным и полномочным министром) Литвы в СССР. Он стремился к укреплению дружественных связей и высоко ценил поддержку Советским Союзом интересов Литвы на международной арене. «Ему хотелось по-прежнему встречаться с писателями, но он числился дипломатом, и его дипломатично избегали»⁹⁷. Тем не менее Балтрушайтис общался с М. Горьким и В. Мейерхольдом. В 1933 г. от литовских деятелей и от себя лично он поздравил К. С. Станиславского в день его 70-летия. Для советского художественного мира он как бы представлял литовскую культуру. П. Цвирка, вернувшись из СССР в 1938 г., писал, что Балтрушайтис для многих советских людей был единственным известным писателем Литвы. Побывавшие в Москве Б. Дварионас и Ю. Палецкис, В. Креве-Мицкявичюс и Б. Сруога, А. Венцлова и П. Цвирка постоянно чувствовали стремление Балтрушайтиса как можно лучше познакомить их с художественной жизнью СССР. Особенно заботился он о Р. Юкнявичюсе и А. Якшявичюсе: познакомил их с В. Немировичем-Данченко, И. Берсеневым, В. Качаловым, создал возможность побывать на репетициях у знаменитых режиссеров, доставал билеты на лучшие теат-

⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 5, д. 663, лл. 9, 10, 13, 20.

⁹⁰ Юозас Матулис — физико-химик, академик и с 1946 г. Президент АН Литовской ССР.

⁹¹ «Tiesa», 5.XI.1972.

⁹² Ibid.

⁹³ Казимерас Баршаускас — физик, академик АН Литовской ССР. В 1950—1964 гг. — ректор Каунасского политехнического института.

⁹⁴ Повилас Бразджунас — физик, академик АН Литовской ССР.

⁹⁵ «Lietuvos aidas», 12.VII.1935.

⁹⁶ Повилас Пакарклис — член-корреспондент АН Литовской ССР.

⁹⁷ И. Эренбург. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 8. М. 1966, стр. 272.

ральные постановки. После выхода на пенсию в 1939 г. Балтрушайтис, оставив Литву, переехал к сыну в Париж, где и умер в 1944 г. в нищете⁹⁸.

Оживление советско-литовских культурных связей на фоне усиления антифашистской борьбы вызвало беспокойство реакционной военщины, фашистских и клерикальных деятелей. В тайном письме министра обороны министру внутренних дел от 15 июля 1936 г. как на одну из причин всеобщей забастовки рабочих Каунаса указано на «волну идущего с востока культурного сотрудничества... Что уж может значить тайно подсунутая прокламация, если во всех киосках продаются газеты СССР размером в метр, иллюстрированные и полные разных азартных лозунгов... На витринах наших кинотеатров постоянно рекламируются картины СССР, изображающие «красных героев», и многозначительные названия картин... Рабочие и молодежь, увлеченные рекламой, особенно часто посещают русские картины... Публика, в особенности в первых рядах, поддается азарту и начинает даже неодушевленному экрану хлопать, возникают овации». Министр видел опасность проникновения идей коммунизма даже в армию, так как солдаты «могут читать «Известия», посещать выставки, смотреть картины Совкино». Он был возмущен тем, что большинство газет перепечатало сокращенный текст проекта Конституции СССР без комментариев, и сообщил, что «военное командование считает необходимым срочно: 1. Прервать любое культурное сотрудничество с СССР, как, например, выставки книг, спортивные соревнования, гастроли артистов большевистского театра, и распустить Литовское общество по изучению культуры народов СССР. 2. Не впускать ни одного советского кинофильма какого бы то ни было содержания, так как все они сплошь проникнуты большевистско-провокационной пропагандой. 3. Не помещать в нашей печати сводок из печати СССР об их внутренней жизни. 4. Не впускать ни одного журнала, газеты или книги за исключением изданий научного содержания»⁹⁹.

Директор департамента государственной безопасности министерства внутренних дел в бюллетене от 12 октября 1936 г. (о борьбе с революционным движением) также требовал аналогичных мер и посчитал нужным усилить антикоммунистическую пропаганду в печати и по радио¹⁰⁰. Министр обороны вместе с командующим войсками в тайном письме министрам внутренних и иностранных дел от 28 февраля 1938 г. потребовали полного запрета культурных связей с СССР. Они доказывали, что изъятие цензурой отдельных номеров «Известий» не достигает цели, ибо «в газете постоянно бывают статьи, проникнутые пропагандистскими идеями и подчеркивающие достижения социалистической России в сельском хозяйстве, в социальном положении рабочих, в области культуры. Всегда подробно излагаются годовые или пятилетние планы с впечатляющими цифрами. Такие пропагандистские цифры, несомненно, вызывают восхищение советским режимом и поощряют его прославление». Реакционные военные боялись легально распространявшихся в Литве текста Конституции СССР, сборника цифр о достижениях СССР за 20 лет, статей о жизни СССР в литовской печати, советских кинокартин и писали, что во время демонстрации документальной кинокартины о достижениях советской авиации из-за бурной реакции публики пришлось указать, что «публику просят воздержаться от оваций, в противном случае будет прекращен показ картины»; вновь выдвигалось требование не допускать в Литву советскую печать и усилить цензуру литовской прессы¹⁰¹.

Правящие круги закрывали прогрессивные органы печати, усиливали цензуру. Но, поддерживая официально дружеские дипломатические отношения с СССР, они не могли до конца выполнить все требования реакционной военщины. В официозе писалось об СССР в корректных тонах. Зато в реакционной печати велась оголтелая антисоветская и антикоммунистическая пропаганда. Орган таутиников «Vairas» («Руть») категорически требовал прекращения любого советско-литовского культурного сотрудничества¹⁰². Ему вторила клерикальная печать. В книге «Коммунизм в Литве» общество по изучению культуры народов СССР причислялось к организациям Коминтерна и

⁹⁸ V. Daujotytė. Jurgis Baltrušaitis. Vilnius. 1974.

⁹⁹ ЦГА ЛитССР, ф. 1742, оп. 1, д. 11, лл. 11—16.

¹⁰⁰ «Lietuvos TSR istorijos šaltiniai». T. IV. Vilnius. 1961, p. 633.

¹⁰¹ ЦГА ЛитССР, ф. 1742, оп. 1, д. 11, лл. 46—51.

¹⁰² V. Gustainis. Frontu prieš komunizmą. «Vairas», 1936, № 12.

остро критиковались организованные им выставки. Перечислив различные каналы проникновения в Литву советских идей, клерикальный автор все же должен был косвенно признать их популярность. Он откровенно писал, что прогрессивная печать не может укрепиться в Литве «не из-за отрицательного отношения к ней общественности, а из-за прозорливости наших административных органов»¹⁰³. Антикоммунизм пронизывал все клерикальные периодические издания, но особенно злостно клеветала на СССР литература, предназначенная для рабочих. Так, газета «Darbininkas» («Рабочий») под видом объективного изложения событий перепечатывала грубейшие измышления иностранных журналистов, посещавших СССР, и оставляла в статьях лишь отрицательные оценки. Но ни административными мерами, ни антикоммунистической пропагандой реакционные силы не смогли подавить всевозрастающий интерес прогрессивной общественности Литвы к Советской стране.

Санационная Польша, предъявив Литве ультиматум, в марте 1938 г. заставила каунасское правительство фактически смириться с оккупацией Вильнюсского края. Политика уступок правителей Литвы по отношению к Германии тоже вызывала возмущение среди народных масс. В Литве усиливалось антифашистское движение. Лозунг защиты национальной независимости выдвинулся в тактике КПЛ в 1938—1939 гг. на первый план. В марте 1939 г. гитлеровская Германия захватила Клайпеду и промышленно развитый Клайпедский край. Под непосредственной угрозой захвата всей Литвы гитлеровцами возникло движение за создание патриотического фронта в защиту независимости страны. КПЛ активно включилась в это движение. По всей Литве проходили митинги и собрания с требованиями демократических преобразований, амнистии антифашистам, роспуска партии таутинокков, сокращения крестьянских долгов. Народные массы боролись за сближение с СССР и против общего врага — гитлеризма. Но фашистские правители в июне 1939 г. запретили все собрания и митинги. Они продолжали жестокое преследование революционного и демократического движения, а во внешней политике не изменили своей ориентации на империалистические страны.

Когда в сентябре 1939 г. началась вторая мировая война, Красная Армия, совершая освободительный поход на запад, не только спасла от фашистов западноукраинские и западнобелорусские земли, но и не пустила гитлеровцев в Вильнюсский край. Стремясь укрепить свои западные границы, СССР предложил странам Прибалтики заключить договоры о взаимопомощи, прямо отвечавшие интересам прибалтийских народов. Фашистские правители Литвы под напором масс вынуждены были согласиться на заключение такого договора. 10 октября 1939 г. в Москве между Литвой и СССР был подписан договор о взаимопомощи и о передаче Вильнюса и Вильнюсского края Литве. Возвращение древней столицы Литвы было встречено всенародным ликованием. Благородный акт Советского Союза усилил симпатии к нему широких масс в целом, интеллигенции в частности. Теперь взоры всех честных граждан Литвы все более обращались на восток. Не только трудящиеся массы, но и многие слои буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции видели спасение для Литвы только в тесных связях с СССР. Интеллигенция стремилась к активизации культурных связей. Литовское общество по изучению культуры народов СССР с октября 1939 г. по июнь 1940 г. организовало 4 выставки к СССР в Каунасе и выставку литовской книги в Москве. С большим успехом прошли в Каунасе вечера, посвященные М. Ю. Лермонтову и П. И. Чайковскому. Правда, готовившийся тогда же публичный вечер, посвященный В. В. Маяковскому, из-за придирок буржуазных властей провести не удалось. В начале 1940 г. Б. Даугветис поставил «Мещан» М. Горького на сцене Гостеатра. По приглашению ВОКС в конце 1939 и в начале 1940 г. в Москве гастролировали солисты А. Сташкевичюте¹⁰⁴ и А. Кучингис. Они дали 5 концертов, а на сцене филиала Большого театра исполнили партии Татьяны и Гремина в опере «Евгений Онегин». А. Сташкевичюте, еще до этой поездки выступавшая с произведениями советских композиторов, стала еще интенсивнее пропагандировать советскую музыку. А советское радиовещание в конце 1939 — начале 1940 г. организовало радиоконцерты для стран Прибалтики, в том числе несколько концертов для Литвы.

¹⁰³ J. D a u l i u s. Komunizmas Lietuvoje. Kaunas. 1937, p. 186.

¹⁰⁴ Александра Сташкевичюте — народная артистка Литовской ССР.

В условиях возросшего интереса к жизни СССР даже буржуазная печать стала больше помещать материалов о советско-литовских экономических и культурных связях, о жизни Советской страны. Если до октября 1939 г. буржуазные газеты изредка давали о СССР хроникальную заметку или официальное сообщение телеграфного агентства, а появление особой статьи о СССР считалось событием, то теперь на страницах всей печати широко помещались материалы, подготовленные ВОКС. Ежемесячно появлялись десятки статей по различным вопросам экономики, культуры, о жизни народов СССР. Печать освещала выставки о СССР, юбилеи русских деятелей культуры, рецензировала показанные на экранах Каунаса советские кинокартины. Журнал «Kultūra» в конце 1939 г. ввел раздел «Жизнь СССР». В литовской печати стало появляться больше переводов произведений советских писателей.

Одновременно фашистские правители Литвы пытались делать все возможное, чтобы изолировать литовский народ от политического влияния страны социализма и сдержать растущее революционное движение. Усилились репрессии против Компартии Литвы. В тюрьмы и концлагеря были брошены новые сотни борцов. Фашистские власти старались изолировать гарнизоны Красной Армии, находившиеся в Литве согласно октябрьскому договору 1939 г., и организовывали провокации против них, преследовали граждан Литвы за общение с красноармейцами. Цензура строго следила, чтобы в печати не было материалов политического характера о СССР, тщательно отсеивала советскую литературу, приходившую по почте. Владелец книжного магазина «Mokslas» в письме от 1 декабря 1939 г. сообщал: «Наши надежды на то, что после подписания договора между СССР и Литвой от 10/X цензура советских изданий будет ослаблена, не оправдались. Наоборот, она стала еще жестче, а в последнее время были отменены и те облегчения, которых мы добивались в течение шести лет нашей работы»¹⁰⁵. Л. Гира в письме от 4 декабря 1939 г. сообщил работникам ВОКС в Москву, вспоминая о своей поездке в СССР весной того же года: «Эти дни только и были у меня светлыми и радостными за целый ряд лет безрадостной моей жизни. Неимоверно трудные условия, которые не хочу здесь расписывать и утруждать вас без нужды, даже и те не в состоянии погасить тот свет, который остался у меня в душе от этой поездки. И это дает еще мне энергию для общественной работы, в которой я принимаю участие по мере сил и обстоятельств. А возможности за последнее время весьма сузились: мы живем теперь, особенно со времени заключения последнего договора с вашей прекрасной страной, в самую черную реакцию, ибо наше правительство и наша новорожденная буржуазия особенно взбудоражились, чтобы от этой большей близости с вами на нас не повеяли ветры смелых надежд и чаяний. Цензура — неимоверной строгости, за всем величайший надзор»¹⁰⁶.

Но ничто уже не могло удержать нараставшую революционную волну. Рабочие забастовки, крестьянские выступления, антифашистское движение под руководством КПЛ слились в единый поток революционной борьбы. В конце мая 1940 г. ЦК КПЛ обратился к трудящимся Литвы с призывом потребовать соблюдения условий договора между Литвой и СССР, протестовать против провокаций фашистских правителей по отношению к Красной Армии, бороться за создание в стране народного правительства¹⁰⁷. В июньские дни 1940 г. в Литве пал фашистский режим. 17 июня было создано Народное правительство, которое возглавил Ю. Палецкис. Его заместителем первое время был В. Креве-Мицкявичюс, министром юстиции стал П. Пакарклис, министром просвещения — А. Венцлова, его заместителем — Л. Гира. Народное правительство, опираясь на массовое движение трудящихся Литвы, руководимое КПЛ, развило активную деятельность по подготовке коренных преобразований в стране. Прогрессивная интеллигенция с воодушевлением включилась в развертывавшуюся социалистическую революцию. В Народный сейм наряду с испытанными революционерами — секретарем ЦК КПЛ А. Снечкусом, М. Гедвиласом, Л. Адомаускасом были избраны активные участники культурных связей с СССР А. Венцлова, Л. Гира, П. Пакарклис, А. Сташкевичюте, П. Цвирка. Вместе с другими членами Народного сейма они проголосовали 21 июля 1940 г. за образование Советской Литвы и вхождение ее в состав СССР.

¹⁰⁵ АВП СССР, ф. 151, оп. 22, п. 25, д. 25, л. 106.

¹⁰⁶ Там же, л. 116.

¹⁰⁷ «Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai». T. IV. Vilnius. 1963, p. 452.

Выражая чувства передовой литовской интеллигенции, П. Цвирка в те дни писал: «Почему мы хотим войти в Советский Союз? Потому, что лишь в общей семье советских социалистических республик возможно достижение передовой, новой, светлой и счастливой жизни для всех трудящихся. Мы стремимся присоединиться к могучему Советскому Союзу потому, что не хотим оставаться малыми и забытыми в условиях империалистической бойни. Советский Союз является государством, построенным усилиями и руками трудящихся, в котором навечно уничтожены национальные распри и бешеная расовая ненависть, раскалывающая единство трудящихся. Советский Союз — единственная страна, где трудящиеся не знают эксплуатации, страха безработицы и старости. Советский Союз — единственный союз свободных народов; это пестрый ковер языков, культур и рас, где заботливо лелеют расцвет национальных форм культуры»¹⁰⁸.

С июня 1940 г. события стали развиваться на новой основе. Социалистические преобразования в Литве уничтожили цензуру для советских изданий. В Литву сразу поступило много книг, особенно нужных в тот момент. В их числе — работы о Советской конституции (частично на литовском языке), о ленинской теории социалистической революции и по другим вопросам марксистско-ленинского знания, о советской школе¹⁰⁹. В литовской печати, которая теперь выражала интересы народных масс, много места уделялось советскому государственному устройству, положению в сферах труда, образования, здравоохранения, социального страхования, национальной политики. В июле 1940 г. в Советскую Литву приехала большая группа московских артистов, среди них — В. Давыдова, Н. Шпиллер, Э. Гилельс, И. Ильинский.

В состав полномочной делегации Народного сейма Советской Литвы, посланной в Москву, чтобы просить Верховный Совет СССР принять Литовскую ССР в ряды советских республик, вместе с коммунистами К. Диджюлисом, П. Зибертасом, И. Мескупасом, М. Шумаускасом вошли представители передовой интеллигенции А. Венцлова, Л. Гира, С. Нерис, Ю. Палецкис, П. Цвирка и другие. В день приема Советской Литвы в состав СССР, 3 августа 1940 г., с трибуны зала заседаний Верховного Совета СССР в Кремле Саломея Нерис взволнованно произнесла строки поэмы, в художественной форме отобразившей историческую судьбу литовского народа. Л. Гира в полных энтузиазма письмах из Москвы, рассказав о торжественной процедуре приема Советской Литвы в состав СССР и упомянув о только что вышедшем сборнике его стихов на русском языке, с гордостью писал жене: «Как видишь, я уже известный поэт СССР»¹¹⁰. Все, кто ненавидел фашизм и реакцию, кто желал своей родной Литве светлого будущего, с радостью восприняли новую, советскую жизнь. А советско-литовские культурные отношения, развивавшиеся до 1940 г., действительно помогли не только передовой литовской интеллигенции, но и более широким слоям народа включиться в построение социалистической Литвы.

¹⁰⁸ P. Cvirka. Raštai. T. VIII. Vilnius. 1959, pp. 52—53.

¹⁰⁹ АВП СССР, ф. 151, оп. 23, п. 27, д. 23, л. 107.

¹¹⁰ L. Gira. Raštai. T. V, p. 452.

СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В. В. Волков, Э. А. Новгородова

Монголия, расположенная в центре азиатского материка, представляет особый интерес при изучении проблем первобытной, древней и средневековой истории. Эта скотоводческая страна в течение многих веков сохраняла и развивала своеобразные черты кочевой культуры и быта. В то же время кочевники монгольских степей постоянно контактировали с соседними земледельческими народами и лесными племенами охотников и рыболовов. Через Монголию проходили торговые пути из Средней Азии и Туркестана в Китай и в обратном направлении, а также из Северной Азии и Иранского нагорья. В степях и пустынях Монголии неоднократно зарождались волны переселения племен и народов, приводившие к резкому изменению экономической и политической карты Азии, а порою и не только Азии. Поэтому не удивительно, что эта некогда «таинственная» страна, ее культура и история привлекали внимание ученых разных стран. Приоритет в систематическом исследовании Центральной Азии принадлежит русским путешественникам. Сегодняшние успехи в изучении археологии, этнографии, географии, биологии и геологии Монголии были бы невозможны без большого труда и истинного подвига нескольких поколений русских ученых, прежде всего Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, А. М. Позднеева, М. В. Певцова, Н. М. Ядринцева, В. В. Радлова, П. К. Козлова, В. И. Роборовского, В. А. Обручева, Б. Я. Владимирцова, С. А. Козина.

Победа народной революции в Монголии в 1921 г. открыла новый этап в монголоведении. Народное правительство, которому предстояло решать ее общедемократические задачи, организовало Комитет наук МНР, возглавивший научно-исследовательскую работу в стране. Этот новый этап ознаменовался установлением тесных контактов, подлинного сотрудничества советских и монгольских ученых во всех областях, в том числе в изучении древней и средневековой истории Монголии, ярким примером чего может служить Советско-монгольская археолого-этнографическая экспедиция, работавшая в МНР в 1948—1949 гг. под руководством чл.-корр. АН СССР С. В. Киселева и проведшая раскопки развалин Хара-Хорина — столицы древнемонгольского государства. Давние и добрые традиции сотрудничества с монгольскими учеными продолжает Советско-монгольская историко-культурная экспедиция, организованная в 1969 году. Ее руководители — акад. А. П. Окладников (СССР) и акад. Ш. Нацагдорж (МНР). Эта экспедиция, равно как совместные экспедиции биологов, геологов и палеонтологов, иллюстрирует прочные связи двух академий наук, бесспорную плодотворность объединенных научных поисков. За 6 лет работы экспедиции в ней приняли участие десятки ученых ряда институтов АН СССР. Успехи последних лет в области монгольской археологии, этнографии, эпиграфики и древней истории страны неразрывно связаны с деятельностью данной экспедиции. Материалы поисков легли в основу многих статей монгольских и советских специалистов, они обобщены в монографических работах, в докладах участников международных конгрессов, проходивших в Улан-Баторе в 1970, 1973 и 1976 годах. Комплексный характер экспедиции с первых дней ее деятельности нацелил различные отряды на исследование некоторых узловых проблем древней и средневековой истории страны.

Одним из ведущих научных направлений в ее работе является изучение каменного века, в первую очередь древнейших стоянок палеолита, что дает возможность определить специфику палеолитических культур Центральной Азии. Хотя первые шаги по изучению местного каменного века были сделаны еще в 20-е годы XX в.¹, почти все выдвинутые проблемы разрабатывались в целом впервые. В центре внимания палеолитического отряда стояла проблема первоначального заселения Центральной Азии, теснейшим образом связанная с общими вопросами происхождения человека на Земле и освоения им азиатского материка. Вопрос о месте и роли Центральной Азии в этой связи неоднократно ставился на човестку дня и каждый раз не мог быть разрешен из-за отсутствия достаточной информации. Новые открытия стоянок палеолитического человека в Монголии значительно расширили представления ученых о том периоде истории человечества.

Прежде всего следует назвать обнаруженные на востоке страны — в Дариганге ашельские комплексы, которые позволили удревнить первобытную историю Монголии на многие тысячелетия. «Открытие в Центральной Азии культуры нижнего палеолита с характерными рубилами аббевильского или ашельского типа, несравненно более типичными, чем отмечавшиеся различными исследователями «рубила» в Китае (Динь цунь), является фактором столь же неожиданным, как и принципиально важным для выяснения путей развития древнейшей человеческой культуры на азиатском материке»². Находки древнейших палеолитических орудий в Монголии (от южногобийской зоны до Хубсугула на севере, от Халхин-Гола на востоке и до Алтая на западе) позволяют сделать вывод о том, что в отдаленные доисторические эпохи эта территория представляла собой достаточно плодородный район, население которого передвигалось с места на место в поисках пищи, оставляя повсюду мастерские каменных орудий. О наличии сколько-нибудь стабильных жилищ в Центральной Азии пока не известно, а об освоении пещер может косвенно свидетельствовать знаменитая пещера Хойт-Цинкерийн-агу, стены гротов которой покрыты древнейшими в Центральной Азии рисунками³.

Одной из характерных черт монгольского палеолита, в отличие от европейского, является большая стабильность техники обработки орудий, устойчивость традиционных форм памятников. Эта неизменность технических приемов на протяжении огромных промежутков времени прослеживается при анализе форм нуклеусов, в устойчивости леваллуаских приемов обработки камня, в наличии своеобразно расколотых галек — «чопперов» (известных также по раскопкам на соседних с Монголией территориях Азии)⁴. Но, сохраняя и насаждая в течение тысячелетий определенные традиции в производстве каменных орудий, древние племена Центральной Азии неуклонно развивали и совершенствовали эту технику, устанавливали широкие контакты с племенами, обитавшими на столь отдаленных территориях, как Средняя и Южная Азия, Сибирь. Отмечая сходство палеолитических монгольских материалов с материалами из Хаджикентской пещеры (вблизи Ташкента), исследователи пришли к выводу, что уже в те эпохи Монголия являлась одним из древнейших узлов перекрещивания путей и культурных контактов между народами, связывая Среднюю Азию, Сибирь и Маньчжурию, Китай и Индию. Эти факты говорят о том, что изучение центральноазиатского палеолита — задача, выходящая за рамки монгольской истории. Большой удачей можно считать открытие многослойного поселения на р. Орхоне, неподалеку от монастыря Эрдэни-Дзу, в пади Мольтын-ам. Стоянка Мольтын-ам — памятник с культурным слоем до 1,5 метра. Древнейший его слой датируется началом верхнего палеолита, верхние

¹ P. C. Andrews. On the Trail of Ancient Man. N. Y. 1926; см. также: J. Magin-gier. Contribution to the Prehistory of Mongolia. Stockholm. 1950.

² А. П. Окладников. Новые данные по древней истории Монголии. «Олон усын монголч эрдэмтний II Их хурал». I боть. Улаанбаатар. 1973, стр. 350.

³ См. «Вестник» Академии наук СССР, 1972, № 9, стр. 74.

⁴ А. П. Окладников. Первобытная Монголия. «К вопросу древнейшей истории Монголии». Улан-Батор. 1964, стр. 19.

же слои — эпохой неолита⁵. Раскопки памятника со столь мощным слоем, позволяющим проследить стратиграфию, уже сам по себе факт в условиях Монголии уникальный, поскольку на большей части ее территории ветер развеивает пески, не давая образоваться культурному слою.

Значительно расширились представления исследователей и о неолитическом периоде Центральной Азии. Если до 1948 г. стоянки этой эпохи были известны только в четырех аймаках (Южнгобийском, Восточном, Центральном и Селенгинском)⁶, то в настоящее время памятники неолита открыты почти во всех аймаках страны. Вызывают интерес развееянные гобийские стоянки. Так, в Баинзаге (Южная Гоби) обнаружены свидетельства примитивного земледелия — каменные зернотерки и песты. Там же найдены сосуды яйцевидной формы с рисунком серого и красноватого цвета. Эти комплексы, сходные с северными забайкальскими, А. П. Окладников отнес к раннему периоду неолита (IV тыс. до н. э.) и впервые выделил ранний и поздний комплексы южнгобийского неолита⁷. Благодаря работам Советско-монгольской экспедиции особенно хорошо представлен восточномонгольский неолит. Здесь следует отметить два наиболее существенных явления. Во-первых, сходство кремневого инвентаря неолитических стоянок Монголии и Северной Азии, на основе чего можно заключить, что неолитическое время в Монголии отмечено если не прямой экспансией таежных племен Северной Азии, то во всяком случае их глубоким влиянием⁸. Во-вторых, появление зачатков земледелия, открытие поселения с долговременными жилищами (полуземлянки) и древнейших в Монголии погребений (в «сидячей» позе) в Тамцаг Булаке (Восточная Монголия), давшем название тамцагбулакской культуре. Результаты раскопок этого единственного в стране неолитического поселения со стационарными земляными жилищами неоднократно освещались в статьях участников экспедиции.

Открытие в Монголии примитивных земледельческих культур дает возможность по-новому взглянуть на историю земледелия и оседлости в этой стране. Ранние неолитические земледельческие культуры Восточной Монголии значительно отличаются от соседних, китайских культур яншао и луншань. Отличие состоит прежде всего в отсутствии возделывания риса в Монголии. Основным культурным растением Центральной Азии было, по-видимому, просо. Данное предположение кажется тем более вероятным, что там известна и его дикорастущая форма — метельчатое просо. В связи со своеобразием восточномонгольского земледелия не удивительно отсутствие (или очень редкие находки) зернотерок и курантов (конусообразной формы инструмент для растирания ручным способом). Для монгольского неолита характерна пластинчатая техника, уходящая генетически в более ранние, мезолитические культуры. Эти факты говорят о местных корнях монгольского неолита и нацеливают на дальнейшие поиски его истоков.

Широкие и планомерные исследования неолитических памятников раздвинули представления и о культуре, эстетических вкусах и религиозных верованиях людей новокаменного века. О культе предков, вере в загробную жизнь и первобытной символике свидетельствуют погребения, в которых костяки сильно окрашены охрой. О тотемизме и, возможно, культе быка говорит захоронение бычьего черепа. О культе кабана можно судить по костяным изображениям и подвескам, сделанным из кабаньих клыков, которые обнаружены в погребении Норовлин уула⁹. Данное погребение, бес-

⁵ А. П. Окладников. Новое в изучении древнейших культур Монголии. «Советская этнография», 1962, № 1, стр. 83.

⁶ В. Е. Ларичев, В. В. Волков. Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби (Солонкер сомон, Сулат Хэрх-обо). «Археология и этнография Дальнего Востока». Новосибирск. 1964, стр. 165.

⁷ А. П. Окладников. Новое в изучении древнейших культур Монголии, стр. 89.

⁸ См. «Вестник» Академии наук СССР, 1972, № 9, стр. 75.

⁹ В. В. Волков. Погребение в Норовлин уула (Монголия). «Археология Северной и Центральной Азии». Новосибирск. 1975.

спорно, является наиболее интересным и самым богатым погребением неолитического времени. Оно было открыто в Восточном аймаке в 1972 году. Раскопки вскрыли массу украшений, бус, подвесок в виде сверленных клыков кабана, а также звездчатой формы бляшки и фигурки животных. Найдены ножевидные пластины, двулезвийный костяной кинжал с кремневыми вкладышами.

Одна из интереснейших находок — каменный амулет с выгравированным на нем человеческим лицом. Это — древнейшее антропоморфное изображение. Портрет, несмотря на известный схематизм, очень выразителен и, что особенно любопытно, не может рассматриваться как типично монголоидный. Из глубины пятитысячелетней древности перед нами предстает длинное горбоносое лицо с четко выраженными широкими скулами и большими круглыми глазами. Схематический портрет скорее воспроизводит представителя палеоазиатского населения Центральной Азии и в известной мере напоминает скульптурные портреты древних богов индейцев Америки. Эта параллель не должна показаться невероятной. Быть может, она так же закономерна, как и сходство погребального обряда неолитических племен Восточной Монголии (покойники сидят с подогнутыми ногами) с сидячими захоронениями в Америке, являющейся «классической» страной сидячих и скорченных погребений¹⁰. А для пояснения столь далеких, казалось бы, сравнений можно лишь напомнить о наиболее принятой в настоящее время теории заселения Америки, согласно которой в конце каменного века существовала прямая дорога с азиатского материка через Чукотку и Аляску в Америку. Несмотря на успехи в изучении неолита, многие важные вопросы остались еще не выясненными. Поэтому первоочередной задачей является систематическое исследование открытых экспедицией памятников и проведение раскопок большими площадями. Это поможет суммировать разрозненные данные по первобытной истории МНР.

Вторая проблема, находящаяся в поле зрения экспедиции, — изучение культур бронзового века Монголии, их характера и происхождения. Эпоха бронзы, охватывающая II — начало I тыс. до н. э., долго оставалась наименее исследованным периодом истории страны. Между тем то было время больших социально-экономических перемен и в хозяйственной деятельности, и в идеологии населения Центральной Азии. В позднем бронзовом веке завершается процесс складывания кочевого скотоводческого хозяйства, определившего на многие столетия экономику, быт и культуру населения страны. Именно с этими изменениями связаны такие крупнейшие по размаху и последствиям исторические события, как передвижения кочевых племен в эпоху «великого переселения народов». Исследование бронзового века Монголии начинается с его ранней стадии — энеолита, стоянки которого открыты в гобийских аймаках. Однако затруднения в датировке памятников гобийских зон вследствие нечеткости стратиграфии культурных слоев в этом регионе, да и вообще недостаточная изученность данного периода все еще оставляют много неясных вопросов. Новые археологические материалы позволяют высказать предположение, что корни культур центральноазиатской бронзы следует искать в памятниках позднего неолита, открытых на юге и востоке страны. Можно также говорить о выделении двух зон различных культур в эпоху позднего неолита, когда наметилось четкое разграничение памятников северной (лесной) и южной (гобийской) зон.

Одной из нерешенных остается проблема карасукской культуры, истоки которой прослеживаются много слабее, чем ее традиции, четко проступающие в материальной культуре последующих эпох¹¹. Тем более значительной становится задача поисков предтечи этой культуры. О случайно найденных в Монголии карасукских предметах, о высоком мастерстве литейщиков и художественном совершенстве карасукских бронз писалось неоднократно. Однако в литературе до сих пор нет единого мнения о проис-

¹⁰ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. II. «Материалы и исследования по археологии». М.-Л. 1950, стр. 314.

¹¹ Э. А. Новгородова. Карасукские традиции в раннескифском монументальном искусстве Монголии. «Древний Восток». М. 1975.

хождении этой культуры, о ее связи с предшествующими. Археологи установили, что карасукская эпоха в Монголии может быть охарактеризована как время зарождения своеобразного «звериного стиля», проявившегося в украшении многих видов орудий и оружия изображениями голов горных баранов, диких козлов, оленей, тигров, барсов, пантер. В ту же эпоху складывания кочевого скотоводческого хозяйства и утверждения широких контактов с соседними народами появился в Западной Монголии, судя по петроглифам, новый вид транспорта — 2- и 4-колесные колесницы со впряженными в них 2, 3 и 4-мя конями. Одни ученые полагают, что такого рода повозки возникли в Монголии в III — I вв. до н. э.¹², другие относят их появление к более раннему, скифо-тагарскому времени¹³, третьи датируют их концом эпохи бронзы¹⁴.

Эпоха раннего железного века (I тыс. до н. э., или скифская эпоха, как принято называть ее в Восточной Европе) является одной из ярчайших страниц древней истории Центральной Азии. Памятников, относящихся к данной эпохе, необычайно много, и они крайне разнообразны: огромные плиточные могильники и каменные курганы, жертвенники и каменные стелы с причудливыми изображениями оленей (получившие поэтому название оленных камней). К этому времени относится основная масса наскальных рисунков, а также обширная коллекция бронзовых изделий, экспонируемых ныне в музеях МНР. Благодаря раскопкам последних лет обнаружены в большом количестве железные предметы и оружие. Изучение этих памятников связано с решением ряда проблем, прежде всего происхождения так называемого скифского «звериного стиля» в искусстве Центральной Азии, а быть может, и культур скифского типа вообще, имевших место вдоль широкого пояса степей Евразии. Находки в Монголии, как и открытия последних лет в соседней Туве, дают возможность предположить, что многие элементы культуры, ставшие отличительной особенностью скифов Причерноморья, раньше появились в Центральной Азии и, по-видимому, оттуда по «великому поясу» степей продвинулись далеко на запад, вплоть до Дуная.

Свежие материалы, проливающие дополнительный свет на памятники раннего железного века, позволяя дать им общую характеристику, наметить ареалы распространения и выяснить основные проблемы древней истории Монголии. Новые данные свидетельствуют, что вышеупомянутые памятники разбросаны по территории МНР очень неравномерно и что многие из них носят следы локального своеобразия. Если для ранних этапов бронзового века констатируется различие в материальной культуре южных (гобийских) областей и северных (лесных) территорий, то в I тыс. до н. э. (время появления и освоения племенами Монголии железа) различия прослеживаются прежде всего между западом и востоком страны. Восточная зона включала Хангайскую горную страну, Хэнтэй и степи Восточной Монголии; западная — горную систему монгольского Алтая и районы, прилегающие к Южной Туве. Граница между ними проходила, видимо, по котловине «Великих озер», пересекающей территорию МНР с севера на юг, где она смыкается с пустынями Южной Гоби.

Основными памятниками восточной зоны в I тыс. до н. э. являются плиточные могилы — прямоугольные оградки, сооруженные из вертикально врытых в землю плоских каменных плит. Такие могилы встречаются здесь повсеместно, они обнаружены и за пределами МНР — в Забайкалье и Прибайкалье. На юге район их распространения глубоко вклинивается в Гоби, достигая, вероятно, границ Северного Тибета, где отмечены памятники, похожие на плиточные оградки. Таким образом, культура плиточных могил охватывает огромные степные пространства Центральной Азии, в том числе

¹² Д. Дорж. Периодизация наскальных изображений Монголии. «Олон улсын монголч эрдэмтний II Их хурал». II боть, стр. 173; N. Secodjav. Mongolia and the Civilisation, «Mongolia», 1973, № 4, p. 25.

¹³ А. П. Окладников. Олень — золотые рога. М.-Л. 1964, стр. 210.

¹⁴ В. В. Волков. Древние колесницы монгольского Алтая. «Монголын эртний тух-соёлын зарим асуудлал». Улаанбаатар. 1972, стр. 87; М. П. Кожин. Гобийская квадрига. «Советская археология», 1968, № 3, стр. 36.

большую часть территории МНР. На всем протяжении она определяется единством погребального обряда (захоронение в каменных ящиках, умершие положены в вытянутом положении на спине, головой на восток) и такими особенностями погребального инвентаря, как сосуды на трех полых ножках — триподы и специфической формы ножи с выемчатыми фигурками людей и животных на рукоятках. Такие формы орудий труда и керамики типичны для культуры плиточных могил, а западнее, в других культурах скифского времени, они не известны. Антропологический материал из плиточных могил невелик, но он довольно однороден и указывает на то, что строители плиточных оградов были типичными монголоидами. Следовательно, в Центральной, Восточной и Южной Монголии уже в I тыс. до н. э. был распространен антропологический тип, который и ныне является основным для данной страны.

Иная картина наблюдается на северо-западе Монголии. Здесь безраздельно господствуют курганные захоронения. Плиточные могилы встречаются крайне редко. Наскальные рисунки и извлеченный из захоронений материал тяготеют к алтайским, тувинским и аналогичным памятникам Средней Азии. Однако эти памятники Монголии до недавнего времени почти не изучались. Поэтому дать какую-либо суммарную их характеристику было затруднительно. За последние годы положение изменилось. При раскопках плиточных могил в Тэвш ууле Баян-Хонгорского аймака найдены богатые захоронения, в которых обнаружены бусы, бляшки, фрагменты расписной посуды и массивные золотые височные украшения, увенчанные головами горных баранов с бирюзовыми инкрустациями. Наши представления о плиточных могилах расширились также благодаря раскопкам в долине р. Орхона, в местности Тэмэний-ам.

В 1972—1974 гг. Советско-монгольская экспедиция вела раскопки могильника в окрестностях Улангома. Памятник этот, расположенный на высоком склоне горы Чандамань уул, относится к позднескифскому времени (V—III вв. до н. э.) и является аналогом тувинским комплексам того же времени¹⁵. Погребальные комплексы Улангомского могильника представлены двумя вариантами: коллективные захоронения в бревенчатых срубах и одиночные (или парные) — в каменных ящиках¹⁶. Все погребенные положены скорченно, на боку (левом или правом), головой на север. В могилах обнаружены в больших количествах бронзовые и железные ножи, костяные и бронзовые наконечники стрел, костяные бляхи и пряжка с резным изображением оленей в движении, кинжалы и зеркала, украшенные птичьими головками. Самую большую серию составляют сосуды ручной лепки, многообразные по форме. Преобладают узкогорлые сосуды с изысканными наlepными орнаментами, часто спиралями. Сосуд с наlepными фигурками оленя и козла — пока что первая и единственная подобная находка в Центральной Азии. Рисунок на сосуде позволяет датировать большую серию аналогичных изображений животных на наскальных рисунках и петроглифах не только Монголии, но также Тувы и других смежных территорий. Керамический материал из раскопок в Улангоме и предварительное заключение о палеоантропологических данных из могильника указывают на западные и северо-западные связи этой части древнего населения страны и свидетельствуют о резком отличии материальной культуры западномонгольского населения от восточного. Так подтверждается гипотеза о существовании в Монголии в середине I тыс. до н. э. двух этнических зон¹⁷. Отныне этот факт следует учитывать при решении одного из кардинальных вопросов местной истории — проблемы происхождения монгольского народа.

Другим ярким памятником той же эпохи были оленные камни (монументальные каменные изваяния) — стилизованные изображения древних воинов. Благодаря им мож-

¹⁵ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. «Вестник» Московского университета, серия «История», 1958, № 4.

¹⁶ В. В. Волков, Э. А. Новгородова. Археологические исследования в Монголии. «Археологические открытия 1972 года». М. 1973.

¹⁷ В. В. Волков. Улангомский могильник и некоторые вопросы этнической истории Монголии. «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». Улан-Батор. 1974.

но реконструировать не только одежду и вооружение воинов VIII—V вв. до н. э., но и представить быт, верования и мировоззрение племен, населявших Центральную Азию. Оленные камни встречаются от Тувы до гобийской зоны. Наибольшее их распространение приходится на горно-степные районы Монголии: хребты Саян, Алтая и Хангая. По характеру изображений на них принято выделять три типа оленных камней: со стилизованными изображениями; с реалистическими, но статично поданными фигурами животных; без фигурок животных, а только с изображением пояса, на котором иногда высечено оружие. Ареал памятников первого и второго типа значительно уже, чем стел третьего типа: это Забайкалье, Монголия и Тува. Стелы третьего типа встречаются в центральноазиатских районах вплоть до Киргизии и Казахстана. Единичные находки известны в Зауралье.

Советско-монгольской историко-культурной экспедицией за годы ее работы обнаружено около 500 таких памятников. Причем на востоке Монголии оленные камни попадаются крайне редко, преобладают они в горно-степной, центральной и северо-западной частях страны. Экспедицией получены дополнительные данные, позволяющие составить карты распространения основных типов оленных камней, а также поновому осветить вопросы хронологии и семантики этих стел. Итак, наиболее древними были оленные камни со стилизованными фигурками животных. Эти памятники датируются по выбитым на них предметам вооружения раннего карасукского облика: выемчато-эфесовые кинжалы, ножи с навершиями в виде звериных голов, чеканы ранних форм, неизвестные в более поздних памятниках. Почти на каждом оленном камне выбита пятиугольная фигура, которая изображала щит воина. Оленные камни второго и третьего типов следует, видимо, относить к более позднему времени — к началу скифской эпохи. Эти выводы кажутся несколько неожиданными, поскольку заставляют поновому рассматривать и особенности «звериного стиля» Центральной Азии и проблему сравнительно раннего появления отдельных приемов этого стиля, столь широко распространенного в искусстве степных скотоводов Евразии.

Изучение оленных камней оказалось весьма перспективным и тесным образом связанным с исследованием других памятников той эпохи, прежде всего петроглифов. Монголия как горная страна изобилует наскальными изображениями. Однако проблема датировки и этнокультурной их принадлежности до сих пор трудно разрешима. Вот почему особенно важны изображения людей и животных на оленных камнях, служащие четко датирующим эталоном. Именно поэтому наскальные рисунки скифской эпохи к настоящему времени наиболее хорошо изучены.

Следующей проблемой, привлекавшей внимание экспедиции, была материальная культура гуннов (хунну, сюнну), их история и культура, тесно переплетавшаяся с писаной историей их соседей. Поэтому не удивительно, что сведения о них обильны, разнообразны и порой противоречивы. В древней истории Монголии эта этническая общность благодаря сообщениям китайских источников сохранила первоначальное имя и подробную хронику своей политической жизни. Правда, подобная информация тенденциозна, но это и понятно, ибо нужно иметь в виду, что симпатии китайских авторов неизменно оставались на стороне их правителей, по чьей воле и по чьему заказу составлялись хроники. В подобной ситуации археологические данные приобретают значение важного дополнительного источника. Что касается быта и материальной культуры хунну, то археология по-прежнему остается ни с чем не сравнимым источником. Хуннские погребения были раскопаны экспедицией в Дархане, где в деревянных гробах пяти хуннских могил были найдены бусы из бирюзы, бляхи, сосуды, украшенные росписями из охры (подобные орнаменты, нанесенные на сосуды охрой, хорошо сохранились и в таком состоянии обнаружены впервые)¹⁸. В Тэвш ууле были раскопаны в 1971 и 1972 гг. восемь хуннских каменных курганов, в которых вскрыты по-

¹⁸ В. В. Волков, Ю. С. Гришин. Раскопки и разведки в Монголии. «Археологические открытия 1969 года» М. 1970.

гребальные камеры, перекрытые деревянными настилами. В деревянных гробах, окрашенных в желтый цвет, лежали ханские зеркала, обломки лаковых чашек, бусы, типично хуннские пряжки. В мужских погребениях найдены луки и наконечники стрел, на одном из гробов — большое деревянное блюдо на четырех квадратных ножках. В 1973 г. погребения этой эпохи были открыты в Улангомском могильнике, недалеко от курганов скифского времени.

Участники экспедиции продолжали поиски и разведку хуннских городищ. Одно из них, расположенное на берегу р. Барунбайдриг в Баяндэлгерском сомоне Центрального аймака, открыто Х. Пэрлээ и Э. В. Шавкуновым в 1972 году¹⁹. Городище представляет собой правильный четырехугольник, со всех сторон обнесенный валом. В центре городища находилась высокая платформа и каменная кладка — следы фундамента здания дворцового типа. Большой овальный котлован диаметром около 40 м служил водоемом на случай осады. Указанные материалы позволяют уверенно говорить о районах расселения хунну в Монголии, выделить несколько типов погребальных сооружений (при сходном сопроводительном инвентаре) и в ряде случаев уточнить сведения, почерпнутые из письменных источников. Так, можно считать достаточно обоснованным мнение о существовании у хунну укрепленных городищ.

Изучению средневековых памятников Монголии также уделялось большое внимание. Наиболее существенными следует считать открытия большой серии древнетюркских надписей в Гобийском, Алтайском, Хангайском и Кобдоском округах. Большим событием явилась находка в 1970 г. при раскопках кургана на берегу р. Тархингол (Арахангайский аймак) трех фрагментов стелы с древнетюркскими текстами. Этот полностью возрожденный памятник, нижняя часть которого и постамент в виде черепицы были известны ранее, можно назвать крупнейшим в стране памятником древнетюркской письменности (конец VII в.). Другим, столь же интересным памятником и еще более древним явилась Бугудская стела с согдийской надписью. Текст этого памятника после прочтения его В. А. Лившицем позволяет восстановить события политической истории первого Тюркского каганата, сообщая о первой попытке ввести там буддизм в период между 572 и 587 годами²⁰.

Наконец, исключительный интерес представляют открытые на городище XVII в. Хар-Бухын-балгас коллекции берестяных книг, написанных черной тушью на монгольском и тибетском языках. Собранные по палеоантропологии и антропологии современного населения МНР данные тоже имеют большое значение для изучения истории формирования антропологических типов не только на территории Монголии, но и в Южной Сибири, на Дальнем Востоке и в Северной Азии. Круг проблем, открытий и находок экспедиции не исчерпывается сказанным. Работы продолжаются и расширяются. С каждым годом уменьшается площадь белых пятен на археологической карте МНР, увеличиваются объем исследований и ширина охвата многообразных проблем монгольской древности и средневековья.

¹⁹ Э. В. Шавкунов. Обследование гуннских городищ в Монголии. «Археологические открытия 1972 года».

²⁰ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугуда. «Страны и народы Востока». Вып. X. М. 1971, стр. 121.

В Отделении истории АН СССР

СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

С именем академика Ивана Александровича Джавахишвили связано становление советской исторической науки в Грузии. Будучи воспитанным на идеях национально-освободительного и демократического движения, И. А. Джавахишвили относился к передовой демократической грузинской интеллигенции, представители которой после победы Советской власти все свое дарование отдали развитию науки и культуры нового, социалистического общества.

И. А. Джавахишвили родился в Тбилиси 23 апреля 1876 года. С детства он увлекался изучением истории и культуры родного края. По окончании тбилисской гимназии в 1895 г., поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, который являлся одним из самых значительных центров востоковедения в то время, единственным научным очагом грузиноведения. Способности и трудолюбие студента И. А. Джавахишвили обратили на себя внимание преподавателей, и он был привлечен к научно-исследовательской работе. И. А. Джавахишвили получил солидное образование: изучил восточные, классические и западноевропейские языки, свободно мог пользоваться греческими, латинскими, армянскими, персидскими и сирийскими источниками.

После окончания университета в 1899 г. по рекомендации Н. Я. Марра И. А. Джавахишвили был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию. В 1901 г. он сдал магистерские экзамены, ездил в научную командировку в Германию, а в 1902 г. вместе с Н. Я. Марром — на Синайский полуостров для изучения и описания хранящейся там богатейшей коллекции древних грузинских рукописей. В том же году И. А. Джавахишвили стал приват-доцентом Петербургского университета по кафедре армяно-грузинской филологии. В 1907 г. он успешно защитил магистерскую диссертацию «Государственный строй древней Грузии и древней Армении», в которой доказал наличие классового общества в этих странах еще в эпоху древней истории.

В 1917 г. И. А. Джавахишвили возвращается в Грузию. Благодаря его деятельности через год в Тбилиси был создан университет, ректором которого он являлся до 1926 года. В 30-е годы И. А. Джавахишвили сотрудничал в качестве научного консультанта в Музее Грузии, в Институте кавказоведения (преобразованном затем в Институт языка, истории и материальной культуры), был директором Музея имени Шота Руставели, в 1937—1940 гг. руководил археологической экспедицией в Мцхета-Армази, а также раскопками в Дманиси, Болниси, Гегути. Его заслуги в развитии исторической науки получили высокую оценку. В 1939 г. И. А. Джавахишвили был избран действительным членом АН СССР, в 1938 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени и избран депутатом Верховного Совета Грузинской ССР, а также членом Президиума Верховного Совета Грузинской ССР.

Неутомимый труженик науки, И. А. Джавахишвили скончался во время чтения научного доклада в Тбилиси 18 ноября 1940 года.

Круг научных интересов И. А. Джавахишвили был весьма широк: история Грузии, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Но в центре внимания ученого находились проблемы этногенеза, экономической, социальной и политической истории Грузии, которые рассматривались им в тесной взаимосвязи с историей соседних стран и народов. Перу И. А. Джавахишвили принадлежит ряд фундаментальных исследований: «История грузинского народа» в 4-х томах (издавалась неоднократно в 1908—1967 гг.), «Исто-

рия грузинского права» в 2-х томах (издана в 1928—1929 гг.), «Экономическая история Грузии» в 2-х томах (второе издание 1930 и 1934 гг.), «Основные вопросы истории грузинской музыки» (1938 г.). Под общим заглавием «Задачи, источники и методы истории в древности и теперь» были опубликованы его работы «Древнегрузинская историография (V—XVIII вв.)» (дважды — в 1916 и в 1945 гг.), «Грузинская палеография» (дважды — в 1926 и 1949 гг.), «Грузинское грамотоведение, или дипломатика» (1926 г.), «Грузинская нумизматика и метрология» (1925 г.).

В числе важнейших работ И. А. Джавахишвили такие исследования, как «История социальной борьбы в Грузии в IX—XIII вв.» (1934 г.), «Одна страница крестьянского движения в древней Армении» (1922—1923 гг. — на грузинском, 1936 г. — на армянском языке), «Илья Чавчавадзе и история Грузии» (1937 г.) и др.

Вопросы этногенеза грузинских племен занимали видное место в трудах ученого. Среди них — «Первоначальный строй и родство грузинских и кавказских языков» (1937 г.), «Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока» (1939 г.), «Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока» (посмертно, 1950 г.), в которых автор проводит мысль о родстве картвельских и кавказских племен и их перемещении с юга на север.

И. А. Джавахишвили принадлежит большая заслуга в выявлении и публикации исторических источников. Им были найдены и опубликованы список летописи «Картлис цховреба», «Ахали Картлис цховреба» («Новая история Грузии») и ряд других исторических источников и литературных памятников.

Глубоко изучая историю материальной культуры, И. А. Джавахишвили исследовал строительное искусство древней Грузии, предметы быта — одежду, ткани, мебель, посуду и т. д., материалы переписей, податные списки, расходные книги и др. Собранные им данные по экономической истории и о развитии материальной культуры Грузии опубликованы посмертно.

И. А. Джавахишвили интересовался также проблемами языкознания и литературоведения. Его труды представляют большой интерес с точки зрения исследования проблем истории Армении, народов Северного Кавказа, их языков, культуры, а также для иранистики.

Ученый вел большую общественную работу. Будучи организатором исторической науки, он в то же время занимался распространением научных знаний. Его доклады перед широкой аудиторией, статьи в центральной и республиканской прессе были выступлениями страстного пропагандиста и популяризатора достижений советской исторической науки. Много внимания И. А. Джавахишвили отдавал подготовке научных кадров.

В связи со 100-летием со дня рождения И. А. Джавахишвили в Тбилиси 7—8 октября была проведена объединенная научная сессия АН Грузинской ССР и Тбилисского университета, которые готовят к изданию 12-томное собрание сочинений И. А. Джавахишвили. Институт рукописей имени К. Кекелидзе АН Грузинской ССР издал описание личного архива ученого, а центральная библиотека Академии наук республики — полный библиографический список его трудов.

Г. Г. Пайчадзе

Обзоры

К 25-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

25 лет назад, 26 июля 1951 г., во время раскопок в Новгороде работница археологической экспедиции, возглавляемой А. В. Арциховским, Н. Ф. Акулова заметила в щели между плахами настила древней мостовой XIV в. свиток бересты с нанесенными на нее буквами. Так была найдена первая новгородская берестяная грамота. В том же

году было обнаружено еще 9 таких грамот, во время раскопок 1952 г.—73, в 1953 г.—23, в 1954 г.—30, в 1955 г.—58, в 1956 г.—56 и т. д. В 1952 г. археологическая экспедиция Московского университета под руководством Д. А. Авдусина нашла первую берестяную грамоту при раскопках в Смоленске, а в последующие годы — еще 9. В 1958 г. первую псковскую грамоту на бересте (а затем еще 2) выявила во время раскопок в Пскове экспедиция Г. П. Гроздилова. Случайно (при строительных работах) была найдена берестяная грамота в Витебске в 1959 году. 13 берестяных грамот обнаружил (в 1966, 1969—1973 гг.) отряд Новгородской археологической экспедиции под руководством А. Ф. Медведева при раскопках в Старой Руссе. Но абсолютное первенство по количеству и по значимости найденных берестяных грамот остается за Новгородом. Всего за четверть века, по сезон 1975 г. включительно, здесь добыто 527 берестяных документов, а раскопки текущего 1976 г. принесли новые находки «говорящей» бересты.

С первых же сообщений об открытии берестяных грамот, с первых публикаций их текстов А. В. Арциховским¹ этот совершенно новый вид исторических источников привлек к себе внимание ученых различных стран. К настоящему времени опубликовано около 200 работ, специально посвященных новгородским берестяным грамотам². Они изданы в СССР, Болгарии, ГДР, Польше, Чехословакии, Финляндии, Швеции, Дании, Англии, Франции, ФРГ, Бельгии, США, Японии³.

Различные исторические проблемы на материале берестяных грамот освещаются в работах археологов⁴, историков⁵, палеографов. Данные по истории русского языка,

¹ Полная последовательная публикация берестяных грамот из раскопок 1951—1961 гг. осуществлена в изданиях: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М. 1953 (грамоты №№ 1—10); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М. 1954 (№№ 11—83); А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М. 1958 (№№ 84—136); и х же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М. 1958 (№№ 137—194); и х же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М. 1963 (№№ 195—318); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М. 1963 (№№ 319—495). В настоящее время А. В. Арциховским и В. Л. Яниным подготовлен очередной том этой серии, в котором публикуются новгородские берестяные грамоты №№ 496—539 из раскопок 1962—1976 гг., а также берестяные грамоты №№ 1—13 из раскопок в Старой Руссе. Значительное число текстов новгородских грамот на бересте из раскопок 1962—1975 гг. опубликовано в работах: А. В. Арциховский. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. «Советская археология» (далее — СА), 1965, № 3 (грамоты №№ 411, 413—415, 417, 419—421, 424); его же. Берестяная грамота № 439. СА, 1971, № 3; его же. Берестяные грамоты №№ 497 и 500. СА, 1974, № 1; В. Л. Янин. Берестяное письмо XII века (находки 1964 года); «Наука и жизнь», 1965, № 2 (грамота № 424); его же. Я послал тебе бересту... М. 1965 (грамоты №№ 410, 411, 413—415, 417, 419—421, 424); его же. Приезжий из Порхова. «Знание — сила», 1975, № 2 (грамоты №№ 519—521); его же. Комплекс берестяных грамот № 519—521 из Новгорода. «Общество и государство феодальной России». М. 1975; его же. Я послал тебе бересту... М. 1975 (грамоты №№ 406, 411, 413—417, 419—421, 424, 429, 436—440, 442, 445, 446, 448, 463—466, 469, 471, 473, 474, 476—478, 481—483, 487, 488, 490, 494—497, 500, 502, 508, 510, 515, 519—521); его же. Заметки о берестяных грамотах. «История СССР», 1976, № 4 (грамоты №№ 410, 471, 496, 509, 526).

² Наиболее полная (но не исчерпывающая) библиография этих работ по состоянию на 1969 г. содержится в книге Л. В. Черепнина «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» (М. 1969, стр. 4—14), а также (на 1973 г.) в брошюре «Артемий Владимирович Арциховский» (Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истории, вып. 12. М. 1973, стр. 22—31, 40—50). В дальнейшем, имея в виду наличие этих библиографий, ссылки делаются лишь на работы, в них не учтенные.

³ Большинство работ о новгородских берестяных грамотах, вышедших за рубежом, учтены в книге Л. В. Черепнина и в брошюре об А. В. Арциховском.

⁴ Кроме упомянутых работ А. В. Арциховского и В. Л. Янина, см.: А. В. Куза. Рыболовство в древнем Новгороде по берестяным грамотам. «Археологический сборник (Московский государственный университет. Исторический факультет. Научное студенческое общество)». М. 1961; С. Н. Орлов. Топография девяти берестяных грамот из Новгорода. «Вестник» Ленинградского университета, 1965, № 4. Серия истории, языка и литературы, вып. 3; Т. Кравченко. Письма на бересте. «Наука и жизнь», 1967, № 1; В. Л. Янин. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. «Вспомогательные исторические дисциплины». Вып. III. Л. 1970; его же. Письма на бересте. «Природа», 1976, № 8; «К 25-летию открытия берестяных

имеющиеся в берестяных текстах, анализируются в трудах филологов⁶. Появлялись и работы, посвященные материалам берестяных грамот, относящимся к области точных наук⁷.

Рассмотрены как различные проблемы, связанные с изучением самих берестяных грамот по отдельности или их комплексов (датировка, периодизация и классификация, интерпретация и эволюция содержания грамот, способы их обработки и прорисовки), так и ряд вопросов истории Великого Новгорода и Древней Руси вообще на основе данных, содержащихся в этих грамотах⁸: история земледелия, промыслов, ремесла, торговли, землевладения, феодальной ренты, крестьянства, холопства, купечества, города, феодального права и суда, внутренней и внешней политики Новгорода, духовной культуры, в том числе научных знаний, методов обучения письму, религиозных воззрений, вопросы исторической географии и топографии, топонимики и ономастики, история русского и прибалтийско-финских языков.

грамот». СА, 1976, № 3; Б. А. Колчин. Письма из XII века. «Наука и жизнь», 1971, № 3; А. В. Куза и А. А. Медынцева. Заметки о берестяных грамотах. «Нумизматика и эпиграфика», XI. М. 1974; В. А. Буров. «Муж добрь Есифъ Давыдович». СА, 1975, № 4; А. С. Хорошев. К 25-летию открытия берестяных грамот. «Вестник» Московского университета. 1976. Серия истории, № 4.

⁵ Л. В. Черепнин. Грамоты на бересте. «Русская речь», 1971, № 4; И. В. Мордасова. Натуральная и денежная рента в новгородском феодальном хозяйстве XIII—XV веков (по материалам берестяных грамот). «Проблемы истории феодальной России». Л. 1971; И. П. Старостина. К толкованию берестяной грамоты № 25. «История СССР», 1976, № 1; А. Д. Горский. Берестяная грамота № 256. СА, 1969, № 3; его же. Берестяные грамоты как источник по истории земледелия в Новгородской земле XII—первой половины XV в. «Вестник» Московского университета. Серия истории, 1969, № 3; его же. Некоторые итоги, задачи и перспективы изучения новгородских берестяных грамот. «История СССР», 1970, № 6.

⁶ В. И. Борковский. Берестяні грамоти як джерело для історії східнослов'янських мов. «Українська мова в школі», 1955, № 1, его же. Берестяные грамоты как источник для истории русского языка. «Vorträge auf der Berliner Slavistentagung (11—13 November 1954)». Berlin. 1956; его же. Фонетико-морфологические заметки о грамотах на бересте из раскопок 1953—1954 гг. «Вопросы языкознания», 1957, № 4; его же. Берестяные грамоты из раскопок 1955 г. Наблюдения над синтаксисом. «Славянская филология». II. М. 1958; его же. Судьба Ъ в новгородском диалекте по данным берестяных грамот из раскопок 1955 г. «Сборник статей, посвященный академику Яну Эндзину в связи с 85-летием со дня рождения и 65-летием научной деятельности». Рига. 1959; его же. Заметки о трех берестяных грамотах. «Вопросы грамматики». М.-Л. 1960; его же. Сложноподчиненные предложения в грамотах на бересте. «Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Splawiński». Warszawa. 1963; его же. Формы изгидидце в берестяной грамоте XIV в. «Zbornik u čast Stjepana Ivića». Zagreb. 1963; его же. Берестяные грамоты и некоторые вопросы исторического синтаксиса русского языка. «Проблемы сравнительной филологии». М.-Л. 1964; его же. Грамоты на бересте. «Русская речь», 1968, № 3; Н. А. Мещерский. К филологической интерпретации новгородских берестяных грамот. «Ученые записки» Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена, 1969, т. 366; его же. К филологическому изучению берестяных грамот «Вестник» Ленинградского университета, 1970, № 20; Б. В. Хрычков. О некоторых наблюдениях над лексикой новгородских берестяных грамот. «Ученые записки» Новгородского пединститута, 1962, т. 6, вып. 2; Т. И. Фроянов. Об употреблении перфектных форм в новгородских берестяных грамотах. «Вопросы изучения русского языка». Тезисы Научно-методической конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка. Ростов-на-Дону. 1962; В. Е. Ушаков. Пособие для обучения грамоте в Древней Руси. «Вопросы истории и методики изучения русского языка». Вып. 3. Йошкар-Ола. 1964; Н. В. Подольская. Топонимия новгородских берестяных грамот XI—XV вв. «Вопросы топонимики СССР». М. 1972.

⁷ См., например, Р. А. Симонов. Математическая таблица на бересте. «В мире книг». 1963, № 1; его же. Числовые грамоты на бересте XIII—XIV вв. и некоторые вопросы истории кирилловской нумерации. «Хиляда и сто години славянска писменост». София. 1963; его же. Берестяная грамота № 342 разъясняет темное место у Кирика Новгородца. СА, 1973, № 2; его же. «Цифровые алфавиты» Древней Руси. «Русская речь», 1973, № 1; его же. «Цифровые алфавиты» и состояние грамотности в Древней Руси. «Математика в школе», 1974, № 1.

⁸ Кроме сопоставлений текстов на бересте с другими древнерусскими письменными источниками, предпринят анализ берестяных грамот в связи с их топографией, историей застройки и городских усадеб древнего Новгорода соответствующего времени с учетом всего вещевого материала, «сопровождающего» эти грамоты (см. В. Л. Янин. Заметки о новых берестяных грамотах. СА, 1965, № 4; П. И. Засурцев. Новгород, открытый археологами. М. 1968).

Естественно, что теперь, по прошествии двух с половиной десятилетий, когда найдено уже более 500 берестяных грамот, когда написано до 200 работ, оценивающих их с разных сторон, а число трудов, в которых так или иначе используются и интерпретируются самые различные данные, содержащиеся в документах на бересте, еще больше, значение открытия нового вида исторических источников, особенности этого открытия выступают все более отчетливо и предметно.

Одной из примечательных черт открытия берестяных грамот является то, что в отличие от обычных случаев обнаружения новых документов — это, так сказать, продолжающееся открытие, причем продолжающееся с завидной регулярностью, с почти гарантированным успехом. Напомним, что из 25 раскопочных сезонов (с 1951 г.) лишь сезон 1968 г. не дал новых берестяных грамот (на это имелись свои причины: перенос места раскопок и т. д.), а летом 1976 г. найдено еще 12 грамот. Такая регулярность пополнения числа берестяных документов даже приучила историков относиться к их постоянному поступлению в распоряжение ученых как к некоему естественному процессу.

Между тем эти находки — плод огромной, многолетней, кропотливой работы большого и слаженного коллектива Новгородской археологической экспедиции: научных работников, студентов и рабочих, добывающих «породу» — землю культурного слоя древнего Новгорода, скрупулезно перещупывающих и просматривающих ее в поисках сохранных ею вещественных и, говорим мы теперь, письменных свидетельств далекого прошлого; результаты труда руководителей экспедиции (А. В. Арциховского, В. Л. Янина, Б. А. Колчина и др.), определяющих места и порядок раскопок, разработавших со своими сотрудниками методы датировок, фиксации и консервации грамот на бересте, их первоначального изучения и публикации. О большом значении всей деятельности экспедиции, в том числе открытия и изучения новгородских берестяных грамот, свидетельствует Государственная премия, которой ее работа была отмечена в 1970 году.

Одной из особенностей находок берестяных грамот в Новгороде (не раз уже отмечавшейся) является то, что они обнаружены не в одном-двух местах, а в Неревском, Ильинском, Лубяницком, Тихвинском, Суворовском, Торговом, Рогатицком, Троицком, Козмодемьянском раскопах, раскопе на улице Кирова, на месте бывшего Готского двора, неподалеку от церкви Петра и Павла «в Кожевниках», в районе современной улицы Красилова и т. д., то есть в культурном слое самых различных частей территории древнего города — на Софийской и Торговой его сторонах, в Неревском, Славенском и Плотницком концах.

Обстоятельством первостепенной важности является древность комплекса обнаруженных в Новгороде берестяных грамот: XI — первая половина XV века. Особенно замечательным представляется большое число грамот, датируемых XIV, XIII, XII и даже XI веком. Огромное значение находок древнейших письменных документов на бересте становится очевидным, если сопоставить количество датируемых временем до XIV — XV вв. включительно берестяных грамот и известных к настоящему времени «обычных» актов за тот же период⁹ (см. таблицу на стр. 145).

Из таблицы хорошо видно, что к настоящему времени письменные документы на бересте значительно преобладают в количественном отношении над пергаменными или бумажными актами Северо-Восточной Руси, Новгородской и Псковской земель порознь и в совокупности — до XIV в. включительно. Конечно, данные таблицы не отражают качественных различий между актами и берестяными грамотами. Ясно, например, что духовная Ивана Калиты или какая-либо договорная грамота Новгорода с тверским

⁹ Подсчеты актов в таблице основаны на публикациях: «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.-Л. 1949; «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков» М.-Л. 1950; «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков». Ч. I. М. 1951; «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.». Тт. I — III. М. 1952—1964; Л. М. М а р а с и н о в а. Новые псковские грамоты XIV — XV веков. М. 1966; В. И. К о р е ц к и й. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. «Археографический ежегодник за 1967 год». М. 1969; В. Б. К о б р и н. Грамоты XIV—XV вв. из архива Кьярилло-Белозерского монастыря. «Археографический ежегодник за 1968 год». М. 1970; С. М. К а ш т а н о в. Очерки русской дипломатики. М. 1970.

Века	Известно актов								Берестяных грамот	
	Новгородской земли		Псковской земли		Северо-Восточной Руси		Всего		всего	в том числе целых
	всего	из них подлинников	всего	из них подлинников	всего	из них подлинников	всего	из них подлинников		
XI	-	-	-	-	-	-	-	-	13	2
XI—XII	-	-	-	-	-	-	-	-	10	3
XII	7	2	-	-	-	-	7	2	79	21
XII—XIII	-	-	-	-	-	-	-	-	38	7
XIII (первая половина)	-	-	-	-	-	-	-	-	27	16
XIII (середина)	-	-	-	-	-	-	-	-	20	5
XIII (вторая половина)	8	8	2	1	1	-	11	9	44	10
XIII	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
XIII—XIV	1	-	-	-	1	-	2	-	35	6
XIV	35	16	10	1	43	17	88	34	163	34
XIV—XV	6	-	11	-	65	5	82	5	50	19
Итого:	57	26	23	2	110	22	190	50	480	123

или московским великими князьями по объему содержащейся в ней исторической информации и значению не может идти ни в какое сравнение с обрывком текста в несколько строк или слов, а то и букв на кусочке бересты. Но это различие нельзя и абсолютизировать. Иной раз и текст в десяток букв, сохраненный берестой, стоит многого: слова «о ти зайто въ треть» (берестяная грамота XII—XIII вв.) или упоминание «ябетников» (в двух грамотах XII в.) не менее ценны, чем отдельные страницы комментариев к «Русской Правде».

Трудно переоценить находку 13 берестяных грамот в слоях XI в., от которого в подлиннике до нас не дошло ни одного русского документального пергаменного источника. Рубежом XI—XII вв. датируются 10 берестяных документов. Русских пергаменных актов этого времени также не известно. Число берестяных грамот XII в. более чем в 11 раз превосходит количество документальных текстов того же века и в 40 раз — число подлинных сохранившихся пергаменных документов этого столетия. Таких документов для всего домонгольского периода сохранилось максимум два (грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю и данная Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю), а берестяных грамот, относящихся ко времени до середины XIII в., найдено 167 (в том числе 49 целых). Берестяные грамоты существенно пополняют запас документальных источников по истории Руси второй половины XIII—XIV веков.

Наличие такого существенного по объему (в совокупности), необычного по древности и широкого по «тематике» текстового материала создает новые возможности для исследований самого различного характера: для сопоставлений данных берестяных грамот с известиями «Русской Правды» и другими памятниками древнерусской письменности; документально обоснованного «удревнения» ряда понятий и терминов (а следовательно, и обозначаемых ими явлений и предметов), известных лишь по позднейшим источникам; расширения наших представлений о словарном составе древнерусского языка и т. д.

Конечно, большинство берестяных грамот сохранилось лишь в виде обрывков (по нашим подсчетам, целых грамот несколько более 140 из 539). Но, во-первых, многие даже отрывочные тексты на обрывках бересты представляют большой научный интерес. Поэтому правильнее учитывать количественное соотношение не целых грамот и их обрывков, а, с одной стороны, грамот с текстами (неважно, полными или отрывочными), поддающимися исторической и иной интерпретации, и, с другой — грамот, тек-

сты которых интерпретации не поддаются. Берестяных же грамот с «безнадежными» для интерпретации по содержанию текстами (для целей палеографии, например, интересны даже отдельные изображения букв на бересте) — лишь около 70 (то есть примерно 12—13% от всего числа грамот). Во-вторых, все берестяные грамоты — это подлинные документы; поэтому каждый даже незначительный по размерам фрагмент текста на бересте представляет большую ценность.

Еще одна особенность накопленного за четверть века комплекса новгородских грамот на бересте — разнообразие и нередко новизна представленных в нем типов документов. Здесь и хозяйственные записи, сообщения и распоряжения, и «приказы», и описание границ земельных владений, и записи феодальных повинностей и долгов, и крестьянские челобитья, и доклады ключников господам, и денежные расчеты и расписки, и ярлычки-этикетки, и тексты о государственных доходах и повинностях, и избирательные бюллетени, и сообщения о военных делах и дипломатических переговорах, и древнейшая грамота на карельском языке, и клировые и поминальные записи, и тексты молитв (в том числе в берестяной книжечке), и запись псалма на латинском языке, и азбуки, и «склады», и прописи, и цифровые записи, и загадка, и школярская шутка, и детские рисунки, и любовные записки, и, конечно, письма, письма, письма. Письма древних новгородцев. Письма от крестьян, от «селян», от «сирот», от «половников», от ключников, от старост, от «паробков», от «слуг», от мельника, от «ловца», от «попов», от подвойского, от посадников. Письма новгородок: Настасьи — к «братье», Марины — к сыну. Письма новгородцев своим отцам, матерям, жеман, детям, братьям, сестрам, невестке, свату, зятю, кумовьям, друзьям. Письма ремесленникам, феодалам, попам, игумену. Письма должностным лицам: посадникам, сыну посаднику, сотским, даннику новгородскому и всем «новгородцамо», письмо-челобитье самому «Господину Новгороду».

Примечательно, что содержание берестяных грамот касается обширной территории тогдашней Руси. Кроме десятков наименований различных географических объектов в собственно Новгородской земле и ее «волостях» (Ладога, Старая Русса и т. д.), грамоты упоминают Псков, Копорье, Торжок, Углич, Ярославль, Суздаль, Смоленск, Киев, Переяславль Русский (южный). Это свидетельствует о давних и широких связях Новгорода Великого с другими русскими землями.

Разнообразие содержания берестяных грамот позволяет использовать их данные для освещения весьма широкого круга проблем истории Древней Руси. Для изучения некоторых из них, как можно было видеть, материал берестяных грамот уже привлечен, и речь может идти лишь о более интенсивном его использовании, для изучения других — этот материал еще только предстоит привлечь. К первым относятся, например, история древнерусского ремесла (еще недостаточно использованы в этом плане сведения берестяных грамот о ремесленных изделиях и ремесленных специальностях), торговли, землевладения, борьбы за землю, отдельных категорий населения, административного деления и политического устройства древнего Новгорода (по всем этим сюжетам берестяные грамоты предоставляют все новые и новые сведения); ко вторым — история скотоводства, охоты, некоторые черты быта древних новгородцев и т. д.

Отмечая 25-летие выдающегося научного открытия, хотелось бы высказать некоторые пожелания. Пришла, очевидно, пора подготовить сводное академическое издание всех новгородских, а может быть, также смоленских, псковских, витебской и старорусских берестяных грамот с комментариями, возможно более полной библиографией, необходимыми иллюстрациями (фотографиями, прорисьями) и указателями. Назрела необходимость и в учебном издании избранных берестяных грамот, ставшая особенно настоятельной с увеличением количества вузов, готовящих специалистов по историческим дисциплинам. Такое учебное пособие могло бы быть использовано и в работе школьных факультативов и для ознакомления всех интересующихся прошлым нашей Родины с одним из крупнейших открытий XX в. в области истории.

Берестяные письма из древнего Новгорода продолжают поступать. Число их растет и теперь достигло уже 539. Будет, несомненно, расти и число исследований о берестяных грамотах и работ, в которых используется богатый материал этих ценнейших исторических источников. Залог этого — нелегкий и упорный, вдохновенный и кропотливый труд всех участников Новгородской археологической экспедиции.

А. Д. Горский

Рецензии

«Рабочие Ленинграда. 1703—1975». Краткий исторический очерк. Л. Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. 1975. 359 стр. Тираж 5400. Цена 2 руб. 4 коп.

Эта книга подготовлена авторским коллективом Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР¹. Ее создание стало возможным благодаря большой исследовательской работе, проделанной ленинградскими историками, что нашло отражение в монографиях по истории рабочего класса, документальных сборниках, книгах по истории ряда крупных предприятий. Авторы опирались, в частности, на материалы двухтомной «Истории рабочих Ленинграда»², участники написания которой удостоены в 1975 г. Государственной премии СССР.

Хронологические рамки книги весьма широки. Это позволяет осветить весь славный путь рабочих Петербурга — Петрограда — Ленинграда, дать панораму основных этапов их истории со времени основания города до наших дней.

Первый раздел повествует о досоветском периоде. В нем, в частности, идет речь о том, как с появлением и ростом на невских берегах города складывались первые группы работных и мастеровых людей, как уже в условиях феодализма формировались кадры наемных рабочих. Ускоренное развитие капитализма в России, последовавшее за отменой крепостного права в 1861 г., превратило Петербург в крупнейший промышленный центр страны, вобравший в себя сравнительно многочисленный отряд фабрично-заводских рабочих.

В книге показано, как ширилось и набирало силу рабочее движение. Огромное революционизирующее влияние оказали на пролетариат первые марксистские кружки и социал-демократические группы. В формировании классового самосознания, идейной закалке и политическом сплочении рабочих Петербурга переломным рубежом

стала середина 90-х годов прошлого века. Этот рубеж неразрывно связан с именем В. И. Ленина, с деятельностью созданного им «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Рабочие города вписали немало ярких страниц в историю стачечной борьбы пролетариата. Они приняли активное участие в революции 1905—1907 годов. Их самоотверженность, решительность и солидарность с рабочими других промышленных районов служили вдохновляющим примером для пролетариата России, для всех сил, выступавших против самодержавия, и предопределили успех Февральской буржуазно-демократической революции.

Большой раздел посвящен раскрытию выдающегося вклада рабочих Петрограда — Ленинграда в борьбу за власть Советов и победу социализма, в защиту великих завоеваний советского народа. Привлекаемый авторами материал подтверждает глубокую правомерность ленинской оценки: «Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России»³.

Авторы отмечают, что пролетариат Петрограда в 1917 г. представлял собой могучую и грозную силу. Более чем на 1 тыс. предприятий города и его окрестностей было занято 417 тыс. рабочих — почти 12% фабрично-заводского пролетариата России (стр. 133). Тон задавали металлисты. Такие промышленные гиганты, как Путиловский, Обуховский, Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский, Сестрорецкий, и другие заводы стали в период подготовки Великого Октября оплотом большевистской партии, настоящими бастионами социалистической революции. Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, активной силой которого явилась и рабочая Красная гвардия, открыла новую главу всемирной истории. Подлинный героизм ра-

¹ Авторский коллектив: А. Р. Дзенискевич, В. А. Ежов, Т. М. Китанина, Б. Н. Миронов, С. И. Потолов, З. В. Степанов. Редакция: З. В. Степанов (отв. редактор), В. С. Дякин, В. М. Ковальчук, З. С. Миронченкова, Н. Е. Носов, Д. И. Петрикеев.

² «История рабочих Ленинграда». Т. I. 1703 — февраль 1917; т. 2, 1917—1965. Л. 1972.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 361.

бочие Петрограда — колыбели Великого Октября — проявили в годы иностранной интервенции и гражданской войны, перенесли невиданные трудности и лишения. Они ковали оружие для фронтов, пополняли ряды Красной Армии, шли в деревню, чтобы помочь бедноте в борьбе с кулачеством, спасти страну от голода, громили контрреволюционные банды. Вместе с тем петроградские рабочие были первыми среди тех, кто закладывал основы социалистической экономики и новой организации труда, начинал культурную революцию.

С переходом к мирному труду рабочие Петрограда, преодолевая последствия хозяйственной разрухи и ослабления своих классовых сил, выдвинулись в авангард строителей социализма. Их энтузиазм и самоотверженность позволили в кратчайшие сроки восстановить и реконструировать промышленность города, уже к 1928 г. превзойти на 15% довоенную производительность труда (стр. 194). Здесь, в Ленинграде (это имя город носит с января 1924 г.), был налажен выпуск первых отечественных тракторов, созданы текстильное машиностроение, производство крупных гидро- и турбогенераторов, электро- и радиотехнических аппаратов и т. д. Ленинградские рабочие стали инициаторами многих форм массового социалистического соревнования, обеспечили широкую поддержку стахановскому движению.

Суровые испытания выпали на долю ленинградцев в Великую Отечественную войну. В книге справедливо отмечается, что ленинградские рабочие под руководством партийной организации сыграли большую роль в обороне города и разгроме фашистских войск под Ленинградом. Промышленность осажденного города дала значительное количество танков, артиллерийских орудий, боевых кораблей, стрелкового оружия и боеприпасов. Рабочие вливались в народное ополчение, строили оборонительные сооружения, быстро восстанавливали предприятия, пострадавшие от вражеских обстрелов и бомбежек. Конечно, все это достигалось ценой огромных усилий, страданий и жертв. Но рабочие города Ленина с честью выполнили патриотический долг перед социалистическим Отечеством, интернациональный долг перед прогрессивными силами Земли (стр. 249).

Главы третьего раздела рассказывают прежде всего об участии ленинградских рабочих в послевоенном восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства

страны, об их весомом вкладе в борьбу за превращение Ленинграда в крупнейший центр научно-технического прогресса. Этим в значительной мере определялась роль рабочих города в создании развитого социалистического общества в СССР. На счету рабочих Ленинграда немало славных дел, важных инициатив. Они — активные участники всенародного социалистического соревнования, движения за коммунистическое отношение к труду. Всесоюзную известность получили их новаторство, техническое творчество. В книге названы имена знатного токаря Балтийского завода дважды Героя Социалистического Труда А. В. Чуева, зачинателя наставничества слесаря-сборщика объединения «Электросила» С. С. Витченко, также удостоенного звания Героя Социалистического Труда, других замечательных мастеров своего дела.

Вместе с рабочими Москвы, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Урала, Сибири, других городов, областей и республик страны ленинградцы трудовыми свершениями встретили XXV съезд КПСС. Среди их конкретных дел — достижение объединением «Кировский завод» проектной мощности по выпуску трактора «К-701», спуск на воду атомного ледокола «Сибирь», досрочное освоение второго энергетического блока в 1 млн. квт. на Ленинградской атомной электростанции (стр. 357). Эти и другие факты, приводимые в книге, свидетельствуют о возрастающей роли рабочего класса в условиях развитого социалистического общества, на путях к коммунизму.

Книга рассчитана на широкого читателя. Ее популярный характер сочетается с обстоятельной научностью издания. Труд основательно документирован, содержит ссылки на использованные источники — как печатные, так и архивные.

Конечно, не все в работе равноценно. Встречаются и слабые места. Так, нельзя согласиться с авторами в трактовке начального этапа социалистического соревнования. Они пишут: «Социалистическое соревнование, возникшее на ленинградских предприятиях еще в начале 20-х гг., на рубеже 1928—1929 гг. получает широкий размах, горячую поддержку всех советских рабочих» (стр. 205). Таким образом, зарождение социалистического соревнования относится лишь к началу 20-х годов. Между тем многими исследователями обосновано, что осуществление ленинской идеи организации соревнования на социалистических началах, в том числе и в Петрограде, от-

носятся уже к первым месяцам Советской власти.

Коллектив авторов уделит мало внимания раскрытию общественно-политической активности ленинградских рабочих. Имеющийся на сей счет материал ограничен, как правило, указаниями на представительство рабочих в Советах депутатов трудящихся, на их удельный вес в составе партийных организаций, профсоюзов. Но это не в полной мере отражает живое участие рабочего класса в управлении государством и общественными делами, его ведущую роль в со-

юзе с крестьянством и интеллигенцией. Оказалась обойденной и такая важная тема, как вклад рабочих Ленинграда в борьбу за подъем сельского хозяйства в 50-х годах. Не вспомнили авторы и яркую страницу, вписанную ленинградцами в летопись всенародного подвига по освоению целины.

В целом же работа заслуживает положительной оценки, ибо вносит существенную лепту в создание обобщающих трудов по истории рабочего класса СССР.

И. Е. Ворожейкин

А Ф. ЧМЫГА. *Колхозное движение на Украине (1917—1929 гг.). Очерки истории.* Изд-во Московского университета. М. 1974. 320 стр. Тираж 2 240. Цена 1 руб. 67 коп.

Монография доктора исторических наук старшего научного сотрудника кафедры истории СССР советского периода МГУ А. Ф. Чмыга представляет собой серьезное научное исследование по важной и недостаточно освещенной в литературе проблеме, в котором обобщается опыт развития колхозного движения на Украине в годы, предшествовавшие осуществлению сплошной коллективизации. Эта книга — итог многолетней работы автора¹.

Рецензируемая монография выгодно отличается от других исследований более широкой документальной базой. Автором изучено большое количество новых материалов: статистических и документальных сборников, воспоминаний ветеранов и других источников. Многие документы впервые вводятся в научный оборот, некоторым из них дается новая интерпретация, на их основе А. Ф. Чмыга по-новому освещает отдельные вопросы колхозного строительства. Все аспекты проблемы раскрываются на фоне важнейших общественно-политических и экономических процессов, происходивших тогда на Украине и в стране в целом.

Большое место в книге занимает освещение роли В. И. Ленина как теоретика со-

циалистического переустройства сельского хозяйства. В ней раскрывается сущность ленинского кооперативного плана, в котором указаны пути, формы и методы объединения единоличных крестьянских хозяйств.

Исследуя проблему, автор основное внимание обращает на вопросы возникновения и развития колхозного движения на Украине в период, предшествовавший сплошной коллективизации, на процессы создания первых колхозов. Большое место в книге отведено освещению ленинской аграрной политики Коммунистической партии в период подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства. Отмечая ошибки, допущенные в совхозном строительстве на Украине в 1919 г., А. Ф. Чмыга обоснованно выступает против искажений в освещении аграрной политики и решений III съезда КП(б)У по земельному вопросу. Приведенные ею данные показывают, что абсолютное большинство помещичьих земель в 1919 г. было передано крестьянам. Автор отвергает утверждение некоторых историков, будто III съезд КП(б)У уже в 1919 г. взял курс на коллективизацию. Принятое на Украине, так же как и в РСФСР, в 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» имело программный характер и не требовало немедленного осуществления коллективизации, на что указывал В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б). Разоблачая клеветнические из-

¹ См. А. Ф. Чмыга. Очерки по истории колхозного движения на Украине (1921—1925). М. 1959; е е же. История колхозного движения до сплошной коллективизации (1917—1929 гг.) в советской историографии. «Очерки по историографии советского общества». М. 1967, и др.

мышления украинских буржуазных националистов о якобы насильственном втягивании крестьян в колхозы в первые годы Советской власти, автор на конкретном материале показывает повсеместную борьбу партийных организаций и органов власти за добровольное объединение крестьян в колхозы.

А. Ф. Чмыга рассматривает состояние экономики и хозяйственную деятельность колхозов (как возрожденных старых, так и вновь организованных) в восстановительный период. Убедительно показано ею, что коллективные хозяйства всех форм, несмотря на недостаточную обеспеченность рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем, по сравнению с единоличными хозяйствами все же получали более высокие урожаи, имели более высокие доходы и успешнее укрепляли свое хозяйство, что, несомненно, положительно влияло на крестьян-единоличников, на изменение их отношения к колхозам. Этому особенно способствовала та производственная помощь, которую оказывали колхозы трудящемуся крестьянству окружающих сел.

Вместе с тем автор анализирует недостатки ряда колхозов, ненадежность их хозяйственной деятельности, неурегулированность главных вопросов внутриколхозной жизни. В книге охарактеризованы творческие поиски колхозным крестьянством путей лучшей организации общественного хозяйства, преодоления недостатков в организации труда и распределении доходов в период восстановления народного хозяйства. Большое место отведено автором изучению и обобщению опыта колхозного строительства, показу того, как партийные организации на всех этапах подготовки массового колхозного движения, опираясь на общественные организации, подхватывали, пропагандировали и внедряли передовой опыт. В монографии подробно рассматривается работа Всесоюзного и Всеукраинских съездов колхозов, материалы и решения которых имели огромное значение для обобщения и распространения по всей стране опыта передовых хозяйств. Широко показано в книге значение все возрастающей материальной и организационной помощи Советского государства колхозам на всех этапах колхозного строительства.

Особенно внимательно исследует А. Ф. Чмыга формы колхозов до развертывания сплошной коллективизации. В книге подчеркивается, что каждая из основных форм — коммуна, артель и товарищество

по общественной обработке земли — на определенном этапе играла важную роль. Анализируя различные формы социалистического переустройства на селе, автор подходит к ним как к историческим категориям и рассматривает их в развитии и постепенном совершенствовании. В период подготовки и развертывания сплошной коллективизации простейшая форма — товарищество по совместной обработке земли, — несмотря на низкий уровень обобществления, имела полное право на существование, поскольку эта форма более всего привлекала среднее крестьянство. И не случайно в 1928—1929 гг. ею было охвачено около $\frac{3}{4}$ всех колхозов УССР.

Автор дает сравнительный анализ экономического развития каждой формы колхозов, показывает изменение соотношения между этими формами на различных этапах подготовки сплошной коллективизации. Особенно тщательно она исследует коммуны — высшую форму колхозного строительства, опровергая мнение некоторых исследователей о нежизненности коммун. В книге сделан вывод, что коммуна возникла исторически, в результате творчества народных масс на основе ленинских указаний о социалистическом преобразовании жизни. Но уравнилельный, потребительский принцип распределения доходов в коммунах отрицательно влиял на их хозяйственное развитие, и коммунары, постепенно убеждаясь в непригодности уравнилельного принципа, сами переходили к сдельщине, к нормам выработки, к оплате по количеству и качеству затраченного труда. В книге справедливо критикуются те руководители, которые, вопреки указаниям В. И. Ленина о том, что высокого звания коммуны достойны только образцовые хозяйства, стремились насаждать коммуны и там, где для этого не было условий.

Особо важное значение приобретало определение основной формы колхозного движения с началом развертывания массовой коллективизации, и автор обосновывает, почему именно артель, а не коммуна стала в то время основной формой коллективизации. На большом фактическом материале рассматривается в книге огромная организаторская работа ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У и местных партийных организаций по подготовке предпосылок сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Освещая деятельность колхозов, А. Ф. Чмыга указывает на трудности в их организации, на ошибки, допущенные в этот пе-

риод. На конкретно-историческом материале раскрывается в книге процесс преодоления колхозниками этих трудностей, изживания ошибок. Огромную помощь в этом колхозам оказывали местные партийные органы. Автор исследует деятельность сельских партийных организаций, коммунистов села по созданию колхозов, их роль в организационно-хозяйственной и общественно-политической жизни колхозов, называет имена, обрисовывает деятельность многих зачинателей колхозного движения, первых колхозников, работников центральных и местных земельных органов.

На обширном документальном материале в книге раскрываются предпосылки коренного перелома в колхозном движении на Украине, показывается, что он явился следствием перелома в умонастроении крестьян, в том числе середняков. Массовое вступление крестьян в колхозы, прежде всего в товарищества по общественной обработке земли, в 1928—1929 гг. явилось отражением этого перелома.

В монографии нашло освещение начало социалистического соревнования между колхозами и колхозниками, которое возникло по почину рабочих коллективов промышленных предприятий. Социалистическое соревнование помогло яснее увидеть и устранить недостатки в организации колхозного производства, в организации труда и распределении доходов и тем самым содействовало подъему экономики колхозов, разрыванию колхозного движения.

Раскрывая условия, в которых проходила подготовка сплошной коллективизации, автор большое внимание уделяет вопросам классовой борьбы на селе. Особенность украинского села состояла в глубокой классовой дифференциации крестьянства, высоким удельном весе бестягловых и безынвентарных крестьянских хозяйств и батрачества, с одной стороны, наличии экономически мощной прослойки кулачества, особенно в Степи и на Левобережной Украине,—с другой. В монографии раскрываются все формы классовой борьбы на селе, начиная от клеветнической кулацкой агитации против колхозов, тракторных колонн, землеустройства, хлебозаготовок, от создания кулацких лжеколхозов и разных лжетовариществ до организации диверсий и массового террора против партийных, советских,

кооперативных работников, незаможников и всех активных проводников политики партии на селе.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства показано в монографии как закономерный процесс строительства социализма. Автор подчеркивает важность учета общих закономерностей в освещении истории колхозного движения и вместе с тем специфических, местных особенностей, в частности и на Украине; раскрывает динамику колхозного движения в исследуемый период, изменения форм колхозов и их социального состава.

Монография дает цельную картину истории колхозного движения на Украине в 1917—1929 годах.

Однако она не лишена и отдельных недостатков. Хотелось бы видеть в ней более обстоятельное освещение роли кооперации, особенно специальной, в подготовке сплошной коллективизации. Неполно показаны ведущая роль рабочего класса в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, формы помощи городским рабочим бедняцко-середняцкому крестьянству. Спорным является обвинение руководителей совхозов в том, что они стремились получить как можно больше хлеба, забывая при этом, что совхозы должны быть образцовыми хозяйствами, центрами агрикультурной помощи крестьянству. Ведь в условиях 1919 г., при острой недостатке хлеба задача обеспечения страны зерновой продукцией была для совхозов важной и первоочередной (стр. 48). Правильно критикуя ошибочность некоторых положений распоряжения Всеукраевского ревкома от 18 февраля 1920 г. всем губернским и уездным ревкомам и статьи в киевской газете «Большевик» под названием «Новый земельный закон», в которых, по существу, запрещалось создание совхозов и коммун (стр. 66), А. Ф. Чмыга не вскрыла причин этих ошибок, не объяснила, почему для колхозов Киевского уезда был установлен такой высокий процент (25%) оплаты семенной ссуды весной 1923 г. (стр. 156). Рассматривая ошибки и искривления в колхозном строительстве, автор использует документы и материалы, относящиеся к 1930 г., то есть выходит за хронологические рамки исследования.

Ф. К. Стоян, И. И. Слинко

«Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений». М. Изд-во «Наука». 1975. 524 стр. Тираж 6600. Цена 3 руб. 12 коп.

200-летие Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева — последней и наиболее мощной крестьянской войны в России, одного из важнейших событий в почти тысячелетней истории русского феодализма и одного из самых ярких и значительных событий в истории Европы XVIII в. — ознаменовалось усилением научной разработки самых разнообразных проблем и аспектов этой войны.

Особо следует отметить публикацию комплекса документов Крестьянской войны, составившего пять сборников, изданных в 1972—1975 годах. Благодаря этому в научный оборот введены и стали доступными сотни новых архивных документов. Три сборника содержат документы о событиях 1773—1775 гг. на территории Чувашии, Удмуртии и Башкирии и имеют большую ценность для изучения хода и особенностей Крестьянской войны в национальных районах Поволжья и Приуралья, выяснения корней и форм совместной борьбы народов нашей страны против общего врага¹. Четвертый сборник создан по иному принципу — в нем опубликованы документы о Крестьянской войне 1773—1775 гг., хранящиеся в собрании Государственного исторического музея². В него, помимо других, вошло около 150 документов, относящихся к территориям, на которых армия восставших непосредственно не действовала. Еще более важен в научном отношении рецензируемый сборник, подготовленный А. И. Аксеновым, Р. В. Овчинниковым и М. Ф. Прохоровым.

Подлинной трагедией всех народных выступлений, и крестьянских войн в том числе, а вслед за ними и тех, кто занимается их изучением, является то, что до наших дней дошли лишь жалкие остатки документов, вышедших из лагеря восставших³.

Не сохранилось почти ни одного документа, непосредственно вышедшего из лагеря восставших во время Крестьянской войны под предводительством И. И. Болотникова. Единичными насчитываются аналогичные документы, относящиеся к Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина и восстания под предводительством К. Ф. Булавина. Немного лучше в этом отношении обстоит дело с документами Крестьянской войны 1773—1775 годов. Их до нас дошло несколько сот, но абсолютное большинство из них относится к ее первому этапу. А ведь антикрепостническая, антидворянская направленность Крестьянской войны проявилась с особой силой на втором и третьем этапах, когда она развернулась на территории, где господствовало помещичье землевладение и основную массу населения составляли крепостные крестьяне.

В большинстве своем документы о Крестьянской войне вышли из правительственного лагеря и связаны с действиями центральных и местных органов власти крепостников, карателей, расправой над Е. И. Пугачевым, его соратниками и участниками восстания. Между тем именно документы самих восставших дают наиболее полное и правильное представление об их идеологии, нуждах, требованиях, о том, как их взгляды отражались и воплощались в указах и манифестах вождей восстания. Поэтому огромное значение имеет первое полное издание всех известных документов, вышедших из лагеря восставших, документов, уцелевших после их истребления карателями, после того, как основную их массу вынуждены были при отступлении уничтожить сами вожаки восстания, после того, как более века было практически невозможно изучение фондов, в которых они хранились.

Относительно объема и значения работы, проделанной составителями и редакцией рецензируемого сборника⁴, пожалуй, лучше всего говорит его сравнение с наиболее полным изданием, которое до сих пор было в распоряжении исследователей,—

начала XVIII в., архив которого обнаружил и исследовала Н. Б. Голикова, но и он, к сожалению, до сих пор не издан.

⁴ Редколлегия: Р. В. Овчинников (отв. редактор), М. И. Автокротова, В. И. Буганов, Б. Т. Литвак, А. Н. Сахаров.

¹ «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии». Сборник документов. Чебоксары. 1972; «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии». Сборник документов. Ижевск. 1974; «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии». Сборник документов. Уфа. 1975.

² «Крестьянская война 1773—1775 гг. в России». М. 1973.

³ Единственным исключением в этом отношении является Астраханское восстание

первым томом «Пугачевщины»⁶. Вышедший в свет полвека назад и давно превратившийся в библиографическую редкость, этот том включал 270 документов восставших, а в сборнике их опубликовано 565. В «Пугачевщине» содержалось 28 указов и манифестов Пугачева «Документы ставки Е. И. Пугачева» добавили к ним 14, которые были опубликованы в самых различных изданиях (начиная от вышедших более века назад монографий и кончая публикациями в различных журналах, «Трудах» и «Летописях» музеев, местных газет), и четыре указа публикуются впервые (стр. 23—52).

Однако значение и достоинства сборника отнюдь не исчерпываются его полнотой. В сущности, мы впервые имеем подлинно научное издание пугачевских документов. Они тщательно сверены с архивными оригиналами и копиями. В публикации указывается точное место хранения документа (архив, фонд, дело, листы), отмечается, является ли он оригиналом, копией, переводом. Все документы приводятся целиком.

Важной органической частью издания является та его часть, которую публикаторы скромно назвали «примечаниями». В действительности почти каждое из примечаний представляет собой настоящую исследовательскую миниатюру, за которой стоят длительные поиски, сопоставления, анализ. В этих миниатюрах содержится всесторонняя характеристика документа: его автор, время и условия его написания, время и обстоятельства, при которых он попал в руки царских властей и в архив, где сейчас находится, особенности документа, сведения о том, кому он адресован, о тех, о ком упоминается в документе, и другие. Очень правильно, что здесь же указывается наличие копий и дублей данного документа в этом и других архивах нашей страны и кратко характеризуются эти копии. А по отдельным документам число их значительно.

Нельзя обойти и «Перечень непубликуемых документов» (стр. 455—458). В нем 35 названий документов, дошедших до нас только в пересказе царских властей, карателей и других лиц, враждебных восстанию. Можно согласиться с составителями и редакцией как в том, что они отказались от их включения в сборник, так и в том, что сочли нужным дать указание на их наличие в архивах. Но аннотацию на некото-

рые из этих документов (например, №№ 4, 8, 21, 30), может быть, стоило несколько расширить, как это сделано в примечаниях к документам №№ 1 и 2, где дано их изображение.

Известные сомнения вызывает правомерность выделения в особую группу («Личные письма повстанцев и причастных к восстанию лиц») 20 документов (№№ 546—565, стр. 359—370). Документы № 546 и № 547 никак не соответствуют этой рубрике. Документ № 550 представляет, в сущности, рапорт В. И. Торнову о выполнении его приказа и т. д. Значительную часть этих документов было бы несравненно уместнее поместить в соответствующих их содержанию разделах.

Работу с материалами сборника облегчат подробнейшие указатели имен и географических наименований.

Издание открывается большой, удачной по кругу рассматриваемых в ней вопросов и структуре вступительной статьей, или «предисловием». В нем рассматриваются происхождение и судьба основных фондов документов, история их изучения и публикация. Существенное значение имеют страницы, на которых дается классификация документов по их наименованию, характеру и форме (стр. 8—10), содержатся материалы об их оформлении (адрес, печать, подписи, конверты), ставится вопрос о соотношении формы документов восставших с официальной документацией того времени и наполнении привычной формы новым содержанием.

Одно из центральных мест в предисловии уделяется классовой сущности публикуемых документов, их идеологической направленности, тому, как и в какой форме они выражали и отражали интересы, нужды, требования различных социальных и сословных категорий, участвовавших в восстании, как по мере развертывания Крестьянской войны крепла и усиливалась их антикрепостническая, антидворянская направленность, в каком соотношении находится идеология восставших с идеологией революционного движения.

В целом предисловие, несомненно, удачно. В нем аргументированно разобраны все перечисленные вопросы. Тем более досадно, что в двух важных случаях его авторы не удержались от нечетких и неряшливых формулировок и терминов, получивших известное распространение в некоторых статьях о крестьянских войнах, появившихся в последние годы. Утверждая, что пуга-

⁶ «Пугачевщина». Т. I. М.-Л. 1926.

чевская Военная коллегия являлась «высшим военно-политическим центром восстания» и проводила большую работу «по политической организации восстания» (стр. 4), что благодаря ее действиям оказалось возможным «до известной степени преодолеть стихийный характер действий восставших» (стр. 3), авторы тем самым фактически стирают разницу между революционным движением и стихийной борьбой крестьянства против крепостников. Здесь явно смешиваются разные вещи: наличие известной военной организации в Крестьянской войне 1773—1775 гг. (бывшей несравнимо выше, чем в предшествующих крестьянских войнах) и революционное движение, которое возглавляет революционный класс, выдвигающий революционную программу уничтожения старого общественно-экономического и политического строя и замены его новым, новую революционную идеологию и имеющий революционную организацию. Только при наличии революционного класса стихийная борьба народа превращается в революционное движение. Сама же по себе военная организация в лагере восставших, как бы высока она ни была, не превращает и не может превратить стихийное восстание в революционное движение, не может преодолеть стихийного характера восстания.

Отсутствие четкости в вопросе о соотношении «организованности» в чисто военном отношении и организованности в социальном, политическом смысле и приводит авторов предисловия к выводу о том, что преодолеть стихийность не позволяли «уровень организаторской работы Военной коллегии» и «политическая и организационная незрелость вожаков восстания» (стр. 4). Но указываемые авторами «причины» являются лишь одним из проявлений действительных обойденных ими причин, о которых сказано выше.

С этим просчетом связан и другой — яв-

ное преувеличение роли и влияния «третьего» сословия на ход и идеологию восстания (стр. 13—14). А поскольку речь зашла о сословиях, то следует сказать и о том, что именные списки и реестры повстанцев (о которых говорится на стр. 9) являются «источником информации» не столько о «социальном», сколько о сословном составе пугачевских отрядов, что они формировались опять-таки не столько по социальному (стр. 12), сколько по сословному принципу.

Однако отнюдь не эти досадные просчеты определяют уровень и характер предисловия и всего сборника. Значение его исключительно велико. Без него не сможет обойтись теперь никто из исследователей истории нашей страны в XVIII в., занимается ли он вопросами классовой борьбы, внутренней политики самодержавия, социально-экономического развития или историей передовой общественно-политической мысли и идеологической подготовкой революционного движения в России.

Но на этой публикации останавливаться нельзя. Необходимо такое же полное издание всех допросов и показаний вождей восстания и его рядовых участников, ибо положение с этими источниками нисколько не лучше, чем было с документами восставших до выхода в свет «Документов ставки Е. И. Пугачева». Вопреки враждебной восстанию терминологии чиновников, записывавших показания восставших, вопреки злобной тенденции очернить их, изобразить злодеями, убийцами, разбойниками, вопреки стремлению допрашиваемых умолчать о многом, всячески принизить свое участие, вопреки всему этому, правда прорывается на допросах с огромной силой и дает порой не меньше первостепенной важности сведений, чем документы, вышедшие непосредственно из лагеря восставших.

М. Т. Белявский

С. М. ФАЛЬКОВИЧ. *Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912)*. М. Изд-во «Наука». 1975. 379 стр. Тираж 1500. Цена 1 руб. 51 коп.

История русско-польского революционно-го союза, его зарождения и формирования по-прежнему продолжает привлекать советских и польских историков. В ходе рабочего движения в России и Польше лозунг революционной солидарности был одним из главных во всех битвах, которые пролетариат обеих стран вел против самодержавия, помещиков и буржуазии. В польском рабочем движении с момента его возникновения этот лозунг стал водоразделом между двумя направлениями: революционным, интернационалистским, и реформистским, националистическим.

В. И. Ленин в своей теоретической и практической деятельности уделял большое внимание вопросу солидарности российского пролетариата с польским. Определяя революционные задачи последнего в борьбе за социальное и национальное освобождение, В. И. Ленин в 1903 г. отмечал, что польский пролетариат героически перенял «великие традиции старой революционной Польши»¹, занял ведущее положение в ее освободительном движении. Он имел верного союзника в лице пролетариата России, также борювшегося за свое освобождение. В. И. Ленин обосновал объективную необходимость революционного союза пролетариата Польши и России. Анализируя опыт революции 1905—1907 гг. на польских землях, он указал на жизненно важное значение этого революционного союза для судеб Польши: «Свобода Польши,— писал он,— невозможна без свободы России»².

Монография старшего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики АН СССР кандидата исторических наук С. М. Фалькович, автора ряда работ по истории польского рабочего и национально-освободительного движения³, посвящена совместной революционной борьбе пролетариата России и Польши в период, следовавший за поражением революции 1905—1907 годов.

Автор характеризует изменения в полити-

ческой обстановке после революции 1905—1907 гг., знакомит читателя с позицией основных буржуазных политических партий Королевства Польского в условиях реакции. Польские помещики и крупная буржуазия, отмечает С. М. Фалькович, высказывались в поддержку «русской государственности» и призывали царское правительство к некоторым уступкам, чтобы «тем самым укрепить в Польше соглашательские настроения» (стр. 14). Часть же польской буржуазии и интеллигенции стремилась к преобразованиям в духе умеренного либерализма и делала ставку на кадетов. Однако, несмотря на некоторые различия в их тактике, партии польских помещиков и буржуазии, подчеркивает автор, шли на сотрудничество с царизмом; их объединяла ненависть к революции, боязнь союза российских и польских пролетариев. Деятели влиятельной национальной демократии (эндэции), как в период революции, так и после ее поражения, стремились изолировать польских трудящихся от революционных сил России.

В книге показано, что все политические партии имущих классов Польши в новых условиях усилили пропаганду буржуазного национализма в среде трудящихся, стремясь с его помощью подчинить их своему влиянию, расколоть революционный союз польских и российских рабочих. В период реакции активизировали свою националистическую деятельность и мелкобуржуазные партии Королевства Польского. На основе новых материалов, в том числе архивных, в книге раскрывается тактика Польской социалистической партии-фракции (ППС-фракции), Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии (ППСД). Автор делает вывод, что все эти партии «смотрели на русский народ не как на союзника и друга, а лишь как на врага своего врага» (стр. 26).

В монографии содержится анализ оценки левым крылом польского рабочего движения революции 1905—1907 гг. и перспектив последующей революционной борьбы. На его основе автор приходит к заключению: «Взгляды польских социал-демократов на характер, движущие силы и значение революции 1905 г. совпадали с оценкой, данной В. И. Лениным, и укрепились под влиянием

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 238.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 269.

³ С. М. Фалькович. Русские связи Краковского союза помощи политическим заключенным в России (1912—1914 гг.). «Ленин и Польша. Проблемы, контакты, отклики». М. 1970, и др.

ленинского анализа» (стр. 32—33). Весь содержащийся в книге материал убедительно подтверждает этот вывод. Польские социал-демократы ближе всех стояли к ленинцам не только в период революции, но и после ее поражения, когда силы реакции обрушились на пролетариат и его организации. СДКПиЛ в этих условиях неустанно доказывала массам необходимость российско-польского революционного союза.

Достоинством работы является и то, что С. М. Фалькович не ограничилась анализом деятельности СДКПиЛ в указанный период⁴, а пошла дальше, расширив масштаб исследования российско-польских революционных связей, и при этом не только использовала имеющиеся публикации, но и привлекла новые источники, в том числе архивные, позволившие более полно раскрыть отношение СДКПиЛ к идейной борьбе в РСДРП, совместную работу польских социал-демократов и большевиков на Штуттгартском конгрессе II Интернационала, их борьбу против оппортунизма в российском и польском, а также в международном рабочем движении, за сплочение пролетариата и всех трудящихся для отпора реакции, подготовку их к предстоящим революционным боям.

С. М. Фалькович подробно останавливается на том, как под воздействием революции 1905—1907 гг. значительная часть польского пролетариата усвоила идеи интернационализма, осознала необходимость солидарности с рабочими России в борьбе с общими врагами. В книге показано расширение фронта российско-польских революционных связей после выделения из ППС идейно и организационно ППС-левицы как партии интернационалистской и революционной, прослежено влияние революционного сотрудничества российских и польских ра-

бочих на идейное становление и развитие этой партии. Автор рассматривает оценку ППС-левицей опыта революции 1905—1907 гг., тактику этой партии в период реакции, вопрос об объединении РСДРП с ППС-левицей, ее борьбу с националистической польской буржуазией. На основе анализа деятельности ППС-левицы С. М. Фалькович пришла к правильному выводу, что веру польских социал-демократов в новый революционный подъем также «разделяла другая революционная партия польского пролетариата — ППС-левица» (стр. 35).

Автор характеризует взгляды и настроения и тех польских пролетариев, которые шли за националистической ППС-фракцией, и стремится при этом выявить перемены в их настроении и сознании. В книге раскрываются причины ослабления влияния ППС-фракции в пролетарской среде: связь этой партии с эсерами, несостоятельность идеологии и тактики обеих партий.

Для пролетариата России и Польши годы реакции были очень тяжелыми. В книге показаны упорная борьба рабочего класса, отстаивавшего завоевания революции; рост классового самосознания польских рабочих, понимания ими жизненной важности русско-польского революционного союза. Большое место отведено в работе исследованию совместной практической борьбы российского и польского пролетариата и их революционного авангарда против черносотенцев, шовинистов и националистов, в частности в III Государственной думе.

На основе обширного фактического материала рассмотрены такие проблемы, как участие профсоюзов Королевства Польского в общероссийских легальных акциях, сотрудничество культурно-просветительных и кооперативных организаций, совместная деятельность русских и польских революционеров по изданию и распространению подпольной литературы, их борьба против провокаций и террора, революционные контакты в ссылках и тюрьмах, в эмиграции. В книге проанализированы политические выступления в начале нового подъема массового движения в России и Королевстве Польском, в которых принимали участие как русские, так и польские рабочие, ход стачечной борьбы; процесс расширения социальной базы русско-польского революционного союза. При освещении этих вопросов привлечено немало нового интересного материала, взятого из архивов Советского Союза и Польши.

Таким образом, в книге обстоятельно

⁴ Деятельности СДКПиЛ в рассматриваемый период посвящены полностью или частично работы советских и польских историков: I. Sobczak. *Udział SDKPiL w życiu wewnętrznym SDPRR w latach 1909—1910.* «Z Pola Walki», 1963, № 4; А. Г. Шевелев. Братское сотрудничество польских социал-демократов с большевиками в 1903—1910 гг. Киев. 1966; Р. А. Ермалова, А. Я. Манусевич. Ленин и польское рабочее движение. М. 1971; А. Kochański. *SDKPiL w latach 1907—1910.* Warszawa. 1971; W. Najdus. *SDKPiL a SDPRR. 1893—1907.* Wrocław. 1973; И. С. Яжборовская. Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). М. 1973, и др.

прослеживается совместная революционная борьба пролетариата России и Польши в 1907—1912 гг. по всем направлениям легальной и нелегальной деятельности. В объект исследования автором включены также связи демократических слоев российского и польского общества, в том числе интеллигенции, молодежного и женского движения. Эти связи рассмотрены под углом зрения влияния крепнущей пролетарской солидарности на другие слои общества, сплочения всех революционных и демократических сил обоих народов в борьбе против реакции под знаменем российско-польского революционного союза.

С. М. Фалькович на основе анализа сотрудничества, контактов российского и польского пролетариата и их партий приходит к выводу, что в тяжелых условиях реакции

им удалось отстоять свой революционный союз, что позитивно отразилось на результатах последующих революционных битв. Однако в работе следовало бы подчеркнуть значение этого факта для дальнейшего развития сотрудничества большевиков и польских марксистов в борьбе против социалшовинизма, за революционный выход из империалистической войны, за создание Коммунистического Интернационала, за социальное и национальное освобождение трудящихся. В книге недостаточно подробно освещено нарастание стачечной борьбы в 1910—1912 гг. в Королевстве Польском — борьбы, которая на практике показала жизнеспособность и силу пролетарской солидарности.

*П. М. Калениченко,
И. Л. Петрович*

ГРАКХ БАБЕФ. *Сочинения в четырех томах*. Том первый. М. Изд-во «Наука». 1975, 391 стр. Тираж 34 000. Цена 1 руб. 97 коп. *

Идеи и деятельность Гракха Бабефа, замечательного революционного коммуниста конца XVIII в., главного теоретика и руководителя знаменитого «заговора во имя равенства», составляют одну из самых ярких страниц в истории домарковского социализма. В «Манифесте Коммунистической партии» «сочинения Бабефа» прямо отнесены к «той литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата»¹. Не случайно в послевоенные годы, отмеченные успехами мировой социалистической системы и громадным ростом влияния коммунистических идей, бабувистское движение привлекло пристальное внимание историков (труды В. П. Волгина, В. М. Далина, Ж. Лефевра, М. Домманже, Ж. Дотри, К. Мазорика, А. Саятта, А. Галанте-Гарроне и др.). Их исследования существенно дополнили знания об идеях и деятельности Бабефа и бабувистов, выявили ряд спорных и нерешенных проблем, способствовали общему оживлению интереса научной общественности к идейному наследию «трибуна народа».

Между тем, несмотря на наличие ряда частичных публикаций, до последнего времени не существовало полного научного издания сочинений Бабефа. Значительная часть его работ вообще оставалась неопубликованной, другие сохранялись лишь в первопечатных изданиях, давно уже ставших библиографической редкостью. Следует поэтому приветствовать предпринятое ныне первое научное издание собрания сочинений Бабефа. Издание, требующее громадной подготовительной работы, должно быть завершено в ближайшие годы. Уже увидевший свет первый том представляет большой интерес как по содержанию представленных в нем материалов, так и потому, что его подготовка и публикация являют собой пример международного научного сотрудничества.

Инициатива научного издания сочинений Бабефа исходила от советских историков: в 1960 г. Б. Ф. Поршневу от имени советских ученых выступил с этим предложением на международном коллоквиуме в Стокгольме, посвященном 200-летию со дня рождения Бабефа. Замысел встретил единодушную поддержку; его осуществление взяли на себя Институт истории АН СССР, ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС и «Общество робеспьеристских исследований» (Франция). Важным предварительным этапом явилось

* Редакционная коллегия: В. М. Далин (отв. редактор), А. З. Манфред, О. К. Себекина, А. Собыль.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 455.

составление сводного международного каталога всех рукописных и первопечатных произведений Бабефа, хранящихся в архивах и библиотеках различных стран — прежде всего Франции и СССР, где сосредоточено подавляющее большинство документов Бабефа, а также Италии, Нидерландов и США. В 1966 г. эта опись, выполненная под руководством В. М. Далина, А. Саятта (Италия) и А. Собоуля (Франция), была опубликована во Франции под эгидой Комиссии по экономической и социальной истории Французской революции. Создание международной описи заложило необходимую основу для подготовки издания сочинений Бабефа, хотя предстояла еще громадная работа по систематизации и отбору произведений, расшифровке рукописей и т. д. «Дело лишь начато, — писали в предисловии к «Описи» ее составители. — Трудное, но вдохновляющее дело... Оно требует братского сотрудничества международной группы специалистов. Его успешное завершение явилось бы лучшей данью признательности истории по отношению к великой памяти трибуна народа»². Выход в свет рецензируемого тома — важный шаг на пути осуществления этой задачи³.

Книга содержит 115 документов — письма Бабефа, проекты его речей, петиций, газетных публикаций, первые печатные работы. 37 документов публикуются впервые по рукописям, хранящимся в богатейшем фонде Бабефа в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (сжатая история этого фонда дана в статье О. К. Сенекиной, включенной в том, расшифровка рукописей произведена Н. И. Непомнящей и Е. В. Киселевой). Хронологически материалы тома охватывают время от 1779 до 1789 г., включая, таким образом, предреволюционный период и первый год революции; этому соответствует разделение тома на две основные части.

Среди документов дореволюционной поры центральное место занимают письма, адресованные секретарю Аррасской академии, просвещенному либеральному дворянину Ф. Дюбуа де Фоссе. Эти письма — важнейший источник для суждения об общественно-политических взглядах Бабефа накануне революции, в оценке которых между ис-

следователями существуют разногласия (на них указывает во «Введении» к тому В. М. Далин, см. стр. 42). Как нам представляется, публикуемые в том материалы позволяют прийти к выводу, что в воззрениях Бабефа, находившихся тогда еще в процессе становления, ясно выраженные интерес и симпатии к коммунистическим идеям (см. стр. 153, 159—160, 175, 177, 180) сочетались с признанием правомерности мелкой трудовой собственности и эгалитарными устремлениями (стр. 70—71, 91). Письма Бабефа к Дюбуа де Фоссе, впервые вышедшие в свет в русском переводе, ранее уже были известны по французскому изданию 1961 г. (а частично были опубликованы В. Адвиеллем еще в 1884 г.). Однако публикация их в том содержит важное дополнение — большое, оставшееся неотправленным письмо, относящееся к июню 1786 года. Этот интереснейший документ был обнаружен в московском фонде Бабефа и введен в научный оборот В. М. Далиным⁴. Среди более чем полусотни писем Бабефа к Дюбуа де Фоссе он занимает особое место. Нелишне упомянуть, что именно в этом письме Бабеф дал набросок проекта создания «коллективных ферм», на основании которого В. М. Далин пришел к выводу, что уже в то время будущий глава «заговора во имя равенства» склонялся к идее коллективного коммунистического производства⁵ (эту мысль он высказал также во «Введении» к данному тому, стр. 42). Указанный проект Бабефа получил в литературе и другую трактовку, которая нам представляется более убедительной⁶. Однако содержание документа в целом отнюдь не сводится только к плану создания «коллективных ферм».

По существу, это неотправленное письмо представляет собой трактат (в настоящем издании оно занимает 41 страницу), дающий острую критику общественного строя Франции и обстоятельное изложение взглядов Бабефа на важнейшие социальные проблемы: его понимание «естественного права», суждения о собственности и

⁴ См. В. М. Далин. Социальные идеи Бабефа накануне революции. «Новая и новейшая история», 1961, № 1.

⁵ См. В. М. Далин. Грах Бабеф накануне и во время Великой Французской революции. М. 1963, стр. 100—101.

⁶ См. В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм. М. 1960, стр. 61; А. Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой Французской революции. М. 1966, стр. 62—65.

² V. Daline, A. Saitta, A. Soboul. Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf. P. 1966, p. XVI.

³ «Сочинения» Бабефа будут публиковаться одновременно в СССР (в русском переводе) и во Франции (на языке оригинала).

т. п. Несомненно, высказанные в нем идеи навеяны передовой литературой эпохи (прежде всего Ж.-Ж. Руссо), а практические предложения имеют паллиативный характер, не предусматривая полную и радикальную ломку существующих порядков. И тем не менее этот документ, написанный молодым провинциальным февдистом, самоучкой, не получившим никакого систематического образования, удивляет смелостью социальной мысли и оригинальными высказываниями. В нем есть как бы два «слоя» рассуждений: один, более умеренный, рассчитанный на восприятие либерального помещика Дюбуа де Фоссе («Вы, милостивый государь, дворянин... и с моей стороны было бы не слишком вежливо... если бы я не смягчил свою мысль...», стр. 89) и продиктованный требованиями тактики («перед лицом того, с чем мы сейчас должны считаться, самые интересные вопросы не могут быть ни поставлены в должной форме, ни решены в верном направлении», стр. 67). Но наряду с этим Бабеф развивает мысли, заключающие в себе очевидный революционный потенциал, дает, по существу, революционно-демократическую трактовку идеи естественного права. Главное естественное право человека, по Бабефу,— это право на жизнь в необходимом достатке, его осуществление подразумевает всеобщее социальное равенство и обязательный труд. Это право абсолютно, оно выше всех остальных, в том числе и права собственности, «его надлежит требовать и отвоёвывать всеми возможными средствами, вплоть до хитрости или насилия — в этом случае насилие не может считаться незаконным», оно «включает право бороться против всего, что так или иначе вредит или препятствует осуществлению этого права; в этом случае нападать значит защищаться» (стр. 88). Вслед за Руссо главным источником социального зла Бабеф считает крупную собственность и порожденное ею неравенство. Но в отличие от Руссо Бабеф полон оптимизма, он убежден, что придет время, когда «исчезнет всякое неравенство», он верит в прогресс, а «прогресс сводится к уравнению» (стр. 78). Интересны яркие рассуждения Бабефа о женском равноправии (стр. 72—83); они опережают свое время и, как справедливо это подчеркнул во «Введении» к тому В. М. Далин (стр. 43), в определенной мере явно перекаляются с известными мыслями по этому поводу Ш. Фурье.

Для понимания дальнейшей идейной эво-

люции Бабефа существенно важно включенное в том первое его значительное печатное произведение — «Постоянный кадастр», — опубликованное в октябре 1789 г., то есть уже после начала революции. Характерно, что содержание этого сочинения также имеет как бы два плана. С одной стороны, Бабеф предлагал проект перестройки налоговой системы, предназначенный «для общества, такого, какое оно есть» (стр. 304). С другой — во «Вступительной речи» к своему труду он искал пути к установлению такого общественного порядка, «который должен был бы существовать» (стр. 295), и развивал идеи радикально-уравнительного характера. Примечательна горячая защита Бабефом не только «обездоленных классов» вообще, но и его внимание к бедствиям людей наемного труда (стр. 296—297).

Документы первого тома «Сочинений» Бабефа, имея первостепенное значение для его идейно-политической и «житейской» биографии, представляют также несомненный интерес и для общей истории Французской буржуазной революции конца XVIII века. Они отражают некоторые конкретные реальности того времени, содержат живые впечатления о событиях начавшейся революции, рассказанные вдумчивым и горячо заинтересованным наблюдателем, а в известной мере — и активным участником. В контексте современных споров о Французской революции поучительны, например, документы, связанные с работой Бабефа в качестве февдиста. Как известно, ряд современных буржуазных авторов, ополчаясь на марксистское понимание Французской революции как антифеодальной и буржуазной, утверждает, что в социально-экономическом строе предреволюционной Франции феодальные отношения уже не играли сколько-нибудь серьезной роли и сохранявшиеся феодальные повинности были лишь «бездействующим пережитком, напоминанием атрофированного органа, который только очень смелый биолог может отнести к какому-то ископаемому социальному строю прошлого»⁷. Опубликованные в томе по рукописным материалам ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС мемуары Бабефа-февдиста показывают необоснованность подобного рода утверждений (стр. 56, 58, 217, 279). Документы Бабефа содержат интересные наблюдения о капиталистическом фермерстве и пауперизации сельской бедноты в Пикардии

⁷ A. Cobban. Aspects of the French Revolution. N. Y. 1968, p. 96.

(стр. 61—62, 68—69), о безработице и массовом нищенстве в результате экономического кризиса 1787—1789 гг. (стр. 336—338). Привлекают внимание также парижские впечатления и наблюдения Бабефа. Он приехал в столицу через четыре дня после взятия Бастилии и оставался там до середины октября 1789 года. В особенности примечательны впервые опубликованные на русском языке взволнованное письмо Бабефа к жене от 25 июля и первая из так называемых «лондонских корреспонденций» (от 1—8 октября). Они живо передают атмосферу взбудораженного Парижа в первые месяцы революции, народные настроения («говорят во всеуслышание, что не хотят больше ни дворян, ни сеньерий, ни замков, ни сановников церкви и т. д.», стр. 233), обстановку в городе в дни октябрьского политического кризиса, связанного с народным походом на Версаль 5—6 октября 1789 г. (стр. 259—268).

Опубликованные в томе документы снабжены обстоятельным научным и справочным комментарием, подготовленным В. М. Далиным. Перевод текстов, сделанный Е. В. Рубининым, доносит до русского читателя

точный смысл французского оригинала. В некоторых случаях, однако, перевод терминов требовал уточнения или пояснения в комментариях. Например, слово *fabrique* в употреблении XVIII в. не вполне соответствует современному понятию «фабрика» (стр. 95); понятие *servitude*, переведенное на стр. 227 как «сервитут», означает в данном контексте не права пользования крестьян угодьями крупных собственников или общинными землями, а различные виды феодального порабощения; нуждался в пояснении термин «недворянские повинности» (стр. 227, 309).

Помимо отмеченных выше статей О. К. Сенекиной и В. М. Далина, том включает также вводную статью ко всему изданию «Сочинений» Бабефа («Бабеф, бабувизм и заговор во имя равенства»), написанную А. Собоулем.

В целом положено успешное начало большому, нужному и трудному научному предприятию, в осуществлении которого участвуют историки разных стран и прежде всего СССР и Франции.

А. В. Адо

А. Б. ЧЕРНОВ. *Профсоюзы ФРГ и борьба за интересы трудящихся. ОНП в первой половине 60-х годов.* М. Изд-во «Наука». 1975. 192 стр. Тираж 1150. Цена 68 коп.

Монография кандидата исторических наук, научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР А. Б. Чернова — одно из первых специальных исследований по истории профсоюзного движения в ФРГ. Опираясь на широкий круг источников, а также на труды своих предшественников¹, автор подробно анализирует основные тенденции развития профессиональных союзов в сложный и противоречивый период истории западногерманского государства.

Ведя концентрированное наступление на пролетариат, реакционные круги ФРГ, группировавшиеся вокруг ХДС/ХСС, осуществили в 1956 г. антиконституционный за-

прет Коммунистической партии Германии (КПГ). В 1959 г. правореформистским силам в руководстве Социал-демократической партии Германии (СДПГ) удалось добиться утверждения новой партийной программы, в которой был зафиксирован «сброс идеологического балласта», отказ от признания неизбежности классовой борьбы в капиталистическом обществе, от традиционных требований национализации крупной промышленности. Используя благоприятную экономическую конъюнктуру, правящие круги ФРГ прибегали к различным средствам давления на рабочий класс, культивировали распространение среди значительной части трудящихся идеологии «социального партнерства», иллюзорных предствлений о характере общественного строя Западной Германии.

В этих условиях значительно возросла историческая ответственность профсоюзно-

¹ В. Д. Ежов. Классовые бои на Рейне. Рабочее движение в Западной Германии. 1945—1973. М. 1973; В. И. Лобанов. Борьба трудящихся и профсоюзов ФРГ за участие в управлении производством. М. 1973.

го движения ФРГ, Объединения немецких профсоюзов (ОНП), сформировавшегося как унитарная организация западногерманского рабочего класса и объединяющего в своих рядах трудящихся различных политических направлений. Автор отмечает, что в конце 50-х — начале 60-х годов сложилась (впервые в истории германского рабочего движения) такая ситуация, когда профсоюзы оказались на позициях более левых, чем СДПГ. Первая половина 60-х годов отмечена созреванием предпосылок глубоких социально-политических сдвигов в рабочем движении ФРГ, в западногерманском обществе в целом. Монография дает достаточно полное представление о закономерности поворота в политической жизни ФРГ, процессов переоценки ценностей, перегруппировки и поляризации сил рабочего и демократического движения.

Большое внимание в книге уделяется борьбе тенденций внутри профессиональных союзов ФРГ. Отражая доминирующие социальные противоречия западногерманского общества, эта борьба развернулась по вопросам оценки социального строя ФРГ, по проблемам общего направления и целей рабочего движения, что нашло выражение в длительной и противоречивой дискуссии вокруг проекта новой программы ОНП. Правая группировка ОНП, склонная к капитуляции перед господствующим классом, который стремился к «интеграции» пролетарских организаций в систему государственно-монополистического капитализма, к их отказу от самостоятельной политики, выступала за коренной пересмотр программных установок профсоюзного движения. Был пущен в ход лозунг о превращении профсоюзов в «фактор порядка», то есть в составной элемент системы государственно-монополистического регулирования. Что касается левых сил профсоюзного движения, то они настаивали на сохранении прежних, антимонополистических в своей основе, программных установок, утвержденных на Мюнхенском конгрессе 1949 года. Левые группировки, концентрировавшиеся прежде всего в профсоюзах металлистов и химиков, отстаивали независимую, самостоятельную политику ОНП, ориентированную на интересы рабочих. А. Б. Чернов рассматривает позиции левого крыла ОНП, в особенности лидера профсоюза металлистов О. Бреннера и руководителя профсоюзов химиков В. Геффелера. На правом фланге движения оказались профессиональные объединения строителей, железно-

дорожников и почтовых работников. Хотя эти профсоюзы и не представляли большинства членов ОНП, влияние правых лидеров на разработку линии западногерманского профцентра было весьма существенным, они получали постоянную поддержку со стороны правящих кругов ФРГ, а также реформистских руководителей СДПГ.

Широкое использование прессы отраслевых профсоюзов ФРГ (в особенности изданий профсоюзов металлистов, химиков, строителей) позволило А. Б. Чернову прийти к важному выводу, что дискуссия по программно-принципиальным вопросам развернулась не только между лидерами и функционерами различных профсоюзных объединений, но и внутри профессиональных союзов. В книге дается подробная характеристика позитивных сторон Мюнхенской программы ОНП, принятой, как подчеркивалось на съезде профсоюза металлистов, «на основе очень конкретного и поучительного опыта» первого послевоенного пятилетия и содержавшей требования «передачи ключевых отраслей промышленности в общественную собственность», «участия организованных рабочих в решении всех кадровых, хозяйственных и социальных вопросов экономической жизни» (стр. 29). Несмотря на определенные реформистские иллюзии, нашедшие отражение в Мюнхенской программе, она оставалась платформой борьбы рабочего класса против крупного капитала, против руководства ХДС/ХСС, которое определяло курс внутренней и внешней политики ФРГ.

Проекты новой программы, выдвигавшиеся правыми лидерами ОНП с 1959 г., соответствовали «новому», интеграционному курсу СДПГ. В этих проектах отсутствовали оценки существующего социально-экономического строя ФРГ, требования национализации ведущих отраслей индустрии. Пресса западногерманских монополий встретила проекты новой программы с нескрываемым одобрением. Консолидация прогрессивных сил в рабочем движении, растущее переосмысление социальной действительности — эти глубинные процессы, развивавшиеся в западногерманском обществе первой половины 60-х годов, решающим образом повлияли на то, что проект программы ОНП, предложенный его правыми лидерами, не был утвержден. На чрезвычайном конгрессе профсоюзов ФРГ, который проходил в Дюссельдорфе в ноябре 1963 г., большинство делегатов проголосовало за программный документ, содержащий —

несмотря на слабости и оговорки — тезисы, в которых осуждалось господство «старых отношений собственности и власти», говорилось о необходимости обобществления «ключевых отраслей промышленности и других господствующих на рынке и в экономике предприятий». В программу были включены требования демократизации общественного строя ФРГ, сохранения всеобщего мира, запрещения оружия массового уничтожения. Однако в ней были и прямые уступки правым силам, среди них — двусмысленная формула о позитивном отношении профсоюзов к «социальному и правовому государству». Тем не менее Дюссельдорфская программа могла стать, по оценке коммунистов, «реальной платформой для современной борьбы западногерманских профсоюзов», основой совместных действий трудящихся «за давно назревшие и необходимые демократические и социальные реформы в Федеративной республике» (стр. 68).

Большой раздел посвящен вопросам борьбы рабочего класса и профсоюзов ФРГ за участие в управлении предприятиями и экономикой. Коммунисты Западной Германии рассматривают лозунг участия в управлении производством как составную часть борьбы за демократический контроль над экономикой, за расширение производственной демократии, за ограничение всевластия капиталистических монополий. Марксистская интерпретация «права участия» диаметрально противоположна буржуазным и реформистским установкам, в соответствии с которыми «соуправление», основанное на «социальном партнерстве», должно привести к «ликвидации классовой борьбы». А. Б. Чернов дает развернутую характеристику западногерманского законодательства по вопросам «соуправления». Он показывает, что в законах, принятых в 50-е годы, были зафиксированы как стремление буржуазии добиться жесткой правовой регламентации отношений труда и капитала, так и определенные уступки, на которые вынужден был пойти господствующий класс под напором массовых выступлений трудящихся. Исходя из ленинского тезиса о способности пролетариата «превратить половинчатые и лицемерные «реформы» на почве данного порядка в опорные пункты поступательного рабочего движения»², автор приходит к обоснованному заключению о требованиях демократического контроля над производством

как существенной предпосылке «объединения на антимонополистической платформе не только рабочих различной политической ориентации, но и представителей других социальных слоев и немонополистических групп в ФРГ» (стр. 126).

Положительной оценки заслуживает историографический очерк³, в котором подвергается аргументированной критике концепция «сформированного общества», отвечающая интересам монополистического капитала. Являясь вариантом широко распространенной на Западе теории «индустриального общества», эта концепция буржуазных экономистов и социологов ФРГ связана с планами правящего класса «интегрировать» профессиональные союзы в систему капитализма, добиться их отказа от защиты «групповых» (то есть классовых) интересов. Автор подчеркивает приверженность реформистской литературы «интеграционной» схеме, формулам о превращении профсоюзов в «фактор демократического социального порядка». Буржуазным и реформистским установкам противостоят публикации марксистских авторов по проблемам профсоюзного движения в ФРГ. А. Б. Чернов анализирует работы, выпущенные Институтом марксистских исследований, который был основан во Франкфурте-на-Майне в 1969 г. и имеет крупные научные достижения⁴, труды ведущих деятелей Германской коммунистической партии. В ФРГ начала формироваться новая ветвь прогрессивной исторической мысли — историография рабочего движения, отражающая левые тенденции в профсоюзном движении. Книги и статьи сторонников данного направления нацелены против буржуазных и реформистских версий об «интеграции» пролетариата в систему капиталистического общества, исходят из необходимости самостоятельной, антимонополистической линии рабочих организаций. Не случаен тот факт, что некоторые прогрессивные историки

³ См. также: А. Б. Чернов. К критике западногерманских буржуазных и правореформистских концепций о взаимоотношении труда и капитала. «Критика современной буржуазной и реформистской историографии». М. 1974.

⁴ «Die Septemberstreiks 1969». Köln. 1969; «Mitbestimmung als Kampfaufgabe». Köln. 1971; «Gewerkschaften und Nationalisierung in der BRD». Frankfurt a/M. 1973; «Klassen- und Sozialstruktur der BRD 1950—1970». T. I—III. Frankfurt a/M. 1973—1975; J. Schleifstein. Zur Geschichte und Strategie der Arbeiterbewegung. Frankfurt a/M. 1975.

профсоюзного движения тесно связаны с деятельностью профсоюза металлистов ФРГ⁵, в котором отчетливо доминируют левые тенденции.

Книга А. Б. Чернова, основанная на богатом фактическом материале, зачастую впервые вводимом в научный оборот, достойна высокой оценки. Автор убедительно опровергает буржуазные концепции об «интеграции» пролетариата и «затухании» классовой борьбы и подтверждает, что профсоюзам ФРГ принадлежит важное место в борьбе как за насущные интересы рабочих, так и за коренные социальные преобразования.

В заключение одно замечание. В книге уделено недостаточно внимания важной проблеме отношения ОНП к ГДР и Объединению свободных немецких профсоюзов (ОСНП). В настоящее время правительство ФРГ, проявившее реалистический подход к вопросам внешней политики, признало принцип необратимости происшедших после 1945 г. территориально-политических перемен в Европе. Поэтому следовало под-

черкнуть, что именно авангард западногерманского рабочего класса в годы «холодной войны» выступал за равноправные отношения, за сотрудничество ФРГ и ГДР, против реваншистских притязаний реакционных лидеров ХДС/ХСС. По вопросу о контактах с профсоюзами ГДР развернулась длительная принципиальная борьба между левыми силами западногерманского профсоюзного движения и реформистскими руководителями ОНП, поддававшимися нажиму реакционных кругов. Результатом этой борьбы явилось поражение сил, ориентировавшихся на продолжение «холодной войны» и политики «непризнания» ГДР. Достаточно сопоставить решения конгрессов ОНП по поводу связей с рабочими организациями ГДР и других социалистических стран. В резолюции, утвержденной конгрессом ОНП в 1956 г., профсоюзам ФРГ запрещалось всякое сотрудничество с ОСНП. В 1966 г. в решении конгресса, принятом по инициативе профсоюза металлистов, одобрялись (хотя и не без оговорки) контакты с профсоюзными центрами социалистических государств⁶.

А. И. Борозняк

⁵ E. Schmidt, Ordnungsfaktor oder Gegenmacht. Frankfurt a/M. 1971; F. Hartmann, Geschichte der Gewerkschaftsbewegung nach 1945 in Niedersachsen. Hannover. 1972.

⁶ G. Leminsky, B. Otto, Politik und Programmatik des Deutschen Gewerkschaftsbundes. Köln. 1974, S. 424—425.

Б. М. МЕРИН. *Латинская Америка: студенчество и революционный процесс*. М. Изд-во «Наука». 1975. 320 стр. Тираж 500. Цена 1 руб. 20 коп.

За последние годы в советской литературе появилось немало работ, посвященных антимпериалистической борьбе народов Латинской Америки. Интерес к этой проблеме как в целом, так и к оценке роли отдельных социальных сил в революционном процессе, протекающем в этом регионе, вполне закономерен. Заведующий социально-идеологическим сектором Института Латинской Америки АН СССР доктор исторических наук Б. М. Мерин рассматривает место молодежи и студентов в этом процессе. Важность указанной проблемы состоит в том, что в странах Латинской Америки студенчество традиционно принимает активное участие в борьбе за демократию и социальный прогресс. Наибольших успехов оно добивается там, где ор-

ганизованный и сплоченный рабочий класс выступает как руководящая сила антимпериалистического движения. Положение осложняется тем, что студенческая прослойка разношерстна по своему классовому составу, испытывает влияние различных идеологических течений и политических сил.

Используя широкий круг источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор анализирует политическую роль государственных и частных университетов в обществе, изучает социальную структуру студенчества, характер борьбы за университетскую реформу, влияние политических партий на студенчество, идеологическую борьбу в среде университетской молодежи, освещает позиции компартий латиноамериканских стран и их от-

ношение к студенческому движению и университетским проблемам.

Книга содержит аргументированную критику немарксистских теорий по вопросу о роли студенчества в революционном движении в Латинской Америке. Автор обращает внимание на то, что, несмотря на различные выводы и подходы к проблеме, большую часть буржуазных историков и социологов объединяет общая цель — доказать, что единственно правильным для университетской молодежи является активная деятельность в построении «индустриального общества» (стр. 9). Постановка этих проблем Б. М. Мериным имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку они служат предметом острой идеологической борьбы коммунистов с враждебными социализму взглядами и концепциями как откровенных антикоммунистов, так и псевдомарксистов и лжеревольюционеров, утверждающих, что латиноамериканское студенческое движение отвергает революционную теорию и признает только революционные действия.

Особый интерес представляет исследование социальной структуры студенчества. Автор считает, что уровень развития высшего образования отражает социально-экономический и политический прогресс латиноамериканских стран, хотя быстрый рост контингента студентов не сопровождался там соответствующими изменениями в характере высшего образования. В Латинской Америке на первом месте по-прежнему стоят гуманитарные специальности. «Значительная оторванность системы высшего образования от социально-экономического развития Латинской Америки особенно наглядно проявляется в подготовке кадров для индустрии и сельского хозяйства» (стр. 36). Другой серьезный фактор, сдерживающий подготовку кадров высшей квалификации, — это продолжительность обучения, которая намного превышает теоретически необходимое время для получения образования. Во многих университетах отсутствует производственная база для закрепления знаний, полученных в учебных аудиториях. Автор конкретно показал усиление «утечки умов» из Латинской Америки в США за последние годы и связанное с этим ослабление технического потенциала стран этого региона, замедление темпов научно-технической революции в нем. Не приходится говорить о том, что Латинская Америка несет при этом огромные финансовые потери.

Особое внимание в книге уделяется эволюции социальной структуры студенческого движения. Университет перестал быть закрытым и аристократическим учреждением. Хотя доля студентов — выходцев из привилегированных классов по-прежнему неизмеримо выше, чем удельный вес этих классов в социальной структуре, тем не менее основную массу студентов составляют выходцы из средних городских слоев. В работе анализируются обстоятельства социально-экономического характера и другие факторы, способствующие сближению студенчества с рабочим классом и другими антиимпериалистическими силами. Касаясь данной проблемы, автор отмечает, что радикализация студенчества — это отнюдь не автоматически идущий процесс. Его ход предопределяется развитием компартии той или иной страны, уровнем ее теоретической и практической деятельности, степенью ее влияния на массы студенчества.

В книге очерчены основные этапы студенческого движения в Латинской Америке. Первый — с 1918 г. до второй мировой войны — характеризовался борьбой студентов за академические свободы и автономию университетов. Как правило, лишь небольшие отряды студентов принимали участие в антиимпериалистических и политических акциях. Следующий этап — со второй мировой войны до середины 50-х годов, когда это движение характеризуется антиимпериалистической направленностью, но еще сравнительно слабо связано с пролетарским движением. Отличительной чертой третьего этапа — с середины 50-х годов — является борьба значительной части студенчества под руководством рабочего класса, сочетание требований академических свобод с социально-политическими, выступления в поддержку коренных преобразований существующего строя (стр. 103—115). Автор подчеркивает, что подобная политическая направленность прогрессивного студенческого движения превращает его в серьезную революционную силу.

Большое внимание уделено в работе роли университетов в политической борьбе, анализу факторов, влияющих на идеологическую и политическую ориентацию студентов. Рассматривая конкретные данные относительно политической активности студентов отдельных стран, Б. М. Мерин опровергает мнение, весьма распространенное у многих буржуазных ученых, о том, что с годами политическая активность студенче-

ства будто бы падает и университетская молодежь становится якобы менее радикальной.

Автор прослеживает участие студентов в политических организациях, их взаимоотношения с другими антиимпериалистическими и демократическими силами, а также влияние различных партий на университетскую молодежь. Он стремится выяснить характер и специфику борьбы студенчества в различных странах, подвергает критическому анализу деятельность некоторых ультралевых и троцкистских групп в студенческом движении, их происхождение и политическую линию, направленную против компартий (стр. 240).

Важное место в работе отведено деятельности компартий и коммунистических союзов молодежи по завоеванию студенчества на свою сторону. Коммунисты проанализировали важнейшие социально-политические аспекты студенческого движения и социальной структуры латиноамериканского студенчества. Автор делает вывод, что «всякая недооценка работы среди студенческой молодежи приводит, как правило... к ослаблению студенческого движения в целом» (стр. 268). Компартии Латинской Америки поддерживают требование автономии университетов, видя в нем важное средство для укрепления позиций демократических сил на континенте. Однако коммунисты не абсолютизируют это требование, считая, что в отдельных случаях оно может служить интересам реакционных сил. Такой принципиальный, диалектический подход к проблемам университетской автономии встре-

чает понимание и поддержку со стороны прогрессивных кругов Латинской Америки.

Исследование актуальных вопросов студенческого движения в Латинской Америке, предпринятое в содержательной работе Б. М. Мерина, несомненно, будет способствовать разработке проблем стратегии и тактики современного этапа революционного процесса в этом регионе. Автор убедительно показывает, что залог успеха студенческого движения — в единстве действий с рабочим классом и всеми антиимпериалистическими силами, выступающими за демократическое развитие Латиноамериканского континента. В этом смысле на первое место в названии книги следовало поставить именно революционный процесс — тот могучий и неустойчивый поток, в котором ищет и находит свое законное место студенчество.

К недостаткам монографии следует отнести некоторую перегруженность фактическим материалом; она иногда идет в ущерб теоретическому осмыслению изучаемых процессов. Это относится, в частности, к характеристике форм борьбы отдельных национальных отрядов латиноамериканских студентов. Большого внимания заслуживали стратегия и тактика компартий в отношении студенческих организаций, социальные и политические проблемы левосоциалистического молодежного движения, некоторые объективные причины роста политической активности студенчества.

Э. Ф. Коровина

Г. В. ФОКЕЕВ. *Внешнеполитические проблемы современной Африки*. М. Изд-во «Международные отношения». 1975. 263 стр. Тираж 5000. Цена 1 руб. 26 коп.

Процесс становления африканской внешней политики весьма активно изучается советской африканистикой¹. В целом в ней закономерно наметилась тенденция перехо-

да от первоначального описательного освещения экономической, социальной и политической жизни африканских стран к более углубленным исследованиям социально-экономических и политических механизмов, формирующих процесс развития этих стран, в том числе в области внешней политики. Рецензируемая книга является третьей работой кандидата исторических наук, доцента Московского института международных отношений Г. В. Фокеева о

¹ Е. А. Тарабрин. Новая схватка за Африку. М. 1972; Я. Я. Этингер. Межгосударственные отношения в Африке. М. 1972; Л. Д. Яблочков. Принципы внешней политики африканских государств. М. 1974; «Африка в международных отношениях». М. 1970, и др.

внешней политике африканских стран на современном этапе².

Международные отношения в начале 70-х годов свидетельствуют о том, что значимость африканских стран в мировой политике отнюдь не уменьшается, как это проповедают некоторые западные авторы. Крушение португальского колониализма, события в Анголе, Родезии, активная деятельность африканских государств в международных организациях, в движении неприсоединения, усиление антиимпериалистических устремлений во внешней политике многих африканских стран отчетливо выявили как раз обратную тенденцию. Визиты государственных деятелей стран Запада в страны Африки, предпринятые в 1975—1976 гг., отражают беспокойство руководителей империалистических государств развитием событий на континенте и направленностью внешнеполитической деятельности африканских стран. Г. В. Фокеев подчеркивает, что усиление воздействия развивающихся стран, в том числе африканских, на международные отношения особенно реально в условиях современной разрядки международной напряженности, которая объективно выгодна этим странам.

Автор предлагает разделить процесс становления внешней политики стран Африки на четыре этапа. Первый хронологически отнесен им на вторую половину 50-х годов, когда немногие получившие независимость африканские государства стремились закрепить обретенную самостоятельность и искали возможности выйти из тесных рамок, навязанных им бывшими метрополиями экономических, военных и политических соглашений. Второй, по мнению автора, лежит между 1960 и 1963 гг., когда создавалась Организация африканского единства (ОАЕ). Характерная черта этого этапа — начало новой фазы кризиса в отношениях между бывшими колониями и метрополиями (стр. 8—9), выразившегося в дальнейших попытках африканских стран упрочить свою независимость и в попытках бывших метрополий остановить этот процесс. Третий этап охватывает период от создания ОАЕ до конца 60-х годов. Одним из характерных моментов его автор считает зарождение «тенденции решать меж-африканские государственные отношения

преимущественно собственными силами, исключая активное вмешательство извне», со стороны империалистических держав (стр. 10). Четвертый этап, как считает Г. В. Фокеев, начался в 70-е годы, и его основные черты еще складываются. В частности, вопреки регионализму, который, казалось, одержал верх в Африке 60-х годов, вновь растет роль ОАЕ как главного координирующего центра — явление, вполне объяснимое в условиях нынешнего этапа международных отношений. Деление, предложенное автором, обосновано, оно проведено по ряду критериев — объем внешнеполитических связей, их направленность, эффективность внешнеполитических действий.

Значительное место в книге отведено анализу некоторых концепций, оказывающих влияние на формирование внешней политики африканских государств. Это в первую очередь касается панафриканизма и ряда производных от него концепций. Панафриканизм рассматривается автором в тесной связи с проблемой антиколониализма и антинеоколониализма молодых независимых африканских государств. Г. В. Фокеев подчеркивает его основное функциональное назначение — объединение африканских народов в борьбе против империализма (стр. 20). В этом смысле панафриканизм, как показывает автор, не противоречит ни так называемому «локальному», ни «региональному» национализму (и наоборот), поскольку обе эти производные от панафриканизма объединяет с ним именно их антиколониализм. Как отмечает Г. В. Фокеев, между данными концепциями существует определенное соотношение, которое постоянно меняется под воздействием как внутренних, так и внешних факторов и находит свое отражение во внешней политике африканских государств.

Автор останавливается также на значении для формирования внешней политики африканских стран негритюда, который он рассматривает не только как концепцию африканской культуры, но и как концепцию политики молодых африканских государств. Политический аспект этой доктрины проявляется в противопоставлении исторических судеб африканских народов историческим судьбам народов других стран независимо от того, к каким общественно-политическим системам эти страны принадлежат. Более того, на практике (в отличие от чисто теоретического аспекта) сторонники негритюда предпочитают привычные связи с Западом (прежде всего с Францией) отноше-

² Г. В. Фокеев. Они не хотят уходить. (Английский колониализм в Африке после второй мировой войны). М. 1965; его же. Внешняя политика стран Африки. М. 1968

ниям со странами социалистического содружества (стр. 20—22). В этом плане негритуду противопоставит некрумаизм, который также вырос на общей платформе пан-африканизма, но в отличие от негритуды не отрицает необходимость реконструкции африканского общества на современных началах, видя прообраз будущего в социализме, а в сфере внешней политики акцентирует внимание на объективной общности интересов африканских государств и стран социализма.

Серьезное внимание уделяется Г. В. Фокеевым выявлению роли панарабизма в формировании внешней политики государств Северной Африки. Автор указывает на антиимпериалистическую основу как панарабизма, так и панафриканизма и в этом смысле обосновывает их совместимость, возможность совместных политических акций государств как «черной», так и арабской Африки (стр. 32, 33). Это весьма важный вывод, особенно с учетом того, что буржуазная пропаганда не скупится на пророчества о несовместимости интересов стран «черной» и арабской Африки и чуть ли не их противоборстве, которое якобы должно начаться в самое ближайшее время.

Представляет интерес содержащийся в монографии анализ концепции неприсоединения, которая в развивающихся странах трактуется порой весьма произвольно и противоречиво. В книге подвергается обоснованной критике теория «абсолютного нейтралитета Африки», провозглашаемая такими деятелями, как Ф. Уфуэ-Буаьи. В условиях разрядки, пишет Г. В. Фокеев, «классовое соперничество и противоборство все больше будет переходить из военно-политической сферы в социально-экономическую. Развивающиеся страны неизбежно станут объектом все усиливающегося нажима капиталистического мира, и нейтрализация этого нажима потребует более тесных связей со странами социалистического содружества не только в плане функции безопасности, но и социально-экономического развития» (стр. 41—42).

Г. В. Фокеев исследует проблему политического единства африканских стран, анализируя в этой связи деятельность и перспективы развития ОАЕ. В нынешних условиях она стала признанным гарантом территориального статус-кво, одновременно в ее недрах родилась концепция невмешательства в политические и социальные про-

цессы стран — членов организации. В этой связи, считает автор, «ОАЕ как носитель невмешательства в социальные и политические дела своих членов может стать фактором регресса на континенте...» (стр. 92). В самом деле, военные перевороты последних лет в Африке далеко не всегда носили прогрессивный характер, но неизменно заканчивались признанием со стороны ОАЕ. Можно, впрочем, полагать (и автор это подчеркивает), что данная возможность может быть сведена к нулю с учетом объективных процессов на континенте, прогрессивных тенденций его развития.

Важный аспект исследуемой темы — процессы, которые идут в рамках региональных организаций. В работе прослежен ход постепенного распада такой региональной группировки, как Африкано-маврикийская общая организация. Анализируя деятельность других организаций (Восточно-африканское экономическое сообщество, Тамозенный и экономический союз Центральной Африки и др.), автор также подчеркивает их неустойчивость. Одну из причин, затрудняющую развитие экономического сотрудничества, он видит в появлении элементов неравноправных отношений внутри самих региональных группировок, когда ряд стран, используя свой относительно более высокий уровень развития, пытается извлекать из регионального сотрудничества дополнительные выгоды в ущерб другим участникам этих объединений (стр. 110). Попытки оживить деятельность подобных организаций посредством «политизации» их деятельности (в ущерб ОАЕ), как показано в книге, потерпели провал.

В работе анализируются проблемы африканского экономического единства и борьбы за ликвидацию экономической зависимости от империалистических стран. Внутренних источников накопления в африканских государствах, как отмечает автор, явно недостаточно, а необходимые для роста экономики средства не могут быть предоставлены лишь странами социалистического содружества, хотя их помощь постоянно возрастает. Однако общая тенденция развития современных международных отношений, характеризующаяся переходом от конфронтации к разрядке, позволяет африканским странам добиваться смягчения условий получения средств от капиталистических стран, в результате чего они могут использовать помощь Запада без существенного крена в направлении политическо-

го курса этих стран. Этот процесс, по мнению автора, будет возрастать по мере усиления попыток перевести поток государственной помощи из капиталистических стран из рула двусторонних отношений в рамки многосторонних, используя для этой цели как экономические механизмы ООН, так и африканских региональных организаций (стр. 100).

Говоря об иностранном капитале в экономике африканских стран, Г. В. Фокеев, отмечая, что функционирование иностранного капитала в современной Африке носит двойственный и противоречивый характер, пишет о проблеме ликвидации господства иностранных монополий в африканских странах, а не о простом их изгнании. Он разделяет высказанную рядом советских ученых точку зрения о том, что преодоление экономической отсталости предусматривает как проведение прогрессивных внутренних мероприятий, укрепление региональных связей, укрепление сотрудничества с социалистическими странами, так и разумное использование возможностей капиталистического рынка (стр. 101, 102). Что касается будущего африканских стран и, в частности, попыток Запада форсировать развитие местной буржуазии и гарантировать тем самым развитие этих стран по капиталистическому пути, то в книге совершенно справедливо подчеркивается неразрешимое противоречие между этим намерением и конкретной практикой. Рабочий класс растет и организуется в Африке намного быстрее, чем буржуазия, и именно за ним — будущее.

Автор подробно останавливается на отражении во внешней политике африканских стран проблемы национальной интеграции. Процессы национальной консолидации идут во всех без исключения африканских странах и везде порождают внутреннюю напряженность и политическую неустойчивость, которые сказываются на внешней политике этих стран. Одним из внешних проявлений такой напряженности являются многочисленные территориальные и пограничные конфликты. Г. В. Фокеев дает классификацию этих конфликтов, подразделяя их на конфликты, источником которых является доставшаяся в наследство от колониализма племенная и расовая чересполосица в государствах-соседах, и те, источником которых являются попытки реализации со стороны отдельных государств приобретенных ими исторических прав. В качестве моделей этих двух разных по ис-

токам территориально-пограничных конфликтов им подробно рассмотрены эфиопо-сомалийско-кенийский конфликт, с одной стороны, и алжиро-марокканский, с другой (стр. 164—174). На основе тщательного анализа автор приходит к выводу, что в область прошлого отошли конфликты, проистекающие из-за исторических прав, и только конфликты этнического свойства «продолжают оставаться реальной опасностью в условиях... расовой и племенной чересполосицы в Африке» (стр. 176).

Особое место в книге занимает проблема окончательной ликвидации колониализма и расизма на африканском континенте. Автор показывает основные тенденции развития национально-освободительного движения в Африке, избегая упрощенческого подхода к довольно сложным и неоднозначным проблемам. Разбирая противоречивую деятельность Комитета освобождения при ОАЕ, автор подчеркивает, что эта противоречивость — отражение политических процессов в Африке. Г. В. Фокеев справедливо пишет, что в деятельности ОАЕ по ликвидации колониализма и расизма были серьезные разногласия по вопросу о формах, методах, масштабе и направленности деколонизации (стр. 179). Крах португальского колониализма придал силы африканским государствам в их борьбе за полную ликвидацию колониализма и расизма на континенте. В монографии подробно разбираются маневры расистских правительств Родезии и ЮАР во внутренней и внешней политике. Автор считает, что после достижения независимости бывшими португальскими колониями возможности для маневрирования у расистов значительно сузились.

Заключительная глава книги посвящена проблеме отношений африканских стран с внешним миром. Автор обращает внимание на то, что африканские страны все более превращаются из объекта колониальной и неоколониальной экспансии в субъекты международной политики. Г. В. Фокеев прослеживает попытку главных империалистических держав приспособиться к меняющейся ситуации в Африке, в частности под лозунгом «невмешательства» и даже «дружбы». В противовес этому он подчеркивает подлинно интернациональный характер советской политики по отношению к африканским странам, указывая на качественные отличия ее от помощи капиталистических стран и на рост координированных действий социалистических стран в

Африке. На практическую почву, пишет Г. В. Фокеев, поставлено развитие международного разделения труда между социалистическими и развивающимися странами. X Ассамблея ОАЕ в мае 1973 г. специально подчеркнула необходимость сближения с социалистическими странами в области торговли, промышленности, науки и техники (стр. 234).

Дав глубокое теоретическое освещение идеологических основ и принципов внешнеполитической деятельности африканских стран, конкретных внешнеполитических проблем, к которым в Африке существует различный подход, формирования системы внешних связей между африканскими странами, автор уделяет недостаточное внимание выявлению роли и функции внешней политики в общественно-политической жизни этих стран (которая довольно специфична, хотя бы в силу имеющего место различия между внутренней и внешней политикой вследствие слабо выраженной пока

классовой дифференциации африканского общества). Между тем было бы чрезвычайно интересно исследовать своеобразие внешнеполитических интересов африканских стран, вытекающее из их уровня социально-экономического развития, а также недостаточного развития классовой структуры.

Монография содержит глубокий анализ многих политических проблем, стоящих перед сегодняшней Африкой, а также перед Африкой завтрашнего дня. Автор пытается заглянуть в будущее — и небезуспешно. В этом одно из достоинств книги. Правда, приведенный из конкретный материал кое-где может показаться устаревшим (например, в связи с Анголой). Однако автор все же правильно предугадал основное направление развития событий, которые развернулись после завершения работы над книгой.

А. А. Злобин,
Р. А. Тузмухамедов

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Абдулпагтаев С. И. *Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за развитие животноводства. 1946—1965 гг.* Алма-Ата. «Наука» КазССР. 1976. 171 стр. 2 250 экз. 1 руб. 4 коп.

Анчабадзе З. В. *Очерк этнической истории абхазского народа.* Сухуми. «Алашара». 1976. 167 стр. 6 000 экз. 67 коп.

Бураков А. В. *Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры.* Киев. «Наукова думка». 1976. 159 стр. 2 250 экз. 1 руб. 19 коп.

Ванчинов Д. П. *Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.* Исторический очерк. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 1976. 304 стр. 3 000 экз. 1 руб. 18 коп.

Вместе с партией. Сборник документов по истории Саратовской областной организации ВЛКСМ. 1917—1970. Сост. А. И. Аврус и др. Саратов. Приволжское книжное изд-во. 1976. 304 стр. 4 500 экз. 53 коп.

Гадоев Х. *В семье единой и великой. Братская помощь РСФСР и других союзных республик таджикскому народу в строительстве социализма.* Душанбе. «Ирфон». 1976. 423 стр. 3 000 экз. 78 коп.

Геманов В. *Подвиг «С-13».* Изд. 2-е, доп. Калининград. Книжное изд-во. 1976. 111 стр. 56 000 экз. 35 коп.—Очерки о героических делах балтийских подводников в годы Великой Отечественной войны.

Герои Халхин-Гола. Сборник очерков. Изд. 2-е, испр. и доп. Сост. П. А. Неволлин. Пермь. Книжное изд-во. 1976. 149 стр. 10 000 экз. 52 коп.

Губер А. А. *Избранные труды.* М. «Наука». 1976. 343 стр. 2 400 экз. 2 руб. 60 коп.

Губский Н. *Незабываемое.* Минск. «Беларусь». 1976. 159 стр. 20 000 экз. 43 коп.—Воспоминания о борьбе советских подпольщиков против немецко-фашистских оккупантов.

Ермолаев И. П., Литвин А. Л. *Профессор Николай Николаевич Фирсов.* Очерк жизни и деятельности. Казань. Изд-во Казанского ун-та. 1976. 102 стр. 3 500 экз. 48 коп.

Журавлев В. *Сказание о БАМе.* М. «Мысль». 1976. 144 стр. 70 000 экз. 51 коп.

Закономерности создания материально-технической базы коммунизма. М. «Мысль». 1976. 367 стр. 13 000 экз. 1 руб. 38 коп.

Инал-ипа Ш. Д. *Вопросы этнокультурной истории абхазов.* Сухуми. «Алашара». 1976. 463 стр. 5 000 экз. 1 руб. 78 коп.

Исаенко В. Ф. *Археологическая карта Белоруссии.* Вып. 3. Памятники бронзового века. Минск. «Полымя». 1976. 151 стр. 1 500 экз. 51 коп.

История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века. М. «Наука». 1976. 206 стр. 6 200 экз. 1 руб. 96 коп.

История Москвы. Краткий очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. М. «Наука». 1976. 523 стр. 30 000 экз. 4 руб. 18 коп.

Ковтун А. И. *В те довоенные годы.* Воспоминания. Симферополь. «Таврия». 1976. 176 стр. 15 000 экз. 43 коп.

Крузе Э. Э. *Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг.* Л. «Наука», Ленинградское отделение. 1976. 299 стр. 2 450 экз. 1 руб. 53 коп.

Курдюмова Е. А. *Донбасс на подъеме. 1921—1925 гг.* Исторический очерк. Донецк. «Донбасс». 1976. 143 стр. 8 000 экз. 35 коп.

Матюшин Г. Н. *Мезолит Южного Урала.* М. «Наука». 1976. 368 стр. 1 500 экз. 1 руб. 80 коп.

Международная политика КПСС и внешние функции Советского государства. Авт. Г. Х. Шахназаров и др. М. «Мысль». 1976. 160 стр. 27 000 экз. 53 коп.

Москва в цифрах. 1971—1975 гг. Краткий статистический сборник. М. «Статистика». 1976. 223 стр. 24 500 экз. 82 коп.

Нам не забыть вас, ребята! Комсомольско-молодежное подполье в годы Великой Отечественной войны. Очерки, документы, рассказы, воспоминания. М. «Молодая гвардия». 1976. 223 стр. 100 000 экз. 64 коп.

Научно-техническая революция и строительство коммунизма. Авт. Н. П. Федоренко и др. М. «Мысль». 1976. 343 стр. 15 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Новиков Н. В. *Пути и перепутья дипломата.* Записки о 1943—1944 гг. М. «Наука». 1976. 256 стр. 15 000 экз. 43 коп.

Осипов В. А. *Очерки по истории Саратовского края.* Конец XVI и XVII вв. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 1976. 104 стр. 1 000 экз. 18 коп.

Осуществление ленинского кооперативного плана в Киргизии. Фрунзе. «Кыргызстан». 1976. 232 стр. 2 000 экз. 53 коп.

Партия во главе народной борьбы в тылу врага. 1941—1944 гг. М. «Мысль» 1976. 325 стр. 15 000 экз. 1 руб. 28 коп.

Переверзев А. Я. *Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России.* Октябрь 1917—1918. Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1976. 190 стр. 3 500 экз. 66 коп.

Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941. Сборник документов и материалов. Отв. сост. Е. Д. Соловьев, А. И. Чугунов. М. «Наука». 1976. 944 стр. 25 000 экз. 5 руб. 16 коп.

Поликарпов В. Д. *Пролог гражданской войны в России.* Октябрь 1917 — февраль 1918. М. «Наука». 1976. 415 стр. 9 000 экз. 1 руб. 62 коп.

Пряхин А. Д. *Поселения абашевской общины.* Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1976. 168 стр. 1 500 экз. 1 руб. 8 коп.

Пастух Б. С. *Историография создания и укрепления Компартии Туркестана.* Ташкент. «Фан». 1976. 106 стр. 2 000 экз. 52 коп.

Рабкина Н. А. *Отказы внемлем призыванье...* М. «Советская Россия». 1976. 256 стр. 75 000 экз. 47 коп. — Очерки о декабристах.

Рабочие оружейной промышленности в

России и русские оружейники в XIX — начале XX в. Сборник статей. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 144 стр. 2 630 экз. 74 коп.

Русский город. Историко-методологический сборник. М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 296 стр. 4 600 экз. 1 руб. 68 коп.

Сборник документов по истории Омской комсомольской организации. 1917 — август 1973 гг. Сост. Н. И. Емельянова, В. Ф. Садовская, Г. М. Шлевко. Омск. Западно-Сибирское книжное изд-во, Омское отделение. 1976. 296 стр. 10 000 экз. 56 коп.

Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 272 стр. 3 850 экз. 1 руб. 30 коп.

Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. Сборник. Сост. Ф. А. Грекул. М. «Наука». 1976. 152 стр. 3 000 экз. 48 коп.

Советская демократия в период развитого социализма. М. «Мысль». 1976. 279 стр. 15 000 экз. 1 руб. 15 коп.

Солдаты Родины. Сост. В. Г. Королев. Одесса. «Маяк». 1976. 150 стр. 25 000 экз. 38 коп. — Воспоминания и очерки об обороне и освобождении Одессы в годы Великой Отечественной войны.

Сохань П. С. *Очерки истории украинско-болгарских связей.* Киев. «Наукова думка». 1976. 291 стр. 1 500 экз. 1 руб. 71 коп.

СССР — ГДР: 25 лет научно-технического сотрудничества. Сборник статей. М. Изд-во АПН. 1976. 56 стр. 5 000 экз. 22 коп.

Строки, опаленные войной. 1941—1945. Письма военных лет. Сост. П. М. Беляев и др. Воронеж. Центрально-Черноземное книжное изд-во. 1976. 158 стр. 10 000 экз. 21 коп.

Федотов М. *Разведка ведет поиск.* Минск. «Беларусь». 1976. 158 стр. 60 000 экз. 50 коп. — Воспоминания о героических буднях бойцов 1-го отряда 3-й Белорусской партизанской бригады.

Худалов Т. Т. *В тылу врага.* Орджикидзе. «Ир». 1976. 176 стр. 1 000 экз. 54 коп. — Об участии трудящихся Северной Осетии в партизанской войне и европейском движении Сопротивления.

Черменский Е. Д. *IV Государственная дума и свержение царизма в России.* М. «Мысль». 1976. 316 стр. 6 000 экз. 1 руб. 56 коп.

Яковенко В. К. *Партизанское между-речье.* М. Политиздат. 1976. 286 стр. 200 000 экз. 78 коп. — Воспоминания о партизанах и подпольщиках Белоруссии.

Всеобщая история

Аврус А. И. *МОПР в борьбе против террора и фашизма. 1922—1939.* Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 1976. 263 стр. 1 000 экз. 1 руб.

Баскакова М. В. *Япония: государство и накопление основного капитала.* М. «Наука». 1976. 171 стр. 5 400 экз. 59 коп.

Блаватский В. Д. *Природа и античное общество.* М. «Наука». 1976. 79 стр. 9 300 экз. 38 коп.

Богина Ш. А. *Иммигрантское население США 1865—1900 гг.* Л. «Наука», Ле-

нинградское отделение. 1976. 275 стр. 2 100 экз. 1 руб. 43 коп.

Вместе с патриотами Испании. Киев. Политиздат Украины. 1976. 335 стр. 75 000 экз. 66 коп. — Воспоминания участников национально-революционной войны испанского народа.

Вяткина Р. Р. *Создание Южно-Африканского Союза. 1902—1910.* М. «Наука». 1976. 226 стр. 1 900 экз. 1 руб. 28 коп.

Государственный сектор в странах Африки. Коллективная монография. М. «Наука». 1976. 296 стр. 2 000 экз. 2 руб.

Карпачев Б. А. *Красный Интернационал профсоюзов.* История возникновения и первые годы деятельности Профинтерна. 1920—1924 гг. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 1976. 225 стр. 7 000 экз. 83 коп.

Кацнельсон И. С. *Тутанхамон и сокровища его гробницы.* М. «Наука». 1976. 152 стр. (По следам исчезнувших культур Востока.) 30 000 экз. 26 коп.

Коммунистические партии развивающихся стран в борьбе за единый фронт. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 327 стр. 5 200 экз. 1 руб. 68 коп.

Кондратьева А. В. *Латинская Америка: проблемы борьбы за единство профсоюзного движения.* М. «Наука». 1976. 191 стр. 1 350 экз. 62 коп.

Кузищин В. И. *Генезис рабовладельческих латифундий в Италии. II в. до н. э.—I в. н. э.* М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 267 стр. 1 210 экз. 1 руб. 80 коп.

Курылев В. П. *Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства.* Новейшее время. М. «Наука». 1976. 148 стр. 1 500 экз. 1 руб.

Ларичева И. П. *Палеоиндейские культуры Северной Америки.* Проблема взаимоотношений древних культур Старого и Нового Света. Новосибирск. «Наука». Сибирское отделение. 1976. 230 стр. 1 800 экз. 1 руб. 68 коп.

Мокин С. В. *Интернациональная солидарность трудящихся.* Вклад международного пролетариата, прогрессивной зарубежной общественности в строительство социализма в СССР. М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 224 стр. 3 270 экз. 89 коп.

Неразик Е. Е. *Сельское жилище в Хорезме. I—XIV вв.* Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М. «Наука». 1976. 256 стр. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 9). 1 900 экз. 3 руб. 36 коп.

Новгородова Э. А. *Сын Хангайских гор.* М. «Наука». 1976. 168 стр. 4 700 экз. 62 коп. — Очерк о монгольском историке, президенте АН МНР Б. Ширендыбе.

Пигулевская Н. В. *Ближний Восток. — Византия. — Славяне.* Л. «Наука»,

Ленинградское отделение. 1976. 240 стр. 6 000 экз. 93 коп.

Раскин А. П. *Соединенные Штаты Америки.* Рекомендательный указатель литературы. М. «Книга». 1976. 158 стр. 15 000 экз. 40 коп.

Ревуненков В. Г. *Парижская Коммуна. 1792—1794.* Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 255 стр. 6 850 экз. 1 руб. 27 коп.

Седловская А. Н. *Малые народы Бихара.* Историко-этнографический очерк. М. «Наука». 1976. 127 стр. 1 600 экз. 69 коп.

Семенов В. С. *Вооруженные силы ООН.* Практика применения. М. «Международные отношения». 1976. 174 стр. 17 000 экз. 59 коп.

Семенюк В. А. *Националистическое безумие.* Идеология, политика и практика международного сионизма. Минск. «Беларусь». 1976. 254 стр. 55 000 экз. 53 коп.

Скворцов Л. В. *История и антиистория.* К критике методологии буржуазной философии истории. М. Политиздат. 1976. 230 стр. 30 000 экз. 56 коп.

Стекольников В. Я. *Народная Республика Конго в борьбе за социалистическую ориентацию.* М. «Наука». 1976. 215 стр. 2 800 экз. 1 руб. 23 коп.

Фихман И. Ф. *Оксирих — город папирусов.* М. «Наука». 1976. 343 стр. 3 650 экз. 1 руб. 72 коп.

Хазанов А. М. *Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость. XVI—XVIII вв.* М. «Наука». 1976. 320 стр. 1 700 экз. 2 руб. 37 коп.

Членов М. А. *Население Молуккских островов.* М. «Наука». 1976. 285 стр. 1 650 экз. 1 руб. 53 коп.

Шмелев Г. И., Шинтяпин Ю. П., Фрумкин Б. Е. *Сотрудничество стран — членов СЭВ в сельском хозяйстве.* М. «Экономика». 1976. 141 стр. 7 000 экз. 42 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Бауэрман Р., Гейер К., Юлиер Э. *Нищета «марксологии».* Критика фальсификаций учения Маркса и Энгельса. Пер. с нем. М. Политиздат. 1976. 247 стр. (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма). 30 000 экз. 95 коп.

Василев Г. *Без демаркационной линии.* Интеллигенция, «контркультура» и революция. Пер. с болг. М. «Прогресс». 1976. 175 стр. (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма). 18 000 экз. 38 коп.

Уотт У. М. *Влияние ислама на средневековую Европу.* Пер. с англ. М. «Наука». 1976. 128 стр. 10 000 экз. 46 коп.

Ханке Э. *Воспоминания подпольщика.* Пер. с нем. М. Воениздат. 1976. 192 стр. 65 000 экз. 70 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«История СССР» № 5, 1976. И. И. Орлик. Социалистическое сотрудничество и провал «стратегического контроля»; Г. Б. Куликова. Повышение роли местных Советов в развитом социалистическом обществе; В. И. Тропин, А. Ю. Чиковани. Критика В. И. Лениным меньшевистской фальсификации гегемонии пролетариата в революции 1905—1907 годов; И. Д. Ковальченко, Н. В. Сивачев. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке; Н. В. Елисеева. Новый источник по истории помещичьего хозяйства Европейской России конца XIX века; В. Б. Павлов-Сильванский. К историографии источниковедения писцовых книг («Приправочные книги»); Э. Э. Янвярк. Основные изменения в социальной и национальной структуре населения советских республик Прибалтики. (По данным всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.); А. П. Купреева. Помощь братских республик в возрождении народного хозяйства Белоруссии (сентябрь 1943 г.—1945 г.); С. П. Стрекопытов. Из истории международных научно-технических связей СССР (1921—1925 гг.); М. А. Додолев. Записки русского дипломата об Италии (1816—1822 гг.); Т. Н. Джексон. «Восточный путь» исландских королевских саг; Н. Б. Лебедева. Новые исследования о советском рабочем классе в первые годы пролетарской диктатуры.

«Новая и новейшая история» № 5, 1976. Н. И. Лебедев. Ленинские идеи фундаментальной перестройки международных отношений; В. Д. Ежов. Происхождение и классовая сущность фашизма; В. Н. Виноградов. Вступление Румынии в первую мировую войну; И. Р. Григулевич. Рабство и церковь в испано-португальской Америке; Е. В. Кобелев. Хо Ши Мин — великий сын Вьетнама; А. И. Черепанов. Бурные годы в Болгарии (1944—1947 гг.); Ф. Д. Волков. «Заговор послов» и провокационная роль Брюса Локкарта; Г. А. Чернейко. Социалистическое строительство в Болгарии; Ю. М. Каграманов. Франсуа Видок и «тайны Парижа»; И. Е. Крупченко. Борьба за коренной перелом в годы второй мировой войны.

«Народы Азии и Африки» № 3, 1976. Г. Ф. Ким, А. С. Кауфман. XXV съезд КПСС и проблема национально-освободительных революций; Р. А. Ульяновский. Энергетический кризис и борьба освободившихся стран за экономическое равновесие (статья вторая); С. Л. Агаев, В. Н. Пластун. Из истории разработки программы и тактики Иранской коммунистической партии в 1920—1921 гг.; Н. М. Гуревич. Динамика сельскохозяйственного производства в Индии и Китае в первой половине XX века; В. В. Черновская. Египетская интеллигенция в первой половине XX в. (численность, состав, структура и социально-классовое положение); Н. А. Дулина. Англо-турец-

кий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи; А. А. Гусейнов. Профсоюзное движение в Турции в период чрезвычайного положения (1971—1973 гг.).

«Народы Азии и Африки» № 4, 1976. А. С. Кауфман. О роли рабочего класса и его партии в странах социалистической ориентации; Р. Г. Ланда. Из истории Палестинского движения сопротивления (1967—1971 гг.); Б. Н. Занегин. К вопросу об основах американо-китайского сближения; Ю. В. Качановский. Проблемы истории Востока и сравнительно-исторический анализ; Е. А. Глущенко. Падение первой республики в Нигерии (к истории военного переворота 15 января 1966 г.); А. М. Петров. Азиатско-европейский торговый баланс на рубеже нашей эры.

«Советская этнография» № 5, 1976. Ю. В. Бромлей, А. А. Воронов. Народная медицина как предмет этнографических исследований; В. Хаджиниколов. Этнографическое изучение современности в Болгарии; Н. Г. Черняева. К исследованию типологии искусства былинного сказителя; Ф. Г. Мамедов. Мемориальный комплекс в селении Джиджимли. (К вопросу об этнокультурных связях); В. Н. Иванов. Новое о Франце Лангансе; Б. Б. Пиотровский. Все ли виды изобразительной деятельности палеолитического человека были искусством?; В. А. Горчаков. Техника «удвоения» социального опыта неандертальцев и искусство (в связи с гипотезой А. Д. Столяра); А. А. Воронов. Генетическая изменчивость человеческих популяций и характер их биологической дивергенции; А. А. Зубов. Интеграция как единая тенденция современного человечества; А. И. Першиц. Динамика популяций: дивергенция или конвергенция?; А. К. Байбурин. Обряды при переходе в новый дом у восточных славян (конец XIX — начало XX в.); Л. А. Тульцева. Рябина в народных поверьях; Т. М. Акимова. Русский народный театр в исследованиях послевоенных лет; М. М. Герасимова. Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья; Н. Р. Гусева. О некоторых чертах традиционной индийской медицины; Р. Л. Садоков. Веселые скomorохи.

«Рабочий класс и современный мир» № 5, 1976. Б. И. Аристов. Формирование и воспитание достойного пополнения рабочего класса; Т. Т. Тимофеев. В авангарде борьбы за мир и социальный прогресс в Европе; Л. Б. Москвин. Выборы в странах Западной Европы: сдвиг влево; О. Э. Туганова. О международном культурном сотрудничестве в современных условиях; Е. И. Кореневская. Советы и общественная активность трудящихся; С. Л. Агаев. Социально-экономическое содержание борьбы за демократию при капитализме; С. А. Червоная. Борьба рабочих-чиканос за организацию в профсо-

язы; А. Х. Керимов. Профсоюзное движение в Турции в 70-е годы.

«Украинский исторический журнал» № 9, 1976. П. Т. Тронько. Осуществление ленинских установок монументальной пропаганды; Л. Е. Беренштейн, В. В. Диденко. Ускорение научно-технического прогресса и возрастание эффективности производства в условиях развитого социализма; В. П. Чугаев. КПП и КПЗУ в борьбе за последовательное осуществление политической линии VII конгресса Коминтерна; В. Л. Савельев, В. П. Шевчук. Критика буржуазных фальсификаций руководящей роли КПСС в политической системе развитого социалистического общества; И. И. Глызь. Издание и распространение переводной марксистской литературы на Украине в 1905—1907 гг.; В. А. Марьяновский. Марксистско-ленинское воспитание коммунистов Украины в восстановительный период; Н. Н. Лещенко, А. И. Мамалыга. Аграрно-капиталистическая эволюция помещичьих хозяйств Подольской губернии в 1861—1900 гг.; Э. М. Мищенко. Создание аграрно-промышленных комплексов в Народной Республике Болгарии; Н. М. Алексеев. Деятельность СЕПГ по повышению благосостояния населения ГДР; Ф. И. Тацкий. Из опыта работы культпросветительных учреждений Украины в период между XXI и XXIII съездами КПСС; В. С. Сулько. Решение продовольственного вопроса на юге Украины в 1920 г.; В. А. Пирко. К вопросу об основании города Славянска; Н. Г. Подоляк. Ремесло и ремесленники ганзейского города Росток во второй половине XV — первой половине XVI в.; В. Ф. Солдатенко. Вопросы укрепления международной пролетарской солидарности на страницах большевистской прессы Украины (март — октябрь 1917 г.).

«Вопросы истории Дагестана». (Досоветский период.) Институт языка и литературы им. Г. Цадасы. Вып. III, 1975. В. Г. Гаджиев. Декабристы на Кавказе; М. Ш. Шигабудинов. Статистика стачек на Северном Кавказе (июнь 1907 — январь 1917 г.); Ш. М. Ахмедов. К вопросу о становлении феодальных отношений в Дагестане; М.-С. К. Умаханов. О классовой борьбе в феодальных владениях Дагестана в XVII веке; Я. А. Федоров, Г. С. Федоров. Половцы-кыпчаки на Северном Кавказе; Г. Х. Ичалов. Дагестан — арена военных столкновений Хулагидов и ханов Золотой Орды в XIII—XIV вв.; М. Р. Гасанов. Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана; Б. Г. Алиев. К вопросу об административно-политической структуре общества Гапш в XVIII—XIX вв.; Д. М. Магомедов. Занятие населения Дидо в XVIII—XIX вв.; Г. З. Анчабадзе. Сведения турецкого путешественника XVII века Эвлия Челеби о Дагестане; В. Г. Гаджиев. О русском переводе «Дербент-Наме»; Листовки организаций РСДРП в первой русской революции (1905—1907 гг.) на Северном Кавказе.

«Сборник трудов» Института истории, экономики, языка и литературы при Совете Министров Северо-Осетинской АССР. Т. XXXI (История). 1976. Д. З. Муриев. Разгром немецко-фашистских войск под Владикавказом; Т. Т. Худалов. В боевом содружестве с народами СССР (1941—1945 гг.); А. И. Абаев. Обеспечение промышленности и транспорта Северной Осетии рабочими кадрами в годы Великой Отечественной войны; Х. С. Черджиев. Возникновение и развитие советской государственности в Северной Осетии; Н. Ф. Бугай. Революционные комитеты и их роль в упрочении Советской власти в Северной Осетии; С. Т. Меликов. К истории совпартшкол национальных автономий Северного Кавказа; Н. С. Нечипурнова. Опыт-показательная реорганизация окружно-районной системы управления на Северном Кавказе (1929—1930 гг.); И. Г. Дзобраев. Из опыта работы Северо-Осетинской парторганизации по подготовке кадров сельского хозяйства; Г. Д. Тогошвили. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России; Г. И. Цибиров. Из истории зарождения научного осетиноведения; Х. Х. Бекузаров. Революционная пропаганда в войсковых частях на Тереке в 1905 г.; В. А. Кузнецов. Академик В. Ф. Миллер как археолог-кавказовед; В. Х. Тменов, В. С. Уарзиати. Комплекс жилых и хозяйственных сооружений Ногаевых в ущелье Уарцеком Северо-Осетинской АССР; Т. З. Бесаева. Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением ребенка.

«Актуальные вопросы истории и историографии всеобщей истории XIX — XX веков». Сборник статей Горьковского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Вып. 2, 1975. А. М. Нейман, И. Берлин и его критики; Н. Ф. Прончатов. Очерк английской историографии по истории Южной Африки; Н. И. Смоленский. Категория «нация» в национально-политической историографии Германии 40—80-х гг. XIX в.; Н. И. Смоленский. Понятие «государство» в историографии И. Г. Дройзена; Г. М. Тушина. Проблематика и методика исследований по средневековому городу в современной французской медиевистике (60—70-е гг. XX в.); С. П. Дергачев. Общественно-политические взгляды и деятельность Б. Г. Тилака в 1908—1920 гг.

«Сборник трудов» Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. 1975. Из истории борьбы пролетариата Москвы и Московской губернии. А. А. Андреев. Знаменосцы революции (о роли рабочей интеллигенции в революционном движении); А. А. Андреев. Отклики в Германии на революцию 1905—1907 гг. в России; Ю. П. Аксенов. Из истории борьбы за установление Советской власти в Московской губернии; Р. Г. Седова. К вопросу о положении рабочих на фабрике «Пролетарская победа» (вторая половина XIX — начало XX в.).

«Из истории народного образования Ура-

ла». Сборник статей Пермского государственного педагогического института усовершенствования учителей. 1976. В. В. Прокошев. Распространение грамотности в Пермском крае с древних времен до XIX в.; Т. А. Заболотных. Егошинская горнозаводская школа; И. А. Слудковская. Из истории подготовки учительских кадров на Урале во второй половине XIX в.; К. В. Козынецов. Воспоминания о Первом всесоюзном съезде учителей; А. Ф. Кривошеко. Осуществление всеобщего обязательного начального обучения в Коми-Пермяцком национальном округе.

«Вопросы общественных наук». Межведомственный сборник. Вып. 27, Киев. 1976. Критика современных фальсификаций в вузовском курсе истории КПСС. М. А. Акопов. Разоблачение буржуазных фальсификаторов в вузовском курсе истории КПСС; Н. М. Казанович, В. А. Корнилова. Несостоятельность буржуазных трактовок начала рабочего движения и распространения марксизма в России (1883—1894 гг.); Н. А. Буцко, Н. М. Казанович. Научная несостоятельность буржуазных трактовок борьбы за создание марксистской партии в России; Н. Е. Козицкий. Разоблачение буржуазных измышлений о деятельности большевиков в годы первой русской революции; М. И. Москаленко. Основные направления критики буржуазных фальсификаторов истории КПСС при изучении темы «Партия большевиков в период реакции (1907—1910 гг.)»; П. Л. Варгатюк. Критика буржуазной историографии деятельности партии большевиков в период нового революционного подъема; В. Л. Харитонов. Мифы и домыслы буржуазной историографии о дея-

тельности большевистской партии в период первой мировой войны и второй революции в России; Л. П. Богиня, Б. И. Королев. Против антикоммунистических извращений истории Великой Октябрьской социалистической революции; Р. И. Ветров, Б. И. Королев. Разоблачение фальсификации борьбы Коммунистической партии за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти; В. Б. Павленко. Против буржуазной фальсификации деятельности Коммунистической партии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны; М. С. Климко. Разоблачение фальсификации истории КПСС восстановительного периода (1921—1925 гг.); А. Н. Вербило. Фальсификация современной буржуазной историографией индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства; Л. Е. Беренштейн. Против буржуазной фальсификации борьбы партии за завершение социалистической реконструкции сельского хозяйства; Л. Е. Беренштейн. Разоблачение буржуазных фальсификаций деятельности партии по укреплению социалистического общества и усилению обороноспособности страны (1937—июнь 1941 г.); Н. А. Буцко. Критика буржуазной фальсификации истории Великой Отечественной войны в XIV теме курса истории КПСС; Г. Т. Кикалов, Л. Д. Костенко. Против буржуазной фальсификации борьбы КПСС за восстановление народного хозяйства и дальнейшее развитие социалистического общества; Я. С. Калакура, Е. В. Панков. Научная несостоятельность буржуазной историографии борьбы КПСС за совершенствование развитого социалистического общества и постепенный переход к коммунизму.

СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ

26—28 мая 1976 г. в Барнауле состоялся Всесоюзный симпозиум по проблеме «Осуществление ленинских идей о союзе рабочего класса и крестьянства в Сибири», организованный Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, Алтайским университетом и Алтайским крайкомом КПСС в связи с подготовкой к изданию многотомной «Истории рабочего класса и крестьянства Сибири». В его работе приняли участие 162 историка из Москвы, Киева, Кишинева, Калининграда, Ярославля, а также из всех сибирских краев, автономных республик и областей.

Симпозиум открыл председатель его организационного комитета академик А. П. Окладников. На

пленарном заседании выступили с докладами секретарь Алтайского крайкома КПСС А. Н. Невский — «Перспектива развития Алтайского края», А. П. Окладников — «XXV съезд КПСС и развитие гуманитарных исследований в Сибири (итоги и перспективы)», чл.-корр. АН СССР М. П. Ким — «В. И. Ленин о союзе рабочего класса и крестьянства».

А. Н. Невский охарактеризовал грандиозные успехи трудящихся края в промышленности, сельском хозяйстве и культуре, достигнутые за годы Советской власти, подчеркнул значение ленинских идей о союзе рабочего класса и крестьянства, руководимом партией, для успешного осуществле-

ния социалистических преобразований в крае.

А. П. Окладников подвел итоги работы историков Сибири в минувшем пятилетии и наметил основные задачи в исследовании прошлого и настоящего края в связи с идеями, содержащимися в материалах XXV съезда КПСС, подчеркнув, что подготовка труда по истории рабочих и крестьян Сибири — главная задача сибирских историков на ближайшее пятилетие. Он отметил, что изучение становления и развития двух основных классов советского общества имеет не только историко-познавательное значение, но и является весомым вкладом ученых-обществоведов в современное развитие советского общества, играет серьезную роль в идеологической и политической борьбе против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, империализма и неокOLONиализма.

М. П. Ким, опираясь на ленинское учение, показал значение союза рабочего класса и крестьянства на разных этапах революционной борьбы и социалистического преобразования общества, обратив внимание на необходимость углубленного изучения закономерностей и тенденций развития этого союза на всех этапах истории советского общества, поиск новых подходов к решению проблемы и разработки более совершенных методик исследования.

А. П. Окладников и М. П. Ким подчеркнули, что в условиях современной идеологической борьбы на представителей общественных наук возложена особая ответственность, и призвали к качественному улучшению исследовательской работы.

После пленарного заседания под председательством А. П. Окладникова состоялось совещание Главной редколлегии «Истории рабочего класса и крестьянства Сибири», на котором решались организационные и важнейшие исследовательские вопросы, возникшие при работе над подготовкой издания.

Дальнейшая работа симпозиума проходила по секциям: «Рабочий класс и крестьянство Сибири в дооктябрьский период» (с тремя подсекциями: «Рабочие Сибири в дооктябрьский период», «История крестьянства Сибири периода феодализма» и «История крестьянства Сибири периода капитализма»), «Рабочий класс и крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.)», «Рабочий класс и крестьянство Сибири в период строительства развитого социалистического об-

щества (1938—1958 гг.)», «Рабочий класс и крестьянство Сибири в период развитого социализма». На секциях и подсекциях выступили с докладами и сообщениями 87 человек, 37 человек приняли участие в прениях.

В первой секции в центре внимания оказались проблемы зарождения и становления союза рабочих и крестьян Сибири в дооктябрьский период. В докладах Л. М. Горюшкина «Вопросы изучения союза рабочего класса и крестьянства в Сибири на буржуазно-демократическом этапе революции» и Д. М. Золотникова «Об изучении общего и особенного в истории рабочих Сибири в годы первой мировой войны» были намечены основные аспекты проблемы, предложена периодизация истории складывания союза рабочих и крестьян Сибири. Большое внимание докладчики уделили вопросу о соотношении общих законов развития и борьбы российского пролетариата и крестьянства с особенными проявлениями их в истории рабочих и крестьян Сибири. По докладам развернулась широкая и плодотворная дискуссия. Выступавшие в прениях А. П. Бородавкин, О. Н. Вилков, В. П. Зиновьев, А. Н. Копылов, И. Г. Мосина, Н. Д. Овсянникова, Н. Н. Покровский, Г. Х. Рабинович, В. А. Скубневский, Л. А. Солопий, В. Н. Худяков поддержали мысль о том, что следует тщательно изучать историю рабочих и крестьян Сибири с позиций решения проблемы общего и особенного. Секция обратила внимание на необходимость разработки некоторых спорных вопросов периодизации истории капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве Сибири и высказалась за создание единой хроники рабочего и крестьянского движения в период феодализма и капитализма. В подсекциях наряду с продолжением обсуждения поднятых на пленарном и секционном заседаниях вопросов было организовано обсуждение первых вариантов параграфов и глав соответствующих томов по истории крестьянства. Обсужденные тексты были в целом одобрены и приняты за основу.

Работа второй секции была сосредоточена вокруг вопросов, касающихся значения союза рабочих и крестьян в Сибири для построения социалистического общества. В докладах Н. Я. Гущина «Вклад сибирского крестьянства в социалистическое строительство в стране», И. Е. Зелене-

ни на «Роль совхозов в укреплении союза рабочего класса и крестьянства на различных этапах социалистического строительства», В. Л. Соскина «Роль рабочего класса в культурном развитии сибирской деревни в период строительства социализма (1917—1941 гг.)» анализировались различные аспекты экономической, социальной, культурной взаимосвязи сибирского города и деревни, обращалось внимание на активную роль сибирского крестьянства в социалистическом строительстве, подчеркивалась руководящая роль рабочего класса в этом процессе. В выступлениях Д. И. Боженко, В. П. Буторина, А. В. Гагарина, Ю. В. Журова, Б. В. Иванова, Ю. В. Куперта, Ю. Г. Марченко, П. С. Сафронеева и других были подняты различные вопросы укрепления союза рабочего класса и крестьянства, города и деревни в годы революции и гражданской войны, в восстановительный период и в ходе первых пятилеток. Большое внимание секция уделила роли партии, возглавлявшей и направлявшей рабочих и крестьян Сибири в их борьбе за построение социализма. Существенное место в выступлениях было отведено культурно-идеологическим аспектам союза рабочих и крестьян, формам и методам распространения социалистического мировоззрения в крестьянской среде.

В третьей секции обсуждались актуальные проблемы воплощения союза рабочего класса и крестьянства в конкретные формы борьбы трудящихся Сибири за победу в Великой Отечественной войне, а также вопросы развития и упрочения социалистических общественных отношений в годы послевоенных пятилеток. В докладах В. Т. Анискова «Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в годы Великой Отечественной войны», В. Е. Романцова «Возрастание роли рабочего класса в сельскохозяйственном производстве», Л. Е. Репида «Особенности ведущей роли рабочего класса в укреплении союза с крестьянством в процессе строительства социализма», К. И. Могильницкой «Политика цен и ее роль в ликвидации существенных различий между городом и деревней», Г. М. Макиевского «Сближение города и деревни по уровню образования (по материалам Восточной Сибири, 1939—1959 гг.)» были освещены наиболее важные вопросы истории рабочего класса и колхозного крестьянства Сибири в годы войны и в послевоенные пятилетки, неук-

лонное повышение роли рабочего класса как непосредственно в сельскохозяйственном производстве, так и в оказании колхозной деревне помощи технического, организационного и культурного характера, различные формы шефства города над деревней. В сообщениях И. В. Елизарова, В. С. Ивановой, В. Д. Карчменника, Р. А. Малькова, Т. Н. Момотовой, А. Е. Моховиковой, Л. Н. Раднаевой, Е. В. Рождественского, А. М. Серебренникова, Е. Е. Тармаханова, Л. Г. Щербины и других получили поддержку основные положения докладов, ряд вопросов был конкретизирован на базе фактического материала, предложены различные методы их решения.

Актуальные проблемы союза рабочего класса и крестьянства на современном этапе были темой работы четвертой секции. В докладах И. И. Комогорцева «Влияние союза рабочего класса и крестьянства на техническое перевооружение совхозов и колхозов, на развитие сельского хозяйства в современных условиях», Т. И. Богомлова «О развитии союза рабочих и крестьян на современном этапе», В. Н. Ладенкова «Характерные черты современного этапа преодоления социально-экономических различий между городом и деревней», Л. С. Рогачевой «Роль социалистического соревнования в укреплении союза рабочего класса и крестьянства в период развитого социализма (1959—1975 гг.)», В. Б. Тельпуховского «Об источниках пополнения рабочего класса в условиях развитого социализма», А. И. Житникова «Школы коммунистического труда — эффективная форма пропаганды политических знаний, передового опыта, выработки коммунистического отношения к труду», а также в выступлениях А. Н. Айкарова, Р. Г. Банновой, Э. В. Васильевской, Т. П. Малаховой, Н. П. Смолина, В. А. Цукрова, И. И. Чередова, П. Г. Яковлева и других были освещены вопросы реализации союза рабочего класса и крестьянства в условиях развитого социалистического общества, показано значение этого союза в укреплении материально-технической базы сельского хозяйства, в распространении на селе индустриальных форм организации труда, в повышении эффективности социалистического соревнования. Выступавшие отметили, что в современных условиях союз рабочего класса и

крестьянства осуществляется на качественно новой ступени преодоления различий между городом и деревней, подчеркнул особо важное значение решений XXV съезда КПСС для разработки проблем современного этапа истории рабочих и крестьян Сибири.

На проходившем под председательством заместителя председателя оргкомитета В. В. Алексеева заключительном пленарном заседании руководители секций и члены оргкомитета симпозиума единодушно отметили его полезность и высокую эффективность. Коллективное обсуждение ак-

туальных проблем истории рабочего класса и крестьянства, проходившее в деловой атмосфере, продвинуло вперед разработку ряда малоизученных проблем. Участники симпозиума приняли рекомендации, направляющие внимание исследователей на изучение конкретных вопросов истории рабочих и крестьян Сибири. Были согласованы сроки и задачи следующих совещаний, посвященных подготовке «Истории рабочего класса и крестьянства Сибири».

*О. Н. Вилков,
В. Н. Курилов*

Хроникальные заметки

◆ В октябре 1976 г. в Москве прошла Всесоюзная научно-теоретическая конференция «XXV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории», проведенная Институтом марксизма-ленинизма, Академией общественных наук и Высшей партийной школой при ЦК КПСС, Академией наук СССР. В центре внимания ее участников — ученых-обществоведов, преподавателей вузов, партийных работников, пропагандистов и лекторов — стояли теоретические проблемы развитого социализма, коммунистического строительства. Было заслушано 56 научных докладов и сообщений, в которых всесторонне отражены возрастные руководящей роли КПСС, вопросы социально-экономического прогресса в странах СЭВ, проблемы коммунистического воспитания, социалистической идеологии и культуры общества развитого социализма, закономерности современного развития социалистического сотрудничества, международных отношений, мирового коммунистического и рабочего движения.

◆ 30 сентября 1976 г. в Институте всеобщей истории АН СССР состоялось объединенное заседание сектора новой истории капиталистических стран Европы и Группы по изучению истории Франции, посвященное проблемам французской истории 1970-х годов. Заседание открыл вступительным словом президент общества «СССР — Франция» А. З. Манфред. С докладом «О современной Франции» выступил директор Института Мориса Тореза Жорж Коньо. По докладу состоялись прения.

◆ 10 сентября 1976 г. в Хабаровске состоялась Международная конференция на тему: «Участие венгерских интернационалистов в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке». Организаторы конференции — Советско-венгерская комиссия историков АН СССР и Институт истории, филологии и

философии (ИИФФ) Сибирского отделения АН СССР. Конференцию открыл директор ИИФФ акад. А. П. Окладников. С приветствием к ее участникам обратился секретарь крайкома партии А. Н. Лапшин. Присутствовавших приветствовал также вице-президент Венгерской академии наук акад. Ж. П. Пах. Вступительное слово произнес директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока СО АН СССР чл.-корр. АН СССР А. И. Крушанов. На пленарном заседании выступили с докладами А. И. Крушанов, член ЦК Венгерской социалистической рабочей партии директор Института истории партии при ЦК ВСРП акад. Х. Ваш и другие.

◆ Научный координационный совет по проблемам американистики Московского университета провел 5—6 октября 1976 г. в Москве конференцию «200-летие образования США: история и современность». Конференцию открыл ректор МГУ акад. Р. В. Хохлов. С докладами выступили: В. В. Согрин — «Война за независимость и образование США: история и современность»; А. А. Мишин — «Проблемы эволюции американского конституционализма»; Б. А. Ширяев (Ленинград) — «Политическая борьба в США в первые годы после принятия конституции»; В. Н. Плешков (Ленинград) — «Англо-американские отношения во время войны за независимость»; В. А. Ушаков (Ленинград) — «Статьи Конфедерации»; Г. А. Голованова, А. Н. Бурмистенко — «Тенденции развития американской журналистики»; А. М. Каримский — «Философия американского Просвещения и ее роль в идеологической подготовке буржуазной революции»; В. И. Добренков — «Социальный эвангелизм в США»; Н. Е. Покровский — «Г. Торо и его место в американской демократической традиции»; Е. Н. Смирно-

ва — «Роль государственных финансов в экономике США»; В. Ф. Железова — «Роль США в мировом капиталистическом хозяйстве»; С. К. Дубинин — «Современная аграрная система США»; Н. А. Колосова — «Положение индийского населения в США», и другие. На заключительном заседании выступили: акад. Г. А. Рабагов — «Некоторые вопросы юбилея США и задачи советской американистики»; В. П. Золотухин — «Избирательные кампании 1976 г. в США». Заключительное слово произнес председатель Научного координационного совета по проблемам американистики проф. Н. В. Сивачев. На конференции работали секции: истории и права; литературы и журналистики; философии; экономики.

◆ Политиздат выпустил коллективную монографию «Социалистический образ жизни и современная идеологическая борьба» (М. 1976). Она написана группой философов, социологов, экономистов, этнографов и представителей других общественных наук. В ней исследуются теоретические вопросы (в частности категория образа жизни); дано определение образа жизни; показаны зависимость его от научно-технических, экономических и социальных факторов, его составные элементы, исторические различия и классовые особенности, национальное и интернациональное в нем. Материал книги характеризует основные черты и преимущества социалистического образа жизни и его постоянное совершенствование, раскрывает сближение образа жизни в советском городе и деревне, а также сближение советских наций, развитие семейно-бытовых отношений, роль образования и духовной культуры, нравственные аспекты. Завершающая часть книги касается проблем образа жизни в современной идеологической борьбе.

◆ В издательстве «Советская Россия» (М. 1976) вышла книга Н. А. Рабкиной «Отчизны внезем призванье...». В ней рассказывается о героях 1825 г., доживших до 1860-х годов, о людях, проявивших верность революционным идеалам, глубокий патриотизм, общественную активность. Несколько биографических очерков посвящено отдельным представителям декабристского движения, претерпевшим одиночное заключение, каторгу, но сохранившим чистоту революционных помыслов. Один из очерков повествует о женщинах, жизнь которых была озарена сочувствием к узникам Сибири и самопожертвованием ради них. Книга построена на разнообразных архивных материалах. Многие из них публикуются впервые.

◆ В монографии «Международная политика КПСС и внешние функции Советского государства» (М. «Мысль». 1976) анализируются соотношение, развитие и научные основы реализации внешних функций Советского государства, рассматриваются вопросы политического сотрудничества СССР со странами социалистического содружества и развивающимися государствами. Основное внимание в книге уделено борьбе СССР за мир, мирное сосущество-

вание и претворение в жизнь Программы мира.

◆ Издательство «Мысль» выпустило в свет книгу «Советская демократия в период развитого социализма» (М. 1976). В книге раскрывается руководящая роль КПСС в системе социалистической демократии, анализируются сущность политического руководства и основные демократические институты, природа социалистического народовластия. Специальные главы посвящены вопросам научного управления обществом, научно-технической революции.

◆ Е. Д. Черменский написал книгу «IV Государственная дума и свержение царизма в России» (М. «Мысль». 1976). Автор поставил своей задачей на основе новых архивных материалов проследить, как под воздействием подъема массового рабочего движения накануне и в годы первой мировой войны нарастал кризис третьеиюньской политической системы, как буржуазия и царизм бились в порочном кругу неразрешимых противоречий.

◆ В книге Н. А. Медведева «Развитие общественных отношений в советской деревне на современном этапе» (М. «Мысль». 1976) прослеживается совершенствование элементов структуры производственных отношений в сельском хозяйстве СССР под воздействием преобразований производительных сил в условиях научно-технической революции. Значительное место в работе отводится вопросам улучшения комплексного планирования экономического и социального развития на селе.

◆ «Коммунисты и проблемы современного молодежного движения» — так называется книга, написанная коллективом авторов Академии общественных наук при ЦК КПСС, вышедшая в издательстве «Мысль» (М. 1976). В книге освещаются программные установки коммунистов в отношении молодежного движения, формы и методы их работы среди молодежи социалистических стран, капиталистических государств, развивающихся стран.

◆ Книга А. А. Говоркова «М. Н. Покровский о предмете исторической науки» (Томск. 1976) представляет собой попытку подвести некоторые итоги и наметить проблемы, связанные с изучением трудов, общественно-политической и научно-педагогической деятельности видного советского историка. Автор рассматривает взгляды М. Н. Покровского на общество и процесс его развития, на место истории в системе наук, на источник и факт как объекты исторического познания, вводит в научный оборот новые архивные источники.

◆ В книге Р. М. Касимовой «Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР» (Баку. «Элм». 1976) анализируется антропологический тип современного населения республики в связи с проблемой этногенеза азербайджанцев. Устанавливается удельный вес элементов южного происхождения (связанных с территорией Мидии), и собственно кавказского происхождения, имевших отношение к древней Албании. В работе отвергается наличие среди местного населения примеси монголоидных элементов.

◆ «Сарматы на Илеке» — под таким названием вышла в свет книга К. Ф. Смирнова (М. «Наука». 1976), в которой подведены итоги археологическим исследованиям совместной экспедиции Института археологии АН СССР, Государственного исторического и Оренбургского областного краеведческого музея в течение 1956—1961 годов на территории колхоза «Дружба» Соль-Илецкого района. Автор описывает свыше 100 курганных погребений в урочищах Пятимары I, Тарабутак, «Близнецы» и Увак, датированные III—I тыс. до н. э., а в основной массе относящихся к VII—II вв. до н. э. Раскопки дали богатый материал для понимания быта, общественного строя, религиозных воззрений и культурно-экономических связей древних обитателей бассейна Илека.

◆ Профиздат выпустил в свет книгу «Профсоюзное движение в странах социализма» (М. 1976), подготовленную научно-исследовательским отделом Высшей школы профдвижения. Авторы освещают формы и методы работы профсоюзов Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии и Чехословакии, взаимное обогащение накопленным опытом в рамках социалистического содружества.

◆ Археологическая экспедиция МГУ, возглавленная Л. Р. Кызласовым, исследовала развалины столицы древнехакасского государства, обнаруженные в дельте р. Уйбат. Проведены наружные раскопки большой крепости IX—XII веков. Ее сторожевые башни имеют 6-угольную форму, то есть сходны с обликом деревянных юрт древних хакасов. Сырцовый кирпич, который был использован при строительстве, поставлялся из Средней Азии и других стран, хотя там и не были известны столь мощные оборонительные сооружения.

◆ Отряд археологов Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР провел раскопки на берегу оз. Шойнаты у села Сторожевск Корткеросского района. Наиболее интересные открытия сделаны на холме Джуджыд-Яг («Высокий бор»), где обнаружены металлические предметы с изображениями животных; под слоем песка обнажилась круглая каменная вымостка, на которой лежал сплошной угольный слой. Более двух тысячелетий назад здесь горел ритуальный огонь. Ранее самые древние погребения такого рода в Коми АССР датировались VI—VII вв. н. э. Погребение на холме Джуджыд-Яг старше их на пять веков.

◆ При раскопках стен замка XV—XVII вв. в Бауске (районный центр Латвии) учеными Института истории АН республики под 2-метровым слоем земли открыты предметы из кости и кремня. Остатки древнего поселения свидетельствуют, что на месте, где стекаются реки Муса и Мемеле, жили люди задолго до нашей эры.

◆ За 25 лет раскопок самая большая берестяная грамота обнаружена археологической экспедицией АН СССР, Московского университета и Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника в Троицком раскопе на усадьбе духовного лица. Это — письмо, датированное первой половиной XIII века. Написала его новгородка Анна своему брату, которого просит заступиться в суде за мать, оскорбленную неким Константином. Там же обнаружено бронзовое писало.

◆ Населенные пункты по берегам Чудского озера обследовала научная экспедиция Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Она нашла много старинных книг, в том числе певческие (так называемые крюковые) рукописи XVII—XIX веков. Ценны также азбука для обучения грамоте и месяцеслов XVI века.

◆ В августе 1976 г. в Молдавии и Одесской области работал отряд Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, возглавленный Г. Ф. Коробковой. Он исследовал древние орудия труда методом экспериментально-трасологического анализа, в основе которого лежит изучение следов сработанности на камне, наблюдаемых под микроскопом. Правильность определения орудий проверялась экспериментальным путем. Было изучено около 4 тыс. кремневых орудий из относящегося к IX—VIII тыс. до н. э. поселения древних охотников и собирателей возле Мирного. Выяснилось, что большая часть изделий служила вкладышами для составных орудий. Наиболее интересная находка — древнейшие жатвенные орудия, служившие для срезания дикорастущих злаков и травы. При экспериментальном изучении древних серпов в ботаническом саду АН Молдавской ССР высеивались те сорта пшениц, которые возделывались древними земледельцами Молдавии, Украины, Кавказа, Средней Азии и Ближнего Востока: однозернянка, двузернянка и карликовая пшеница. Оказалось, что определенные типы древних серпов, в частности серпы древних египтян IV тыс. до н. э., лишь в 1,5 раза уступают по производительности современным стальным.

Рецензии

А. LINS. *Missaõ em Portugal*. Centro de Livro Brasileiro. Lisboa. 1974. 538 p.

А. ЛИНС. *Миссия в Португалию*

Автор рассматриваемой книги — бразильский литературный критик и журналист, профессор, член Бразильской академии филологических наук — Алваро де Баррос Линс в 1952—1954 гг. работал по линии министерства иностранных дел Бразилии в Португалии, читая одновременно курс лекций о Бразилии в Лиссабонском университете. При президенте Ж. Кубичеке он возглавлял Гражданский департамент канцелярии президента республики, после чего в 1956—1959 гг. был послом Бразилии в Португалии.

А. Линс умер в 1970 году. Однако его книга, написанная еще в 1960 г., увидела свет в Португалии лишь в 1974 году. И это не случайно. В качестве первого эпиграфа к книге приведены слова бывшего португальского диктатора Салазара, сказанные им автору, в то время бразильскому журналисту, 13 декабря 1943 г.: «Я считаю, что не имею пороков моего народа, но я также считаю, что я не обладаю его достоинствами» (стр. X). «Мелкий диктатор, ни в чем не похожий на португальца» (стр. 438); «мало или ничего португальского в имени, в психическом складе и моральном облике: Салазар — это возрожденный экземпляр расы испанских инквизиторов, появившийся с запозданием на несколько веков» (стр. 439); «все мелко в мелком мире мелкого диктатора» (стр. 440) — вот к какому выводу приходит А. Линс, характеризуя того, кто управлял салазаровской Португалией. Разумеется, в этой стране такая книга выйти не могла.

Есть и еще одна причина, почему это сочинение не могло быть там опубликовано до 25 апреля 1974 года. С именем А. Линса связано дело представителей либерального крыла португальских антифашистов — единого кандидата от оппозиции на послед-

них в фашистской Португалии президентских выборах в 1958 г. генерала авиации Умберто да Силва Делгадо и руководителя антифашистского восстания на лайнере «Санта-Мария» в январе — феврале 1961 г. капитана Энрике Галвао, укравшихся от преследования салазаровских властей: первый — в посольстве Бразилии у А. Линса, второй — в посольстве Аргентины. (В феврале 1965 г. Умберто Делгадо был убит в Испании, у Вилья Нуэва дель Фресно, недалеко от города Бадахос, агентами португальской охраны.) Предоставление бразильским послом политического убежища человеку, «мятежный дух» которого, по словам Салазара, «несовместим со свойствами Португалии мягкостью нравов и спокойствием жизни»¹, естественно, вызвало недовольство тогдашних правителей страны.

Книга состоит из двух частей. Первая — «Дневник опыта дипломатической работы» — содержит подробное изложение дневника автора за январь — февраль 1959 г. с некоторыми записями 1956, 1957 и 1958 годов. Вторая — «Португальско бразильские отношения как политика между диктатурой и демократией» — включает выступления, статьи и письма автора, в том числе «Письмо о политическом и личном разрыве с Жуселино Кубичеком», в которых А. Линс подвергает резкой критике политику поддержки португальского фашизма и колониализма со стороны правящих кругов Бразилии и разоблачает действия США, направленные на укрепление фашистских диктатур в Португалии и Испании.

В первой части книги рассказывается о пребывании А. Линса в Португалии, в ча-

¹ См. J. Ploncard d'Assac. Salazar. P. 1967. pp. 339—340.

стности о его борьбе за предоставление нашедшим убежище в посольствах Бразилии и Аргентины У. Делгадо и Э. Галвао гарантированного права свободного выезда из Португалии, которая увенчалась успехом. Одновременно он высказывает мнение о тех или иных событиях внутривнутриполитической жизни и внешней политики салазаровского режима. Спасение У. Делгадо и Э. Галвао было делом нелегким. Для этого потребовались не только энергичные действия А. Линса, но и его знание истории дипломатии, португальско-бразильских отношений, в частности его эрудиция. А. Линсу пришлось долго бороться с созданной фашистским «общественным мнением» концепцией о незаконности невыдачи властям «преступников». Он напомнил Лиссабону о случае предоставления португальским посольством в Бразилии политического убежища двум интегралистам (бразильским фашистам.— В. Г.), принявшим участие в мае 1938 г. в нападении на дворец Гуанабара; интересно, что пост министра иностранных дел Португалии занимал в то время Салазар (стр. 103).

Автор объективно характеризует экономическое и политическое положение фашистской Португалии. «Мы должны быть открытыми, может быть, даже резкими в оценке происходящего: португальский корпоративизм (фашизм.— В. Г.) является на практике средством лишения рабочих естественного права на свободу союзов»,— приводит А. Линс слова бывшего «мятежного» епископа Порто Антонио Феррейры Гомеса (ныне этот епископ — один из вдохновителей португальской реакции.— В. Г.) (стр. 154). «Корпоративизм провалился как экономическое и социальное решение. Экономически он не только не способствует улучшению материальных условий жизни португальского народа, но и постоянно тормозит общественное производство, опутав его всевозможными путями, что требует дополнительных затрат сил и средств для развития экономической активности. В социальном плане он красноречиво проявил себя неспособным разрешить противоречия между трудом и капиталом»,— пишет А. Линс (стр. 196). Автор рисует нищету народа, неспособность фашистского режима дать работу населению как в метрополии, так и в колониях. 75% португальских эмигрантов предпочитают уезжать в Бразилию и Венесуэлу не столько потому, что там у некоторых из них есть родственники или знакомые, а в силу того, что в

Анголе нельзя найти применение своему труду, отмечает А. Линс (стр. 279). Резкой критике подвергает автор колониальную политику фашистской Португалии, называя ее политикой «расовой сегрегации по примеру Южно-Африканского Союза» (там же). Примечательно, что А. Линс понял: между политикой «расового сотрудничества» и «взаимовлияния культур» португальских колонизаторов и политикой апартеида южноафриканских расистов нет никакой разницы.

К сожалению, А. Линс не показывает, какие силы в Португалии породили и питали режим «мелкого» диктатора. Поэтому и в антифашистском движении его привлекают лишь фигуры У. Делгадо, Э. Галвао и им подобных. Однако и то, что А. Линс успел заметить в салазаровской Португалии, и то, что он смог подвергнуть критике, имеет огромное значение. Не меньшее, если даже не большее значение имеет разоблачение им стоявших за спиной Лиссабона международных сил. Главным оплотом фашистских режимов в Португалии и Испании А. Линс считает США.

А. Линс проводит параллель между активизацией отношений между Португалией и США и развитием отношений между Португалией и Бразилией. «Ко времени прихода к власти республиканцев с избранием Эйзенхауэра на пост президента в 1952 г. Испания и Португалия находились в тяжелом положении: Франко был стеснен решениями ООН, у Салазара также не было опоры на международной арене. С 1953 г. начались переговоры об интеграции Франко и Салазара в орбиту политики госдепартамента, в том же году состоялись переговоры о заключении «Договора о дружбе и консультациях»². В октябре 1953 г. мир стал свидетелем помпезного начала новой фазы в отношениях США со странами Пиренейского полуострова³, в ноябре 1953 г. в Рио-де-Жанейро был подпи-

² «Договор о дружбе и консультациях», заключенный между Бразилией и Португалией 16 ноября 1953 г., установил обязательные консультации договаривающихся сторон по внешнеполитическим вопросам и определил основы тесного португальско-бразильского сотрудничества во всех областях.

³ 26 сентября в Мадриде было подписано испано-американское соглашение о политическом, военном и экономическом сотрудничестве. Вслед за этим 15 декабря 1955 г. франкистская Испания и салазаровская Португалия под давлением США были приняты в ООН.

сан «Договор о дружбе и консультациях» (стр. 430—431). Особенно резко А. Линс критикует «Договор о дружбе и консультациях», который фашистская Португалия пыталась использовать для вмешательства во внутренние дела Бразилии. Так, 13 октября 1957 г. министр иностранных дел Португалии П. Кунья вызвал А. Линса и выразил свое недовольство тем, что Бразилия выдвинула в ООН без согласования с Португалией предложение создать экономическую комиссию для Африки. Министр расценил эту акцию Бразилии как ущемляющую интересы Португалии, противоречащую «Договору о дружбе и консультациях» и «играющую на руку коммунистической тактике и политике России» (стр. 8—9). А. Линс же считал, что, «идя на союз с жалкими и бесперспективными режимами, Бразилия занимает жалкую и бесперспективную позицию» (стр. 431). Он называет Жуселино Кубичека, начавшего политику активного сближения с фашистской Португалией, «соправителем португальского диктаторского государства» (стр. 361).

Большое внимание автор уделяет политике США. Почему они поддерживают фашизм в Испании и Португалии и почему в эту политику вовлечена Бразилия? «Бразилия в Южной Америке, Испания и Португалия на западе Европы, остров Фернандо Норонья и Азорские острова в Атлантическом океане, путь в Средиземное море, ключ к Северной Африке!» — вот что волнует, по мнению А. Линса, госдепартамент (стр. 401). А Испания и Португалия, как полагает автор, только союзники США, это «зависимые от США страны: Пиренейский полуостров стал в Европе территорией, оккупированной североамериканцами... Мож-

но утверждать, — пишет он, — что диктатура Салазара, так же как и Франко, существует главным образом благодаря помощи, поддержке и престижу Соединенных Штатов» (стр. 429).

Недавно в маленькой деревне Села Вилья (Центральная Португалия) в торжественной обстановке был открыт памятник генералу Умберто Делгадо, португальскому демократу, борьба которого против фашизма тесно связана с именем А. Линса, оказавшего в свое время португальским антифашистам неоценимую помощь и поддержку. В тот же день португальские газеты опубликовали такое сообщение: «Агенты ПИДЕ, связанные с убийством Делгадо, освобождены». Четыре салазаровских гестаповца — Лопеш Велозу, Мигел да Силва, Антониу Семеду и Каштру Соуза, заманившие в феврале 1965 г. генерала У. Делгадо в западню, где он и был убит, покинули тюремные камеры и находятся на свободе⁴. Это говорит о том, что португальская реакция не сдаётся.

В критике португальского и испанского фашизма, в разоблачении США и бразильской реакции как соучастников преступлений португальских и испанских фашистов и колонизаторов — главная ценность книги. Проникнутая любовью к бразильскому и португальскому народам, она не утратила своего значения и в наши дни. Сейчас, когда новая, демократическая Португалия отражает атаки свергнутой реакции и ее международных пособников, книга А. Линса помогает понять, где враги, а где друзья португальской демократии.

В. Григорьев

⁴ «Правда», 9.IX.1976.

«*Liberalismus und imperialistischer Staat. Der Imperialismus als Problem liberaler Parteien in Deutschland 1890—1914*». Hrsg. von K. Holl, G. List. «Vandenhoeck und Ruprecht». Göttingen. 1975. 176 S.

«*Либерализм и империалистическое государство*»

Книга содержит доклады, прочитанные западногерманскими буржуазными историками на состоявшемся в гуммерсбахской Академии имени Т. Хейса в сентябре 1975 г. коллоквиуме, посвященном проблеме либерализма в империалистической

Германии в десятилетия, предшествовавшие первой мировой войне. Свою задачу авторы определили как попытку современной интерпретации «того специфического вклада, который внес либерализм в исторический феномен империализма вильгель-

мовской империи» (стр. 5). Соответственно этому они сосредоточили внимание на нескольких общих проблемах — внутренняя политика и империализм перед первой мировой войной (П. Х. Витт, П. Менке-Глюкерт), социальная структура империалистической Германии (И. Гайсс, Г. Г. Цмарцлик), отношение либеральных партий к войне и миру (К. Холль, Л. Альбертин), изменение либеральных идей в эпоху империализма (В. Ю. Моммзен, Л. Галль). Общим для всех авторов является вопрос о сущности империализма, трактуемой ими с позиций буржуазного мировоззрения. Их интерпретация явно направлена против ленинской теории империализма, хотя они и пытаются замаскировать свою идеологическую позицию, свой антимакизм. С этой целью они применяют «марксистские» (или по крайней мере «марксистски» звучащие) понятия, приводят цитаты из произведений основоположников марксизма-ленинизма и даже как будто бы принимают отдельные выводы марксистско-ленинской исторической науки. Учитывая результаты ее исследований, авторы отказались от еще достаточно распространенного в буржуазной историографии объяснения империализма как чисто политического феномена истории. Они признают, хотя и мимоходом, роль концентрации производства и экономические корни империалистической экспансии. Но не эти декларативные признания определяют их концепции. Наоборот, все они либо замалчивают, либо прямо отрицают коренную черту империализма — образование монополий и их решающую роль. Отсюда вытекает и стремление авторов дискредитировать ленинскую теорию как якобы «чисто экономическое объяснение», не учитывающее роли неэкономических сил. В их изображении империализм сужается до внешнеполитической экспансии, среди причин которой экономический фактор расценивается если не как подчиненный, то в лучшем случае как равноправный. Поэтому закономерность высшей и последней империалистической стадии капитализма, порожденной его экономической зрелостью, отрицается и империализм предстает случайным наростом в ходе «социальной модернизации» германской империи (стр. 67). Столь неопределенная и эклектичная позиция, характерная для направления «социальной историографии», к которому принадлежат авторы сборника, не позволила им научно связать проблему империализма с темами своих исследований.

Явная научная несостоятельность особо характерна для Менке-Глюкерта, стоящего на самом правом фланге участников коллоквиума. Его исходный тезис заключается в том, что «все немцы были полны воодушевления в связи с усилением немецкого государства» и осознавали себя «прежде всего патриотами» (стр. 35). Речь идет о пресловутом чувстве «национальной общности прежде всего», издавна пропагандируемом буржуазными немецкими историками. Менке-Глюкерт отрицает наличие внутренних классовых конфликтов в Германской империи и вместо этого выдвигает на первый план как якобы наиболее существенное противоречие между экономическим и общественным устройством Германии, которое, по его словам, было преодолено только в период фашизма. Он пытается замаскировать классовое содержание и идеологическую подоплеку своей позиции, хотя и не может удержаться от заявления, что в своем изложении он не принимает марксистскую трактовку экономической истории. Декларируя свою приверженность к объективности, он на самом деле крайне тенденциозен в подборе фактов.

Для других авторов характерен более изощренный подход. Они используют разнообразные концепции империализма, в чем, собственно, и проявляется защищаемый ими методологический плюрализм. Так, Витт придерживается концепции «эмпирического» подхода к проблеме, уверяя, что теоретические принципы, в сущности, безразличны для исследователя. Достаточно, чтобы они служили «удовлетворительной теоретической моделью объяснения» (стр. 26). Тем самым Витт, будучи не в состоянии опровергнуть ленинскую теорию империализма, уклоняется от спора, какая из теорий империализма наиболее адекватно отражает его содержание. Для автора характерно стремление эклектически соединить элементы ленинской теории империализма и апологетические построения Гобсона и Гильфердинга. Ленинская теория рассматривается им лишь как одна из рабочих гипотез. Тем самым он ставит под сомнение ее научную истинность и общезначимость, доказанные всем ходом исторического развития. Кроме того, хотя Витт и пишет о возможности «применения» ленинской теории, но фактически речь идет о ее выхолащенном варианте, в котором отсутствует главное — перерастание капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, в котором, по

В. И. Ленину, и заключается «экономическая сущность империализма»¹.

Еще больше запутывает вопрос Гайсс. По его мнению, историк не только имеет право следовать любой из уже существующих «многочисленных системных теорий империализма», но и создать свою собственную оригинальную теорию (стр. 40). Сам же Гайсс пытается найти некий иллюзорный «третий путь» подхода к анализу империализма. О несостоятельности его поисков свидетельствует попытка «обосновать» свои выводы относительно социальной структуры вильгельмовской Германии. Гайсс считает, что главным источником конфликтов в ней было противоречие между буржуазией и юнкерством. Доля первой в национальном доходе значительно возросла, чего нельзя сказать о ее политическом влиянии. Аристократия же, наоборот, при уменьшении своей доли в национальном доходе, в общем, сохранила свое политическое влияние. Отсюда Гайсс делает вывод, что противоречия между буржуазией и юнкерством оказались более глубокими, чем объединяющие их общие цели. Именно эти противоречия и обусловили, по мнению автора, «тотальную неспособность» империи к реформам, поскольку соперничавшие группировки не смогли достигнуть компромисса. Таким образом, признавая наличие политического кризиса перед войной, Гайсс выдвигает на первый план не подъем классовой борьбы пролетариата, который проявился в баррикадных боях в Берлине в марте 1910 г. и грандиозной стачке горнорабочих Рура, а абсолютизированный им «кризис верхов», который тогда только еще намечался.

Моммзен повторил ту трактовку империализма, которой он придерживается на протяжении ряда лет². Он объясняет империализм главным образом «резкими различиями в технологическом, экономическом и военном потенциалах, существовавшими между европейскими индустриальными государствами, с одной стороны, и колониаль-

льным миром — с другой» (стр. 109). Таким образом, хотя Моммзен в ряде случаев и признает, что в империалистической политике имело место сложное переплетение экономических и политических процессов, тем не менее фактически стремится свести объяснение империализма к экспансионизму и захвату колоний. Исходя из такой интерпретации, он проводит совершенно искусственное разделение между «реакционным и прогрессивным империализмом» (стр. 123). К первому он относит откровенно насильственную, грабительскую политику, от которой отмежевывается, одобряя одновременно гибкую «либеральную» тактику империалистических кругов, оценивая ее как «прогрессивную». Моммзен уверяет, будто «прогрессивные империалисты» видели в «успешной экспансионистской политике... существенную предпосылку прогрессивной общественно-конституционной политики», которая должна была привести к «длительной интеграции рабочих в национальное государство» (стр. 123). Фактически он пытается при этом оживить одиозный тезис буржуазной историографии, согласно которому внешняя политика в конечном счете определяет внутреннюю. В своем докладе Моммзен утверждает, что «империалистические позиции внутриполитические могли быть связаны как с явно прогрессивными, даже радикальными, так и с социально-оборонительными и поэтому недвусмысленно социально-консервативными тенденциями» (стр. 132). Он пытается доказать, что не только либерально-пацифистские, но и демократические круги также стояли на «прогрессивно-империалистических», по его оценке, позициях. Верно указывая в отдельных случаях на переход буржуазных либералов в империалистический лагерь, Моммзен, а также Альбертин и Холль не ставят вопрос о взаимосвязи, существующей между переходом к империализму и кризисом либерализма. Не случайно Моммзен и его коллеги ограничиваются формальной классификацией различных течений внутри либерализма, исходя из расплывчатого и абстрактно сконструированного «идеального типа» — «либерализм». На это указал, в частности, Л. Галль (стр. 148).

«Прогрессивный империализм» для Моммзена — синоним наднационального финансового империализма, нацеленного якобы на мирное международное сотрудничество. «Политический империализм» великих держав, ориентированный на национальное

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 93.

² Концепция Моммзена изложена в ряде его книг и статей, в том числе и в докладе, прочитанном на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско в августе 1975 года (см. W. J. Mommsen. Europäischer Finanzimperialismus vor 1914). Подробнее о позиции Моммзена на конгрессе см.: А. М. Сахаров. О некоторых методологических вопросах на XIV Международном конгрессе историков. «Вестник МГУ», Серия «История», 1976, № 3.

соперничество, он аттестует как реакционный. Этот «политический империализм» в конце концов оказался ввергнутым в «пучину националистических стремлений», которые привели к международным кризисам и первой мировой войне, в то время как «миролюбивые финансовые империалисты» пали их жертвой. Получается, таким образом, что в войне невиновен не только «прогрессивный», но даже и, по терминологии Моммзена, «реакционный» империализм. Подлинным же виновником объявляются «националистические стремления» (стр. 130—132). Национализм тем самым превращается, по сути дела, чуть ли не в главную движущую пружину человеческой истории.

Научная несостоятельность предлагаемой Моммзеном концепции органически вытекает из его классово-политической позиции. И дело даже не в том, что он произвольно обособливает и противопоставляет экономику и поли-

тику, а в том, что в основе его концепции лежит осознанное или неосознанное признание примата политических сил над экономическими в развитии капиталистической системы. Отсюда неизбежный субъективизм его схем, искажающих подлинные закономерности общественного развития. Впрочем, познание этих закономерностей вовсе не входило в задачи авторов сборника. Их заботила в основном такая апологетическая, по существу, интерпретация, которая должна была представить либерализм вильгельмовской империи как «предысторию социально-либеральной коалиции нашего времени» (стр. 70). В этом и состоит политический смысл книги — найти историческое обоснование «малой коалиции» социал-демократов с либералами, которая рассматривается как одна из основ капиталистического общественного устройства ФРГ.

А. И. Патрушев

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Исторически преглед». София. 1976, № 4.

М. Исусов. Выборы Великого народного собрания и расстановка классовых сил в Болгарии в 1946 году; Н. Геничев. Франция и болгаро-греческие церковные отношения в 50-х — 70-х годах XIX века; З. Радонов. Международные культурные связи и их отражение в болгарских музеях (1878—1944 гг.); Ив. К. Александров. Создание Рабочего молодежного союза и превращение его в массовую организацию (1928—1934 гг.); В. Тонев. Северо-Восточная Болгария во время Апрельского восстания; Л. Дукров. Проблемы аграрной этнографии в Болгарии; Ж. Есканазли. Болгарский участник народнической организации «Земля и воля»; М. Петров. О роли Александра Батенбергского в первые годы после освобождения Болгарии (1879—1880 гг.); Ст. Рачев, Кр. Манчев. Институт балканистики в 1975 г..

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1976, № 7.

З. Петерзен. Буржуазная «политическая наука» и историография новейшей истории; К. Оберманн. Участие герман-

ских переселенцев в Американской революции XVIII в.; Сообщения.— И. Пауль. США и подготовка к образованию НАТО; Х. Ниманн. Гейдельбергская программа СДПГ 1925 г.; Журнальное обозрение. Журнал «Новая и новейшая история» в 1974 и 1975 гг. (В. Руге).

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1976, № 8.

Л. Ельм. О традициях и тенденциях консерватизма в ФРГ; Э. Доннерт. Социальные движения и общественно-политическое мышление в России во второй половине XVIII в.; Публикации.— Г. Беккер. Решения прусского юнкерского парламента 1848 г.; Дискуссия.— Х.-И. Бартмус. Несколько замечаний о восстании Стеллинга и уровне социально-экономического развития Саксонии в IX веке; Сообщения и заметки.— Об идеологии и политике левого оппортунизма (Х. Фидлер).

«Czasopismo Prawno-Historyczne». Poznań. 1976, № 1.

Дж. Гилиссен (Брюссель). Сравнительный метод в истории права; Б. Ле-

синьски. Продажа недвижимости с правом выкупа в польском праве XV—XVII вв.; А. Литиньски. Ответственность за измену родине по уголовному праву восстания Костюшко; М. Петшак. Разделение церкви и государства (исторические аспекты); И. Дворачкова. К вопросу о правовом положении протестантов в Польше; З. Щёнска. Суды присяжных в городской судебной системе Речи Посполитой (1791—1792); Л. Саботиньски. Материалы к истории земельных пожалований Наполеона в Польше; Л. Паули. Из судебной практики Вены и Кракова в эпоху Просвещения и Священного союза; Х. Издебски. Проблемы административной децентрализации во Франции XIX в.

«*Kwartalnik historyczny*». Warszawa, 1976. № 3.

Я. Драбина. Контакты Вроцлава с Римом и римской курией в 1458—1464 гг.; Хозе А. Фернандес-Сантамария. Восстание «комунерос» Алонсо де Кастильо и средневековой конституционализм; З. Вартель. О парцелляции немецких поместий на территории Польши в 1920—1939 гг.; С. Руссоцки. Славянские веча: попытка исторического семантико-функционального анализа; Ю. Шиманьски. Исследования в области польской эпиграфики; А. Г. Вейлер. Оценочное суждение и отношение к оценкам в историографии; В. Г. Завадзки. Британские историки о Польше (1893—1974); Е. Томашевски. Майский переворот 1926 г. согласно рапортам болгарского правительства.

«*Przegląd zachodni*». Poznań, 1976, № 1.

Л. Лукашук. Проблематика концепций буржуазного государства в современной западной научной литературе (избранные теоретические и методологические вопросы); П. Калька. Роль государства в финансировании исследовательских работ в капиталистических странах; М. Рутковска, Э. Сервански. Людские потери польского театра в 1939—1945 гг.; Материалы. Сравнение экономического развития Франции и ФРГ до 1985 г. (К. Хородыньски и Л. Журавички); Западногерманские переселенческие организации и процесс нормализации отношений между ФРГ и Польшей (А. Вольф-Повэнска); З. Мазур. Правительство Г. Вильсона и «Общий рынок»; М. Яськовски. США и ФРГ (июль—декабрь 1974 г.).

«*Śląski kwartalnik historyczny Sobótka*». Wrocław — Warszawa—Kraków — Gdańsk, 1976, № 2.

Библиография трудов И. Лещинского (1954—1975); И. А. Геровски. И. Лещиньски как историк; Р. Хек. «*Chronica principum poloniae*» и «*Chronica polonorum*» (съезд князей и сословия в княжествах феодальной Силезии); К. Матвийовски. Бюргерский быт в Любани XVI—XVIII веков; Я. Квак. Формы социальной опеки в поселениях княжества Ополе—

Рацебож в XVI—XVIII веках; С. Шпильчиньски. Я. Джонстон из Шамотул. Гигантский труд ученого эпохи барокко в свете «Великой дидактики»; Я. Середика. Выплата жалованья кайзеровской армии в Польше после Альтмаркского перемирия; Л. Ченьшик. Деятельность Люблинской комиссии в марте 1650 года; В. Чаплиньски. Новые источники по истории похода Стефана Чарнецкого в Данию; З. Войцик. Посольство Андрея Ольшовского в Вену в 1658—1659 гг.; С. Охманн. Политическая и моральная позиция депутатов сейма в 1661—1662 гг.; Я. Тазбир. Социнианская эмиграция в Северную Германию; Е. Слизиньски. Ян III Собеский и спасение Вены в германской поэзии барокко; Я. Сташевски. Спор относительно государственного устройства в Саксонии в начале XVIII века; М. Шмерда. Лафайет и восстание Костюшко; М. Патер. Польская революционная поэзия во Вроцлаве (1812—1822 гг.); З. Квасни. Увольнение и компенсация вроцлавских рабочих в 1875 году; А. Галос. Между Берлином и Ватиканом: дипломатическая деятельность кардинала Коппа; В. Вжесиньски. ППС о германской проблеме и польско-германской границе (1918—1921 гг.); Е. Петшак. О создании польской военной организации в аннексированной Пруссией части Польши; К. Федор. Политика третьего рейха по отношению к сорбам; Ф. Майнус. Чехи и поляки на германской территории в 1939—1945 гг.; М. Оржеховски. Сорбский вопрос в польской политической мысли 1939—1947 гг.

«*Anuarul Institutului de istorie și arheologie «A. D. Xenopol»*. Iași, 1975. XII.

Перспективы исторических исследований в свете XI съезда РКП; В. Неамту. Экономические предпосылки победы 10 января 1475 г.; Д. Чиуреа. К вопросу о дипломатических обстоятельствах союза 1600 г. достигнутого Михаем Храбрым; Е. Негрути. Классификация молдавских городов в первой половине XIX в. Демографические аспекты; Г. Бузату. Закон о шахтах (1924 г.) и нефтеперерабатывающая промышленность Румынии; И. Солкану. Издание и распространение книг по истории Румынии (1821—1848 гг.); Д. Витку. Социальное положение рабочих, занятых добычей каменной соли в Молдавии, в первой половине XIX в.; И. Саизу. Сходство и различие экономических программ политических партий румынской буржуазии в 1922—1928 гг.; И. Циуперка. Экономическая политика либерального министерства и оппозиция. Закон о коммерциализации (1924 г.); Д. Сандру. Общество «Национальный сельскохозяйственный кредит» и финансирование румынского сельского хозяйства; А. Каретчи, Л. Эшану. Польские савонники, получившие убежище в Румынии в начале второй мировой войны; Д. Чиуреа. Экономическое и социальное положение Молдавии при Василии Лупе; К. А. Стuadae. Новые данные о взаимо-

отношения князей Василия Лупы и Георга Стефана после 1653 г.; И. Дирдала. Национальное сознание буковинских румын; Л. Буаку. Польско-румынские отношения во время революции 1848—1849 гг. и их место в системе международных отношений того времени; К. Ангелеску. Забытые сочинения и речи Михаила Когальничану; Н. Агригорай. Борьба социалистической партии за демократизацию политической жизни в Румынии (1918—1921 гг.); В. Ф. Добринеску. К вопросу о добывающей промышленности в Молдавии; Документы.—Фотокопии молдавских документов 1448—1458 гг.; Румынские документы в Константинополе (1596—1860 гг.); Молдавские документы XVII века.

«*Nghiên cứu lịch sử*». Hà-nôi. 1976, № 5—6.

Нгиен Хан Тоан. Президент Хо Ши Мин—вождь Вьетнамской революции; Труонг Ху Квин. Государственная собственность на землю в период Ли-Тран; Ву Хун Фук. К вопросу о классифика-

ции и определении форм земельной собственности в период Ли-Тран; Фам Ван Кин. Характеристика некоторых ремесел в X—XIV вв (ткачество, гончарное дело, добыча полезных ископаемых, металлургия); Тран Ти Вин. Регулировка водной системы и гидравлические работы в период Ли-Тран; Тран Тан Там. К вопросу о вьетнамской топонимике; Ван Тао. Апрельское восстание болгарского народа в 1876 г.; Ле Кой. 100 лет со дня смерти Христо Ботева (23 апреля 1876 г.); Ву Ван Тин. Несколько документов к истории квартала Дон Тун (Ханой).

«*Ceskoslovenský časopis historický*». Praha. 1976, № 4.

Я. Звада. Развитие современных буржуазных партий во Франции; З. Дейл. Развитие рабочего социального страхования в Чехословакии в 1924—1938 гг.; А. Мика. Обстановка в Чехии после Тридцатилетней войны; Б. Шинделарж. Классово-политические аспекты абсолютной монархии в XVI—XVIII веках.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

Агарышев А. А. Гамаль Абдель Насер. М. 1975. 191 стр. Рец.: Kubes Z.d.—«*Nový Orient*». Praha. 1976, № 5, s. 158—159.

Бобров Р. Л. Шаг, продикуванный историей. (Международно-правовое признание Сов. государства). М. 1974. 183 стр. Рец.: Vecher K., Müller H.-J.—«*Deutsche Aussenpolitik*». Berlin. 1976, N. 5, S. 763—766.

«Карл Бэр и Петербургская академия наук». Письма деятелям Петербургской акад. Л. 1975. 247 стр. Рец.: Krüger H.-J.—«*Zeitschrift für Ostforschung*». Marburg. 1976, N. 1, S. 171—172.

Варслан А. Я. Английский капитал в буржуазной Латвии 1920—1929 гг. Рига. 1972. 222 стр. Рец.: Dunsdorfs E.—«*Zeitschrift für Ostforschung*». Marburg. 1976, N. 1, S. 169—170.

Василевский А. М. Дело всей жизни. Изд. 2-е, доп. М. 1975. 607 стр. Рец.: Kowalski W. T.—«*Nowe drogi*». Warszawa. 1976, № 5, s. 185—189.

«Дипломатия социализма». М. 1973. 318 стр. Рец.: Lakatos A.—«*Politikai főiskola közleményei*». Budapest. 1974, № 3, 182—190. old.

«Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. 1. Ноябрь 1917 г. — август 1922 г. М. 1973. 551 стр. Рец.: Štom F.—«*Ceskoslovenský časopis historický*». Praha. 1976, č. 3, s. 402—404.

«*Ceskoslovenský časopis historický*». Praha. 1976, č. 3, s. 402—404.

Дорошенко В. В. Мыза и рынок. Хозяйство Риж. иезуит. коллегии на рубеже XVI и XVII вв. Рига. 1973. 187 стр. Рец.: Olejarczyk A.—«*Przegląd historyczny*». Warszawa. 1976, z. 1, s. 128—133.

Комар Ю. И. Рабочий класс Республики Заир (Особенности формирования и соц.экон. положение). М. 1974. 270 стр. Рец.: Heinemann P.—«*Asien, Afrika, Lateinamerika*». Berlin. 1976, № 2, S. 317—318.

«Краткая история СССР». В 2-х частях. Изд 2-е, перераб. Л. 1972. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 440 стр. Ч. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. 763 стр. Рец.: Менхарт Л., Нидерхаузер Э.—«*Acta historica, Academiae scientiarum hungaricae*. Budapest. 1975, №№ 3—4, 445—454. old.

Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М. 1974. 255 стр. Рец.: Morzy J.—«*Roczniki historyczne*». Poznań. 1976, № 42, s. 192—196.

Можейко И. В., Узянов А. Н. История Бирмы (Краткий очерк). М. 1973. 382 стр. Рец.: Kubiczek W.—«*Asien, Afrika, Lateinamerika*». Berlin. 1976, № 2, S. 301.

Мукиджанова Р. М. Пакистан, Южная Азия и политика США (60-е — начало 70-х годов). М. 1974. 190 стр. Рец.: Weidemann D.—«*Asien, Afrika, Lateinamerika*». Berlin. 1976, № 2, S. 309.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в августе 1976 года.

Насенко Ю. П. Джавахарлал Неру и внешняя политика Индии. М. 1975. 383 стр. Рец.: Weidemann D.— «Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1976, № 2, S. 303—304.

«Непал: история, этнография, экономика». М. 1974. 152 стр. Рец.: Weidemann D.— «Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1976, № 1, S. 145.

Ратнер Н. Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М. 1970. 223 стр. Рец.: Gruchala J.— «Sobótka». Wrocław. 1976, № 1, s. 92—94.

«Республика Шри Ланка: экономика и политика». М. 1974. 231 стр. Рец.: Weidemann D.— «Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1976, № 1, S. 143—144.

«VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны». М. 1975. 527 стр. Рец.: Neškátová L.— «Československý časopis historický». Praha. 1976, č. 3, s. 404—409.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М. 1973. 511 стр. Пер. на польск. яз.: Warszawa. 1976. Рец.: Kowalski W. T.— «Nowe drogi». Warszawa. 1976, № 5, s. 185—189.

«Энгельс и проблемы истории». Сб. ст. (К 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса). М. 1970. 439 стр. Рец.: Емниц Я.— «Acta historica», Academiae scientiarum hungaricae. Budapest. 1975, № 3—4, 465—468. old.

Яблочков Л. Д. Принципы внешней политики африканских государств. М. 1974. 224 стр. Рец.: Stöber H.— «Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1976, № 2, S. 313—316.

Якубовский И. И. Земля в огне. М. 1975. 567 стр. Пер. на польск. яз.: Warszawa. 1976. Рец.: Kowalski W. T.— «Nowe drogi». Warszawa. 1976, № 5, s. 185—189.

Хроникальные заметки

◆ Секция истории при Лейпцигском университете имени К. Маркса провела в июне 1976 г. международную конференцию на тему «Характер и историческое место войн за независимость в Латинской Америке». Рабочая группа конференции, образованная в 1975 г. в Варшаве по инициативе ученых из стран СЭВ, организовала это мероприятие в связи со 150-й годовщиной Конгресса американских народов в Панаме. С докладами и сообщениями выступили историки социалистических стран.

◆ С 14 по 19 сентября 1974 г. в Люнебурге (ФРГ) состоялась VIII конференция при Центре по исследованию культурных связей стран Средней и Восточной Европы. Предыдущие конференции, организованные этим Центром, посвящались проблемам социально-экономического и политического положения крестьянства в XVIII—первой половине XIX в., истории академий и научных обществ, книгоиздательскому делу. Тема последней конференции — «Общества Средней и Восточной Европы, представлявшие идейные течения эпохи Просвещения». В ней приняли участие ученые из ФРГ, СССР, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Австрии, Испании, Канады и Франции. Было прочитано 22 доклада и сообщения. Лейтмотивом дискуссии стала оценка значения межнациональных связей для развития и взаимообогащения культур разных стран. Среди других вопросов, привлечших особое внимание участников конференции, — масонство XVIII века. Подробно рассматривались прогрессивные и реакционные тенденции в масонстве, его историческое значение. По этой проблеме А. С. Мыльников (Ленинград) сделал доклад о роли неофициаль-

ных обществ в духовной жизни и международных культурных связях эпохи Просвещения; Б. И. Краснобаев (Москва) — о Н. И. Новикове и Дружеском ученом обществе (1782—1784 гг.).

◆ Институт рабочего движения Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП издал двухтомный очерк истории международного рабочего движения от его начала до наших дней. Первый том охватывает время до 1945 года, второй — последующее тридцатилетие. В первом томе изложение ведется в хронологической последовательности событий, во втором же принят проблемный принцип (главные направления в политике международного коммунистического и рабочего движения, развитие мировой социалистической системы, рабочее движение в развитых капиталистических странах, эволюция социал-демократических партий, национально-освободительное движение, наконец, проблемы, поставленные на XXV съезде КПСС) («Międzynarodowy ruch robotniczy». Tł. I—II. Warszawa. KiW. 1976. 815, 855 str.).

◆ Опубликованы воспоминания о второй мировой войне, написанные поляками, которые в то время были еще подростками. В публикации затрагиваются такие сюжеты, как нападение Германии на Польшу, повседневная жизнь в годы оккупации, гитлеровский террор, движение Сопротивления («Byli wówczas dziećmi». Wybór i oprac. M. Turcki. Warszawa. KiW. 1976. 687 str.).

◆ Последние годы деятельности Компартии Польши — тема новой монографии Юзефа Ковальского. Он рисует картину борьбы КПП за антифашистский народный фронт, характеризует численность, структуру, социальный и национальный состав

партии. Упор сделан на показ практической деятельности КПП. Впервые в историографии подробно изложена история КПП с середины 1937 г. до середины 1938 г., когда партию возглавляло временное руководство (J. K o w a l s k i. *Komunistyczna Partia Polski 1935—1938*. Warszawa. KiW. 1975. 468 str.).

◆ Коллективная работа польских историков, посвященная истории польского рабочего движения, охватывает время с 1944 г. по 1972 год. Среди проблем, затронутых в книге: организационное развитие ПОРП; ПОРП в международном рабочем движении; внешняя политика народной Польши; развитие ППР и РППС в 1944—1948 гг.; объединение польского рабочего движения; возникновение и деятельность организации ППР во Франции и Бельгии; ППР и рабоче-крестьянский союз («Ruch robotniczy w Polsce Ludowej». Warszawa. WP. 1975. 488 str.).

◆ Польский специалист по проблемам СЭВ Павел Божык выступил с книгой об экономическом сотрудничестве стран — членов этой организации. Работа охватывает время с 1949 г. до наших дней. Рубежом перехода к экономической интеграции автор считает начало 1970-х годов. Много внимания уделено им механизму хозяйственных связей (P. B o ż y k. *Współpraca gospodarcza krajów RWPG* Warszawa. PWE. 1976. 406 str.).

◆ К 120-летию со дня рождения Д. Благоева опубликован сборник статей болгарских и советских ученых о его жизни, революционной деятельности, коммунистическом мировоззрении и исторической роли («Димитр Благоев — бележит теоретик и революционер». София. Партиздат. 1976. 424 стр.).

◆ В сборник материалов и воспоминаний о второй мировой войне включены румынские переводы написанных в 1939—1945 гг. очерков и статей видных государственных деятелей, маршалов и генералов, министров и ученых, дипломатов и журналистов, писателей и деятелей коммунистического движения («Memorial de război». București. «Editura politică». 1976. 599 p.).

◆ «Сердце Африки между эпохами» — этнографические и политические очерки Конго, принадлежащие перу австрийского публициста Герберта Риса. В их основе лежат наблюдения, сделанные им во время многолетних путешествий по Центральной Африке в 1950—1960-е годы (H. R i s z. *Herz Afrikas zwischen den Zeiten*. Berlin. «Verlag der Nation». 1976. 186 S.).

◆ Преподаватель Калькутского университета Нильмани Мукерджи написал работу о крупном бенгальском заминдаре XIX в. Джайкришне Мукерджи. Факты его жизни даны во взаимосвязи с основными событиями индийской истории прошлого века, среди которых особенно выделены восстание сипаев, аграрные преобразования и движение Национального конгресса (J. M u k h e r j e e. *A Bengal Zamindar*. Calcutta. «K. L. Mukhopadhyay». 1975. 589 p.).

◆ История колумбийских профсоюзов явилась темой книги Эдгара Кайchedo (Колумбия). Автор строит изложение по четы-

рем разделам: формирование колумбийского пролетариата, этапы профсоюзного движения в 1900—1957 гг., борьба за рабочее единство в последующие годы, теория профсоюзной деятельности (E. C a i c e d o. *Historia de las luchas sindicales en Colombia*. Bogotá. «Ediciones Suramérica Ltda». 1974. 253 p.).

◆ Профессор Сорбонны Жак Лафэй, ученый секретарь парижского «Общества американистов», ранее опубликовавший ряд работ по истории Мексики, в своей новой книге рисует картину развития в этой стране национального самосознания и политических концепций освободительной борьбы за независимость с 1531 г. по 1813 год. Он основывается на материалах архивов Рима, Севильи, Мадрида, Мехико, Парижа, Нью-Йорка, PROVIDENSA и Остина, частных коллекций в Испании и Мексике и разнообразной специальной литературы (J. L a f a y e. *Quetzalcóate et Guadalupe*. Paris. «Gallimard». 1974. 481 p.).

◆ «Индейцы Соединенных Штатов и Канады» — это вып. 3 библиографической серии «Клио», издаваемой Американским библиографическим центром в Санта-Барбара (Калифорния). Два первых выпуска составили «Американский политический процесс» (1972 г.) и «Афро-американская история» (1974 г.). В данную книгу, подготовленную Дуайтом Смитом с предисловием Джона Йверса, вошло 1687 названий отдельных статей, брошюр, монографий, сборников и общих работ, разделенных на рубрики: доколумбов период, отдельные племена в 1492 — 1900 гг., история индейцев в целом, индейцы в XX веке. Приложены перечни авторов, издателей, публикаторов, научных обществ и органов печати («Indians of the United States and Canada». Oxford. «ABC, Inc.». 1974. 453 p.).

◆ В сборник статей 15 европейских и американских авторов относительно места и роли рабочего класса во время промышленной революции и капиталистической индустриализации вошли очерки о пролетариате США, Англии, Франции и Германии с начала XIX в. до первой мировой войны («Workers in the Industrial Revolution». Ed. by P. N. Stearns and D. J. Walkowitz. New Brunswick (N. J.). «Transaction Books». 1974. 442 p.).

◆ «Народ и события Американской революции» — так называется справочник, впервые увидевший свет в 1916 г. и переизданный сейчас с новыми предисловием, примечаниями, приложением и библиографией. Составленный Тревором Дюпои и Гэем Хэммерманом, он представляет собой перечень важнейших событий истории США с 17 мая 1733 г. (акт о разрешении ввоза в североамериканские колонии Англии сахара только из Британской Вест-Индии) до 14 января 1784 г. (ратификация конгрессом Парижского мирного договора 1783 г. с Англией) и биографический справочник не только видных, но и рядовых деятелей войны за независимость («People and Events of the American Revolution». Ed. by T. N. Dupuy and G. M. Hammerman. New York. «R. R. Bowker Company». 1974. 473 p.).

◆ Профессор Мичиганского университета Джералд Линдерман — автор книги «Зеркало войны», посвященной отражению испано-американской войны 1898 г. в общественном мнении США. Им освещена позиция правящих кругов и провинции, северян и южан, белых и негров, различных общественных слоев и политических группировок, видных личностей и органов печати (G. F. Linderman. *The Mirror of War*. Ann Arbor. U.M.P. 1974. 227 p.).

◆ Профессор Реннского университета, автор ряда работ по истории Франции и колониальных захватов в XVI—XVIII вв. Жан Мейер в книге «Европейцы и прочие от Кортеса до Вашингтона» воссоздает картину Великих географических открытий и «освоения» европейцами иных материков, начиная с плаваний викингов и кончая англо-американской войной 1812 года (J. Meyer. *Les Européens et les autres de Cortés à Washington*. Paris. «Armand Colin». 1975. 368 p.).

◆ Жан-Луи ван Дитен (Нидерланды), научный сотрудник Кёльнского университета в ФРГ и один из публикаторов международного «Корпуса источников по истории Византии», в работе о византийском агиографе, риторе, астрономе и историке XIV в. Никифоре Григоре исследует преимущественно его «Историю ромеев», давая всестороннее источниковедческое описание этого сочинения и сопоставляя его с другими документами эпохи (J.-L. van Dieten. *Entstehung und Oberlieferung der Historia Rho-maïke des Nikephoros Gregoras*. Köln. 1975. 204 S.).

◆ Возле дер. Борово (округ Русе, Болгария) обнаружены серебряные изделия с надписями эпохи фракийского владения Кориса (383—360 гг. до н. э.) — 5 сосудов с изображениями на темы «животного эпоса», чаша, кувшин, 3 сосуда в форме рога.

◆ Центральный институт древней истории и археологии АН ГДР в течение пяти лет ведет раскопки остатков славянского укрепления в Кёзитце (округ Кётен). Получено представление о хозяйстве и структуре поселения, в центре которого возвышалась крепость X века. Здесь жили сорбы. Их городище состояло из 2 частей и занимало площадь в 10 га. Жители обитали в полуземлянках, занимались преимущественно земледелием и скотоводством. Найдены мельничные жернова, зерно, кости домашних животных.

◆ В округе Нойбранденбург (ГДР) обнаружен клад весом свыше 8 кг: бронзо-

вые наконечники копий, серпы, кольца, ожерелья, ножи, доменные крицы. Вещи датируются II—I тыс. до нашей эры. Среди иноземных предметов, попавших сюда в процессе межплеменного обмена, — раннекельтские изделия из района Ла-Манша.

◆ С 1958 г. венгерские археологи ведут раскопки античного города Горзия (вблизи Секешфехервара). Тысячи предметов, обнаруженных ими, проливают обширный свет на жизнь селения, которое во II—IV вв. насчитывало около 7 тыс. жителей. Среди самых новых находок на дне 10-метрового колодца — скелет римского военачальника, позолоченная рукоятка меча и кожаные сандалии, а также 3134 серебряные монеты.

◆ При раскопках руин античного селения Агента (вблизи Линца) австрийские археологи обнаружили начертанный на черепице размерами 60 на 40 см общий план селения от III в. н. э. На нем различимы изображения отртых ранее объектов, включая переднюю часть храма, бани и другие строения. Видны также изображения зданий, еще находящихся пока под землей, и среди них — большого прямоугольного помещения. На другой черепице бросается в глаза план полукруглого театра. До сих пор подобного рода здания не встречались при раскопках на территории Австрии.

◆ Полевая экспедиция 52 ученых из Австрии, Польши, Чехословакии, Бельгии и Англии, работавшая в Хагенгебирге неподалеку от Зальцбурга, обнаружила наскальные рисунки, относящиеся к латенской культуре железного века. Найдено 80 служивших жилищами пещер, очаги с остатками древесного угля.

◆ В Этцне (столица бывшего государства майя Кампеке, Мексика) выявлена система водохранилищ. Каналы длиной более 20 км были проложены незадолго до начала н. э. Главный канал имел ширину в 50 метров. Вся система вмещала около 2 млрд куб. м воды для питья и искусственного орошения.

◆ В тропических лесах северо-восточной Боливии открыты следы цивилизации, существовавшей 9 веков назад, на площади в 450 тыс. кв. километров. Она насчитывала до 20 тыс. поселений с плотинами и каналами, которые служили улицами, а во время наводнений по ним спускали излишек воды. Население этих городов и деревень поддерживало контакты с майя и инками.

ПРИНЯТИЕ ФАБРИЧНОГО АКТА 1874 г. В АНГЛИИ

Как известно, главным направлением борьбы английских тред-юнионов в первой половине 70-х годов XIX в. было завершение легализации профессиональных объединений рабочих и отмена уголовных антирабочих законов¹. Однако не менее остро стоял вопрос о расширении фабричного законодательства, и в частности той его части, которая ограничивала продолжительность рабочего дня, поскольку английская буржуазия даже в 70-е годы XIX в. сохраняла на фабриках порядки, введенные еще во времена становления капиталистического строя и отличавшиеся крайней суровостью.

Наиболее острой проблемой являлось сокращение рабочего дня для женщин и детей, так как, по отчетам фабричных инспекторов 1871 г., опубликованным ведущим органом тред-юнионов газетой «Bee-Hive», в Англии и Уэльсе на фабриках из общего числа 2 006 978 рабочих трудились 642 265 женщин, 43 878 девочек (до 13 лет) и 54 853 мальчика (до 13 лет). В том же году в Шотландии использовался труд 145 414 женщин, 3566 мальчиков (до 13 лет) и 3418 девочек (до 13 лет) при общей численности рабочих 409 921 человек². Таким образом, женщины и дети составляли 37% всех рабочих страны. Дети, занятые в производстве, в среднем работали 59 час. в неделю, то есть почти столько же, сколько и взрослые, средняя продолжительность работы которых равнялась 60 час. в неделю³. При этом в некоторых отраслях, например,

на текстильных фабриках, а также при изготовлении кружев, шелка и трикотажа, где требовалась особенно тонкая работа, дети и женщины составляли подавляющее большинство⁴.

Впервые научный анализ английского фабричного законодательства был дан К. Марксом в «Капитале». Маркс разобрал почти всю историю фабричного законодательства Англии до 1865 г.⁵, и в частности историю борьбы рабочих за установление 10-часового рабочего дня⁶. Основоположники лейбористской историографии С. и Б. Веббы рассматривали систему фабричных законов как шаг на пути к созданию социализма в рамках капитализма. В книге, написанной совместно с Х. Коксом, С. Вебб доказывает, что единственно желательным средством для улучшения жизни рабочих является вмешательство государства в отношении труда и капитала и принятие фабричного законодательства⁷. С подобной позиции подходит к истории фабричного законодательства и Дж. Коул, который рассматривает первую половину 70-х годов XIX в. как «период акклиматизации рабочих при капитализме»⁸. Современная лейбористская историография не уделяет особого внимания истории борьбы за сокращение рабочего дня в интересующий нас период. Лишь книга, написанная И. Алленом, Дж. Кларком, Н. Маккордом и Д. Роу, подробно рассматривает борьбу рабочих северо-восточных графств Англии в

¹ См. Л. И. Гольман. I Интернационал и борьба за легализацию английских тред-юнионов. «Европа в новое и новейшее время». М. 1966; В. И. Холопова. Борьба за легализацию английских тред-юнионов в 1867—1871 гг. «Проблемы британской истории». М. 1973; Ю. В. Кунец. Новый этап борьбы тред-юнионов за легализацию (1872—1875). «Вестник» Московского университета. 1975. Серия «История», № 2.

² «Bee-Hive», 23.IX.1871.

³ Ibid.

⁴ «Hansard's Parliamentary Debates». Ser. III. Vol. 218. L. 1874, p. 1746.

⁵ Маркс незадолго до своей кончины собирался дополнить главы «Капитала» анализом фабричных законов 60-х—70-х годов XIX в. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 35, стр. 326).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 303—304.

⁷ С. Вебб, Х. Кокс. 8-часовой рабочий день. СПб. 1904, стр. 9.

⁸ G. D. H. Cole. A Short History of the British Working Class Movement. 1789—1947. L. 1948, p. 12.

1871 г. за установление 9-часового рабочего дня⁹. Советские ученые пока еще специально не занимались данной темой. Обойдена она и в диссертации Р. Басова¹⁰. Настоящая заметка посвящена борьбе за принятие фабричного акта 1874 года.

К началу 70-х годов XIX в. продолжительность рабочего дня регулировалась актами 1850 и 1853 гг., устанавливавшими 10-часовой рабочий день¹¹. Эти статуты определяли единые пределы рабочего дня (с 6 до 18 час. или с 7 до 19 час.) для подростков (с 13 лет) и женщин (с 18 лет)¹². Точная фиксация начала и конца работы наносила удар по системе «фальшивых очередей», при которой фабрикант увеличивал рабочий день детей и подростков за счет перестановки их из одной смены в другую или перевода с одной фабрики на соседнюю¹³. Однако эта фиксация распространялась только на подростков и женщин и допускала применение системы «фальшивых очередей» по отношению к детям (то есть лицам, не достигшим 13 лет). Чрезвычайно часто практиковалась на фабриках и система сверхурочных работ¹⁴. Существовавшие к началу 70-х годов XIX в. фабричные законы не устанавливали единого и четкого возрастного минимума, начиная с которого можно было бы использовать детей на производстве. Поэтому на шелкопрядильных и особенно в кружеводелательных мастерских трудились дети начиная с 6 и 7 лет¹⁵. Контроль фабричной инспекции распространялся отнюдь не на все отрасли промышленности: хлопчатобумажное машинное прядение, например, не было им охвачено¹⁶, что позволяло владельцам бумагопрядилен вообще не соблюдать фабричные законы.

Нарушение элементарных медицинских норм при использовании детского труда вело к высокому детскому травматизму и

смертности. В феврале 1873 г. общественное мнение Англии было потрясено случаем с истопником-подростком Дж. Гаррисом, который после непрерывной 36-часовой работы заснул в одном из пустующих котлов и был сожжен заживо¹⁷. Эта трагедия вызвала запросы в парламенте, но вследствие вмешательства правительства дело об ответственности хозяина было замято¹⁸. Не менее тяжелым был труд женщин. Газета «Bee-Hive» писала: «Молодые женщины, работающие на мотальных машинах, возвращаются домой вечером в таком изможденном состоянии, что они должны сидеть без движения около часа, прежде чем смогут выпить чашку чая...»¹⁹.

Жесткие порядки, царившие на фабриках и в мастерских, способствовали усилению движения рабочих за сокращение рабочего дня. Это нашло свое проявление в росте числа стачек, в большинстве своем имевших целью добиться сокращения продолжительности труда на производстве²⁰.

Годы	Число стачек
1870	30
1871	98
1872	343
1873	365

Попытки рабочих добиться установления пределов рабочего дня путем давления на «своих» предпринимателей далеко не всегда давали желаемый результат. Если механикам Ньюкасла все-таки удалось в результате массовой забастовки 1871 г. заставить предпринимателей уступить требованиям рабочих²¹, то забастовка олдэмских прядильщиков в том же году окончилась неудачей²².

Хотя агитация за законодательное ограничение продолжительности труда велась в основном с целью ограничения рабочего времени для женщин и детей, она поддерживалась и рабочими-мужчинами, ибо со-

⁹ «The North-East Engineers' Strike of 1871». Newcastle. 1971.

¹⁰ Р. Басов. Социальное законодательство Англии в последней трети XIX в. Одесса. 1970.

¹¹ «The Statutes (Revised Edition)». L. 1876—1877. Vol. X, pp. 958—960; Vol. XI, pp. 830—831. См. об этих законах: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 304, 306.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 302—303.

¹³ Там же, стр. 290, 298—299.

¹⁴ «Bee-Hive», 13.I.1872.

¹⁵ «Hansard's Parliamentary Debates». Ser. III. Vol. 218, p. 1746.

¹⁶ «Bee-Hive», 6.I.1872.

¹⁷ «Hansard's Parliamentary Debates». Ser. III. Vol. 217. L. 1873, p. 722.

¹⁸ Ibid., p. 729.

¹⁹ «Bee-Hive», 11.II.1871.

²⁰ С. Вебб, Х. Кокс. Указ, соч., стр. 23. Приведенная таблица, отражающая общую динамику забастовочной борьбы, значительно преуменьшает ее размах.

²¹ Забастовка 7500 рабочих Ньюкасла в 1871 г., имевшая целью добиться 9-часового рабочего дня, продолжалась около четырех месяцев («The North-East Engineers' Strike of 1871», p. 115).

²² S. and B. Webb. The History of Trade-Unionism. 1666—1920. L. 1920, p. 310.

крашение рабочего дня женщин и детей обязательно влекло за собой последующее сокращение рабочего дня и для мужчин, работавших вместе с ними. Рабочие не выдвигали единых требований. Если механики северо-запада Англии настаивали на установлении 9-часового рабочего дня²³, то ланкаширские рабочие и тред-юнионисты Данди и Абердина считали необходимым добиваться 8-часовой работы²⁴.

Постепенно в рабочей среде созревало понимание, что ограничение рабочего дня «никогда не устанавливалось иначе как путем законодательного вмешательства, а это вмешательство никогда не имело бы места без постоянного давления со стороны рабочих» и что «ограничения рабочего дня никогда нельзя было достигнуть путем частных соглашений между рабочими и капиталистами»²⁵. Усиливается движение трудящихся за принятие специального статута о законодательном ограничении рабочего дня женщин и детей. Только в октябре 1871 г. подобные требования были выдвинуты тред-юнионами Ньюкасла, Лидса, Лондона, Шеффилда и некоторых других городов²⁶. Под воздействием массового движения рабочих требования законодательного ограничения рабочего дня были включены в программу Парламентского комитета исполкома Британского конгресса тред-юнионов (БКТ). Резолюция IV (Ноттингемского) конгресса тред-юнионов призывала рабочих добиваться («дозволенными» средствами) сокращения продолжительности рабочего дня до 9 час. в сутки и требовала от парламента провести билль об ограничении женского и детского труда²⁷.

Образцом для законопроектов Парламентского комитета могли стать резолюции Женевского конгресса I Интернационала 1866 г., составленные Марксом. В них перечислялся минимум требований, которых следовало добиваться рабочим: законодательное ограничение рабочего дня 8 час., точное указание того времени дня, «в которое должны укладываться эти 8 часов труда»; строгий контроль ночной работы со стороны государственных органов; разрешение работать полный рабочий день только по

достижении 18-летнего возраста. Резолюции требовали установления 4-часовой работы для детей 13—15 лет и 6-часовой—для подростков 16—17 лет; при этом оговаривалось, что всем детям должен предоставляться часовой перерыв для еды и отдыха²⁸. Эти резолюции наиболее полно отвечали требованиям рабочих. Они были в свое время поддержаны и английскими членами I Интернационала. Однако, когда дело непосредственно коснулось составления законопроекта, реформистски настроенные лидеры профсоюзов, входившие в Парламентский комитет, Дж. Оджер, Дж. Хауэлл, У. Кример и другие бывшие члены Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «забыли» о них и поручили составление законопроекта своему «либеральному другу» — члену палаты общин крупному промышленнику Э. Мунделле.

При поддержке парламентария Т. Хьюза и нескольких крупных фабрикантов типа С. Морли, И. Палмера, Дж. Амистеда, которые были известны «сочувствием» к рабочим, Мунделла 15 апреля 1872 г. внес свой законопроект в парламент²⁹. Позицию Мунделлы характеризует его ответ на письмо тред-юнионистов Данди, обратившихся к нему с просьбой включить в билль требование о сокращении рабочей недели до 51 часа³⁰. «Либеральный друг» заявил тогда: «При теперешнем состоянии рынка труда в Европе я считаю неразумной агитацию за сокращение рабочей недели до 51 часа. ...Такая агитация нанесла бы урон британской промышленности. Удовлетвориться 54 часами...»³¹.

На деле же текст билля, выработанный Мунделлой, отличался еще большей умеренностью: им, в частности, не определялись точные размеры рабочего дня и рабочей недели, а предусматривался лишь максимум, который фабрикант не должен был переступать. Так, устанавливалось, что ежедневно дети и женщины должны работать не более 9½ час., а в субботу обязательно прекращать работу в 13 часов³². Другие статьи билля давали предпринимателям право заставлять женщин и детей работать сверхурочно. А поскольку в нем подчерки-

²³ «The North-East Engineers' Strike of 1871».

²⁴ S. and B. Webb. Op. cit., p. 310; «Bee-Hive», 10.II.1875.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 152.

²⁶ «Bee-Hive», 7, 14, 21, 28. X. 1871.

²⁷ «Bee-Hive», 20.I.1872.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 196, 197; см. также «Первый Интернационал». Т. I. М. 1964, стр. 196, 197—198.

²⁹ G. Howell. Labour Legislation, Labour Movement, Labour Leaders. L. 1902, p. 221.

³⁰ «Bee-Hive», 10.II.1872.

³¹ Ibid.

³² «Bee-Hive», 20.IV.1872.

валось, что рабочая неделя с учетом сверхурочной работы не должна превышать 64 час.³³ фабриканты получали право по своему усмотрению увеличивать недельную занятость трудящихся еще на 10 часов.

Однако правительство не было расположено заниматься фабричным законодательством. Еще 11 марта в ответ на запрос члена палаты общин А. Палмера министр внутренних дел Г. Брюс заявил, что он не считает рабочий день женщин и детей чрезмерно продолжительным и поэтому не собирается предпринимать какие-либо меры для его сокращения³⁴. Палата общин также не стремилась добиваться скорейшего принятия билля. Поскольку Мунделла «не встретил достаточной поддержки в палате общин»³⁵, второе чтение его билля было отодвинуто до 31 июля, а затем отложено до начала новой сессии³⁶. Чтобы как-то завуалировать неудачу законопроекта Мунделлы, правительство создало комиссию для «исследования действия фабричных законов и воздействия этих законов на физическую и социальную жизнь рабочих»³⁷. В состав комиссии должны были войти не только предприниматели, но и рабочие. Руководителем ее стал лорд Шефтсбери, убежденный противник тред-юнионистского движения. По его требованию в состав комиссии были включены лишь нечлены союзов. Шефтсбери заявлял, что он «не потерпит действия одних только тред-юнионистов»³⁸. Однако профсоюзные лидеры согласились принять участие в работе комиссии. Как и следовало ожидать, комиссия ничего не сделала для решения вопроса, и обсуждение его было отложено на неопределенный срок.

Говоря о причинах неудачи билля 1872 г., следует прежде всего указать на то, что летом этого года тред-юнионистское руководство уделяло мало внимания вопросам фабричного законодательства, будучи занято борьбой за отмену антирабочих уголовных законов, что рассматривалось этим руководством как первостепенное дело³⁹. Другой важной причиной является отказ руководителей союзов хлопчатобумажной промышленности, более всех других заинтересованных в сокращении рабочего дня женщин и

детей, присоединиться к Парламентскому комитету тред-юнионов. В отчете Парламентского комитета на конгрессе тред-юнионов 1873 г. говорилось: «Некоторые члены комитетов борьбы за сокращение рабочего времени считали, что сотрудничество с Парламентским комитетом скорее вредно, нежели полезно... ибо лорд Шефтсбери и другие заявили, что они не поддержат ни одного мероприятия в пользу тред-юнионов».

Хотя V конгресс тред-юнионов и подтвердил резолюцию о необходимости законодательного введения 54-часовой рабочей недели для женщин и детей⁴⁰, исполком БКТ уже передоверил это дело Мунделле, который 10 февраля 1873 г. снова внес свой законопроект, почти целиком повторивший билль 1872 года. В нем были сделаны лишь небольшие дополнения, предлагавшие сокращение рабочего дня детей от 8 до 10 лет до половины рабочего дня взрослых и ограничение продолжительности работы детей 12 лет 60 час. в неделю⁴¹. 11 июня 1873 г. состоялось второе чтение билля.

Главным противником нового законопроекта стал член палаты общин Г. Фаусетт. 9 июня в «The Times» появилось его письмо с резкой критикой билля Мунделлы, который он назвал «наступлением на права женщин», имеющих, по его мнению, право зарабатывать столько, сколько они хотят. Прикрываясь лицемерными фразами о свободе и равенстве, Фаусетт защищал интересы капиталистов, стремившихся к получению максимальной прибыли. В том же духе он выступил и во время второго чтения билля — 11 июня. При этом он особенно упирал на то, что «законопроект исходит от тред-юнионистов, завидующих продолжительности рабочего дня женщин, и является скрытой и бесчестной попыткой установить 9-часовой рабочий день для всех рабочих»⁴². По предложению Фаусетта законопроект Мунделлы был отложен, а затем и вовсе отклонен⁴³. Министр внутренних дел также не поддержал этот билль.

Приближались очередные парламентские выборы, и вопрос о законопроекте относительно 9-часового рабочего дня был включен в программу, которую тред-юнионисты

³³ Ibid.

³⁴ «Hansard's Parliamentary Debates». Ser. III. Vol. 209. L. 1872, p. 1759.

³⁵ G. Howell. Op. cit., p. 221.

³⁶ «Hansard's Parliamentary Debates». Ser. III. Vol. 213. L. 1872, p. 213.

³⁷ «Bee-Hive», 19.II.1873.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ю. В. Кунец. Указ. соч., стр. 46—60.

⁴⁰ «Bee-Hive», 19.II.1873.

⁴¹ «Hansard's Parliamentary Debates». Ser. III. Vol. 214. L. 1873, p. 283.

⁴² «Hansard's Parliamentary Debates». Ser. III. Vol. 216. L. 1873, p. 277.

⁴³ Ibid.

рекомендовали кандидатам⁴⁴. Э. Бизли⁴⁵, постоянно в это время публиковавший статьи в «Bee-Hive», неоднократно указывал на то, что этот вопрос волновал многих рядовых членов профсоюзов и определял их отношение к либеральной партии на выборах⁴⁶. Характерно, что консерваторы в погоне за голосами делали ставку именно на закон о сокращении рабочего дня, отодвигая вопрос об отмене уголовных антирабочих законов на второй план. Так, проблемам фабричного законодательства значительное место уделялось в программной речи Дизраэли в «Кристэлл-Пэлэс»⁴⁷. Дизраэли активно поддерживал билль Мунделлы 1873 г. и в палате общин⁴⁸. Когда консерваторы пришли к власти, новый министр внутренних дел Р. Кросс сразу занялся подготовкой билля о сокращении рабочего дня. Консервативное правительство рассчитывало, что принятие подобного закона поднимет престиж кабинета, затянувшего решение наболевшего вопроса об уголовном антирабочем законодательстве.

Так как кабинет не торопился с внесением законопроекта о сокращении рабочего дня в парламент, то Мунделла 20 марта 1874 г. вновь представил свой билль. Во время его чтения 6 мая 1874 г. он вновь ссылался на то, что в сфере фабричного законодательства Англия всегда имела превосходство перед другими странами, подчеркивая, что «оно делает честь английским предпринимателям, которые культивируют дух лояльности» в рабочем классе. Главными положениями законопроекта Мунделлы были: 1) сокращение рабочего дня детей с 10 до 14 лет вдвое по сравнению с рабочим днем взрослых; 2) введение для женщин и подростков 54-часовой рабочей недели с сохранением за фабрикантами права требовать внеурочной работы; 3) отмена практики увольнения работающих на

шелкокрутильных станках после 30 лет с целью замены их более молодыми рабочими⁴⁹.

Представители промышленников ополчились против законопроекта, предлагая снять его с повестки дня⁵⁰. Видя, что законопроект Мунделлы не проходит, Кросс взял инициативу на себя. Билль Мунделлы был снят с обсуждения, и одновременно был внесен правительственный законопроект «Билль о фабриках и мастерских». Он вводил 56-часовую рабочую неделю для женщин, сокращал вдвое продолжительность труда детей 8—10 лет и вводил полный рабочий день для подростков с 14 лет, после того как они смогут представить справку о получении начального образования⁵¹.

Билль встретил оппозицию в парламенте со стороны Фаусетта, Т. Бэзли, полковника Мура и ланкаширского промышленника Старки, утверждавших, что законопроект приведет к сокращению производства и упадку английской промышленности⁵². Но зато действия правительства были горячо поддержаны Мунделлой, Хьюзом, В. Шоу и другими «друзьями» рабочих, которые видели в фабричном законодательстве средство умиротворения рабочего класса, способ предотвратить распространение в нем социалистических идей. Отвечая лорду Шефтсбери, утверждавшему, что поскольку фабричное законодательство является одним из первых пунктов программы Интернационала, то не следует осуществлять его, Мунделла заявил, что благодаря «разумным фабричным законам в Англии социализма меньше, чем где-либо еще». Кросс также оказывал непосредственное давление на Фаусетта, Мура и других противников законопроекта⁵³, понимая, что от принятия законопроекта зависит дальнейшая судьба консервативного правительства, так как этот вопрос был одним из тех, о которые споткнулась рабочая политика либералов. Ведь еще в мае 1874 г. Бизли указывал, что «главной причиной поражения либеральной партии в Ланкашире на последних выборах была речь Фаусетта по поводу билля о 9-часовом рабочем дне на последней сессии парламента»⁵⁴.

Благодаря вмешательству правительства законопроект прошел все чтения и в конце лета 1874 г. стал законом, вступившим в действие 1 января 1875 года. «Акт о фаб-

⁴⁴ G. D. Cole and A. Filson. *British Working Class Movements*. Vol. I. L. 1951, p. 591.

⁴⁵ Э. Бизли — профессор Лондонского университета, сочувствовал рабочему классу. Был с 1865 г. знаком с Марксом, который переписывался с ним, высоко ценил и уважал его. Бизли председательствовал на митинге в Сент-Мартинс Холле 28 сентября 1864 г., на котором было принято решение о создании Международного Товарищества Рабочих.

⁴⁶ Например, «Bee-Hive», 30.VIII.1873.

⁴⁷ S. Jackson a. n. *The English Reform Tradition. 1790—1910*. N. Y. 1965, p. 16.

⁴⁸ «Hansard's Parliamentary Debates». Ser. III. Vol. 216, p. 228.

⁴⁹ Ibid., Vol. 218, pp. 190, 1744, 1753.

⁵⁰ Ibid., pp. 1770, 1773, 1775.

⁵¹ Ibid., Vol. 219, L. 1874, pp. 1417—1420.

⁵² Ibid., p. 1460.

⁵³ Ibid., pp. 1465, 1468.

⁵⁴ «Bee-Hive», 16.V.1874.

риках» 1874 г. вводил 56 1/2-часовую рабочую неделю вместо 54-часовой, которой требовало большинство рабочих. Еще 8 мая тред-юнионисты Данди организовали митинг против намерения правительства внести законопроект о 56-часовой рабочей неделе. Участники митинга решительно высказались за проведение билля Мунделлы о 54-часовой неделе⁵⁵. Кроме того, в новом акте указывалось, что работа женщин и детей может продолжаться 12 час. — с 6 до 18 или с 7 до 19 — и что часы работы должны устанавливаться властями округов. Местным властям разрешалось списывать часы, отведенные на отдых и еду (2 час., согласно ст. 4). Тем самым фабриканты выигрывали еще 2 час., отработать которые рабочие должны были сверхурочно. Максимум же сверхурочной работы вообще не устанавливался. Для детей от 8 до 10 лет вводилась продолжительность рабочего дня, равная половине рабочего дня взрослых, но для кружевных фабрик делалось исключение (согласно ст. 11 закона, на них допускалось использование детей в течение целого рабочего дня). Проводить акт в жизнь предполагалось чрезвычайно осторожно. Ст. 13 устанавливала, что с 1875 г. возрастной границей для найма должны являться 9 лет, а с 1876 г. — 10 лет. При этом оговаривалось, что если к началу 1876 г. какой-либо ребенок меньшего возраста уже работает на фабрике, то он должен продолжать свою работу. Подростки могли наниматься только с 14 лет на полный рабочий день; если же дети до 14 лет были наняты к началу 1876 г. на полный рабочий день, то они должны были продолжать отрабатывать его и впредь⁵⁶. Таким образом, фабриканты получали почти 2,5 года, чтобы целиком заполнить рабочие места детьми, взвалив на них всю тяжесть капиталистической эксплуатации.

Рассмотренные «глазёнки», допускаемые законом в интересах предпринимателей, Бизли назвал правительственным «спектаклем»⁵⁷. И действительно, закон 1874 г. продемонстрировал ханжество и лицемерие, которые так характерны для буржуазии, заинтересованной не столько в улучшении условий труда рабочих, сколько в привитии им веры в «справедливость» капиталистического общества.

То, что новый закон явился лишь маневром 'нового' правительства, подтверждают сообщения о применении этого закона на практике. Уже вскоре «Bee-Hive» сообщила о том, как предприниматели исполняли закон на практике. Так, на фабрике в Бёрнли одни рабочие начинали работу в 6 час., другие — в 6 час. 30 минут. В результате обе смены могли потратить на совместный обед, предусмотренный законом, только часть положенного законом времени. Из-за этого рабочие выполняли дополнительную работу, а фабрикант получал прибыль. Подобные уловки практиковались и на других предприятиях⁵⁸. И тем не менее ни закон, ни его применение не подвергались критике со стороны тред-юнионистского руководства. Принятие фабричного закона 1874 г. явилось одной из важных страниц в истории борьбы английского пролетариата за свои права. Положительное значение этого закона состояло в том, что, во-первых, принятием его была официально признана необходимость сокращения продолжительности рабочего дня; во-вторых, некоторые уступки со стороны английской буржуазии все же частично улучшили положение женщин и детей на фабриках; в-третьих, именно после принятия этого акта «мельчайшие поправки к законам о фабриках и требование более эффективного осуществления этих законов на практике становятся постоянными составными частями официальной программы тред-юнионизма»⁵⁹.

Как было записано в резолюциях конгрессов тред-юнионов в Ливерпуле и Глазго 1875 г., именно активизация масс, требовавших улучшения и расширения существовавшего фабричного законодательства, явилась главной причиной принятия «Акта о фабриках» 1874 года⁶⁰. К. Маркс указывал, что ни один акт английского правительства, регулировавший продолжительность рабочего дня, а также труд женщин и детей, не принимался без ожесточенного давления рабочих на правящие классы. «Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы»⁶¹.

Ю. В. Кунец

⁵⁵ «Bee-Hive», 9.V.1874.

⁵⁶ «The Public General Acts». L. 1874, pp. 170, 171.

⁵⁷ «Bee-Hive», 19.V.1875.

⁵⁸ «Bee-Hive», 2, 16.II.1875.

⁵⁹ S. and B. Webb. Op. cit., p. 313.

⁶⁰ «Bee-Hive», 23.II, 16.X.1875.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 292.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФОРУМ ПЕТЕРБУРГА

К числу наиболее известных памятных мест Ленинграда относится полукруглая Казанская площадь, формируемая колонадами Казанского собора и главной магистралию города — Невским проспектом. Площадь вошла в историю как место массовых революционных митингов и демонстраций. На протяжении десятилетий площадь являлась революционным форумом в центре царской столицы. Начало этому положила знаменитая Казанская демонстрация 6(18) декабря 1876 г. — первая в России революционная демонстрация с участием рабочих.

Стачечная борьба 1874—1876 гг. обозначила существенный сдвиг в настроениях пролетариев Петербурга. Он был отмечен, в частности, в агентурной записке III Отделения за 1876 г.: «Постоянное бдительное наблюдение за настроением здешнего фабричного рабочего люда все более и более обнаруживает распространение социальной и революционной пропаганды уже не между отдельными личностями, но в массе... Любимый рабочий рассуждает об интересующих его вопросах, читает не только общедоступные книги, но нередко следит и за периодической печатью, причем останавливает свое внимание исключительно на статьях политического или либерального направления, дающих повод по преимуществу к осуждению правительственных распоряжений»¹. К концу 1876 г. революционная пропаганда в среде столичных рабочих приняла широкие размеры: подпольные кружки существовали за Невской и Московской заставами, на Петербургской и Выборгской сторонах, на других рабочих окраинах города.

3 марта 1876 г. вылились в политическую демонстрацию похороны студента П. Ф. Чернышева, который был арестован по «делу 193-х» революционных народников, просидел около трех лет в тюрьме и умер от туберкулеза. В этой демонстрации, по вос-

поминаниям Г. В. Плеханова, «рабочие не принимали участия, так как произошла она в будни, да и подготовители ее как-то не вспомнили о рабочих: Чернышева хоронила «интеллигенция». И вот рабочим захотелось сделать свою демонстрацию, и притом такую, которая своим резко революционным характером совершенно затмила бы демонстрацию «интеллигентов». Они уверяли нас, что если хорошо взяться за дело и выбрать для демонстрации праздничный день, то на нее соберется до двух тысяч рабочих. Мы сомневались в этом, но бунтарская жилка заговорила в каждом из нас, и мы сдались. Так произошла известная Казанская демонстрация 6(18) декабря 1876 г.»².

К этой демонстрации готовились заранее, были проведены подпольные собрания в районах, в том числе 4 декабря на квартире слесаря А. К. Преснякова. Один из активистов возникшей позднее первой петербургской политической рабочей организации — «Северного союза русских рабочих» в своих мемуарах отмечал многолюдность этого собрания и активное участие в нем Плеханова³. Организаторы демонстрации, как писала В. Н. Фигнер, ставили задачей собрать на Казанской площади возможно большее число фабричных рабочих и произнести речь, в которой оратор изобразил бы бедственное положение и бесправие пролетариев, после чего должно быть поднято Красное знамя общества «Земля и воля» («как девиз будущего»⁴). Заготовили специальное красное полотнище, на нем белой тесьмой выписали слова «Земля и воля». Накануне дня демонстрации Плеханов и другие ее организаторы посетили места, где собирались члены революционных кружков, и утром 6 декабря на Казанскую

² Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. Л. 1940, стр. 34—35.

³ «В начале пути». Воспоминания петербургских рабочих. Л. 1975, стр. 169, 387.

⁴ Вера Фигнер. Запечатленный труд. Т. I. М. 1964, стр. 145.

¹ См. Э. Корольчук. Рабочие на Казанской площади. «Борьба классов», 1935, № 7—8, стр. 52.

площадь со всех концов Петербурга двинулись группы участников демонстрации.

На площади собралось около 400 человек. Среди них были студенты и, по приблизительному подсчету Плеханова, 200—250 рабочих⁵. Часть демонстрантов вошла внутрь собора. Они обратились к священнослужителям с просьбой отслужить панихиду, но по церковным правилам делать это после обедни не полагалось. В конце концов священники за 3 рубля согласились вместо панихиды совершить молебен во здравие Николая. При этом они имели в виду внука Александра II, будущего последнего царя, а «заказчики» — почитавшегося ими Н. Г. Чернышевского, который томился в сибирской ссылке. Затем молодежь вышла на площадь перед собором. На парапет колоннады со стороны Казанской улицы поднялся студент Горного института Плеханов и обратился к демонстрантам с речью.

Вятский губернатор 11 марта 1877 г. докладывал министру внутренних дел, что из Петербурга в пакете, имевшем мнимый адрес отправителя из Лейпцига, в адрес одного из жителей губернии была доставлена написанная чернилами прокламация о событиях 6 декабря в Петербурге⁶. Эта прокламация, озаглавленная «Демонстрация на Казанской площади», аттестовала как «преднамеренную ложь» заведомо фальсифицированное⁷ правительственное сообщение о том, будто демонстрация носила агрессивный характер и ее участники встретили прибывшую на площадь полицию «сначала бранью, а затем побоями»⁸. Далее в прокламации следующим образом излагалась речь Плеханова: «Друзья! Мы только что отслужили молебен за здравие Николая Гавриловича и других мучеников за народное дело. Вам, собравшимся здесь работникам, давно пора знать, кто был Чернышевский. Это был писатель, сосланный в 1864 году на каторгу за то, что волею, данную царем-освободителем, он называл обманом. Не свободен тот народ, — говорил он, — которому за дорогую цену дали «пески да болота, невыгодные помещику»; не свободен тот народ, который за эти болота отдает и царю и барину больше, чем сам зарабатывает, у которого высекают розгами эти страшно тяжелые подати, у

которого продают последнюю корову, лошадь, избу, у которого забирают лучших работников в солдатскую службу. Нельзя назвать вольным и работника, который как вол работает на хозяина, отдаст ему все свои силы, здоровье, свой ум, свою плоть и кровь и от него получает сырой и холодный угол за несколько грошей. За эту святую истину наш даровитейший писатель сослан на каторгу и мучится в ней до сих пор. Таких людей — не один Чернышевский, их было и есть много: декабристы, Петрашевцы, Каракозовцы, Нечаевцы, Долгушинцы и все наши мученики последних лет. Они стояли и стоят за то же народное дело; я говорю — *народное*, потому что оно начато было самим народом. При помощи Разина, Пугачева, Антона Петрова! Всем одна участь: казнь, каторга, тюрьма. Но чем больше они выстрадали, тем больше им славы. Да здравствуют мученики за народное дело! Друзья! Мы собрались, чтобы заявить здесь пред всем Петербургом, пред всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми; наше знамя — их знамя. На нем написано — земля и воля крестьянину и работнику! Вот оно: да здравствует «Земля и воля!»⁹.

Над демонстрантами взметнулось красное знамя. На мгновение оно исчезло и появилось вновь. Организаторы демонстрации не догадались принести древко, и 16-летний рабочий фабрики Торнтон (ныне комбинат тонких и технических суконов имени Э. Тельмана) Я. С. Потапов держал в распростертых руках алое полотнище, а товарищи подбрасывали его вверх, чтобы всем было видно поднятое знамя революционной борьбы¹⁰.

Речь Плеханова и появление Красного знамени демонстранты встретили рукоплесканиями и возгласами «Да здравствует «Земля и воля!»», «Да здравствует народ,

⁹ Там же, лл. 716—717 об. Изложение в прокламации выступления Плеханова весьма близко к тексту, опубликованному в 1876 г. П. Л. Лавровым в № 48 выходившего за рубежом революционного журнала «Вперед!».

¹⁰ А. Н. Бибергаль. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади. «Каторга и ссылка», 1926, № 7—8 (28—29), стр. 25. М. Н. Покровский считал, что это было первое красное знамя, поднятое в России (М. Н. Покровский. Избранные произведения. Кн. 4. М. 1967, стр. 79). В действительности такое событие произошло впервые 8 апреля 1861 г. в селе Кандиевка, Пензенской губернии (П. Ф. Мясяшев. Когда впервые в России было поднято Красное знамя. «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 206—207).

⁵ Г. В. Плеханов. Указ. соч., стр. 36.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1877 г., д. 327, л. 711.

⁷ Там же, л. 715.

⁸ Там же, л. 715 об.

смерть царям!»¹¹. И тогда над площадью раздались свистки городских. Полицейские и жандармы попытались схватить оратора. Но рабочие плотным кольцом сомкнулись вокруг Плеханова. «Ребята, держись тесней, не выдавай полиции!» — кричал демонстрант Митрофанов. Как говорилось в той же прокламации, рабочие, защищая оратора, «ответили полиции самым энергичным отпором и обратили нападающих в бегство... Три раза повторялся натиск на ту же группу лиц и каждый раз встречал отчаянное сопротивление»¹². Митрофанов сдернул шапку с Плеханова, надел на него фуражку и закутал башлыком. Это помешало полицейским и жандармам опознать оратора, и он смог покинуть Казанскую площадь.

Тем временем на площади происходило побоище. Сюда прибежали дворники соседних домов, примчался петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов (отец петербургского генерал-губернатора, в октябре 1905 г. отдавшего позорно знаменитый приказ: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!»). Возмущившись, что полицейские и жандармы арестовали лишь несколько человек, он распорядился: «Хватайте, хватайте как можно больше!» И городские, передавая друг другу этот приказ, кричали: «Хватайте, кого попало! Лови в очках и в пледах!» Прокламация отмечает, что основная масса демонстрантов к этому времени покинула Казанскую площадь. Но дворники, городские и жандармы избивали людей, случайно оказавшихся на площади, тащили женщин за волосы, рубили тыльной стороной обнаженных тесаков. При этом «арестуемые защищались отчаянно, женщины не уступали мужчинам»¹³.

Свыше 30 человек были задержаны полицией. «В участке, — продолжает прокламация, — обращались с арестованными самым зверским и варварским образом: им была отведена комната аршина три ширины и 7—8 аршин длины; в комнате было поставлено человек 10 городских, дворников и сыщиков. Арестованного ударом сзади вталкивали в эту комнату, на него набрасывались полицейские и дворники, валили на пол и били руками и ногами... Избитых нельзя было узнать, так они были изуродованы. Той же участи подвергались и женщины»¹⁴.

Яков Потапов в его рабочей одежде (дубленый полушубок) был примечен шпиками и городскими. Ему удалось в сопровождении Веры Фигнер и ее сестры Евгении покинуть Казанскую площадь. Но спустя несколько минут у здания Публичной библиотеки Потапова арестовали. Когда полицейские везли юношу на извозчике по Невскому проспекту мимо Аничкова дворца, он кричал: «Да здравствует свобода!»

Министр юстиции доложил Александру II, что по поводу происшедших 6 декабря «беспорядков на Казанской площади» начато дознание, «производимое с возможною полнотою и всесторонностью», и испрашивал разрешения царя, составив обвинительный акт без предварительного следствия, передать его сразу на рассмотрение Особого присутствия правительствующего Сената¹⁵. Царь одобрил это предложение¹⁶, и все обвиняемые были преданы суду по материалам жандармского дознания без предварительного следствия. 41 человек предстал перед судилищем. Общее обвинение инкриминировало им, что они «намеренно приняли участие в действиях шумевшей на площади перед Казанским собором толпы, собравшейся с целью дерзостного порицания установленного законами образа правления». Кроме того, подсудимым вменялось в вину участие «в явном, соединенном с насилем, сопротивлении чинам местной полиции»¹⁷. 25 января 1877 г. был вынесен приговор. Сенат признал в демонстрации «дерзостное порицание установленного государственными законами образа правления». Пятеро обвиняемых осуждались на многолетние (10—15 лет) каторжные работы, другие — на заточение в крепость. Даже случайные прохожие, арестованные вместе с участниками демонстрации, лишались «всех особенных прав» и подвергались «ссылке на житье в Тобольскую губернию», в том числе в заполярный Березов¹⁸.

Интересна судьба знаменосца демонстрации на Казанской площади. Яков Семенович Потапов предстал перед судом как крестьянин Тверской губ., Старицкого уезда, Ивровской вол., дер. Казнаковой. В отношении Потапова и нескольких других молодых подсудимых-рабочих приговор отменил, что они «могли быть вовлечены в пре-

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1877 г., д. 327, л. 717 об.

¹² Там же, л. 718.

¹³ Там же, л. 718 об.

¹⁴ Там же, лл. 718 об.—719.

¹⁵ Там же, ф. 1405, оп. 521, 1876 г., д. 393, лл. 182—183.

¹⁶ Там же, оп. 74, д. 7820, л. 6.

¹⁷ Там же, лл. 1, 22—41.

¹⁸ Там же, ф. 1282, оп. 1, д. 363, лл. 181—183.

ступление только влиянием чуждой этому сословию среды, из которой исходят преступные стремления». Несмотря на такую преамбулу, приговор определил следующую кару Потапову и его сверстникам: лишение всех прав состояния и ссылка на каторжные работы от четырех до шести лет¹⁹. Правительство не хотело признать участие рабочих в политической борьбе и предпочитало представить дело так, будто интеллигенты толкнули их на этот путь. Поэтому Потапову и двум его сверстникам каторгу заменили отправкой «в один из отдаленных монастырей на пять лет с поручением их там особому попечению монастырского начальства»²⁰. Сначала Потапова отправили под строжайший надзор в стоявший на острове Кубенского озера (Вологодская губ.) Спасо-Каменный монастырь, а духовному началству предписали следить, «дабы он не мог укрыться из места своего заключения»²¹. 6 февраля 1878 г. епископ Вологодский и Устюжский Феодосий сообщал обер-прокурору Синода, что к Потапову «днем и ночью приставлены надежные люди»²². Вскоре начальство Белавинской Спасо-Преображенской пустыни (так стал именоваться монастырь, в котором был заточен Потапов) пожаловалось в Синод, что Потапов ведет тайную переписку, совершает самовольные отлучки и не скрывает своего намерения покинуть монастырь. После этого Потапова перевели в более отдаленный Соловецкий монастырь, куда он был доставлен в конце июля 1879 г. и «заклучен в одном из арестантских помещений под строгий присмотр караульной команды»²³.

Но и в Соловках Потапов не смирился. Настоятель монастыря 20 марта 1881 г. докладывал в Синод, что Потапов «с кощунством принимает наставления». 19 марта 1881 г., после заупокойной литургии в связи с полученной вестью о смерти Александра II, Потапов в переполненной богомольцами церкви со словами «Теперь свобода!» дал пощечину своему главному тюремщику — архимандриту²⁴. Этот протест дорого

стоил Потапову: еще строже стали условия его заточения, в своей одиночной камере он получал лишь хлеб да воду. В одну из ночей Потапов разогнул оконную решетку, связал несколько полотенец, спустился с третьего этажа на монастырский двор и был задержан уже за воротами. За это его сначала заковали в кандалы, а затем приговорили «к ссылке в Сибирь на поселение в отдаленнейшие места». Из Соловецкого монастыря закованный в ручные и ножные кандалы Потапов был вывезен в Кемь²⁵, отсюда в Якутск и далее — в Вилюйский округ. По словам одного из революционеров, который встречался с Потаповым в Якутии в 1890-х годах, у него «было очень одухотворенное лицо интеллигентного питерского пролетария, с шелковистой белокурой бородой и печальными усталыми глазами»²⁶. Знаменосец первой рабочей демонстрации в России дожид до победы социалистической революции. Он умер в Якутске, на 61-м году жизни, 3 мая 1919 года.

Суровые репрессии царизма против участников демонстрации на Казанской площади не смогли вычеркнуть ее из памяти современников. Как отмечала В. Н. Фигнер, демонстрация должна была «сделать вызов правительству и среди всеобщего затишья своей дерзостью поразить противников и ободрить сторонников. И этой цели она, конечно, достигла»²⁷. «О Казанской демонстрации,— свидетельствовал Плеханов,— так или иначе заговорила вся Россия»²⁸. В. И. Ленин впоследствии писал о ней как о «первой социально-революционной демонстрации в России»²⁹. А два десятилетия спустя здесь снова произошло событие, весть о котором разошлась по всей России. То была так называемая Ветровская демонстрация.

М. Ф. Ветрова была арестована летом 1896 г. по делу о подпольной типографии, вошедшей в историю русского революционного движения под названием Лахтинской (она размещалась в пригороде столицы — поселке Лахта). Владевшие этим подпольным предприятием рабочие-революционеры, которые входили в «Группу молодых народовольцев», не были полными приверженцами народнических взглядов: в типографии печатались и социал-демократические изда-

¹⁹ Там же, ф. 1405, оп. 74, д. 7820, лл. 1, 2 об., 25 об.

²⁰ Там же, ф. 797, оп. 47, 1877 г., д. 72, л. 1.

²¹ Там же, ф. 796, оп. 158, 1877 г., д. 193, лл. 5 об., 6.

²² Там же, ф. 797, оп. 47, 1878 г., д. 72, л. 18.

²³ Там же, ф. 796, оп. 160, 1879 г., д. 138, лл. 1, 1 об., 3, 8 об., 15, 16 об.

²⁴ Там же, ф. 797, оп. 51, 1881 г., III отд., 4 ст., д. 58, лл. 2 об., 3.

²⁵ Там же, лл. 6, 6 об., 11.

²⁶ Ю. М. Стеклов. Борцы за социализм. Ч. II. М.-Л. 1924, стр. 233.

²⁷ Вера Фигнер. Указ. соч., стр. 144.

²⁸ Г. В. Плеханов. Указ. соч., стр. 86.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 369.

ния. Здесь, в частности, были напечатаны некоторые написанные Лениным листовки и его брошюра «О штрафах»³⁰. Ветрову как хранительницу склада печатной продукции типографии заточили в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Здесь, доведенная до отчаяния ужасом тюремной одиночки, 8 февраля 1897 г. она вылила на себя керосин из лампы, освещавшей камеру, и подожгла себя. Обгоревшая, она не была переведена в лечебницу и скончалась в тюремной камере бастиона.

Несмотря на то, что правительство приняло меры, чтобы сохранить в тайне это происшествие, весть о нем разлетелась по всему Петербургу. По городу были распространены прокламации «На смерть Марии Федосеевны Ветровой», и на 4 марта 1897 г. была назначена траурная революционная демонстрация у Казанского собора. В этот день около 10 тыс. человек собрались на Казанской площади³¹. Все ее полукружие было до отказа заполнено демонстрантами, преимущественно студентами. Здесь были: Н. Э. Бауман — профессиональный революционер, видный сподвижник В. И. Ленина, М. А. Азизбеков — впоследствии один из руководителей легендарной Бакинской коммуны. Около 200 конных жандармов, а также полицейские и казаки преградили выход с площади на Невский проспект. И тогда шествие с венками двинулось по Казанской улице. Жандармы, казаки и цепи городских, фактически конвоировавшие демонстрантов, стали постепенно теснить их в широко раскрытые ворота Казанской полицейской части. В числе 903 задержанных оказалось множество студентов Петербургского университета и Технологического института. Некоторые из них были затем исключены из высших учебных заведений; ряд других выслали из столицы.

Правительственные круги потребовали принять меры, чтобы исключить возможность новых демонстраций. В 1899—1900 гг. по приказу петербургского градоначальника Н. В. Клейгельса на Казанской площади был устроен сад с изогнутыми аллеями, цветниками и фонтаном. Реконструкция объяснялась вовсе не заботой администра-

ции об озеленении города: генерал рассчитывал, что фонтан и газоны помешают проведению новых революционных выступлений. Но вскоре Казанская площадь вновь стала свидетелиницей выступлений передовой молодежи Петербурга, когда под влиянием нарастания революционного пролетарского движения усилилось и демократическое студенческое движение. Передовые слои русского общества с возмущением встретили изданные 29 июля 1899 г. «Временные правила об отдаче в солдаты студентов за участие в волнениях». В ответ на отдачу в солдаты 183 студентов Киевского университета с протестом выступили студенты Петербургского университета. 27 из них вслед за киевлянами были вынуждены сменить учебные аудитории на казармы³². На эти акты произвола откликнулась учащаяся молодежь во всех концах России.

В февральские дни 1901 г. на Казанской площади состоялась студенческая демонстрация в знак протеста против «Временных правил». Во время ее подготовки петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (после ареста Ленина и его сподвижников эта организация оказалась под руководством «экономистов») выпустил листовку, в которой студенческое движение расценивалось как буржуазное, чуждое интересам рабочих и, следовательно, недостойное их поддержки³³. «Экономисты» отвергли предложение провести совместную демонстрацию рабочих и студентов. В результате демонстрация была сорвана. 19 февраля 1901 г. небольшая группа, состоявшая преимущественно из студенток-медицек, попыталась с пением «Марсельезы» выйти с площади на Невский проспект. Полицейские с такой злобой принялись избивать девушек, что даже гостинодворские приказчики заступились за них.

Многие рабочие-активисты сами настаивали на устройстве совместной со студентами демонстрации. Она была назначена на начало марта. Пролетарии Обуховского завода заготовили для этой цели Красное знамя. Один из обуховцев вспоминал: «Каждый из нас хотел быть знаменосцем, хотел поднять на Казанской площади Красное знамя. Решили бросить жребий. Почетная, хотя и опасная обязанность выпала на долю

³⁰ А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. 1. М. 1956, стр. 34.

³¹ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, отд. 11 («Архив Половцовых. Дневник В. В. Половцовой»), д. 126, л. 13 об.

³² «История Ленинградского университета». Л. 1969, стр. 626.

³³ П. С. Гусятников. Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М. 1971, стр. 56.

Ивана Машистова»³⁴. В назначенный для новой демонстрации протеста против «Временных правил» день 4 (17) марта 1901 г. на Казанскую площадь собрались студенты, с городских окраин на площадь пришли рабочие. Но заслоны полиции не пропустили к центру города основную колонну рабочих Нарвской заставы. Хотя не все желающие смогли участвовать в демонстрации, этот день показал, что до пролетариата Петербурга дошел призыв ленинской «Искры» о более активном участии в политической борьбе³⁵. Около 15 тыс. рабочих и студентов собралось тогда на Казанской площади. Когда над городом прокатился полуденный выстрел пушки с бастиона Петропавловской крепости, рабочие высоко подняли над площадью плакаты с надписями: «Да здравствует политическая свобода!», «Долой «Временные правила!»». Раздались возгласы: «Долой царя!», «Свободу России!» Со страстных призывом к борьбе против тирании царизма обратился к собравшимся один из студентов Технологического института.

На безоружных людей ринулись каратели: 3 эскадрона казаков, конные и пешие жандармы и полицейские. На площади началась бойня. Жандармы схватили и избили Машистова, поднявшего Красное знамя. Сверкали пшашки, свистели нагайки. В протесте против этой зверской расправы, подписанном А. М. Горьким, Д. Н. Маминым-Сибиряком, Н. Г. Гариним-Михайловским и другими писателями, говорилось: «Казачи, окружив беззащитную толпу и лишив ее возможности разойтись, без всякого предупреждения ворвались в нее, топтали ее лошадьми и увечили нагайками. Полицейские вырывали отдельных лиц и, наваливаясь по нескольку человек на одного, нещадно били их кулаками и нагайками. Избитые и вконец обессиленные женщины, сами выходявшие к полиции, предавались дальнейшему избиению. Били лежачих, били до потери сознания, били до смерти»³⁶. В

апрельском, третьем номере ленинской «Искры» под рубрикой «Из нашей общественной жизни» сообщалось, что 4 марта на Казанской площади демонстранты защищались палками, выломанными из перил со ступеней собора, причем «в соборе меж тем городские били смертным боем несчастных курсисток, думавших найти защиту у священников, которые вместо того, чтобы отстранять с крестом в руках эту бойню, заперлись в алтаре. Городские хватили курсисток за волосы и били их о стены головами». В тот день на Казанской площади было убито несколько рабочих, количество раненых превысило 100 человек, свыше тысячи участников демонстрации были заключены в тюрьму³⁷.

9 января 1905 г. на Казанской площади была сооружена одна из первых в Петербурге баррикад (рабочие возвели ее поперек Невского проспекта из скамей, стоявших в саду на площади). Во время Всероссийской октябрьской политической стачки 18 октября 1905 г. здесь состоялась демонстрация рабочих и революционной молодежи. Участники демонстрации срывали расклеенные на стенах домов тексты царского манифеста 17 октября, ораторы призывали к вооруженному восстанию против царизма. Когда наступили дни Февральской революции, 24 февраля 1917 г. на Казанской площади почти непрерывно шли многотысячные митинги. Над площадью звучала «Марсельеза», ее перекрывала песня «Вставай, полнитайся, рабочий народ!». А в дни подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции колоннады Казанского собора служили трибунами для ораторов-большевиков, которые призывали к установлению власти Советов. Когда в 1923 г. отмечалось 5-летие со дня смерти Плеханова, его именем была названа соседняя с площадью бывшая Казанская улица, а в 1956 г. на колоннаде Казанского собора установили мемориальную бронзовую доску в память о первой рабочей демонстрации 6 декабря 1876 года.

П. Я. Канн

³⁴ М. П. Николаев. За рабочее дело. «Звезда», 1957, № 5, стр. 112.

³⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 395.

³⁶ «Революционный путь Горького. По материалам департамента полиции». М.-Л. 1933, стр. 43.

³⁷ «Очерки истории Ленинградской организации КПСС». Ч. I. Л. 1962, стр. 85.

ПОСЛЕДНИЙ ОСКОЛОК ПРИКАЗНОЙ СИСТЕМЫ

«Вошли мы в какие-то грязные, провявшие махоркой и сивухой, закопелые комнаты, заставленные посредине столами с кипами бумаги, а по стенам — белыми шкапами плотничьей работы, — вспоминал один из ссыльных по делу Д. В. Каракозова, прибывший в 1866 г. в Тобольск. — За столами сидели испитые, измятые, исштопанные, грязные, неумытые и невыспаные рожки, в потертых, полинялых и заплатанных даже сюртуках и фраках, со светлыми пуговицами. Это канцелярия Приказа... Поодиночке вызывали нас в присутствии, несколько почище, поопрятнее и поблаговиднее прибранное»¹...

В XVII в. ссылкой ведал Стрелецкий приказ, в XVIII в. — Сыскакой. Термин «приказ» употреблялся в смысле государева особого поручения определенному учреждению. Приказная система была одним из начальных этапов централизации Русского государства. Именно поэтому на первых порах эта система сыграла крупную роль в централизации управления Россией. Шли годы, и отжившая приказная система была почти полностью ликвидирована при Петре I.

В начале XIX в. шедших по тракту ссыльных на границе Тобольской губернии, в Верхотурье, в специально устроенном дворе, окруженном тыном, пересчитывал тюменский пограничный смотритель. Затем в 1807 г. возникло «Тюменское общее по колоднической части присутствие», которое находилось в ведении полиции и занималось приемом, распределением и отправкой ссыльных по сибирским губерниям. Когда М. М. Сперанский осуществлял свою реформаторскую деятельность, он решил упорядочить и сибирскую ссылку. «Устав о ссыльных» 1822 г., отредактированный им, определил ссылку в двух формах — каторжные работы и поселение («не иначе, как приговором судебных мест»). Последнее положение вскоре стали нарушать и в ссылку направлять не только по судебному решению, но и в административном порядке. Именно для приема и распределения ссыльных в Сибири учреждался этим указом в Тобольске Приказ о ссыльных (§ 2) и экспедиции ссыльных при губернских прав-

лениях в Тобольске, Томске, Енисейске и Иркутске (§ 162).

Приказ о ссыльных подчинялся тобольскому губернатору «как особое в губернии учреждение» (§ 157). Поэтому он имел и особые права: «Поелику Приказ о ссыльных по своему учреждению есть особое присутственное место, куда не только относятся прямо губернские и отдельные начальства о ссыльных, но и получают от них из некоторых департаментов правительствующего Сената указы,.. в сей Приказ... прямо и непосредственно должны быть доставляемы все уведомления и сведения, до ссыльных относящиеся. По уважению сего всем губернским правлениям и уголовным палатам предписать, дабы переписку с ним производили прямо без всякого посредства Тобольского губернского правления»². Есть предположение, что в разработке «Устава о ссыльных» принимал участие будущий декабрист Г. С. Батеньков, который в принципе выступал против бытовавшей тогда в России системы борьбы с преступностью. Он считал, что прежде всего следует упорядочить эту систему законодательными мерами: ограничить произвол и хотя бы частично улучшить положение ссыльных³.

Вначале дела ссыльных полностью еще не были сконцентрированы в тобольском Приказе. В 1832 г. генерал-губернатор Западной Сибири при ревизии деятельности тюменского и тарского городничих признал, что они ведут огромное делопроизводство, особенно «в Тюмени, куда стекаются ссыльные из всех внутренних губерний». Тюмень превращалась в подсобный пункт Приказа. Понадобилось еще раз предписать в 1843 г. посылать сведения о всех судебных решениях, исключая дела приговоренных к несению военной службы, именно тобольскому Приказу о ссыльных⁴. Одно из самых ранних воспоминаний об этом Приказе принадлежит сосланному в Сибирь участнику восстания 1830 г. в Польше К. Волицкому. Судя по его мемуарам, при составлении статейного списка основное внимание в Приказе уделяли выяснению примет ссыль-

² ПСЗ. Т. II. 1829, № 2877.

³ А. П. Бородавкин, Г. П. Шаatroва. Декабрист Г. С. Батеньков. Томск. 1960, стр. 22.

⁴ 2-е ПСЗ. Т. XVIII. 1843, № 16726. Это требование не раз подтверждалось в Собрании законов и многочисленных циркулярах (там же. Т. XXVIII. 1853, № 27186).

¹ Т. Ф. Федосова. Воспоминания Максимилиана Маркса «Записки старика». «Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в.». М. 1971, стр. 181.

ного: «Там измерили и сделали описание моей внешности», затем определили место жительства: «дальнейшее переселение могло произойти только по особому распоряжению генерал-губернатора». Таким образом, лишь высшая сибирская власть могла изменить решение Приказа о ссыльных⁵.

В 50-е годы XIX в. объем поступающих со всей России бумаг настолько возрос, что небольшой штат Приказа (управляющий, два заседателя и канцелярист) не справлялся с бумажной лавиной, и потребовалось реорганизовать делопроизводство Приказа и экспедиции о ссыльных. С 1858 г. эти учреждения стали получать только документы по вопросу о распределении ссыльных и делении их на разряды⁶. К этому времени основные функции Приказа сводились к учету всех ссыльных Сибири, что дало основание буржуазному правоведу И. Я. Фойницкому назвать Приказ «счетным отделом сибирской ссылки»⁷. Приказ получал из всех судебных учреждений России особые извещения о преступниках, приговоренных к каторге, и о лицах, ссылаемых на поселение, а также предписания об административной высылке от министерства внутренних дел, генерал-губернаторов и губернаторов, когда они получили на это специальные права. На основании этих судебных приговоров и распоряжений Приказ распределял всех направляемых на каторгу и в ссылку уголовных и «государственных преступников».

С 22 ноября 1863 г. управляющим Приказом был М. Г. Угрюмовский, службист, примечательный тем, что, по отзыву жандармского полковника, «дело свое знает хорошо»⁸. Именно Угрюмовский выступил в начале 1860-х годов с предложением заменить пешее препровождение ссыльных перевозкой на конных подводах, и это было осуществлено. Управляющего включили в комитет для составления новых правил пересылки арестантов в Сибирь, и, так как Угрюмовский работал в нем «с особенною ревностью и знанием дела», он был награжден земельным участком около 900 де-

сятин⁹. В 1865 г. министерство внутренних дел увеличило средства, отпускаемые присутственным местам, которые были связаны с отправкой и распределением политических ссыльных. Тобольский губернатор считал, что при перевозке ссыльных водоем и на лошадях необходимо все возрастающий их поток распределять теперь в Тюмени, а не отправлять в Тобольск. В январе 1866 г. вопрос обсуждался в совете Главного управления Западной Сибири, который считал целесообразным упразднить Приказ и экспедицию о ссыльных «как учреждения уже отжившие и потерявшие первоначальное свое значение при последовавших постепенных изменениях в условиях ссылки и при всех тех переменах, какие произошли в администрации Сибири в продолжение более 40 лет (со времени учреждения Приказа.— Л. Р.)», и заменить Приказ учреждением, которое совмещало бы его обязанности, но в общих основаниях соответствовало существующим экспедициям о ссыльных, а это новое учреждение перевести в Тюмень для того, чтобы легче распределять ссыльных в Тюменский, Туринский, Ялуторовский, Ишимский, Курганский и Омский округа Тобольской губернии¹⁰.

Генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель обратился в министерство внутренних дел с предложением о целесообразности распределения ссыльных не в Тобольске, а в Тюмени. 14 февраля 1867 г. в комитете министров заслушали отчет Дюгамеля об управлении Западной Сибирью. В нем ясно прозвучало мнение генерал-губернатора, что Приказ о ссыльных утратил свое значение и что его надо упразднить, а экспедицию о ссыльных перевести из Тобольска в Тюмень¹¹. Министерство внутренних дел командировало в Тюмень и Тобольск чиновников для ревизии Приказа и экспедиции о ссыльных, выяснения возможности приема, распределения и отправления ссыльных из Тюмени, где существовал только этап¹². Ревизия проверяла денежную отчетность, состояние арестантской одежды, делопроизводство и распределение ссыльных. Отчет о проверке занял 179 листов. Комиссия посчитала неуместным включить в него перечисление беспорядков в делопроизводстве о полити-

⁵ «Wspomnienia Konstantego Wolickiego. W cytadeli warszawskiej i na Syberji». Lwów. 1876, str. 69.

⁶ 2-е ПСЗ. Т. XXXIII. 1858, № 33248.

⁷ И. Я. Фойницкий. Управление ссылками. «Сборник государственных знаний». Т. VIII. СПб. 1880, стр. 184.

⁸ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО), ф. 159, оп. 1, д. 7, л. 4.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 25, д. 66.

¹⁰ Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 3, оп. 4, д. 6679, лл. 76 об.—78.

¹¹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 27788, лл. 11—11 об.

¹² ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 1, д. 2.

ческих ссыльных, и эти замечания заняли еще 50 листов приложения. В общей сложности дело о ревизии Приказа составило более 1 тыс. листов. Ревизия отметила беспорядочные прием и расходование денег, беспорядки в содержании арестантов и несоответствие документации (около 1 тыс. человек отправили в Восточную Сибирь, а списки на них отсутствовали вообще) и т. д.¹³ Эти беспорядки в делах Приказа особенно проявлялись в годы первой массовой ссылки в Сибирь по политическим мотивам повстанцев 1863—1864 гг., что тяжело отражалось на условиях их жизни за Уралом.

Не справлялись со своими обязанностями и экспедиции о ссыльных. Проверка 1866 г. выявила, что в Томске запись арестантских денег производилась небрежно, пересыльным предлагалась одежда в ужасном состоянии, обнаружались неверные записи о назначении ссыльных. Управляющий экспедицией и его помощник были обвинены в допущении крупных непорядков¹⁴. Несколько месяцев спустя начальник 8-го округа жандармского корпуса опять отметил, что в Томской губернии не прекратились серьезные нарушения в отчетности: назначенные в Восточную Сибирь оставались в Томске; не собирались сведения о тех, кто возвращался в Европейскую Россию; ссыльных, отпускаемых на заработки, снабжали неодинаковыми документами; корреспонденция ссыльных не контролировалась и т. д.¹⁵ Одновременно шло выпрямление главного пересыльного тракта, который раньше пролегал из Тюмени на Тобольск и Тару, вдоль речной магистрали по Туре, Тоболу и Иртышу. Теперь тракт прокладывался из Тюмени, минуя Тобольск, на Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск¹⁶. Затем в 1868 г. зимнюю транспортировку арестантов заменили отправкой в навигационное время водой. Пароходы делали в Тобольске только остановку, а иногда и вообще проходили мимо. Как писал тобольский губернатор, за время коротких остановок чиновники Приказа должны были проверить наличие пересыльных (до 1 тыс. человек), раздать им письма, снабдить продовольствием. Чтобы ускорить делопроизводство, заседания Приказа производили под открытым небом на пристани. Служащим Приказа в период высылки повстанцев

1863—1864 гг. помогали чиновники особых поручений.

Все эти изменения привели к тому, что 23 декабря 1869 г. последовал указ о переводе Приказа о ссыльных из Тобольска в Тюмень¹⁷, где он продолжал функционировать с мая 1870 года. До конца XIX в Тюмень оставалась первым и главным перевалочным пунктом в Сибири. Отсюда грузы отправлялись дальше на север, юг и восток водой. В 1885 г. была построена первая в Сибири железная дорога Екатеринбург — Тюмень, которая соединила Сибирь с Пермью и Камским бассейном. На перевозке арестантов наживались тюменские купцы, поэтому в известной мере в их интересах было сохранение Приказа о ссыльных в Тюмени.

По «Уставу о ссыльных» 1822 г. одновременно с Приказом были созданы экспедиции о ссыльных. Они существовали в каждой губернии Сибири, входили в губернское правление и занимались вопросами приема и распределения ссыльных, назначением и увольнением смотрителей в поселениях ссыльных, контролем за деятельностью тюремной полиции в городах и сельской местности, снабжением арестантов питанием и одеждой, были ответственны за порядок в тюрьмах¹⁸. Каждая экспедиция распределяла ссыльных в пределах своей губернии. В 1876 г. Главное управление Западной Сибири выдвинуло предложение соединить экспедицию о ссыльных с тюменским Приказом¹⁹. По особому распоряжению на последний было возложено распределение ссыльных по Тобольской губернии²⁰.

Пока арестанты томились в тюменской пересыльной тюрьме, в Приказе составляли на каждого тщательно оформленный по одной схеме статейный список, впервые введенный в практику пересыльного дела в начале XVIII в., а затем узаконенный «Уставом о ссыльных». Многочисленными циркулярами министерства внутренних дел указывалось, на какие группы ссыльных распространяются требования составления статейных списков. Статейный список — это большой развернутый лист, на обложке которого указывалось, когда, где он составлен и куда ссыльного определил Приказ.

¹⁷ 2-е ПСЗ. Т. XLIV. 1869, № 47827.

¹⁸ Там же. Т. VII. 1832, № 5065.

¹⁹ ГАОО, ф. 3, оп. 8, д. 13424.

²⁰ Р. И. Кузовников. К истории ссылки в Сибирь. «Тюремный вестник», 1898, № 2, стр. 73.

¹³ ГАОО, ф. 3, оп. 5, л. 7335.

¹⁴ Там же, оп. 4, л. 6781.

¹⁵ Там же, д. 6705, лл. 1—7.

¹⁶ Там же, оп. 5, д. 7529.

На обороте в особых графах перечислялись основные данные о ссыльном, род приговора и наказания, характер надзора. Статейные списки хранились в делах тюменского Приказа о ссыльных, а копии посылались в жандармское, общее губернское и окружное полицейское управления, где должен был отбывать наказание ссыльный. Хотя Приказ старался быстрее отправить ссыльного на место жительства, иногда арестанты задерживались в Тюмени на несколько месяцев. Не удивительно, что в министерство внутренних дел и Главное тюремное управление поступало множество жалоб на медлительность Приказа, беспорядки в делопроизводстве, утаивание денег ссыльных.

В 1883 г. по рекомендации Главного тюремного управления тобольский губернатор провел ревизию Приказа. Комиссия выявила небрежное оформление документов, которые никем не проверялись. Вместо того, чтобы составлять списки приехавших в Сибирь, а также задержавшихся в пути ссыльных, Приказ учитывал только неприбывших. Поэтому несколько лет Приказ не представлял годовых отчетов. Ежегодно через Приказ проходило более 15 тыс. человек. Почти все они имели личные деньги, которые хранились в Приказе и расходовались (по указанию ссыльного) на пищу, одежду или бытовые нужды, остатки же возвращались ссыльному после прибытия его на место ссылки. Регистрация этих сумм велась плохо. Приказ либо вообще не возвращал денег, либо надолго их задерживал. Комиссия пришла к выводу о крайней беспорядочности рассылки принадлежащих арестантам денег и бездеятельности служащих Приказа. В объяснительной записке управляющий Приказом жаловался, что с момента образования штат Приказа не увеличился, а число ссыльных почти утроилось. В навигацию за неделю через Тюмень проходило до 800 человек, и Приказ не в силах был своевременно оформить документы. Уголовных ссыльных Приказ отправлял пешком большими партиями (до 800 человек) под конвоем солдат инвалидной команды два-три раза в неделю.

Отправка политических и государственных преступников производилась иначе. Первое упоминание о политических арестантах, направляемых в Сибирь, относится к 1864 году²¹. После того, как было определено, куда назначен политический ссыль-

ный, Приказ просил губернское жандармское управление прислать унтер-офицера для сопровождения пересыльного на место. Как правило, собственной конвойной команды Приказу не хватало, да и закон требовал, чтобы среди конвойных был один офицер или унтер-офицер. Начальник тобольского жандармского управления сообщал в Приказ и в общее губернское управление, кого именно из унтер-офицеров, находящихся поблизости от Тюмени, он назначает для сопровождения данного «государственного преступника». Сопровождавшие наделялись особыми правами. По первому их требованию все должны были оказывать им помощь и беспрепятственно выполнять их указания. Конвоирам выдавался «открытый лист», в котором указывались имена и фамилии жандармов, имя «государственного преступника» и конечный пункт следования. Кроме того, жандармы имели путевой лист — особую книжку, куда записывали все населенные пункты, через которые следовал кортеж, стоянки и их продолжительность. Если ссыльный принадлежал к привилегированному сословию и добивался разрешения следовать на место ссылки за свой счет, то в путевом листе отмечались все расходы в пути на ночлег, питание, фураж лошадям не только арестованного, но и сопровождающих. Стоимость проезда достигала громадной суммы. Однако при движении группами путевые расходы на каждого политического арестанта были незначительными. Средства для перевозки ссыльных отпускались не для облегчения их участи, а лишь в целях увеличения численности конвоя и улучшения его положения.

В 1885 г. инспектор Тюменско-Ачинского пересыльного тракта выдвинул свои соображения о сопровождении каждого политического ссыльного не одним нижним чином конвоя, а двумя, с оплатой обратного пути конвоя от Омска до Тюмени на лошадях. Раньше конвой возвращался пешком; кроме кормовых, каждый солдат получал по 1 коп. с версты, считая все расстояние в 631 версту. Управляющий тюменским Приказом о ссыльных в докладной записке тобольскому губернатору возразил против предложений инспектора и отметил, что, по сведениям воинского начальника и в соответствии с законом, весь расход на препровождение одного политического ссыльного из привилегированного сословия до Омска определялся в 25 руб. 22 коп., а из простого звания — в 13 руб. 95 1/2 коп., то есть в среднем в 19 руб. 58 коп., инспектор же пересыльного

²¹ 2-е ПСЗ. Т. XXXIX. 1864, № 40463.

тракта рассчитал неправильно — на 37 руб. 65 коп. больше²². Когда конвоиры доставляли поднадзорного на место ссылки, он поступал в ведение полицейского исправника и местных жандармских властей. В тот же день исправник обязан был рапортовать губернатору, что «государственный преступник» доставлен, и отправлял особую ве-

мость о прибывшем. С поступлением ссылных в ведение губернских экспедиций власть над ними Приказа оканчивалась²³.

Об объеме деятельности Приказа о ссылных свидетельствует следующая таблица, которая отражает общее поступление в Сибирь и уголовных, и политических ссылных²⁴:

Годы	Сослано в Сибирь	Членов их семей	Всего	В том числе оставлено в Тобольской губернии		Всего
				ссылных	членов их семей	
1823—1862 . . .	299 843	40 591	340 434	64 408	22 304	86 712
1863—1872 . . .	106 386	35 283	141 669	30 885	18 096	48 981
1873—1882 . . .	120 382	58 359	178 741	40 044	31 044	71 088
1883—1888 . . .	74 093	32 912	107 005	24 514	13 938	38 452
Всего . . .	600 704	167 145	767 849	159 851	85 382	245 233

Приведенные данные говорят о том, что за 66 лет (1823—1888) около трети ссылных были распределены в Тобольской губернии. Кроме того, по имеющимся отчетам тобольских губернаторов, через Приказ в 1889—1893 гг. было сослано в Сибирь 78 080 человек, в том числе оставлено в Тобольской губернии 23 909; в 1894, 1895, 1897 гг. сослан 46 561 (оставлено в Тобольской губернии 14 049) человек. Итак, всего в Сибирь с 1863 по 1897 г., то есть с начала массовой ссылки (исключая 1896 г., сведения за который отсутствуют), было сослано без членов семей 425 502 человека, в том числе в Тобольскую губернию — 133 401.

Общее количество отправленных в ссылку политических во второй половине XIX в. весьма значительно и не поддается точному учету, так как для политической изоляции своих противников царское правительство использовало, кроме Сибири, и северные районы Европейской России. Число всех сибирских политических ссылных можно подсчитать лишь приблизительно. Помогают восстановить наиболее достоверную картину данные отчетов тобольских губернаторов за ряд лет. Во всей России только в этих отчетах ежегодно публиковались материалы о движении ссылных в Сибирь по тюменскому Приказу о ссылных, где давались сведения: сколько лиц поступило в ведение Приказа всего, в том числе сосланных по

судебным приговорам (обыкновенных, государственных, политических), в их числе сосланных по распоряжению правительства в административном порядке (обыкновенных, государственных, политических), сколько прибыло за ссылными по воле членов их семей (по тем же группам). Следует отметить, что раздельные сведения о численности государственных и политических ссылных даны только за 1866, 1868 и 1877—1879 годы. За другие годы есть лишь графа «политические». Следовательно, имевшееся ранее какое-то различие между политическими и «государственными» преступниками фактически исчезло. Декабристов официально называли «государственными преступниками», а всех последующих борцов с царизмом чаще — политическими.

Но в отчетах за 1861—1863, 1870—1875 и 1897 гг. нет сведений о политических ссылных, а за 1887, 1896, 1898/99 гг. вообще не освещена деятельность Приказа о ссылных. Всего за 1864—1869, 1876—1894 гг., то есть почти за 30 лет, в Сибирь поступило через Приказ 25 473 политических и государственных ссылных. Из них — 23 056 повстанцев 1863—1864 гг. (сосланных по суду с лишением прав — 2 870, сосланных по распоря-

²³ «Устав о ссылных». СПб. 1875, ст. 284; там же, 1876, ст. 281—283; ЦГАОР, ф. 102, 5-е д-во, 1888, д. 7733, л. 9.

²⁴ Р. К[узовников]. Краткие сведения о ссылке в Сибирь порочных людей. «Календарь Тобольской губернии на 1890 год». Тобольск. 1890, стр. 96.

²² ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 10, д. 78, лл. 155, 159.

жению царского правительства (административно) без лишения прав — 509 человек, для водворения на казенных землях по политическим причинам — 18 816, без указания условий ссылки — 493, членов их семей — 368 человек), 591 горец за участие в восстании 1877 г. в Дагестане и Чечне и 1826 политических ссыльных — деятелей разночинского периода революционного движения в России (в том числе 153 члена их семей).

В конце XIX в., когда была проложена Транссибирская магистраль, ссыльных начали перевозить по железной дороге от Челябинска до Красноярска, минуя Тюмень. Приказ о ссыльных оказался далеко в стороне от главного пути их следования, но продолжал, следуя косной традиции, распреде-

лять ссыльных на основании статейных списков заочно. Так как судебные учреждения задерживали эти документы, то министерство юстиции неоднократно рассылало циркуляры об обязательности их доставления именно в Тюмень²⁵. Со временем Приказ превратился в чисто бюрократическое учреждение и был ликвидирован 23 февраля 1904 г.²⁶, а его обязанности переданы Главному тюремному управлению²⁷.

Л. П. Роцевская

²⁵ См., например, «Тюремный вестник», 1898, № 9.

²⁶ 3-е ПСЗ. 1904, № 24084.

²⁷ «Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879—1910 гг.». Ч. II. СПб. 1911.

СТАРЕЙШАЯ РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

900 лет тому назад некий Иоанн, закончив переписку книги, о которой пойдет ниже речь, отметил, что ее содержание «избрано из мно́г книг княжих». Прямое указание на источники «Изборника 1076 г.» (так стала называться эта книга) заставляет вспомнить известное сообщение «Повести временных лет» об организации Ярославом Мудрым перевода и переписки книг и об основании им первой русской библиотеки¹. По-видимому, последняя перешла к сыновьям и преемникам Ярослава, проявлявшим интерес к чтению. Для старшего сына, Владимира Ярославича, в 1047 г. было переписано толкование ветхозаветных пророческих книг, а с именем другого сына, Изяслава, связывается иногда знаменитый «Изборник Святослава 1073 года»². Важно, что Владимиром или Святославом Ярославичами заказывались книги не богослужебные, а «четыре» — для чтения, если не сказать «самообразования»: обе названные

выше книги содержали толкование «священного писания». Насколько широко понимался тогда этот термин, свидетельствует «Изборник Святослава», где есть статьи по астрономии и поэтике. Заказчика этой книги явно интересовал более широкий круг вопросов, чем обозначенный в ее заглавии: «Събор от мног отецъ тълкования о неразумныхъ словесехъ в Евангелии и Апостолѣ и в инѣхъ книгахъ въкратцѣ съложены на память и на готовъ отвѣтъ». Таковы хотя и краткие, но старейшие сведения о читательских интересах социальных верхов Киевской Руси.

Каковы же были интересы Иоанна и для чего он составил свой «Изборник»? Ответить на эти вопросы можно лишь после тщательного изучения содержания разнообразных по характеру статей «Изборника 1076 г.», так как заглавия у него нет. Однако уже просмотр заголовков статей дает основание предположить наличие у его составителя определенной целеустремленности в подборе и интерпретации источников. Одна из самых больших по объему, предпоследняя статья «Изборника», озаглавлена: «Събор от мно́г отецъ и авостол и пророкъ събърано и протълковано от Еуаггелиа и от инѣхъ книгъ в кратцѣ съложено». Это заглавие на первый взгляд кажется почти дословно повторяющим название «Изборника Святослава 1073 г.». Внимательное же сравнение обнаруживает существенную разницу между ними.

¹ «Полное собрание русских летописей». Т. 1. М. 1962, стр. 151—153.

² В свое время С. П. Шевырев высказал предположение, что книга была переписана для Изяслава, а Святослав, сменивший его на киевском княжении, приказал «переписать» приписку к ней на свое имя. Против этого возражал Н. М. Каринский, обративший внимание на то, что в рукописи по подчиненному написано имя не только заказчика, но и писца (Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л. 1925, стр. 11).

Во-первых, в заголовке статьи «Изборника 1076 г.» отсутствуют последние слова заглавия «Изборника Святослава», столь определенно говорящие о цели составления последнего: «на память и на готов ответ», то есть скорее всего для демонстрации начитанности при разговорах с образованными людьми. Во-вторых, и это важно подчеркнуть, в заголовке статьи «Изборника 1076 г.» налицо смещение акцента: если «Изборник Святослава» в заглавии охарактеризован как собрание толкований отцами церкви непонятных слов в Евангелии, Апостоле и «в иных книгах», то заголовок статьи «Изборника 1076 г.», не сформулировав четкого определения предмета толкований, дает основание предположить, что роль «толкователя» берет на себя тот, кто собрал материал для данной статьи, то есть составитель «Изборника». Посмотрим, как он это сделал.

Отдав необходимую по тем временам и немалую дань «душеспасительным» поучениям, в частности о необходимости постоянной молитвы и всяческого воздержания, составитель этой статьи переходит к советам житейским. Например, рекомендуется пить вино «по малу», ибо «питие мѣрное сыть напълняеть и веселить, бѣзмѣрное же бѣшность есть»³. Однако полный отказ от вина рассматривается как признак тщеславия; иллюстрируется это примерами из жизни Пифагора, Диогена и Платона: они пили воду, но «в толика догнаша тщеславия грѣх, яко и бога отврѣщи ся и поклонити ся кумиром»⁴. Все подобные разъяснения помещены под рубрикой «Св. Нила о въздержании», хотя восходят они к «Лавсанку» — сборнику рассказов из жизни египетских отшельников III—IV веков⁵. Любопытно, что начала статьи «Изборника 1076 года», в частности слов о «мерном» и «безмерном» употреблении вина, в этом источнике нет. Что касается античных философов, то в греческом оригинале они присутствуют. Однако в переводе на славянский язык отразилось неприятие положений стоической философии. Современные исследова-

тели истории русского языка спорят о том, где был сделан этот перевод — в Древней Руси или в Болгарии⁶, однако составитель «Изборника 1076 года» мог воспользоваться и тем и другим переводом. Книги, переписанные с болгарских оригиналов, были в киевской княжеской библиотеке; свидетельство тому — «Изборник Святослава», оригинал которого был переведен с греческого в X в. для болгарского царя Симеона. Важно здесь то, что составитель «Изборника 1076 года» пользовался переводом, имеющим отмеченные «идеологические разногласия» с византийским источником.

Иначе обстоит дело в рубрике той же статьи с аналогичным названием — «Нила черноризца», совпадающей с одной из статей «Изборника Святослава». Первая ее часть полностью передает греческий оригинал. Это можно объяснить тем, что на сей раз речь идет о молитве, необходимость которой доказывается во многих статьях «Изборника 1076 года». Поэтому составитель последнего, вероятно, переписал данный текст (быть может, из «Изборника Святослава») без каких-либо изменений, в то время как рубрику «бытового» характера, о мере употребления вина, заимствовал из перевода, отличающегося от оригинала (если только не сам так перевел)⁷.

Интерес к быту, рекомендации касательно повседневного поведения пронизывают едва ли не все статьи «Изборника 1076 года». И во многих из них отразились социальные контрасты времени и места его составления. Так, в заголовке одной из статей подчеркивается, что «правверная вера — основание добрых дел», а после рекомендации во всем следовать православному вероучению, в частности иконопочитанию, сразу же дается совет: «Не стыди ся нищетоу, понеже большая чясть мира сего в нищетѣ есть». В следующей фразе рекомендуется не стыдиться и богатства: «Не рьци богата мужа сын есмь и срам ми есть — никьто же бо богатѣи Хри-

⁶ Возражая Д. Фрейданку, Н. А. Мецкерский высказывает эту точку зрения в статье «К изучению лексики «Изборника 1076 г.» («Русская историческая лексикология и лексикография». Л. 1972, стр. 12).

⁷ Данное предположение основывается на свидетельстве «Повести временных лет» о том, что в своей библиотеке-скриптории Ярослав Мудрый собрал многих писцов, которые переводили с греческого и переписывали книги. Этот «штат» при его сыновьях, унаследовавших библиотеку и проявлявших самостоятельный интерес к чтению, вероятно, не только сохранялся, но и пополнялся.

³ «Изборник 1076 года», л. 237. Цитаты здесь и в дальнейшем приводятся в орфографии подлинника, но с заменой не существующих ныне в русском алфавите букв (кроме «ять») и опущением конечного «ер». В цитаты введена современная пунктуация.

⁴ Там же, л. 238.

⁵ D. Freydank. Interpretation einer griechisch-kirchenslawischen Übersetzung im Isbornik von 1076. «Zeitschrift für Slawistik», 1967, Bd. XII, Hf. 1, S. 38—48.

ста»⁸. Далее богатому рекомендуют: «Сѣдиши ти над мѣногоразличною трипезою, помяни сух хлѣб ядуштааго»; «Насыття ся многосластьяаго пития, помяни пиюштааго теллу воду от слѣнца вѣстопѣвшу и ту же пороха нападѣшу от мѣста не завѣтрѣна»; «Сидяшту ти в зиму в теплѣ храмѣнѣ и без бояѣни изнаживѣшу ся, въздохни помыслив о убогих како клячат над малѣм огньцѣм сѣкрѣчивѣшеся — большу же бѣду очима от дыма имуште»⁹. В приведенных отрывках чувствуется постепенное нагнетание социальных контрастов в быту — от несколько абстрагированного «сухой хлеб ядущего» до бедняка, согревающего себе воду на солнце в открытом, не защищенном от пыли месте, и, наконец, до тех, кто сидит, греясь «над малым огнем». В источнике налицо и локализация событий: если пример с нагретой солнцем и запыленной водой отражает быт какой-то южной, жаркой страны, то в последней цитате — явный намек на русские зимы и курные избы бедняков, где небольшой очаг действительно больше разъедал глаза дымом, чем грел.

Если попытаться кратко сформулировать основную целенаправленность подборки материала в «Изборнике 1076 года», то можно сделать это словами заголовка одной из его статей «Како подобает человеку быти». Эта статья — одна из немногих в «Изборнике», в которых автор (в данном случае Василий Великий, епископ Кесарии Каппадокийской в IV в.) назван правильно. Об усиленном внимании составителя «Изборника» именно к этой статье свидетельствует и такая деталь оформления ее текста: конец его написан так называемым «колофоном» (постепенно сокращающиеся, а потом удлиняющиеся строки образуют фигурное очертание текста страницы)¹⁰, около которого нарисованы крылатый грифон и какой-то зверь в ошейнике. Они как бы сошли на страницу книги со стенописи киевского Софийского собора, где на хорах находилась основанная Ярославом Мудрым библиотека¹¹. Это единственный рисунок в «Изборнике 1076 года».

⁸ «Изборник 1076 года», лл. 30 об.—31.

⁹ Там же, лл. 40—42 об.

¹⁰ Таким же образом оформлен конец еще двух, самых больших по объему статей «Изборника», в том числе той, из которой приводились цитаты о социальных контрастах, а также выходной записи в конце книги.

¹¹ Грифоны нарисованы около хризм, а прирученные хищники — на знаменитой

Касясь художественного убранства книги, скромного, явно «самоделного», сделанного самим писцом (в отличие от Остромирова евангелия и «Изборника Святослава», оформленных художниками), необходимо отметить ее единственную, тщательно нарисованную киноварью заставку¹². Она обрамляет заголовок первой статьи — «Слово нѣкоего калугера о чѣтении книг». Расположена эта статья в качестве «передовой», как бы вводящей в книгу, ибо заставка статьи напоминает архитектурный портал, дает основание именно в ней искать указания на средства для достижения цели, поставленной составителем «Изборника». Статья эта, в сущности, анонимна (слово «калугер» означает просто «добрый старец»), и ее давно, со времен А. Х. Востокова, впервые опубликовавшего эту статью, считают сочинением не переводным, а оригинальным¹³.

«Добро есть братие почитанье книжное»: эти начальные слова первой статьи «Изборника 1076 года» подкрепляются сравнениями, взятыми из повседневной жизни, — с уздой, которая коню «правитель есть и въздержание»; с гвоздями, без которых нельзя построить корабль. «Почитание книжное» так же украшает человека, как война — оружие, а корабль — паруса. Более того, дается совершенно конкретная рекомендация, как читать книги, чтобы понимать их: не спешить читать главу за главой и, если надо, трижды перечитывать каждую из них. И все это, явно относящееся к чтению любых книг вообще, присутствует в качестве комментария к цитатам из Псалтири, в которых говорится лишь о «хранении откровений бога». Таков еще один, первый по своему расположению в «Изборнике» пример переосмысления его составителем источника, в данном случае книги «священного писания». Таким образом, уже в этой ста-

фреске лестницы, ведущей на хоры (см. В. В. М а в р о д и н. Об одном изображении дикого зверя на фресках Софийского собора в Киеве. «Культура и искусство древней Руси». Л. 1967).

¹² Кроме нее, есть еще две примитивные, составленные из черточек, крючков и кружков заставки — перед заголовками тех самых статей, которые были процитированы выше.

¹³ «Сочинение сие, содержащее похвалу чтению книжному и наставление, как читать с пользою, есть, по-видимому, оригинальное произведение словенское, а не перевод с греческого», — писал А. Х. Востоков (цит. по: И. П е н и н с к и й. Славянская хрестоматия. СПб. 1828, стр. 252).

тье намечается как бы некое противоречие: рекомендуя читателю внимательно читать и правильно осмысливать книги, составитель «Изборника 1076 года» сам явно не следует этому совету. Как же объяснить это?

Ответ опять-таки подсказывают заголовки статей «Изборника 1076 года»: лишь в 8 из 24 назван автор, да и то в большинстве случаев неверно. Составитель «Изборника» явно не стремился сделать его собранием выписок из сочинений авторитетных писателей; его больше интересовали сами книги, а не их авторы. Свои выписки он организовал в статьи определенной, точно обозначенной в их заголовках тематической направленности, для чего были допущены значительные «вольности» в обращении с источниками при компилировании и толковании. Составитель «Изборника» читал книги достаточно внимательно, но свое произведение «сочинил» так, как это представлялось ему нужным. Итак, в «Изборнике 1076 года» вырисовывается образ «активного» читателя, читателя-автора, использующего прочитанные книги не для примитивного компилирования, а для создания собственных сочинений с достаточно четко выраженным идейно-политическим содержанием. В этом коренное различие между двумя старейшими из сохранившихся в древнерусской книжности «Изборниками», разделенными всего тремя годами и созданными в одном и том же месте — княжеской библиотеке, но предназначенными для удовлетворения читательских интересов совершенно различных социальных слоев.

Поэтому серьезной, принципиальной ошибкой является отождествление этих двух «Изборников», имеющее место в современных исследованиях по истории культуры нашей страны, когда оба они называются «Святославовыми». Путаница в названиях началась еще в первой четверти прошлого столетия, вероятнее всего, после находки в 1817 г. «Изборника Святослава 1073 года»¹⁴. Однако ранее она не давала повода для выводов, которые есть в книге И. У. Будовница¹⁵. «Изборник

1076 года» аттестуется в ней как сугубо официальный, заказанный Святославом для «успокоения необычайно возбужденных общественных страстей, так как «Сборник 1073 г. не внес в среду господствующего класса никаких новых идей». Поэтому общее направление «Изборника 1076 года», по мнению автора, лишь «сводится к тому, чтобы богатые хорошо относились к своей челяди,.. а бедные мирились бы со своей участью и работали изо всех сил»; для всего этого «хозяева богатого дома» должны были «по три раза перечитывать» его своим «рабам» и «убогим»¹⁶. Приведенных цитат достаточно, чтобы показать, к чему может привести попытка подогнать идейно-политическое содержание книги под «вековую» ошибку в ее названии: пришлось не только домыслить и как-то обосновать инициативу Святослава в создании «Изборника 1076 года», но и говорить о не засвидетельствованном ни в каких источниках чтении книги в домах представителей социальных верхов в «эксплуататорских» целях.

Следует внимательнее отнестись к анализу идейно-политического содержания «Изборника 1076 года», необходимо более глубокое изучение отразившихся в нем философских концепций. Не нужно забывать также, что впервые этот памятник русской письменности ввел в научный обиход один из зачинателей отечественной историографии М. М. Щербатов, который обратил внимание и на филологическую значимость памятника¹⁷. Настало, очевидно, время для объединения усилий историков и филологов, чтобы продолжить и развить двухвековую традицию внимательного, всестороннего и непредвзятого изучения древнейшей из сохранившихся русских книг для чтения.

Н. Н. Розов

¹⁶ Там же, стр. 111, 115, 124.

¹⁷ Говоря об ошибках в определении языка народа, жившего в X в. в Приднпровье, М. М. Щербатов писал: «Мы же можем ясно доказать, что около сего времени в России, то есть у Россиан, Славенский язык был в совершенном употреблении,.. а уже в половине XI веку обретаем, что книги были писаны Руским языком, как сие могу я доказать чрез обретающейся в моей библиотеке единой зборник» (М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен. Т. I. СПб. 1770, стр. IV).

¹⁴ До этого времени «Изборник 1076 года» назывался «Щербатовским».

¹⁵ И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси XI—XIV вв. М. 1960.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ф о м и н Анатолий Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Ворошиловградского педагогического института. Специализируется по проблемам истории культурной революции в СССР.

М а й д а н о в Иван Исакович — специализируется по истории деятельности Коммунистической партии и Советского государства в организации защиты социалистических завоеваний от внутренних и внешних врагов в годы гражданской войны. Автор ряда статей по этой проблематике.

М о и с е е в а Галина Николаевна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Автор работ «Казанская история», «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики XVI века», «Русские повести первой трети XVIII века» и других.

З а й ц е в а Ольга Гавриловна — научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Специализируется по проблемам деятельности международных межправительственных организаций.

Л е щ и л о в с к а я Инна Ивановна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР. Специализируется по истории и культуре славянских народов XVIII—XIX веков. Автор монографии «Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения».

Н о р е й к е н е Сигита Юстовна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории АН Литовской ССР. Специализируется по истории Литвы в период капитализма. Автор ряда работ по указанной тематике.

В о л к о в Виталий Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института археологии АН СССР. Специалист по археологии Монголии. Автор книги «Бронзовый и ранний железный век в Северной Монголии» и статей по данной теме.

Н о в г о р о д о в а Элеонора Афанасьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР. Специализируется по истории и археологии Монголии. Автор книг «Центральная Азия и карасукская проблема», «Сын Хангайских гор» и других работ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1976 ГОДУ

Дмитриев А. И. — Руководитель ленинского типа № 12
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении журнала «Вопросы истории» орденом Трудового Красного Знамени № 6
Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении академику Минцу И. И. звания Героя Социалистического Труда № 7 | Исмаил-Заде Д. — Русские поселения в Закавказье в 30-х—80-х годах XIX века № 11
Касьяненко В. И. — Некоторые вопросы историографии развитого социализма в СССР № 8
Корнаковский И. Л., Полетаев В. Е. — Основные тенденции изменения социального облика рабочей молодежи СССР № 7
Косухкин С. Я., Малиновский В. В. — За достоверность документально - художественных изданий № 1 |
|---|--|

СТАТЬИ

История СССР

Алексеев Г. М. — Техническое творчество рабочего класса СССР как проблема историографии № 9
Андреев А. М. — Борьба Советов с контрреволюцией накануне Великого Октября № 10
Арш Г. Л. — Иоанн Каподистрия в России № 5
Ахундов Р. В. — Развитие материально-технической базы советской культуры на современном этапе № 6
Бугай Н. Ф. — Ревкомы как чрезвычайные органы диктатуры пролетариата (1918—1921 гг.) № 11
Гармиза В. В. — Директория и Колчак № 10
Демочкин Н. Н. — Советы 1905 г. — органы вооруженного восстания и революционной власти № 3
Дмитренко Т. А. — Социальное развитие в развитом социалистическом обществе № 1
Ежов В. А. — Укрепление ведущей роли рабочего класса в развитом социалистическом обществе № 2
Жуков Е. М., академик — Основные итоги и задачи исторических исследований в свете решений XXV съезда КПСС № 4
Захарук Ю. Н. — Советская археология в 1971—1975 годах № 2
Иванова Н. А., Шелохаев В. В. — Всероссийская почтово-телеграфная забастовка в ноябре 1905 года № 10 | Лебедева Н. Б. — Новейшая историография социалистического соревнования в СССР № 2
Майданов И. И. — Чрезвычайные комиссии Белоруссии в 1918 году № 12
Минц И. И., академик — Великий Октябрь и общественный прогресс человечества № 3
Международное значение XXV съезда КПСС № 10
Моисеева Г. Н. — Новые материалы о хронографе со «Словом о полку Игореве» № 12
Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., академик — Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии № 4
Никитин А. Л. — Биармия и Древняя Русь № 7
Попов С. В. — Рабочая молодежь в социальной структуре развитого социалистического общества № 4
Романов В. Ф. — О социально-экономической основе российского самодержавия эпохи империализма № 5
Сахаров А. М. — Журналу «Вопросы истории» — 50 лет № 6
Сахаров А. Н. — «Дипломатическое признание» Древней Руси — (860 г.) № 6
Скрынников Р. Г. — Крепостничество и становление барщинной системы в России в XVI веке № 1
Соболева Н. А. — Российская городская геральдика № 3 |
|--|--|

- Степаненко Б. И.— Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Терек в 1920 году . . . № 9
- Стродс Х. П.— Торговое земледелие в Латвии в первой половине XIX века № 5
- Трифонов И. Я.— Разгром меньшевистско-кулацкого мятежа в Грузии в 1924 году № 7
- Ульянов Л. Н.— Сельское хозяйство и крестьянство Сибири к концу Великой Отечественной войны № 8
- Федоров-Давыдов Г. А.— Общественный строй кочевников в средневековую эпоху . . № 8
- Фомин А. И.— Становление центрального советского аппарата государственного руководства народным просвещением . . № 12
- Юргинис Ю. М., академик АН Литов. ССР — Изменения в аграрном строе Литвы в эпоху феодализма № 9
- Всеобщая история*
- Анинский Ю. А.— Партийная реформа в Индонезии: 1965—1975 годы № 8
- Виноградов В. Н., Писарев Ю. А.— 1905—1907 годы в России и революционные процессы на Балканах № 6
- Владимиров Л.— Проблемы национально-освободительного движения в Кении № 1
- Воронцов Г. А.— Эволюция внешней политики США в условиях разрядки № 9
- Дементьев И. П.— Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени № 11
- Длубек Р., Левнова С. З.— Сокровенница идей научного коммунизма № 5
- Дудинский И. В.— Социалистическое сотрудничество и мировое развитие № 7
- Ейне А.— Некоторые проблемы истории эллинизма № 4
- Жигалов И. И.— Проблема участия Великобритании в суэцком кризисе 1956 г. и ее отражение в исторической литературе . . № 5
- Заборов М. А.— Историографические исследования о международном рабочем движении нового времени № 7
- Зайцева О. Г.— Возникновение и развитие международных межправительственных организаций . . № 12
- Зарницкий Б. Е.— Концепция «силы» в немецкой буржуазной историографии № 9
- Козенко Б. Д.— Новые концепции «прогрессивной эры» в американской буржуазной историографии № 10
- Коростовцев М. А., академик— Проблемы истории Древнего Египта № 1
- Куропятник Г. П.— Земельный вопрос и революционная ситуация в Северной Америке накануне войны за независимость США № 8
- Лешиловская И. И.— Концепции славянской общности в конце XVIII—первой половине XIX века № 12
- Нарочницкий А. Л., академик— О теории и методологии истории международных отношений № 2
- Балканский кризис 1875—1878 гг. и великие державы № 11
- Невлер В. Е.— Политическая борьба в Венеции в первые месяцы республики 1848 года № 5
- Рапопорт И. М.— Новый этап советско-французских отношений и международная разрядка № 10
- Салычев С. С.— Некоторые тенденции в эволюции социал-демократии № 11
- Сапожников Б. Г.— Китай и империалистическая интервенция на Советском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) № 4
- Сахаров А. М., Хромов С. С.— XIV Международный конгресс исторических наук № 3
- Сидельников С. И.— Советская и болгарская историография Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии № 4
- Смирнов В. П.— Французская историография движения Сопротивления № 1
- Степанов А. И.— СССР и Советское сотрудничество в Европе № 2
- Трофименко Г. А.— Эволюция военно-политической стратегии США после второй мировой войны № 3
- Трофимов В. А.— Агрессия Италии в Эфиопии и ее последствия № 8
- Устинов В. А., Кузищин В. И., Павловский Ю. Н., Гусейнова А. С.— Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса № 11
- Федосова Е. И.— Польский вопрос во внешней политике Франции 1807—1812 годов № 7
- Хенкин С. М.— Непобедимая колонна № 2
- Хромов Ю. С.— Из истории государственного регулирования сельского хозяйства Великобритании № 6
- Черкасов П. П.— Франция и агрессия США в Индокитае № 9
- ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ**
- Гольман Л. И.— Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического познания № 3

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Антонов Г. Б.— «Запорожсталь» № 10

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Краснобаев Б. И.— Основные черты новой русской культуры № 9

Халиков А. Х.— Культура народов Среднего Поволжья в X—XIII веках № 4

ПУБЛИКАЦИИ

Малоизвестный источник по истории Северной войны (вступительная статья **В. Е. Шугого**) . . . № 12

Письма Франца и Петра Лефортов о «Великом посольстве» (вступительная статья А. Бабкина) № 4

Свадебные дела XVI века (вступительная статья В. Д. Назарова) № 10

У истоков журнала «Историк-марксист» (вступительная статья Б. В. Левшина) № 6

ВОСПОМИНАНИЯ

Боков Ф. Е.— Капитуляция «коричневой империи» № 6

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Айплатов Г. Н.— Сподвижники Разина в лесном Заволжье . . . № 5

Алексеев А. И.— По маршрутам Байкало-Амурской магистрали № 9

Андреева Ж. В.— Синие Скалы № 11

Бадер О. Н.— Из глубин палеолита № 2

Беляев И. П.— Страницы недавнего прошлого Египта . . . № 9, 10

Волков В. В., Новгородова Э. А.— Советско-монгольская историко-культурная экспедиция № 12

Дьяконова И. А.— Из истории Нобелевских премий мира . . . № 8

Ефремова Н. П.— Жизнь, отданная делу Коммуны № 3

Калягин А. Я.— Средства инженерного вооружения в Великой Отечественной войне № 7

Ковальская М. И.— Италия глазами русских № 7

Козлов О. Ф.— Дело Никона . . . № 1

Королева А. П.— Букеризм . . . № 7

Лейберов И. П.— «Курсы революции» № 8

Норейкене С. Ю.— Советско-литовские культурные связи 1920—1940 годов № 12

Овчинников Р. В.— Пугачевский полковник Гаврила Лихачев № 6

Огнетов И. А.— Славная страница борьбы Вьетнама за независимость № 2

Окладников А. П., академик— От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова № 6

Петровская М. М.— Опросы общественного мнения в США № 2

Рубинский Ю. И.— Масоны во Франции (вчера и сегодня) . . . № 9

Сазонов В. В.— Публицистика Ф. Энгельса в «манчестерский период» № 11

Силин А. С.— Революционная пропаганда среди русских военнопленных в Японии (1905—1906 гг.) № 5

Тихонова З. Н.— Ленинская газета «Вперед» № 11

Троицкий Н. А.— Дегаевщина № 3

Урысон М. И.— Истоки рода человеческого в свете новейших данных № 1

Хазанов А. М.— Португальские конкистадоры в Марокко (XV—XVI вв.) № 1

Шкаренков Л. К.— Белая эмиграция: агония контрреволюции № 5

Эскин Ю. М.— Дмитрий Пожарский № 8

Этингер Я. Я.— Нигерийский кризис 1967—1970 годов № 4

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА в СССР

В Секции общественных наук Президиума АН СССР

Губогло М. Н.— В Научном Совете по национальным проблемам № 4, 10

В Отделении истории АН СССР и Научных советах

Буганов В. И.— К изучению крестьянских войн в России . . . № 11

Городецкий Е. Н., Рудницкая Е. Л.— 75-летие академика М. В. Нечкиной № 2

Игнатенко Т. А.— В Научном совете по проблеме «История исторической науки» № 3

Иллерицкий В. Е., Наумов В. П., Поляков Ю. А.— 80-летие академика И. И. Минца № 2

Милюкова В. И.— Состояние и перспективы разработки истории советской внешней политики . . . № 9

Мордвинцев В. Ф.— Избрание зарубежных историков иностранными членами АН СССР № 8

Нифонтов А. С.— 90-летие академика Н. М. Дружинина № 1

Обсуждение книги Олжаса Сулейменова № 9

Пайчадзе Г. Г.— Столетие со дня рождения И. А. Джавахишвили № 12

- Тишков В. А.—Общее годовичное собрание Отделения истории АН СССР № 6
- Филиатов А. М.—Общее собрание Координационное совещание № 2 № 11
- В высшей школе*
- Галкин И. С.—Основные проблемы преподавания всеобщей истории в университетах СССР № 5
- Петрова А. А.—К 100-летию со дня рождения Е. В. Тарле № 3
- Пронштейн А. П.—Об университетском курсе источниковедения истории СССР № 1
- Обзоры*
- Архипова Т. Г.—История советского государственного аппарата в годы Великой Отечественной войны в новейшей литературе № 5
- Бакунин А. В.—Новейшая литература об индустриальном развитии советского Урала № 1
- Болховитинов Н. Н., Достян И. С., Сироткин В. Г.—Проблемы международных отношений в документальной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» № 7
- Горский А. Д.—К 25-летию открытия берестяных грамот № 12
- Зильберман А. О.—Новые библиографические указатели по истории № 4
- Наумова Г. Р.—Делопроизводственные документы российских синдикатов № 10
- Пивовар Е. И.—Новые исследования о научно-технической революции № 2
- Рецензии*
- Адо А. В.—Грахк Бабеф. Сочинения в четырех томах. Том первый № 12
- Александров В. А.—С. М. Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии № 1
- Бараш С. И.—А. С. Нифонтов. Зерновое производство России во второй половине XIX века № 5
- Басов А. В.—В. М. Ковальчук. Ленинград и Большая земля. История Ладужской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941—1943 гг. № 1
- Белявский М. Т.—«Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» № 12
- Бескровный Л. Г., Шевяков А. А.—Я. М. Копанский. Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной (1918—1940) № 3
- Бибиков С. Н., чл.-корр. АН УССР—Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита № 7
- Бокшанин А. А.—Г. В. Мелихов. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.); И. С. Ермаченко. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. № 3
- Борозняк А. И.—А. Б. Чернов. Профсоюзы ФРГ и борьба за интересы трудящихся. ОНП в первой половине 60-х годов № 12
- Бурдей Г. Д., Дербов Л. А.—«История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века» № 11
- Бурмистрова Т. Ю.—В. И. Касьяненко. КПСС — организатор строительства развитого социализма № 7
- Валев Л. Б.—Д. Г. Песчаный. Сотрудничество между СССР и Болгарией в области сельского хозяйства (1948—1958 гг.) № 8
- Викторов В. И.—А. И. Клибанов. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем; его же. Из мира религиозного сектанства. Встречи, беседы, наблюдения № 6
- Ворожейкин И. Е.—«Рабочие Ленинграда. 1703—1975». Краткий исторический очерк № 12
- Гавриличев В. А.—В. А. Дунаевский. Советская историография новой истории стран Запада. 1917—1941 гг. № 5
- Ганелин Р. Ш.—А. В. Игнатьев. Внешняя политика Временного правительства № 3
- Гапоненко Л. С.—Г. А. Трукан. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти № 11
- Гольман Л. И.—«Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории». В семи томах. Том первый. «Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса» № 10
- Гриценко Е. А.—А. А. Чернобаев. Развитие социалистической революции в деревне (Октябрь 1917—1918 г.) № 3
- Гусев К. В.—Т. В. Осипова. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции № 5
- Гущин Н. Я., Шерешевский Б. М.—Э. М. Щагин. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917—лето 1918 гг.) № 11
- Демешина Е. И., Хмелевский К. А.—В. В. Модестов. Рабочие Донбасса в трех русских революциях № 1

- Дробижев В. З., Соколов А. К.—«Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории» . . . № 10
- Дубинин А. Б.—«Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX—начало XX в.). Очерки по истории общественной мысли народов Востока» . . . № 2
- Зевелева Е. А., Кулешов С. В.—В. Я. Непомнин. Триумф стратегии и тактики ленинизма на Востоке (О переходе к социализму республик Средней Азии) . . . № 8
- Зимин А. А.—В. М. Панеях. Холопство в XVI—начале XVII века . . . № 9
- Злобин А. А., Тузмухамедов Р. А.—Г. В. Фокеев. Внешнеполитические проблемы современной Африки . . . № 12
- Иванов В. П., Пулькин Н. В.—«В. И. Ленин и ВЧК». Сборник документов (1917—1922 гг.) . . . № 11
- Игнатенко Т. А.—В. З. Дробижев, А. К. Соколов, В. А. Устинов. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.) . . . № 7
- Калениченко П. М., Петрович И. Л.—С. М. Фалькович. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912 гг.) . . . № 12
- Карасев В. Г.—Ю. А. Писарев. Образование Югославского государства (Первая мировая война. Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов) . . . № 5
- Ким Г. Ф.—В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история . . . № 6
- Киняпина Н. С.—Л. С. Семенов. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. . . № 4
- Кирсанов Н. А.—«Советский рабочий класс». Краткий исторический очерк (1917—1973) . . . № 10
- Козенко Б. Д.—Е. Ф. Язков. Фермерское движение в США (1918—1929 гг.) . . . № 1
- Комаров Ю. Д.—В. В. Похлебкин. СССР — Финляндия. 260 лет отношений (1713—1973) . . . № 9
- Комин В. В.—К. В. Гусев. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции . . . № 10
- Кондратьев В. А.—Г. С. Игнатьев. Москва в первый год пролетарской диктатуры . . . № 9
- Коровина Э. Ф.—Б. М. Мерин. Латинская Америка: студенчество и революционный процесс . . . № 12
- Кострикин В. И.—В. И. Порудин. Путь советского крестьянства к социализму . . . № 7
- Котельникова Л. А., Штекли А. Э.—В. И. Рутенбург. Италия и Европа накануне нового времени (очерки) . . . № 7
- Кудрина Т. А.—«Культурная жизнь в СССР. 1917—1927. Хроника» . . . № 5
- Кунавина Г. С.—И. М. Пушкарёва. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях . . . № 6
- Лазарев М. С.—Н. И. Прошин. История Ливии (конец XIX в.—1969 г.) . . . № 7
- Ли Вл. Ф.—«Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» . . . № 1
- Лиепиня Дз. Э., Бацис П. Э., Гольфман А. И.—«История Швеции» . . . № 8
- Лукин Б. В.—Н. А. Халфин. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века) . . . № 2
- Маньков А. Г.—Е. В. Чистякова. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы) . . . № 8
- Маринеску И. И.—Т. А. Покивайлова. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии (1949—1962 гг.) . . . № 4
- Марков Г. Е.—Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи . . . № 6
- Мартыненко А. К., Трубайчук А. Ф.—«Новейшая история. 1939—1973 гг.» . . . № 11
- Мосейко А. Н.—«Средние слои городского общества в странах Востока» . . . № 8
- Никитин С. А.—М. М. Зальшкин. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения. 1875—1878 . . . № 1
- Николаев А.—Ив. Севостьян. Планирование внешней политики в США. Некоторые вопросы теории, практики и организации . . . № 4
- Попков Б. С.—О. П. Морозова. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце . . . № 11
- Пушкарев Л. Н.—А. Б. Давидсон, В. А. Макрушин. Облик далекой страны . . . № 9
- Рапов О. М.—П. Ф. Лысенко. Города Туровской земли . . . № 7
- Розалиев Ю. Н.—Клыч Кулиев. Опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и его значение для развивающихся стран . . . № 6
- Романовский Н. В.—Н. В. Наумов. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии . . . № 11
- Русланов Н.—И. А. Лебедев. Внешняя политика Австралии (1939—1974) . . . № 6

- Савватеев Ю. В.—А. П. Окладников. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири . . . № 4
- Самедов В. Ю.—З. Х. Саралиева. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России (1895—1917 гг.). Распространение и пропаганда . . . № 9
- Севостьянов Г. Н.—А. А. Мурадян. Американская историография тихоокеанской политики США в XIX веке (критика основных концепций) . . . № 4
- В. В. Журкин. США и международно-политические кризисы . . . № 11
- Селунская В. М.—С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В двух томах. Т. 1. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана . . . № 3
- Семанов С. Н.—Д. Л. Голинков. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.) . . . № 2
- Семенов Л. С., Шеремет В. И.—В. А. Георгиев. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. . . . № 9
- Сенчаков А. Г., Табачников Б. Я.—«Третий конгресс Коминтерна. Развитие конгрессом политической линии коммунистического движения. Коммунисты и массы» . . . № 3
- Сивачев Н. В.—А. А. Попов. США: государство и профсоюзы . . . № 2
- Согрин В. В.—А. А. Кислова. Социальное христианство в США. Из истории общественной мысли (90-е годы XIX в.—30-е годы XX в.) . . . № 3
- Соколов Е. Н.—Г. З. Соркин. Действительность против вымыслов. Критика буржуазной и реформистской историографии Коммунистического Интернационала . . . № 5
- Соколов О. Д.—Р. П. Конюшая. К. Маркс и революционная Россия . . . № 8
- Стоян Ф. К., Слиньюк И. И.—А. Ф. Чмыга. Колхозное движение на Украине (1917—1929 гг.). Очерки истории . . . № 12
- Тепер Е. М.—«Испания. 1918—1972 гг. Исторический очерк» . . . № 9
- Тролин В. И.—«Революция 1905—1907 гг. в России» . . . № 10
- Угрюмов А. Л.—Н. И. Матюшкин. Патриотизм и интернационализм советского народа (Исторический опыт и современная деятельность КПСС) . . . № 10
- Фетисов А. П.—«Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней» . . . № 2
- Фокеев Г. В.—Л. Д. Яблочков. Принципы внешней политики африканских государств . . . № 3
- Фурсенко А. А.—Н. Н. Болховитинов. Русско-американские отношения 1815—1832 . . . № 6
- Хачатуров К. А.—А. М. Зорина. Рабочее движение на Кубе (от первых выступлений пролетариата до образования Коммунистической партии) . . . № 2
- Хесин С. С.—«История Эстонской ССР». Т. III (с марта 1917 года до начала 50-х годов) . . . № 4
- Чистякова Е. В.—Н. Б. Голикова. Астраханское восстание 1705—1706 гг. . . . № 11
- Шишкин В. А.—А. Е. Иоффе. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917—1932 . . . № 8
- Штернберг Я. И.—Б. И. Желлики. Социалистическое рабочее движение в Венгрии (1873—1890) . . . № 10
- Шульгин В. С.—Н. Н. Покровский. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев в XVIII веке . . . № 3
- Язков Е. Ф.—Э. А. Иванян. Белый дом: президенты и политика . . . № 9
- Яковлев Л. И.** —«Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма. На материалах республик Средней Азии и Казахстана. 1917—1972 гг.» . . . № 4
- * * *
- Вилков О. Н., Курилов В. Н.—Совещание историков рабочего класса и крестьянства Сибири . . . № 12
- Копылов А. Н.—Декабристы и Сибирь . . . № 4
- Коростовцев М. А., академик, Минц И. И., академик—70-летие А. З. Манфреда . . . № 8
- Романов В. Е.—Всесоюзная научная конференция о реализации Программы мира . . . № 5
- Савицкая Р. М., Шевеленко А. Я.—К 90-летию со дня рождения Б. М. Волина . . . № 6
- Санцевич А. В.—Читательская конференция «XXV съезд КПСС и задачи исторических и историко-партийных журналов» . . . № 8
- Соловьев А.—Симпозиум историков-американистов . . . № 8
- Черных В. А.—Региональные археографические конференции . . . № 6
- Новые книги . . . №№ 1—12
- Статьи в советских периодических изданиях . . . №№ 1—12
- Хроникальные заметки . . . №№ 1—12

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ
СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Рецензии

- Власова М. Н., Суни Л. В.— Советско-финский симпозиум историков № 4
- Греков И. Б.— Конференция советских и польских историков № 5
- Игнатъев А. В.— Симпозиум историков социалистических стран № 11
- Карасев В. Г.— В Комиссии историков СССР и Югославии и на Международном симпозиуме в Сараеве № 3
- Кудрина Ю. В. Чернышева О. В.— Советско-шведский симпозиум историков № 9
- Кусков В. И.— Научная конференция историков СССР и ГДР № 6
- Латышев В.— Конференция в Загребце по проблемам войны и мира № 2
- Манькин А. С., Соколов А. К.— Профессор Р. Фогель (США) в МГУ № 8
- Пушкарева И. М.— Второй советско-индийский симпозиум № 8
- Семенова Л. Е.— Очердная научная встреча советских и румынских историков № 3
- Тихвинский С. Л., чл.-корр. АН СССР — Второй советско-американский коллоквиум историков № 1
- Топеха П. П.— Симпозиум советских и японских историков № 7
- Филитов А. М.— XXV конференция Комиссии историков СССР и ГДР № 10
- Чистозвонов А. Н.— VIII «Неделя» Международного института экономической истории в Прато № 10
- Алексеев В.— Дж. Андреотти. «13 часов: министр должен умереть» № 8
- Валуженич А. В.— Э Пессен. Богатые, класс и власть до гражданской войны № 7
- Голден Л. О.— И. Гейсс. Панафриканское движение № 9
- Григорьев В.— А. Линс. Миссия в Португалию № 12
- Демиховский М. В.— Р. А. Биллингтон. Фредерик Джексон Тернер. Историк, ученый, преподаватель № 5
- Иванов Р. Ф.— Джек Д. Фонер. Негры и армия в американской истории № 4
- Ивоини Ю. Е., Коган М. А.— И. Шильдхауэр, К. Фритце, В. Штарк. Ганза № 7
- Капитонова Н. К.— Дж. Фрэнкель. Британская внешняя политика. 1945—1973 гг. № 9
- Колпаков А. Д., Полякова Е. Ю.— Т. У. Моуди. Олстерский вопрос. 1603—1973 № 6
- Королева А. П.— Дж. Х. Франклин. От рабства к свободе. История американских негров № 1
- Новиков Г. Н.— П. Гидони. История новой социалистической партии № 3
- Патрушев А. И.— «Либерализм и империалистическое государство» № 12
- Пономарев В. Н.— Б. Елавич. Османская империя, великие державы и проблема проливов. 1870—1887 гг. № 5
- Потапов В. И.— П. Х. Вигор. Советский взгляд на войну, мир и нейтралитет № 10
- Похлебкин В. В.— У. Р. Коуплэнд. «Неудобный и беспокойный альянс». Сотрудничество финляндской оппозиции и русского подполья. 1899—1904 гг. № 3
- Рогулев Ю. Н.— «Несбывшаяся мечта? Очерки по истории американского социализма» № 2
- Савинов К. И.— ГДР. Становление и рост (К истории Германской Демократической Республики) № 2
- Савчук В. С.— «Славяне в Германии. История и культура славянских племен западнее Одера и Нейссе с VI по XII в.» № 8
- Фрейденберг М. М.— М. Благоевич. Земледелие в средневековой Сербии № 10
- Хлопин И. Н.— Э. Бикерман. Хронология древнего мира. (Ближний Восток и античность) № 11
- Шпотов Б. М.— Ричард Б. Моррис. Семь человек, определивших нашу судьбу. «Отцы-основатели» как революционеры № ?
- Юрьев М. Ф.— Свидетельство интернационалиста № 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

- Борозняк А. И., Павленко Г. В.— История германской социал-демократии в правовореформистской интерпретации № 6
- Истомина Э. Г., Королев Г. И.— Историко-географическая литература социалистических стран Европы № 11
- Каждан А. П.— Новые работы о средневековом Константинополе № 8
- Лабутина Т. Л.— Современная буржуазная историография политической борьбы в английском парламенте периода Реставрации № 4
- Рыкалов В. С.— Ленинский Декрет о мире во французской литературе № 5
- Тишков В. А.— Американские лоялисты: старые мифы и новые интерпретации № 1

- Янчук И. И.—Ф. Д. Маккэн. Бразильско-американский союз. 1937—1945 № 6
- Яхимович З. П.—Дж. Канделоро. История современной Италии. Т. VII № 4
- Ивановская А. А.—У истоков советско-французских научно-технических связей № 1
- Кунец Ю. В.—Принятие фабричного акта 1874 г. в Англии № 12
- Либерман А. А.—Состав института земских начальников № 8
- Маскаев М. А.—«Казанка» в 1918 году № 2

По страницам зарубежных журналов

Заметки о статьях

- Бартикян Р. М.—Отечественная война 1812 г. и Греция № 9
- Гавлин М. Л.—За кулисами Русско-китайского банка № 3
- Кантор Р. Е.—С чужого голоса Каштанов С. М.—Еще раз о «куплях» Ивана Калиты № 7
- Крылов Л. С.—Английские консерваторы о поездке в СССР в 1926 году № 3
- Журнал по истории рабочего класса Ирландии № 9
- Кудрина Ю. В.—Политика Данин в отношении Советской России № 3
- Макарцев С. Н.—Внешнеполитические аспекты Пражского восстания 1945 года № 3
- Полякова Е. Ю.—Английский историк об олстерском юнионизме № 7
- Романова Н. Х.—Еще одна трактовка «джексоннианской демократии» № 3
- Романовский Н. В.—Японский историк о Февральской революции № 7
- Псевдорадикальная оценка роли масс в 1917 году № 9
- Согрин В. В.—О генезисе концепции североамериканской независимости № 7
- Супоницкая И. М.—«Парадоксы» Томаса Кохрэна № 7
- Хазанов А. М.—Африканская Жанна д'Арк № 9
- Шишкина Л. В.—Американский свидетель Великого Октября № 9
- Рецензии на советские издания №№ 1—12
- Содержание журналов, выходящих в социалистических странах №№ 1—12
- Коротко о книгах №№ 1, 3, 5, 7, 9, 11
- Хроникальные заметки №№ 2, 4, 6, 8, 10, 12

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

- Виноградов В. Б., Магомедова Т. С.—Первая русская карта Северного Кавказа № 6
- Гиндин И. Ф.—Д. И. Менделеев о развитии промышленности в России № 9
- Гинзбург А. И.—Переселенцы и местное население Туркестана в конце XIX — начале XX века № 2

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

- Бартошевич В. В.—Константиновский рубль № 7
- Белоруссов Л. М.—Солигаличская соль № 1
- Бизяева М. М.—Иваново-вознесенские работницы в 1905—1907 годах № 7
- Борисов В. А.—Как создавались орден Отечественной войны и нагрудные знаки отличия № 5
- Гак А. М.—У истоков советской кинематографии № 10
- Гуляев В. И.—Конец Монтекумы № 2
- Ейне А., Владыкин В. Е.—Радуга над Франкенхаузеном № 5
- Зибарев В. А.—Комитет содействия народностям Севера № 8
- Канн П. Я.—Революционный форум Петербурга № 12
- Киселева Н. А.—В авангарде Международного демократического движения женщин № 1
- Ковалева И. Н.—«Ткачи» и русское революционное движение № 1
- Константинов Ю. А.—Переводный рубль № 3
- Кощеев Н. А.—По ленинской телеграмме № 4
- Кудрявцев А. А.—Дербентский проход № 8
- Луцков Н. Д.—Народ Ганги борется с интервенцией США (1918—1920 гг.) № 10
- Мельников А. Б.—«Свердловка» и ее депутат № 9
- Нечипуренко Г. А.—Газета «Жизнь национальностей» № 2
- Никифоров Е. И.—Батальон выполнял интернациональный долг № 8
- Нюркаева А. З.—Корреспондент «Правды» № 3
- Печатнов В. О.—Ньюбургский заговор № 11
- Плешков В. Н.—Первый Континентальный конгресс (1774 г.) № 6
- Розов Н. Н.—Старейшая русская книга для чтения № 12
- Романюк С. К.—Улица Богдана Хмельницкого № 5
- Ронский О. М.—Повстанческие станицы в Верхнем Поволжье в начале XVIII века № 11
- Рощевская Л. П.—Последний осколок приказной системы № 12
- Свешников Н. А.—Начало изучения Курской магнитной аномалии № 9

- Трифонов В. В.—Одна из первых попыток познакомить русского читателя с «Капиталом» № 4
- Уральский Ю. С.—Где и сколько номеров ленинской «Искры» было напечатано № 11
- Ушаков И. Ф.—«Философ» из Кандаляки № 3
- Формозов А. А.—Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории № 10
- Фурсенко А. А.—«Свобода или смерть!» № 2
- Хенинь А. О.—«Циня» в годы первой русской революции № 6
- Хенкин Е. М.—Поездка М. И. Калинина в Поволжье в 1921 году № 6
- Чернопицкий П. Г.—Первая в РСФСР № 7
- Шофман А. С.—Флот Александра Македонского № 4
- Ясман З. Д.—Первая сельскохозяйственная школа в России . № 11
- У исторической карты народов мира*
- Алексеев Е. А.—Кеты № 7
- Сведения об авторах №№ 1—12
- Некрологи*
- Воронин Николай Николаевич № 7
- Круус Ханс Хансович № 10
- Кудрявцев Федор Александрович № 8
- Третьяков Петр Николаевич № 10
- Троицкий Сергей Мартинович № 7
- Утченко Сергей Львович № 8

ДОПОЛНЕНИЕ

Авторами отрецензированного (см. «Вопросы истории», 1976, № 11) учебника «История СССР. С древнейших времен до конца XVII века» являются: М. Т. Белявский, А. К. Леонтьев, Г. А. Новицкий, Б. А. Рыбаков, А. М. Сахаров. Редколлегия: Б. А. Рыбаков — главный редактор, М. Т. Белявский — зам. главного редактора, Г. А. Новицкий.

SUMMARIES OF ARTICLES

A. I. DMITRIYEV. A Leader of the Leninist Type

The article highlights the many-sided Party and state activity of Comrade Leonid Ilyich Brezhnev, General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. Much attention is given by the author to illustrating the part played by the CPSU in developing the Leninist principles of foreign and domestic policy, the steadfastness shown by the Soviet people in performing their internationalist duty, the Soviet Union's consistent struggle for peace, democracy and social progress.

A. I. FOMIN. The Establishment and Consolidation of the Centralized Apparatus for Exercising State Guidance of the Soviet Public Education System

The article traces the history of the rise and development of the centralized apparatus for exercising state guidance of the national system of public education during the first months of Soviet power (October 1917-January 1918). Particular attention is paid by the author to a close analysis of the decree by which the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars instituted a State Committee on Education. The article comprehensively examines the first steps towards implementing Lenin's plan of state organization in the sphere of public education, which were taken under the guidance of the Communist Party and which enlisted the active participation of the working people. The author highlights the distinctive features attending the organizational structure of the central Soviet public education bodies, which made the latter fundamentally different from the old bourgeois-landlord ministry of public education.

I. I. MAIDANOV. Byelorussia's Extraordinary Commissions in 1918

The article vividly shows how in the difficult conditions of the Civil War Byelorussia's Bolshevik organizations and Soviets, guiding themselves by V. I. Lenin's teaching on the need to defend the socialist state, proceeded to establish the extraordinary commissions as special organs of the dictatorship of the proletariat for combating counter-revolution, sabotage and profiteering, reinforcing them with reliable personnel and strengthening their ties with the working masses. The article examines the organizational structure of Byelorussia's extraordinary commissions and shows their role in safeguarding the Republic's socialist gains from the encroachments of internal and external counter-revolution in 1918.

G. N. MOISEYEVA. New Materials on the Chronograph with "The Lay of Prince Igor's Host"

Drawing on newly discovered historical records, the author traces the history of the chronograph with "The Lay of Prince Igor's Host," which belonged to A. I. Musin-Pushkin. After the destruction of his collection of manuscripts in 1812, Musin-Pushkin wrote that he had obtained the manuscript from the archimandrite of the Spaso-Jaroslav Monastery. The manuscript of Vassily Krashennnikov, a merchant from Yaroslavl, entitled "A Description of the Land and Water Circle," contains a chapter "On the Russian State" with references to "The Large Hand-Written Chronograph of the Spaso-Jaroslav Monastery." A careful analysis of these references enables one to draw the conclusion that this chronograph represented an edited version of the chronograph dating back to 1617. The preserved inventories warrant the conclusion that in the vestry of the Spaso-Jaroslav Monastery was kept the only chronograph with the mark "given up" made in the 1787 inventory, which coincides in time with the date on which the chronograph with "The Lay of Prince Igor's Host" was acquired by A. I. Musin-Pushkin. This brings the author to the conclusion that "The Large Hand-Written Chronograph of the Spaso-Jaroslav Monastery," which was used by V. Krashennnikov in the forties and fifties of the 18th century, is the very chronograph with "The Lay of Prince Igor's Host," the manuscript of which served as the basis for its first publication.

O. G. ZAITSEVA. The Rise and Development of Inter-Governmental World Organizations

The article traces the history of the rise and development of inter-governmental world organizations, whose appearance on the world scene was determined by the objective social requirement to create specialized international agencies for the purpose of regulating the increasingly complicated relations between states. Closely linked with

the development of the entire system of international relations, these organizations experience in full measure the influence of the far-reaching economic, social and political changes taking place in the international sphere, and reflect these changes in their activity. The author analyzes the role and place of inter-governmental organizations in world affairs and traces their evolution from an auxiliary means of promoting closer contacts between states to one of the most important institutions for regulating international relations in our days.

I. I. LESHCHILOVSKAYA. Slavonic Community Conceptions at the Close of the 18th and in the First Half of the 19th Centuries

In the first half of the 19th century social trends widely differing in their class nature arose and developed in the lands inhabited by the Slavs. An important place in the ideological system of these trends belonged to the conceptions of Slavonic community and to the programme of achieving a closer unity of the Slavs. Relying as they did on the Slavs' traditional ethnic consciousness, these ideas took shape as a result of capitalist development and the formation of Slavonic nations. External socio-political and ideological factors also made their impact on the rise and development of the ideas of Slav unity. The national peculiarities and distinctions obtaining in each of the Slav countries and lands determined the diversity of Slavonic community conceptions. Depending on the social interests they were intended to reflect, the conceptions of Slavonic community were conservative, liberal or democratic in character.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 12, 1976

Articles: **A. I. Dmitriyev.** A Leader of the Leninist Type; **A. I. Fomin.** The Establishment and Consolidation of the Centralized Apparatus for Exercising State Guidance of the Soviet Public Education System; **I. I. Maidanov.** Byelorussia's Extraordinary Commissions in 1918; **G. N. Moiseyeva.** New Materials on the Chronograph with "The Lay of Prince Igor's Host"; **O. G. Zaitseva.** The Rise and Development of Inter-Governmental World Organizations; **I. I. Leshchilovskaya.** Slavonic Community Conceptions at the Close of the 18th and in the First Half of the 19th Centuries. Publications: A Little-Known Source on the History of the Northern War. Historical Essays: **S. J. Noreikene.** Soviet-Lithuanian Cultural Contacts in 1920-1940; **V. V. Volkov, E. A. Novgorodova.** The Soviet-Mongolian Historico-Cultural Expedition. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Surveys: **A. D. Gorsky.** The 25th Anniversary of the Discovery of Birch-Bark Letters. Book Reviews: "The Workers of Leningrad. 1703-1975." A Brief Historical Essay; **A. F. Chmiga.** The Collective-Farm Movement in the Ukraine (1917-1929). Historical Essays; **S. M. Falkovich.** The Proletariat of Russia and Poland in the Joint Revolutionary Struggle (1907-1912); **Caius Gracchus Babeuf.** Collected Works in Four Volumes. Vol. I; **A. B. Chernov.** F.R.G. Trade Unions and the Struggle to Uphold Labour's Interests. The Federation of German Trade Unions in the First Half of the 1960's; **B. M. Merin.** The Student Youth and the Revolutionary Process in Latin America; **G. V. Fokeyev.** Africa's Foreign Policy Problems Today; **A. Lins.** A Mission to Portugal (Lisbon); "Liberalism and the Imperialist State" (Göttingen), etc. Scientific Notes. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire», № 12, 1976

Articles: **A. I. Dmitriev.** Dirigeant du type léniniste; **A. I. Fomine.** La formation de la direction de l'éducation nationale par l'Etat; **I. I. Maidanov.** Les commissions extraordinaires de la Biélorussie en 1918; **G. N. Moïsséeva.** Nouveaux matériaux sur le chronographe (aperçu historique chronologique) contenant le « Dit d'Igor »; **O. G. Zaitseva.** L'apparition et le développement des organisations intergouvernementales internationales;

I. I. Lechtchilovskaïa. Les conceptions de la communauté slave à la fin du XVIIIe siècle et à la première moitié du XIXe siècle. Ecrits inédits. Une source peu connue sur l'histoire de la Guerre du Nord. Aperçus historiques. **S. J. Noreikene.** Les liens culturels soviéto-lituanien en 1920-1940; **V. V. Volkov, E. A. Novgorodova.** L'expédition historico-culturelle soviéto-mongole. La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Revues.** **A. D. Gorski.** Le 25e anniversaire de la découverte des écrits sur l'écorce du bouleau. **Comptes rendus des livres:** «Ouvriers de Léninegrad. 1703-1975». Précis d'histoire **A. F. Tchmyga.** Le mouvement kolkhozien en Ukraine (1917-1920). Aperçus d'histoire; **S. M. Falkovitch.** Le prolétariat de Russie et de Pologne dans la lutte révolutionnaire commune (1907-1912); **Gracchus Babeuf.** Œuvres en quatre volumes. Volume I; **A. B. Tchernov.** Les syndicats de la R.F.A. et la lutte pour les intérêts des travailleurs. DGB dans la première moitié des années 60; **B. M. Mérine.** L'Amérique latine: les étudiants et le processus révolutionnaire; **G. V. Fokéev.** Problèmes de la politique extérieure de l'Afrique contemporaine; **A. Lins.** La mission au Portugal (Lisboa); «Le libéralisme et l'Etat impérialiste» (Göttingen) et autres. Notes scientifiques. Faits, événements, hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 12, 1976.

Artículos: **A. I. Dmitriev.** Dirigente de tipo leninista; **A. I. Fomin.** Formación del aparato central soviético de dirección estatal de instrucción pública; **I. I. Maydanov.** Conmisiones extraordinarias en Bielorrusia en el año 1918; **G. N. Moiseeva.** Nuevos materiales de cronógrafo de «Cantar de las huestes de Igor»; **O. G. Zaitseva.** Surgimiento y desarrollo de las organizaciones internacionales intergubernamentales; **I. I. Lestchilovskaya.** Concepciones de la comunidad eslava a fines del siglo XVIII — primera mitad del XIX. Publicaciones: Fuente poco conocida de la historia de la guerra del Norte. Ensayos históricos: **S. Ju. Noreikene.** Enlaces culturales soviético-lituanos en los años 1920—1940; **V. V. Volkov, E. A. Novgoródova.** Expedición histórico-cultural mongolo-soviética. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. **Revistas.** **A. D. Gorskiy.** Hacia el 25 aniversario del descubrimiento de los papeles de abedul. **Reseñas de libros:** «Obreros de Leningrado. 1703—1975». Breve esbozo histórico; **A. F. Chmiga.** Movimiento koljosiano en Ucrania (1917—1929). Ensayos de historia; **S. M. Falkovich.** Proletariado de Rusia y Polonia en la lucha revolucionaria común (1907—1912); **Gracchus Babeuf.** Obras en 4 tomos. Tomo I; **A. B. Chernov.** Sindicatos de la RFA en la lucha por los intereses de los trabajadores. Organización de los sindicatos alemanes en la primera mitad de los años 60; **B. M. Merin.** América Latina: estudiantado y proceso revolucionario; **G. V. Fokeev.** Problemas de la política exterior de la Africa actual; **A. Lins.** Misión a Portugal (Lisboa); «Liberalismo y estado imperialista» (Göttingen) etc. Notas científicas. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 22/X 1976 г.
А 01018. Подписано к печати 3/XII 1976 г. Формат 70×108^{1/16}.
Усл. печ. л. 19,60. Учетно-изд. л. 22,29. Тираж 25 000 экз. Изд. № 3027. Зак. № 2989.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

Бойният път на партизанския отряд «Христо Кърпачев». Сборник. София. Държ. воен. изд-во. 1975. 244 с.

ЛАЗАРОВ К. Незабравими дни. 2-о доп. изд. София. Партиздат. 1976. 256 с.

ОСИННИН Д. Там буря кърши клонове. Пътят на Ботевата чета. 2-о, основно прераб. изд. София. Партиздат. 1976. 201 с.

ПАВЛОВА П. Явки и пароли. София. Партиздат. 1976. 224 с.

DOBÓ A. Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Quas coll. adnotationibusque instruxit Arpadus Dobó. Ed. 4-a aucta et emend. Budapest. In aedibus Acad. scientiarum hung. 1975. 190 p.

JEMNITZ J. A nemzetközi munkásmozgalom az első világháború éveiben 1914—1917. Budapest. Akad. kiadó. 1975. 607. old.

TÓTH I. A romaiai Magyarországon. Budapest. Gondolat. 1975. 241. old.

Budapest. The History of a Capital. Ed. Agnes Ságvári. Budapest. Corvina. 1975. 167 p.

VÕ NGUYEN GIAP. To Arm the Revolutionary Masses to build the People's Army. Hanoi. Foreign Lang. Publ. House. 1975. 232 p.

DANKERT J. u. a. Politik in Westeuropa. Integrationsprozesse vom Ende des zweiten Weltkrieges bis zur Gegenwart. Berlin. Deutscher Verl. der Wiss. 1975. 480 S.

Die Römer an Rhein und Donau. Zur politischen, wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung in den römischen Provinzen an Rhein, Mosel und oberer Donau im 3. und 4. Jahrhundert. Autorenkollektiv: Burkhard Böttger, Gerda von Bülow, Hans-Joachim Diesner u. a. unter Leitung von Rigobert Günther und Helga Köpstein. Berlin. Akademie-Verl. 1975. 517 S.

HOYER S. Das Militärwesen im deutschen Bauernkrieg 1524—1526. Berlin. Militärverl. der DDR. 1975. 250 S.

KUCZYNSKI J. Studien zu einer Geschichte der Gesellschaftswissenschaften. Bd. 2. Berlin. Akademie-Verl. 1975. 212 S.

VOSSKE H. und NITZSCHE G. Wilhelm Pieck. Biographischer Abriss. Berlin. Dietz. 1975. 406 S.

ZIMMERLING Z. Wilhelm Pieck. Geschichte und Geschichten eines grossen Lebens. Berlin. Neues Leben. 1976. 190 S.

CHMIELEWSKI W. i. i. Paleolit i mezolit. Wrocław. i. i. Zakł. nar. im. Ossolińskich. Wyd-wo PAN. 1975. 457 s.

GÓRALSKI Z. Pierwsza Rzeczka niemiecka. Warszawa. KiW. 1975. 404 s.

JACHYMEK J. Oblicze społeczno-polityczne wsi lubelskiej 1930—1939. Lublin. Wyd-wo lubelskie. 1975. 357 s.

KRUKOWSKA M. Jugosławia. Kompozycja i układ całości Jan Hattowski. Wyd. 3. Warszawa. Wiedza powszechna. 1975. 340 s.

MYSLIBORSKI-WOŁOWSKI. S. Rejencja bydgoska a powstanie styczniowe. Warszawa. Lud. spółdzielnia wyd. 1975. 266 s.

MYŚLIŃSKI St. Z jednej menażki. Wyd. 2, popr. i uzupeł. Warszawa. Wyd. wo Min. obrony nar. 1975. 317 s.

Ossoliński J. M. Korespondencja Józefa Maksymiliana Ossolińskiego. Zabr. i oprac. Władysława Jabłońska. Wrocław i. i. Zakł. nar. im. Ossolińskich. Wyd-wo PAN. 1975. XXXIV, 494 s.

ŞANDRU D. Reforma agrară din 1921 în România. Bucureşti. Ed. Acad. RSR. 1975. 357 p.

MELICHAR V. Dějiny Polska. Praha. Svoboda. 1975. 570 s.

Poselstvi z Prahy do Moskvy roku 1589. Praha. Univ. Karlova. 1975. 128 s.

SVECOVA S. Kopanicově sídla a dedina. Národopisná štúdia o spoločenských vzťahoch medzi obyvateľmi jednej slovenskej obce. Praha. Univ. Karlova. 1975. 152 s.

Z tradic slovanské kultury v Čechach. Sazava a Emauz v dějinách české kultury. Uspoř. Jan Petr, Sáva Šabouk. Praha. Univ. Karlova. 1975. 242 s.

ЗОГРАФСКИ Т. Г. и ЗОГРАФСКИ Д. А. КП и ВМРО (Обединета) во Вардарска Македонија во периодот 1920—1930. Скопје. Инст. за нац. историја. 1974. 292 с.

Обичајно право и самоуправа на Балкану и у суседним земљама. Меѓународни научни скуп. Београд. 1971. Зборник радова са меѓународног научног скупа одржаног 1 и 2 новембра 1971. год у Београду. Уред. Ваца Чубриловић Београд. Српска акад. наука и уметности. 1974. XVII, 512 с.

PFIFFIG A. J. Religio etrusca. Mit 175 Strichzeichn. im Text. Graz. Akad. Druck-u. Verl.-Anst. 1975. 426 S.

GIBBON P. The Origins of Ulster Unionism. The Formation of Popular Protestant Politics and Ideology in Nineteenth-Century Ireland. Manchester. Manchester Univ. Press. 1975. 163 p.

GRUN B. The Timetables of History. A Chronology of World Events based on Werner Stein's Kulturfahrplan. London. Thames and Hudson. 1975. (6), 661 p.

HUTT A. British Trade Unionism. A Short History. With Concl. Chapter by John Gollan. London. Lawrence and Wishart. 1975. 265 p.

O'FARRELL P. England and Ireland since 1800. London. a. o. Oxford Univ. Press. 1975. 6, 193 p.

НОВЫЕ КНИГИ

PRATT L. R. **East of Malta, West of Suez.** Britain's Mediterranean Crisis, 1936—1939. Cambridge a. o. Cambridge Univ. Press. London. London School of Economic and Political Sciences. 1975. XIII, 215 p.

JEXLEV Th. **Fra dansk senmiddelalder.** Nogle kildestudier. Odense. Odense Univ. Studies in History and Social Sciences. 1976. 120 S.

DE SANCTIS G. **Atthis. Storia della Repubblica Ateniese dalle origini alle età di Pericle.** Nuova 3-a ed. con le aggiunte dell'aut. Premesa di Silvio Accame. Con doc. ined. Firenze. La Nuova Italia. 1975. XXXVIII, 653 p.

DE SANCTIS G. **Storia dei Greci.** Dalle origini alla fine del Secolo V. Vol. I. XVII, 595, p.; Vol. 2. XIII, 580 p. Firenze. La Nuova Italia. 1975.

Lettere di condannati a morte della Resistenza europea. A cura di Piero Malvezzi e Giovanni Pirelli. Pret. di Thomas Mann. 5-a ed. Torino. Nuova universale Einaudi. 1975. XXIII, 816 p.

ZANIER C. **Accumulazione sviluppo economico in Giappone.** Dalla fine del XVI alla fine del XIX secolo. Torino. Piccola bibl. Einaudi. 1975. XXVI, 331 p.

ANDRÉ-VINCENT Ph. I. **Derecho de los indios y desarrollo en Hispanoamérica.** Madrid. Cultura hispánica. 1975. 186 p.

CARCEL ORTI V. **Política eclesial de los gobiernos liberales españoles (1830—1840).** Pamplona. Univ. de Navarra. 1975. 530 p.

Estudios sobre la ciudad iberoamericana. Francisco de Solano coord. Madrid. Inst. Gonzalo Fernández de Oviedo. 1975. 880 p.

THOMPSON. Th. Ph. **The Politics of Labor.** With an Introd. by Jay Atherton. Toronto—Buffalo. Univ. of Toronto Press. 1975. XXIV, 230, 34 p.

MAGNUS B. **Krosshaugfunnet.** Et forsøk på kronologisk og stilhistorisk plasse-

ring i 5. årh. Stavanger. Stavanger museums skrifter. 1975. 159 s.

O PCP e a luta sindical. (1935—1973). Lisboa. Avante! 1975. 310 p.

SODRÉ N. W. **Brasil: radiografia de um modelo.** 2-a ed. Petrópolis. Vozes. 1975. 181 p.

FLEMMING Th. J. **1776: Year of Illusions.** New York. Norton. 1975. XII, 525 p.

LANGER W. L. **The New Illustrated Encyclopedia of World History.** Ancient, Medieval, and Modern History Chronologically Arranged. Vol. I. New York. Abrams. 1975. XXV, 678 p.

The Story of the Declaration of Independence. Bicentennial ed. Pictures by Hirst Milhollen and Milton Kaplan. Text by Dumas Malone. New York. Oxford Univ. Press. 1975. 288 p.

WEICHMANN L. I. **A True History of the Assassination of Abraham Lincoln and of the Conspiracy of 1865.** Ed. by Floyd E. Risvold. New York. Knopf. 1975. XXXII, 492, XVI p.

LEHMANN J. **Die Hethiter.** Volk der tausend Götter. München u. a. Bertelsmann. 1975. 336 S.

MALLARDE E. **L'Algérie depuis. L'Algérie depuis 1962.** D'une dictature a l'autre. Triomphalism industriel et clochardisation. L'influence américaine. Paris. La Table ronde. 1975. 262 p.

Maquis de Corrèze. Près. Jacques Duclos. 3-e éd. enrichie. Paris. Ed. sociales. 1975. 535 p.

GOURON A. et TERRIN O. **Bibliographie des coutumes de France.** Editions antérieures à la révolution. Genève. Droz. 1975. 297 p.

Historie de Genève. Publ. sous la dir. de Paul Guichonnet. Toulouse. Privat; Lausanne. Payot. 1975. 406 p.

MATZ E. **Sällsamheter i Bohuslän och Dalsland.** En bok om hist. platser, om saga och sägen och litterära miljöer. Stockholm. Rabén and Sjögren. 1975. 272 s.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи, через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному соглашению, обзоры — до 16 стр., рецензии, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

СОЮЗКНИГА ПРЕДЛАГАЕТ ИЗДАНИЯ:

В. И. Ленин, КПСС о повышении жизненного уровня трудящихся. Документы и материалы. Политиздат, 1975. 375 с. Цена 70 к.

Публикуемые в сборнике произведения В. И. Ленина, важнейшие документы партийных съездов, конференций, постановления ЦК КПСС (в полном объеме или извлечениях) убедительно свидетельствуют о том, что повышение жизненного уровня народа — высшая цель политики нашей партии. Сборник снабжен предметно-тематическим указателем. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. Политиздат, 1975. 408 с. Цена 1 р. 58 к.

В наше время научное руководство общественными процессами, принятие ответственных решений в области экономики, культуры и других сферах общественной жизни невозможно без хорошо налаженной системы социальной информации. Ее функции и формы, роль в управлении обществом анализируются в книге, рассчитанной на специалистов и на широкий круг читателей.

Изменения социальной структуры советского общества Октябрь 1917—1920. «Мысль», 1976. 343 с. Цена 1 р. 80 к.

Великий Октябрь изменил социальную структуру России. В книге показано, как происходил этот великий исторический процесс в первые годы Советской власти. Издание предназначено для преподавателей общественных наук, лекторов, пропагандистов.

Научно-техническая революция и социализм. Политиздат, 1973. 366 с. Цена 90 к.

Совместная работа философов, социологов, историков науки и техники СССР и Чехословакии. Книга рассчитана на читателей, интересующихся актуальными проблемами современного общественного развития.

Рогов А. И. Руководство КПСС экономикой зрелого социализма. Политиздат, 1975. 384 с. Цена 1 р. 49 к.

Книга освещает роль партийных организаций в руководстве народным хозяйством, в развитии творческой инициативы и активности трудящихся на современном этапе коммунистического строительства. Книга представляет интерес для изучающих актуальные экономические проблемы социализма.

Уважаемый читатель! Эти издания вы можете приобрести в местных книжных магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу, или заказать по адресу: 127540, Москва, ул. Дубнинская, 16-А, магазин № 194 «Книга — почтой». Заказанные книги будут высланы наложенным платежом по указанному адресу.

Союзкнига